Шла война народная

Партизаны Великой Отечественной

PHOTOS BY ANDREY G AKA DONUT190

ЕДЫГЕНОВ Нури. Предисловие
ЕГОРОВ Алексей. Через все испытания
ФЕДОРОВ А. Ф. Слово о боевом друге
НЕЧАЙ Петр. „Звезда Егорова“
ПРУДНИКОВ Михаил. Из бригады „Неуловимые“
ШАРИПОВ Адий. Их подвиги бессмертны
КАЙСЕНОВ Касым. Ой, Днипро, Днипро!
ШАРУДА Василий. Железняковцы
ЖАНГЕЛЬДИН Токтагали. На Березине
МОРОГОВ Николай. Вадинский партизанский край
СЫДЫКОВ Нурум. Когда приходят письма
ИСАБАЕВ Каллмухан. „Как живется тебе, брат мой?“
НОВИКОВ Павел. Лесными тропами
ДАКЕРОВ Болат. Партизанская быль
КУЗНЕЦОВ Владимир. В партизанской эскадрилье
ЛЕКЕРОВ Аскар. Рассказ о друге
ПОТАПОВ Андрей. Родом из Приртышья
ПОТЕМКИН Михаил. Казахстанцы — партизаны Белоруссии

Шла война народная

Партизаны Великой Отечественной — казахстанцы

Алма-Ата
«Казахстан»
1985

63.3(2)722.5
Ш 68

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Рецензент
доктор исторических наук,
член-корреспондент АН Казахской ССР
М. К. Козыбаев

Под редакцией
Н. Е. Едыгенова,
кандидата исторических наук

Составитель
З. А. Швыдко

Ш 68 Шла война народная: Партизаны Великой Отечественной — казахстанцы./ Сост. З. А. Швыдко.— Алма-Ата: Казахстан, 1985.— 320 с. + 16 с. вкл.

В воспоминаниях, материалах, вошедших в сборник «Шла война народная» и принадлежащих казахстанцам — активным участникам партизанского движения в годы Великой Отечественной войны Героям Советского Союза А. Егорову и М. Прудникову, прославленным партизанам-казахстанцам Т. Жангельдину, К. Кайсенову, А. Шарипову, Н. Сыдыкову, командирам партизанских бригад В. Шаруде, Н. Морогову и другим, рассказывается о ратных делах народных мстителей, истоках великого подвига, мужества и преданности Родине советских людей, их верности знамени революции, интернационализма.

Авторы книги прошли партизанскими тропами по Украине, Белоруссии, Чехословакии, Польше и т. д., прошли через тяжелые испытания, и это придает их свидетельству неповторимую ценность.

63.3(2)722.5

Ш 0505030202—74 / 401(05)—85 47.84

© Издательство «Казахстан», 1985

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемый читателю сборник приурочен к славной исторической дате: 40-летию нашей Победы в Великой Отечественной войне.

Прошли десятилетия, но не блекнет память о великом подвиге советского народа. Более того, все яснее становится, что разгром фашистской Германии, а затем японского милитаризма,— это события всемирно-исторического, глобального значения. Отстояв свободу, честь и независимость своей Родины, советские люди помогли обрести свободу народам всей Европы, устранили реальную угрозу порабощения человечества самыми мрачными силами, которые когда-либо знала история. Это была победа сил мира и прогресса над силами империалистической реакции и войны. Память о ней вдохновляет теперь прогрессивные силы мира на борьбу за мир, против поджигателей новой войны. Именно поэтому в сознании миллионов и миллионов людей, населяющих Землю, растут понимание необходимости решительно встать на защиту мира, убежденность в том, что мир победит войну.

В истории Великой Отечественной и второй мировой войн в целом важное место принадлежит партизанскому движению, олицетворяющему собой всенародный характер борьбы советских людей, а по их примеру и лучших представителей других народов против фашистского рабства. Единство советского народа, его готовность перенести любые лишения во имя Победы являются результатом всесторонней деятельности нашей партии. В постановлении ЦК КПСС «О 40-летии Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов» говорится: «Вдохновителем и организатором победы советского народа явилась ленинская Коммунистическая партия... По ее призыву вся страна поднялась на смертный бой с фашизмом». В этом документе подчеркивается, что значительный вклад в победу над фашистскими захватчиками внесли советские партизаны и подпольщики.

В самый трудный начальный период Великой Отечественной войны ценою огромных потерь врагу удалось оккупировать значительную часть советской территории. Под временной оккупацией оказались Украина, Белоруссия, Прибалтика, Молдавия, Крым, Карелия, ряд областей и районов РСФСР. Однако неудачи Советской Армии, как тяжелы они ни были, не сломили воли советского народа, его стремления отстоять свободу и независимость Родины. Советский народ знал, что в борьбе за правое дело его ведет к Победе ленинская партия коммунистов.

Уже в первые дни войны Центральный Комитет нашей партии издал документ, в котором давалась трезвая оценка сложившейся обстановки и были четко определены задачи всех советских людей — на фронте и в тылу — для достижения победы над врагом. В директиве СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 29 июня 1941 года, в частности, указывалось на необходимость в занятых врагом районах создавать партизанские отряды и диверсионные группы для борьбы с частями вражеской армии, создавать невыносимые условия для врага и его пособников, преследовать и уничтожать их, срывать все их мероприятия. 18 июля ЦК ВКП (б) принял постановление «Об организации борьбы в тылу германских войск», потребовавшее придать борьбе в тылу вражеских войск самый широкий размах и боевую активность. Организация этого дела возлагалась на руководителей республиканских, областных и районных партийных и советских организаций.

Боевой призыв Коммунистической партии нашел живой отклик в массах трудящихся. Летом и осенью 1941 года создавались подпольные партийные и комсомольские организации во временно оккупированных врагом районах, складывались и вели активную борьбу партизанские отряды и группы. Горела земля под ногами оккупантов в степях Украины, лесах Белоруссии, Прибалтики, на захваченных врагом территориях РСФСР и в других районах страны. Они действовали все более организованно, составляя многотысячную армию народных мстителей, состоящую из рабочих и крестьян, подлинных советских патриотов. К концу 1943 года свыше миллиона советских людей активно участвовали в партизанском движении. Народная война развивалась в самых разнообразных формах. Подпольщики и партизаны срывали мероприятия оккупантов по заготовке сельскохозяйственных продуктов, пуску фабрик и заводов, не давали фашистам угонять в рабство советских

граждан. Народные мстители нападали на гарнизоны противника, истребляя оккупантов и их пособников. Они взрывали мосты, железнодорожные составы и пути, выводили из строя линии связи, уничтожали склады с оружием и боеприпасами. Все это деморализовывало тыл противника и сковывало его силы.

В целях координации действий партизан с Красной Армией в мае 1942 года были созданы Центральный (ЦШПД), а позже республиканские и областные штабы партизанского движения.

Одним из ярких примеров взаимодействия Красной Армии с советскими партизанами явился массированный удар по железнодорожным коммуникациям противника («рельсовая война») в период наступления советских войск летом 1943 года. По заданию ЦШПД ощутимые удары по тылам врага нанесли рейдирующие партизанские соединения под командованием С. А. Ковпака, А. Ф. Федорова, А. Н. Сабурова, П. П. Вершигоры, М. И. Наумова, С. В. Гришина, Н. З. Коляды, А. В. Германа, В. З. Коржа, М. Ф. Шмырева и других.

История не знала таких масштабов всенародного партизанского движения. В нем участвовали все слои населения, люди разных возрастов, мужчины, женщины и дети. Ни жесточайший оккупационный режим, ни зверства немецко-фашистских захватчиков, ни лживая и коварная гитлеровская пропаганда — ничто не могло сломить волю советских людей изгнать врага с родной земли.

В упорной борьбе с оккупантами советские партизаны освобождали от гитлеровцев целые районы, восстанавливали там Советскую власть. В глубоком тылу вражеских войск возникали партизанские края — в Ленинградской и соседних с ней областях, в Брянских лесах, в Белоруссии, на Украине. Здесь оборудовались аэродромы и посадочные площадки. Летчики доставляли партизанам с Большой земли боевые грузы, а обратными рейсами вывозили больных и раненых. Поддержка Большой земли вдохновляла партизан на более активную борьбу с оккупантами, усиление эффективности боевых действий, результаты которых становились все более ощутимыми. Достаточно сказать, что за годы войны партизаны уничтожили, пленили и ранили полтора миллиона гитлеровских солдат и офицеров, чиновников оккупационной администрации и их прислужников. Они организовали 21 376 крушений поездов, подорвали 116 бронепоездов, вывели из строя 16 869 паровозов и 170 812 ваго-

нов, уничтожили или вывели из строя 4538 танков и бронемашин, более 2500 орудий разных калибров, разгромили 253 железнодорожных узла и станции, взорвали и сожгли более 2900 крупных складов и материально-технических баз противника, 9644 моста на шоссейных и грунтовых дорогах, вывели из строя свыше 13 тысяч километров линий проводной связи.

В ходе борьбы с немецко-фашистскими оккупантами выдвинулись замечательные организаторы и руководители партизанского движения и подпольной борьбы: С. А. Ковпак, А. Ф. Федоров, А. Н. Сабуров, Т. П. Бумажков, В. И. Козлов, В. З. Корж, А. В. Герман и многие другие.

Ярким примером беззаветной преданности социалистической Родине, верности своему народу, Коммунистической партии вечно будут служить подвиги советских патриотов-партизан З. Космодемьянской, А. Чекалина, Л. Чайкиной, В. Хоружей, К. Заслонова, подпольщиков «Молодой гвардии» (Краснодон), «Партизанской искры» (Николаевская область) и многих других, отдавших свою жизнь за свободу и независимость родной страны.

В борьбе с общим врагом в полной мере проявил себя патриотизм советских людей в сплаве с социалистическим интернационализмом. Плечом к плечу с героическими сынами и дочерьми великого русского, украинского, белорусского, молдавского народов и народов Прибалтийских советских республик, территорию которых временно оккупировал враг, против фашистских захватчиков самоотверженно сражались сыны и дочери всех народов нашей многонациональной Отчизны. Так, в партизанских отрядах и соединениях Украины сражались представители 62 национальностей СССР. Например, в партизанском соединении М. И. Шукаева было 1536 украинцев, 452 русских, 263 белоруса, 31 узбек, 79 казахов, 20 татар и представители других народов. В партизанском соединении дважды Героя Советского Союза С. А. Ковпака активно действовали более 70 казахстанцев, в том числе 56 казахов, а всего в партизанских соединениях и отрядах Украины воевало 1500 казахов.

В рядах народных мстителей Ленинградской области героически сражались более 220 казахстанцев. Только в 15 партизанских бригадах и отрядах Смоленщины воевало более 270 уроженцев Казахстана. Сотни наших земляков мужественно боролись в рядах белорусских партизан. Только в 65 бригадах и отрядах, действовавших в Белоруссии, находилось более полутора тысяч казахстанцев.

Верные партизанской присяге, народные мстители из Казахстана показывали образцы мужества, стойкости и отваги. Многие из них участвовали в подпольных организациях и выступали организаторами народной войны в тылу врага. Так, в конце ноября 1941 года в селе Макеевны Ржищевского района Киевской области по инициативе коммунистов был организован подпольный партизанский центр. В этом деле участвовал бывший учитель, инспектор народного образования Павлоградской области Касым Кайсенов, заброшенный в ноябре 1941 года во вражеский тыл. Уже весной 1942 года коммунисты-подпольщики организовали партизанский отряд, в котором К. Кайсенов стал командиром подрывников, а позже — руководителем одного из отрядов партизанского соединения имени Чапаева. Только в боях на территории Ржищевского, Мироновского, Переяславского и Бориспольского районов им лично было убито 30 вражеских солдат и офицеров. Особенно отличились Касым и его друзья 20—22 сентября 1943 года, когда содействовали частям Советской Армии в форсировании Днепра и удержании плацдарма на его правом берегу. Впоследствии К. Кайсенов организовал новый отряд, вел борьбу с оккупантами на территории Западной Украины и Молдавии. Его боевые заслуги отмечены орденами Отечественной войны I степени, Богдана Хмельницкого III степень и медалями.

Стойко и мужественно сражались среди киевских партизан командир взвода Д. И. Сачава из села Колхозного Карагандинской области, награжденный орденом Ленина, командир взвода П. С. Шленский из Лепешека Талды-Курганской области, награжденный орденом Красного Знамени.

Дмитрий Иванович Сачава в 1942 году после ранения и контузии оказался на захваченной врагом территории. В марте 1943 года он уже сражался в партизанском соединении, действовавшем в Киевской области. Сачава был назначен командиром взвода. В Коростышевском районе его группа пустила под откос три вражеских эшелона с вооружением и военными материалами, уничтожила на шоссейной дороге Житомир — Киев легковую автомашину, в которой ехал немецкий гебите-комиссар, провела ряд успешных диверсий на железной дороге Житомир — Фастов. Диверсионная группа Сачавы неоднократно участвовала в боевых операциях соединения против карательных отрядов противника.

В Дымерском, Бородянском и других районах Киевской области действовал партизанский отряд имени МЮД (ко-

командир отряда Г. К. Голец, комиссар Р. И. Снегуб, начальник штаба П. С. Пщенко). В составе этого отряда сражался и казахстанец Петр Степанович Шленский. Он был призван в армию в 1941 году, окончил военное училище и получил воинское звание младшего лейтенанта. В 1942 году после ранения попал в плен, откуда в мае 1943 года бежал к партизанам. Здесь П. С. Шленский неоднократно отличался в боевых операциях.

Особую отвагу и смелость он проявил 6 октября 1943 года, когда его диверсионная группа взорвала крупный шоссейно-железнодорожный мост через реку Ирпень. 18 октября группа партизан во главе со Шленским захватила возле села Катюжанка Дымерского района автомашину со штабными документами, уничтожив ее охрану: офицера и двух солдат. 8 ноября 1943 года партизанский отряд имени МЮД соединился с передовыми частями Советской Армии.

В борьбе с оккупантами неоднократно отличался кзыл-ординец Д. Байдаулетов из партизанского соединения С. А. Ковпака. Он был разведчиком, пулеметчиком и участвовал во многих боевых операциях в Сумской области, в глубоких рейдах партизанского соединения по Правобережной Украине. По представлениям С. А. Ковпака он был награжден орденом Отечественной войны II степени и медалью «Партизану Отечественной войны» I степени.

В партизанском соединении С. А. Ковпака самоотверженно дрались казахстанцы П. А. Калачев, награжденный медалью «Партизану Отечественной войны» I степени и орденами Отечественной войны обеих степеней (посмертно), Рысмагамбет Ибрагимов, награжденный орденом Отечественной войны II степени, И. Т. Сердюк, М. Кульсентов, Н. И. Чеботарев, П. А. Панов и другие.

Проявили себя настоящими патриотами Родины многие казахстанцы, сражавшиеся в других партизанских соединениях Украины. Среди них можно назвать Жумабая Омарова из Чимкентской области (отряд имени Буденного Ровенского партизанского соединения), награжденного орденом Красного Знамени, И. Темироза (соединение А. Н. Сабурова), отмеченного медалью «Партизану Отечественной войны» I степени, К. Аширбекова, Н. Есентемирова, С. Абишева, В. Сексенбаева, Н. Алимжанова (соединение А. Ф. Федорова), удостоенных орденов и медалей СССР.

В партизанском соединении дважды Героя Советского Союза А. Ф. Федорова проявились большие организаторские способности заместителя командира соединения по диверси-

ционно-подрывной работе алмаатинца Алексея Семеновича Егорова, удостоенного высокого звания Героя Советского Союза. На счету минеров-егоровцев — сотни пущенных под откос вражеских эшелонов, взорванных мостов, складов и т. д. Подрывники А. С. Егорова особенно отличились своими смелыми действиями в «рельсовой войне» во время Курской операции. В июле — августе 1943 года на железнодорожных линиях ковельского и брестского узлов диверсионные группы егоровцев подорвали 274 эшелона, а всего до конца этого года произвели свыше 440 крушений вражеских поездов. Это был ощутимый урон для оккупантов.

Среди бойцов партизанского соединения имени Михайлова, действовавшего в Каменец-Подольской области, смело сражались с оккупантами казахстанцы С. Абдушев, М. Баймагамбетов, А. Жолумбетов, Т. Кенжегалиев, Ш. Турусбеков и другие. Бывший управляющий Казсельэлектро С. А. Алексеенко с апреля 1943 года до апреля 1944-го был секретарем Каменец-Подольского подпольного обкома КП(б) Украины, начальником областного партизанского штаба, командиром соединения партизанских отрядов области. После изгнания оккупантов он остался на Украине на партийной работе.

Среди партизан Украины был и известный казахский поэт Жумагали Сани, являвшийся политруком партизанского отряда, которым командовал капитан Хайрутдинов.

Вот текст боевой характеристики, данной ему в декабре 1944 года:

«Тов. Сани Жумагали, будучи политруком стр. роты 410 сп 102 сд с 28. 12. 1941 г., 1.5. 1942 г. вместе с полком прибыл на фронт в район с. Николаевка; полк имел задачу оборонять города Лисичанск, Пролетарск, Переездное.

7.7. 1942 г. полк вступил в бой, и после 4-суточного неравного боя т. Сани Жумагали как политический руководитель роты до последнего времени был непосредственно на передовой. Рота выдержала в течение 4-х суток 11 контратак немцев. Не имея связи с полком, а следовательно, не зная общей обстановки, рота на пятые сутки с остатками батальона оказалась в окружении... Всего было 157 чел. с вооружением и даже с двумя батальонными минометами...

Тов. Сани как политрук роты сумел [убедить] бойцов и командиров своей роты без малейшего колебания добровольно перейти на партизанский метод борьбы, что и было сделано.

А с 10 августа 1942 г. уже официально был сформирован

...армейский партизанский отряд, в котором т. Сани ...политическим руководителем роты...

...ов Сани в партизанском отряде был с 10 августа 1942 ... по день соединения с частями Красной Армии, т. е. до ... 1943 г. Показал себя как лучший политический руко... ...итель и командир, а также показал себя в боевых опе... ...ниях:

1. По разгрому комендатуры в с. Торское с ротой, ру... ...ководя сам лично, показал стойкость и умение в разгроме ...ецкой комендатуры.

При этом было убито 4 немца и 11 полицейских.

2. В с. Чабановка, также при его командовании, была ...еребита полиция в составе 6 человек и 2 немца; отряд, на... ...ходясь в лесу, зимой 1942/43 г. до соединения с частями ...расной Армии выдержал 11 боев, где г. Сани проявил се... ...бя лично как боевой командир...

Начальник штаба Красноармейского партизанского от...ряда им. капитана Хайрутдинова

Соболев-Кузьмин Митрофан Романович

21. 12. 1944 г.»

Впоследствии Ж. Сани написал большой цикл стихотворений о героических подвигах партизан. В них подчеркивается братская дружба казахского, украинского и русского народов в тяжелые годы войны.

В ноябре 1943 года в районе городов Луцк, Ковель и Сарны действовал партизанский отряд имени Чапаева под командованием Гринько. Заместителем его был А. Жумагалиев, прибывший из Алма-Аты по специальному заданию. Отряд совершал множество боевых операций и принимал участие в освобождении Львова. Вместе с Жумагалиевым здесь действовали его земляки Х. Казыбаев и С. Мусаханов.

Доблестно сражались партизаны-казахстанцы на территории братской Белоруссии. В партизанском отряде, созданном уже 25 июня 1941 года и обосновавшемся в Старосельском лесу Жабинковского района Брестской области, сражались девять патриотов из Казахстана. Отряд своими смелыми действиями нанес немалый ущерб оккупантам. Партизаны пустили под откос 138 вражеских эшелонов, уничтожили 60 автомашин, 77 железнодорожных и шоссейных мостов.

Одним из основателей этого отряда был коммунист Нур... Сыдыков, уроженец Нарынкольского района Алма-

Атинской области. Он служил в Бресте и здесь на рассвете 22 июня 1941 года начал свой боевой путь, а спустя три дня, оказавшись в тылу врага, стал партизаном, вырос от рядового подрывника до командира роты. В его боевой характеристике говорится: «Товарищ Сыдыков — самый отважный подрывник... На своем личном счету имеет три спущенных под откос вражеских эшелона и 65 убитых фашистских солдат и офицеров. Рота Сыдыкова подорвала 78 вражеских эшелонов с живой силой и техникой, уничтожила 16 автомашин, три железнодорожных моста, около трех тысяч метров железнодорожного пути. Н. Сыдыков находился в рядах партизан до 28 июля 1944 года, когда отряд соединился с регулярными частями Советской Армии. Его боевые заслуги отмечены орденами Красного Знамени, Отечественной войны II степени, Красной Звезды и медалями.

Командиром взвода в отряде имени Чапаева был Хамид Немагулов из Шучинского района Кокчетавской области. Он участвовал в 25 боевых схватках с врагом, на его счету 70 уничтоженных гитлеровцев. Однако пуля оборвала жизнь молодого патриота. Боевые товарищи, партизаны Белоруссии, увековечили его память. Портрет славного сына казахского народа занимает одно из почетных мест в Музее Великой Отечественной войны в Минске.

Храбрыми воинами показали себя земляки Н. Сыдыкова — М. Ф. Стрельников, П. А. Булаев, А. Даниляров, И. А. Ерошенко, К. Темирханов, Е. Балабеков.

Крупным очагом партизанского движения был Освейский район Витебской области. Одной из групп подпольщиков, возникших здесь в самом начале войны, руководил коммунист Галим Ахмедьяров. Он встретил первый день войны будучи командиром взвода 4-го полка 98-й стрелковой дивизии, участвовавшей в боях у Дриссы и Десны. Под Невелем Г. Ахмедьяров был контужен и ранен, попал в плен. Едва оправившись, он бежал из лагеря и обосновался в Колопанской волости у латышского крестьянина. Здесь он связался с подпольщиками Освейского района и стал активным участником их деятельности, а затем и командиром группы партизан. Вскоре группа Ахмедьярова влилась в отряд И. К. Захарова. В официальном документе говорится: «Тов. Ахмедьяров Галим Ахмедьярович добровольно пришел в группу т. Захарова в апреле 1942 года. Он один из организаторов партизанского движения в Освейском районе». Отряд Захарова быстро разросся в бригаду, состоящую из пяти отрядов. Г. Ахмедьяров возглавил здесь отряд имени

[illegible]. Благодаря опыту и организаторским спо-
[illegible] к январю 1943 года в нем насчитыва-
[illegible] человек. Здесь храбро сражались казахстанцы
[illegible] Н. Кулумбаев и Р. Кайреддинов, присланные сюда из-за
[illegible] фронта.

Отряд имени Орджоникидзе активно участвовал в «рельсовой войне». С [illegible] 1942 года по декабрь 1943 года он уничтожил 309 немецких солдат и офицеров, вывел из строя 150 автомашин противника, пустил под откос 25 вражеских эшелонов с живой силой и техникой, причем четыре из них на счету Н. Кулумбаева — Р. Кайреддинова. В феврале 1944 года Г. Ахметьяров был назначен начальником штаба партизанской бригады имени Фрунзе. На этой должности он проявил себя отличным организатором и тактиком. Боевые подвиги Г. Ахметьярова отмечены орденом Ленина, шестью другими орденами и медалями.

Поистине бессмертный подвиг совершил актюбинский учитель Федор Федорович Озмитель. Он был призван в армию в сентябре 1939 года, стал пограничником. Будучи курсантом военного училища, летом 1941 года сражается с гитлеровцами под Ленинградом и Москвой. В феврале 1942 года старший лейтенант Ф. Ф. Озмитель возглавил группу воинов Отдельной мотострелковой бригады особого назначения, направленных в тыл врага со специальным заданием. Эта группа вскоре вырастет в отряд «Грозный», наносивший противнику ощутимые удары. Отряд действовал в треугольнике Витебск — Орша — Смоленск. Только за год пребывания в тылу врага он пустил под откос 27 вражеских эшелонов с живой силой и техникой, уничтожил шесть танков, 14 тракторов, 15 грузовых автомашин.

Осенью 1942 года Озмитель вернулся на Большую землю, а с мая 1943 года снова сражался в тылу врага на территории Минской области. В июне 1944 года в районе озера Нарач гитлеровцам удалось окружить несколько партизанских отрядов. Партизаны сражались небывало стойко, но их положение становилось критическим. Оставалось одно — прорыв. 15 июня Ф. Озмитель и Б. Галушкин повели ударные группы. В ожесточенных боях партизанам удалось прорвать кольцо окружения, но Ф. Озмитель и Б. Галушкин были тяжело ранены. Истекая кровью, они продолжали прикрывать огнем партизан, прорвавшихся из окружения. Кончились боеприпасы, и каратели бросились на [illegible]. Озмитель и Галушкин последней гранатой подорва-
[illegible].

ли себя и группу фашистов... Обоим посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Грозой для немецких оккупантов и их прихвостней был партизанский отряд особого назначения имени Дзержинского, которым командовал сначала Павел Кочуевский, а затем казахстанец Николай Васильевич Зебницкий. Отряд действовал на территории Могилевской и Гомельской областей, на Черниговщине и в Клетнянских лесах Орловской области. На боевом счету отряда сотни убитых гитлеровцев, десятки уничтоженных вражеских эшелонов с живой силой и техникой, ценнейшие разведывательные данные, добытые для Советской Армии. За проявленное геройство, умелое и оперативное выполнение заданий командования во вражеском тылу Н. В. Зебницкий был удостоен звания Героя Советского Союза.

Многих гитлеровцев настигли пули бойцов 425-го краснопартизанского полка, действовавшего в Кировском и Быковском районах Могилевской области. Среди организаторов и руководителей этого полка были казахстанцы Ф. Ф. Сухов и Г. К. Омаров. Партизанским полком Ф. Ф. Сухова был взорван 21 эшелон противника, разгромлено 32 гарнизона и волостных управления оккупантов, убито и ранено 4058 вражеских солдат и офицеров и 886 изменников и полицейских, уничтожено 96 километров линий связи, более ста автомашин и много другой техники.

Стойким патриотом-коммунистом показал себя Галим Кусаннович Омаров. Отечественная война застала его в Брестской области, где он проходил действительную военную службу. Во время боев в районе Василы и Брянковичи Г. Омаров оказался в тылу врага. Здесь он связался с подпольщиками Быковского района, с помощью которых организовал партизанский отряд. Вскоре подпольный райком партии направил Г. Омарова и других коммунистов в отряд Н. Куракина. В мае 1942 года отряд Н. Куракина слился с отрядом Ф. Сухова, а в августе 1943 года был создан 425-й партизанский полк, командиром которого стал Ф. Сухов. Здесь Г. К. Омаров вырос от командира взвода до помощника начальника штаба полка.

Во многих боевых операциях участвовал Г. Омаров. Так, 30 июля 1942 года он с группой из восьми человек на участке железной дороги Могилев — Жлобин пустил под откос воинский эшелон противника с живой силой и техникой. 3 сентября 1943 года в день операции «рельсовая война» группа Омарова уничтожила 189 рельсов. 30 ноября 1943 го-

года он руководил операцией по разгрому карательного отряда в селе Городец. Выполнив эту задачу, партизаны спасли от истребления 76 жителей села.

Г. К. Омаров был тяжело ранен и контужен, но оставался в строю, постоянно проявляя воинское умение, личную храбрость и отвагу. Он награжден орденами Красной Звезды и Отечественной войны II степени, медалью «Партизану Отечественной войны» I степени и другими.

Активное участие в организации партизанского движения в Минской области принимал коммунист Валий Бальджанович Уразбаев — бывший начальник походной типографии 2-й стрелковой дивизии. В Борисовском районе В. Уразбаев, установив связь с подпольщиками, организовал вооруженную группу патриотов, которая вскоре слилась с группой капитана П. Дербака. Так сложился партизанский отряд «Большевик», вошедший в состав бригады имени Щорса. Василий Борисович — так называли Уразбаева его боевые товарищи — стал комиссаром отряда.

За время пребывания в тылу врага комиссаром отряда, читаем мы в одной из характеристик, «Уразбаев добился следующих успешных результатов в борьбе с немецкими захватчиками. Отрядом уничтожено: эшелонов — 36, паровозов — 32, вагонов с живой силой противника — 121, вагонов, платформ с техникой и другим военным грузом, цистерн с горючим — 169, автомашин — 31, убито бургомистров, полицейских, немецких солдат и офицеров — 1974, ранено 1211 солдат и офицеров. За все время под личным руководством тов. Уразбаева проведено 98 боевых результативных операций...»

Боевые заслуги партизанского комиссара отмечены орденом Отечественной войны I степени и медалью «Партизану Отечественной войны» I степени.

По соседству с партизанской бригадой имени Щорса действовала бригада «Дядя Коля», известная своими успехами в борьбе, она наводила панический страх на гитлеровцев. В ее рядах героически сражались народные мстители из Казахстана Т. Жангельдин, Е. Сагинов и Н. Л. Бондаренко.

Когда советские войска Западного фронта, ведя тяжелые оборонительные бои, вынуждены были отступить в глубь страны, командир взвода Токтагали Жангельдин был ранен, попал в госпиталь в местечке Смолевичи и оказался в тылу врага, так как раненых не успели эвакуировать. Его приютили и выходили белорусские колхозники. Едва опра-

вившись от рай, Токтагали установил связь с подпольщиками, затем командовал подразделением в партизанском отряде «Коммунар»— одном из тех, на базе которых была создана бригада «Дядя Коля».

Т. Жангельдин стал закаленным партизаном, участвовал во всех боевых операциях отряда и бригады. Будучи членом подпольного Борисовского городского комитета комсомола, Т. Жангельдин неустанно проводил политическую работу среди партизан и местного населения. Вскоре он был выдвинут на должность заместителя комиссара бригады по комсомольской работе. Личная храбрость снискала ему любовь молодых партизан, показывавших образцы героизма. Одним из таких молодых патриотов был Елеу Сагинов, на личном счету которого шесть уничтоженных вражеских эшелонов. В одном из боев в июле 1911 года Е. Сагинов погиб смертью героя.

Славными боевыми подвигами снискали любовь и уважение белорусского народа казахстанцы, сражавшиеся в рядах 8-й партизанской бригады под командованием полковника С. Жунина, действовавшей в Могилевской, а потом в Брестской области. В бригаде было 35 казахстанцев. Был в их числе Аким Шакирович Айсаев, служивший перед войной на 5-й заставе 88-го погранотряда на западной границе. Будучи раненым, он оказался в тылу врага. В марте 1942 года А. Айсаев вступил в партизанскую группу С. Г. Жунина и активно включился в дело формирования и дальнейшего укрепления партизанского отряда, а затем бригады. Он являлся уполномоченным особого отдела бригады, работал начальником особого отдела 30-го отряда. Боевые заслуги А. Айсаева отмечены орденами Отечественной войны II степени, Красной Звезды, медалью «Партизану Отечественной войны» I степени.

Радисткой 8-й бригады была комсомолка Нурганым Байсеитова, заброшенная сюда после окончания специальных курсов. Молодая партизанка выполняла не только обязанности радистки, но и поручения по разведке, не раз участвовала в боях. Она удостоена ордена Красной Звезды. Храбро сражалась в отряде «Большевик» и комсомолка Тургаш Джумабаева. Начало войны застало ее в местечке Логойск Минской области. Ее муж, кадровый офицер Кажигитов, сразу же оказался на фронте. Семьи командиров, в том числе и Т. Джумабаева, не успели эвакуироваться. И стала Тургаш партизанкой. За мужество и отвагу она

награждена медалью «Партизану Отечественной войны» I степени.

Храбрыми партизанскими командирами показали себя наши земляки Н. К. Глуховский (отряд имени Фрунзе, действовавший в Витебской области), М. Хасенов (отряд имени Калинина Пинская область), М. А. Зотин, начальник штаба 1-й Белорусской партизанской бригады и другие.

Одним из крупных районов партизанского движения в тылу врага была Смоленская область. Вместе с трудящимися Смоленщины в борьбе с оккупантами участвовали представители 45 национальностей, в том числе немало казахстанцев. Только во 2-й Клетнянской партизанской бригаде было 19 наших земляков, в партизанском полку имени С. Лазо — 40, в особом партизанском соединении «Тринадцать» — 48.

Трудный и славный боевой путь по тылам врага прошел Адий Шарипов — младший лейтенант, командир взвода воинской части, встретившей врага 22 июня близ Белостока. Менее месяца спустя полк оказался в окружении. А. Шарипов с группой бойцов продолжал борьбу с врагом партизанскими методами в Мухинских лесах (Ершичский и Рославльский районы Смоленской области). Весной 1942 года отряд А. Шарипова влился во 2-ю отдельную Клетнянскую партизанскую бригаду, где командовал взводом, являлся секретарем комитета ВЛКСМ отряда, а с марта 1943 года — секретарем комсомольского комитета бригады. Вот как характеризовали его в бригаде: «Тов. Шарипов за период пребывания в партизанском отряде показал себя смелым, решительным и отважным командиром-коммунистом. Являлся одним из организаторов партизанского отряда им. Озерцова в сентябре 1941 года, вложил много энергии в сколачивании, вооружении и росту отряда. Участвовал во многих боевых операциях, проводимых отрядом и бригадой, где показал себя истинным патриотом нашей Родины».

Храбрыми воинами показали себя и другие казахстанцы: Жылбек Агадилов, Искак Утебаев, Мажит Муканов, Абдыгалий Тулегенов, Кабыш Ахметов и другие. Командиром 2-й роты 1-го батальона был лейтенант Жылбек Агадилов, служивший перед войной в одной из кавалерийских частей под Белостоком. 2 июля 1941 года часть оказалась в окружении. Вместе с группой бойцов Агадилов вступил в партизанский отряд, который впоследствии влился во 2-ю Клетнянскую бригаду. Здесь судьба свела его с женой Жамал Агадиловой, которая, не успев эвакуироваться в тыл,

долго искала связи с партизанами. Вскоре они оказались в зоне действий отряда Т. М. Коротченко. Здесь, в партизанском лагере, Жамал родила дочь. Молодая мать и маленькая «партизаночка» Майя были окружены заботой партизан и местного населения. Теперь Жылбек Агачилов стал партизанить вместе со всей семьей. Он участвовал в 12 крупных боевых операциях, показывая мужество, стойкость и умение руководить боем. «За время пребывания в отряде,— говорится в его боевой характеристике,— тов. Агачилов показал себя дисциплинированным, выдержанным, морально устойчивым командиром». Он награжден орденом Красной Звезды и медалями.

В историю героической борьбы советского народа за свободу и независимость нашей Родины в годы Великой Отечественной войны яркую страницу вписали партизаны Подмосковья, Ленинградской, Калининской, Орловской и других областей, где также доблестно сражались казахстанцы. Так, в 1941 году в отряде имени Героя Советского Союза Лизы Чайкиной отважно действовал бывший учитель Наумет Кошекбаев. После освобождения Калининской области он вернулся в ряды Советской Армии, участвовал в освобождении Украины и Польши, в штурме Берлина.

Показали себя стойкими бойцами в рядах ленинградских партизан кзылординец Ахмет Сыдыков, командир 1-го партизанского полка, комсомолец-разведчик К. Утенов, командир роты кустанаец П. В. Антинов, алмаатинец К. Сандыбаев и другие.

Героическая борьба советского народа против гитлеровской Германии в годы Великой Отечественной войны с самого начала получила огромное интернациональное значение, послужив вдохновляющим примером для развертывания антифашистской и национально-освободительной борьбы в оккупированных гитлеровцами странах Европы.

Выполняя свой интернациональный долг, советские люди оказывали непосредственную помощь народам Восточной и Юго-Восточной Европы в активизации партизанской борьбы. Советский Центральный штаб партизанского движения оказывал большую помощь партизанам Польши, Чехословакии, Венгрии и других стран. В частности, сюда были заброшены опытные организаторы партизанской войны. Так, закаленный во многих боях в тылу врага на территории Украины и Молдавии Касым Кайсенов был заброшен на территорию Румынии и Чехословакии, где он организовал партизанский отряд, оказал помощь в изгнании гитлеровцев

из этих стран. Алмаатинец Алексей Семенович Егоров, прошедший славный боевой путь в составе партизанского соединения А. Ф. Федорова, в начале августа 1944 года был заброшен в Словакию. Бригада Героя Советского Союза А. С. Егорова, сыграла важную роль в Словацком национальном восстании. Такую же помощь оказала Советская страна героической борьбе польских трудящихся, куда были заброшены такие опытные воины, как С. О. Тулешев, П. Супрунов, Сарсенгалиев, А. Г. Акимин и другие.

Сотни советских военнопленных, в том числе и казахстанцы, бежали из неволи и принимали активное участие в освободительной борьбе народов Франции, Италии, Бельгии, Югославии, Греции и других стран Европы. В рядах борцов движения Сопротивления только трех стран — Франции, Италии и Бельгии — стойко и мужественно сражались 180 казахстанцев.

* * *

О борьбе советского народа в тылу фашистских оккупантов создана обширная литература различных жанров — научная, научно-популярная, мемуарная. Опубликовано также значительное количество документальных сборников, представляющих большой интерес для дальнейшей разработки темы.

Участие казахстанцев во всенародной партизанской войне в тылу врага вкратце описывается в пятитомной «Истории Казахской ССР» (том 5, глава IV). Ценные сведения о наших земляках-партизанах дает двухтомный сборник документов и материалов «Казахстан в период Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945 годов» (Алма-Ата, 1964, 1967).

Значительную работу проделали сами участники народной партизанской войны. Ими написан и опубликован ряд сборников воспоминаний и рассказов о советских партизанах, дневники и документальные повести. В их числе книги Т. Жангельдина «Дневник партизана» (Алма-Ата, 1965) и «Партизанские походы» (Алма-Ата, 1969); К. Канеева «Из когтей смерти» (М., 1962), «Партизанской тропой» (Алма-Ата, 1970); «Народные мстители» (Алма-Ата, 1978), «Партизаны Переяславля» (Алма-Ата, 1958). Известен сборник «Партизаны-казахстанцы» (составитель К. Кайсенов, Алма-Ата, 1965); книги Н. Кушекбаева «Друзья по оружию» (Алма-Ата, 1973), А. Погорелова «Партизанская слава» (Алма-Ата, 1968), А. Шарипова «Дочь партизана»

(Алма-Ата, 1965), «История одного полушубка» (М., 1971) и «Фронтовые повести» (Алма-Ата, 1982). Эта тема освещена и в сборниках «По путям-дорогам фронтовым» (составители П. Велан и Н. Колточник, Алма-Ата, 1965), «Майдан жолдары» (составители Т. Балакаев и М. Машаков, Алма-Ата, 1965) и других.

Опубликованы научные очерки и статьи, в которых исследуется героическая деятельность партизан-казахстанцев. Это работы П. Едыгенова: «Участие казахстанцев в партизанском движении в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны» (Алма-Ата, 1972), «Подвиги партизан-казахстанцев» (в книге «Казахстан в Великой Отечественной войне» вып. 1, Алма-Ата, 1968), «В тылу врага» (в журнале «Казакстан әйелдері», 1965, № 5); Т. Балакаев, П. Едігенов «Партизан козғалысының артистерлері» («Казакстан коммунисі», 1965, № 4), М. Козыбаев, Б. Рахматуллин «Равнение на коммунистов» (Алма-Ата, 1977) и другие.

Однако многие подробности участия казахстанцев в этой небывалой по своему масштабу народной войне все еще мало известны. И не все имена бесстрашных ветеранов партизанского движения занесены в ее неоконченную еще летопись... Но поиск продолжается. Много историков, журналистов, писателей, энтузиастов краеведов и пионеров из кружков красных следопытов принимают участие в этом нелегком, но благородном деле.

В данном сборнике открываются ранее неизвестные имена героев-казахстанцев, малоизвестные или совсем неизвестные доселе подробности и факты. К таковым относятся воспоминания прославленного руководителя подрывников А. Егорова, командиров партизанских бригад В. Шаруды, Н. Морогова и других.

Тысячи наших земляков, как и многие другие представители всех народов нашей многонациональной Родины, оказавшиеся волею судьбы в тылу врага, героически, не щадя своей крови и самой жизни, выполняли свой долг, сражаясь в партизанских отрядах и соединениях за дело Победы, в которую свято верили даже в самые тяжелые для советского народа дни. Их подвиги бессмертны. Знать и помнить героев поименно — вот к чему мы стремимся.

Само собой разумеется, что в рамках одной, даже сотен книг эту задачу выполнить невозможно. Материалы данного сборника не претендуют на полноту.

Важность этой работы невозможно переоценить, ибо пример отцов и дедов учит все новые поколения молодежи

верности Родине и ее славному авангарду — партии Ленина, учит мужеству и стойкости в борьбе за сохранение мира на земле. Это особенно важно в наши дни, когда затеянная империалистами США и их союзниками гонка вооружений грозит миру новой войной, вселенской трагедией ядерной катастрофы.

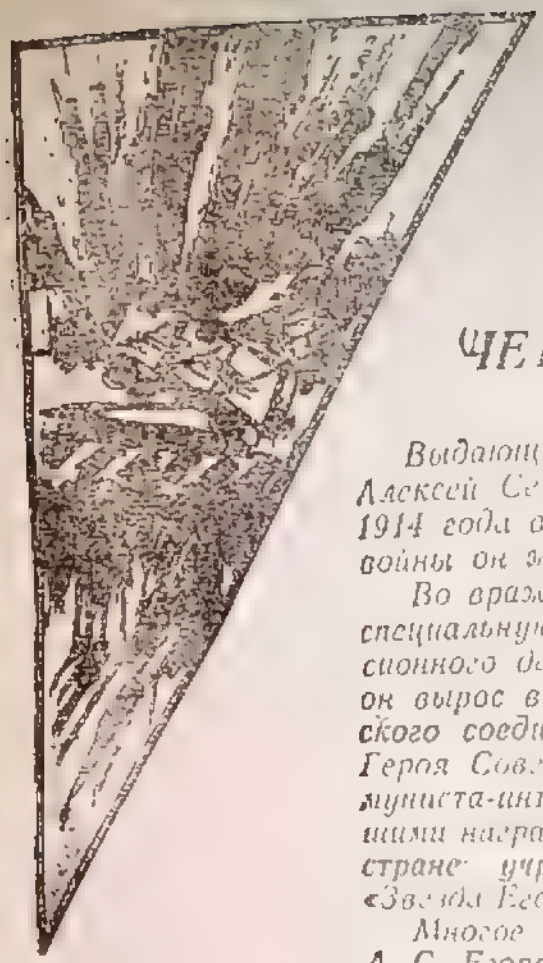
Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ М. С. Горбачев в своей речи на внеочередном мартовском (1985 г.) Пленуме ЦК КПСС, анализируя современную международную обстановку, сказал: «Никогда прежде над человечеством не нависала столь страшная угроза, как в наши дни. Единственный разумный выход из создавшегося положения — это договоренность противостоящих сил о немедленном прекращении гонки вооружений — прежде всего ядерных — на Земле и недопущении ее в космосе»[1].

Поэтому мы не вправе забывать уроки прошлого. «Непреходящее значение имеют уроки Великой Отечественной войны,— сказано в постановлении ЦК КПСС «О 40-летии Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов».— Главный из них состоит в том, что против войны надо бороться, пока она не началась. Исторический опыт учит: для того, чтобы отстоять мир, нужны сплоченные, согласованные и активные действия всех миролюбивых сил против агрессивного, авантюристического курса империализма. Необходимо повышать бдительность народов, беречь и приумножать завоевания социализма».

Нури Едыгенов,
кандидат исторических наук

[1] Правда, 1985, 12 марта.

АЛЕКСЕЙ ЕГОРОВ,
Герой Советского Союза



ЧЕРЕЗ ВСЕ ИСПЫТАНИЯ

Выдающийся деятель партизанского движения Алексей Семенович Егоров родился 23 ноября 1914 года в Андижане. С 1929 года и до начала войны он жил, учился и работал в Алма-Ате.

Во вражеские тылы А. С. Егоров, получивший специальную подготовку на курсах минно-диверсионного дела, был заброшен в 1943 году. Здесь он вырос в командира прославленного партизанского соединения. Родина удостоила его звания Героя Советского Союза, подвиги славного коммуниста-интернационалиста отмечены также высшими наградами правительства ЧССР. В братской стране учрежден почетный нагрудный знак «Звезда Егорова».

Многое написано об удивительной жизни А. С. Егорова. Сам же он не успел закончить книгу своих воспоминаний, ранняя кончина настигла его 16 апреля 1970 года... В этой книге мы помещаем публикации А. С. Егорова разных лет, собранные кандидатом исторических наук И. С. Белиным, а также отрывки из книги П. Нечая «Звезда Егорова», опубликованной Воениздатом в 1975 году, и предисловия дважды Героя Советского Союза А. Ф. Федорова.

ВЕЧЕРОМ ВЫЛЕТАЮ

В Москве в штабе партизанского движения получены все указания и разъяснения. Вечером вылетаю.

День выдался хороший, солнечный. Почки на деревьях распускаются прямо на глазах. И на душе радостно: кончились дни, когда мучило сознание того, что идет самая страшная в истории человечества война, а я лишен возможности непосредственно участвовать в защите Родины, в борьбе за правое дело.

Аэродром Монино. Крылатая машина готова. Она битком набита грузами. С трудом добираюсь до оставленного для меня места. Перегруженный самолет долго разбегается,

легкий толчок — и мы в воздухе. К иллюминатору не дотянуться. Вижу только плотно уложенные мешки с минами, детонаторами, толом. Думаю: это мое хозяйство. Вернее, не мое, а партизанское. «Багаж» следует со мной к далекому месту назначения... Думаю о тех, кто ждет меня во вражеском тылу, о партизанах, самоотверженных народных мстителях, подвергающихся каждый день и час смертельной опасности. Скоро я смогу разделить ее с партизанами. Без этого не было бы мне покоя.

Прошли часы... Не одну сотню километров пролетели над территорией, занятой фашистами. Пока все идет благополучно. Даже над линией фронта не обстреляла нас зенитная артиллерия. И вражеские истребители не беспокоят... Вдруг самолет качнуло, сразу же прижало меня к спинке сиденья — летчик резко направил машину к земле. В темноте за иллюминатором, к которому мне не дотянуться, промелькнул пунктир трассирующих снарядов: настиг нас все-таки «мессершмитт»!

А пилот наш — не новичок. Прижал тяжелую машину к земле и ушел от преследования. Потерял нас «мессер». Угроза миновала. И какая! Ведь попади хоть один снаряд в наш «багаж», и машину мгновенно разнесло бы взрывом... А думалось об одном: нельзя нам потерять свой груз, который давно ждут партизаны...

Полет продолжался на малой высоте. Путь окончен. Пора проститься с экипажем. Люк открыт. Шагнул в темноту, и сразу швырнуло меня вниз. Рывок — и я мягко повис в воздухе. А спустя минуту мои полусогнутые ноги коснулись земли.

Темно, хоть глаз выколи. Чувствую, как прогибается под ногами почва. Болото. Освобождаюсь от парашюта и осторожно, с кочки на кочку, выбираюсь на сушу.

Куда идти — неизвестно. А надо спешить, разыскать партизан, пока не рассвело, иначе можно и в лапы врага угодить. С воздуха я видел костры, а где они сейчас? Курс, которым шел самолет, мне известен, расстояние, на которое меня отнесло от запланированной точки,— тоже, компас при мне. Сориентировался и пошел. Оказавшееся на пути село пришлось обойти.

Иду уже несколько часов, но останавливаться нельзя — скоро утро. Нет-нет, а мелькнет назойливая мысль: правильно ли иду? Не заблудился ли?..

Нет, не заблудился! Вот они, костры! Зажженные специально для меня.

— Стой! Кто идет?

— Свои!

— Посмотрим, что за свои...

Ко мне подходят двое, незаметно отделившись от деревьев. Называю пароль. Меня ведут к костру. Вокруг него сидит около десятка партизан, одетых в фуфайки, полушубки, телогрейки, с красными ленточками на шапках.

— Мы ждем какого-то командира. Но кто вы, в штабе разберутся, а пока отдыхайте...

Захотелось курить. Я достал пачку махорки, и все потянулись ко мне. Пустил пачку по рукам: курите, мол, на здоровье. Начал дремать, но с непривычки часто просыпался. Открою глаза, а на меня двое посматривают. Бдительные ребята...

К утру доставили в штаб партизанского соединения. Меня приняли командир соединения Федоров, комиссар Дружинин и начальник штаба Рванов. Докладываю:

— Старший лейтенант Егоров прибыл в ваше распоряжение.

Знал Алексей Федорович, что я назначен к нему заместителем по минно-подрывному делу, поэтому долго смотрел на меня внимательным, а может быть и критическим взглядом. Наверное, показался ему слишком молодым и тощим... Но, конечно, разговорились. Сначала подробно — о деле. А потом уж о жизни на Большой земле.

— Как Москва?

— Хороша и сурова,— говорю.— Как и подобает столице воюющей страны.

* * *

Соединение Федорова перед дальним рейдом располагалось в «Партизанском крае», где действовало соединение Александра Николаевича Сабурова. У реки Уборти раскинули лагерь. Перед командованием Черниговского соединения Центральный штаб партизанского движения поставил задачу выйти в Волынь, достичь Ковельского железнодорожного узла, осадить его и не дать противнику использовать железнодорожные коммуникации для подброски войск и снаряжения к фронту. Был создан Волынский подпольный обком партии во главе с Алексеем Федоровичем Федоровым. Соединение с боями форсировало Днепр, достигло «Партизанского края» и теперь было занято подготовкой к выполнению новой задачи. Боеприпасы, прибывшие со мной, подоспели вовремя. Для «рельсовой войны» нужны

специалисты. Поэтому подпольный обком партии и командование соединения решили обучить минно-подрывному делу не менее трехсот человек. Профессия не из простых, и подбору этих кадров оказывалось большое внимание. В подрывники выделялись коммунисты и комсомольцы из числа самых опытных и отважных партизан.

Одному человеку нельзя обучить минному делу сразу сотни людей, поэтому я решил сначала подготовить инструкторов, которые, в свою очередь, приступят к обучению своих групп.

Люди не только знакомились с устройством и принципом действия мин. Они овладевали техникой их изготовления, учились устанавливать мины и маскировать их. Учились и умению скрытно добираться до железнодорожного полотна, тщательно охранявшегося гитлеровцами. Словом, это была не кабинетная учеба, а настоящая боевая, очень трудная, требующая большого умственного и физического напряжения.

Разобрав расположенную неподалеку узкоколейку, мы притащили рельсы и шпалы в расположение лагеря и построили свою «железку», а старый мост через реку Уборть превратили в учебный. В то время, когда специально выделенные партизаны усиленно охраняли «дорогу» и мост, будущие подрывники подбирались к ним и минировали их. Те, кому удавалось это сделать, могли считаться готовыми специалистами.

В разгаре учебы к нам прибыли товарищ Демьян — секретарь ЦК КП (б)У — Демьян Сергеевич Коротченко, начальник Украинского штаба партизанского движения генерал-лейтенант Строкач и его заместитель полковник Старинов. Они решили познакомиться с ходом подготовки к рейду.

Помню, приехали на наш «полигон» верхом на лошадях генерал-лейтенант Строкач и полковник Старинов, их сопровождали представители командования соединения. Тем не менее наша сторожевая охрана задержала их и вызвала меня. Дело в том, что подступы к мосту и узкоколейке были заминированы, остались отдельные свободные от мин проходы, по одному из которых я и вывел к нашим объектам партизанских военачальников. Они осмотрели все, похвалили нас и уехали. А к полудню меня вызвал к себе товарищ Демьян и, улыбаясь, сказал:

— У вас здесь настоящая партизанская академия...

При содействии Демьяна Сергеевича к нам зачастили

самолеты с боеприпасами и с подрывным снаряжением. Подготовка к выходу в рейд ускорилась.

Когда все было готово, меня вызвали в штаб.

— Вы, товарищ капитан, со своими подрывниками хорошо овладели саперным делом,— сказал командир соединения Федоров,— командование поручает вам подобрать отряд из самых подготовленных людей и идти в авангарде соединения. Ваша задача — проложить путь через болота, строить мосты через речки по всему пути следования в новый район боевых действий.

Когда подрывники узнали о новом задании, они не скрывали своей гордости. Это и понятно, ведь за все наше пребывание на Уборти мы только один раз пробовали силы.

Километрах в пятидесяти от нас, в Скригалове, располагался фашистский гарнизон. Разведка донесла, что в нем имеются большие продовольственные запасы. Командование решило разгромить врага и захватить склады. Эту операцию умело провел отряд под командованием Героя Советского Союза Григория Васильевича Балицкого. Отличились и наши подрывники, уничтожившие все укрепления гарнизона. Небольшой, а опыт...

Группа двинулась в путь по заданному маршруту. Перед нами простираются непроходимые болота, которые надо преодолеть. Заработали пилы, топоры. Бойцы трудились, как заправские саперы. Впрочем, сравнение не совсем удачное. В армейских саперных частях — богатая материальная часть, машины, понтоны. А что у нас?

Наша сила — люди, перенесшие большие невзгоды. Вот заготовлены бревна, начали настилать дорогу. А болото не сдается. Сунься в него — затянет. Однако приловчились. Первую связку сталкивали с сухого места, а потом, с настила — следующую...

Трудились от зари до зари. В мокрой, пропитанной илом одежде. А выпадет час отдыха, и ребята рассказывают друг другу смешные истории. Здесь и про детство, случаи на охоте, и про любовь...

Всеми помыслами на войне, а о мирной жизни не забывают...

Болота преодолены, на очереди сооружение моста на реке Горынь в трех километрах от действующего железнодорожного. Времени отпущено мало — одни сутки. Послали разведчиков. Вернулись ребята и доложили, что охрана здесь сильна, она может нам помешать. Кроме того,

вдоль железной дороги лежат срубленные деревья: для удобства охранников немцы лес вырубили.

С одной стороны, это плохо, когда фашисты рядом. Но есть и другая сторона: срубленные деревья — готовый строительный материал для нашего моста...

Но как доставить его на место? Выход нашли быстро. Наши представители отправились в окрестные села, крестьяне охотно взялись помочь нам. Их обозы выезжали к железной дороге, грузили заготовленную древесину. Немцы им не мешали, думая, что это делается с ведома властей. Лес свозили к реке, а по ней сплавляли к месту строительства. Когда же до гитлеровцев дошел слух о том, что партизаны строят мост, мы послали им предупреждение, чтобы не смели нас беспокоить. О том, какая сила стоит за нами, они, видимо, догадывались. И не стали нам мешать.

Команда работала крайне напряженно. На берегу готовились составные части стодвадцатиметрового моста: козлы, настил. И все это надо поставить на место без какой-либо техники, вручную. Все тяжести люди тащили на себе. Поставить козлы у берегов, где небольшая глубина, сравнительно просто. А что делать на стремнине? Ведь понтонов у нас нет. И снова выручили нас местные жители. Они предоставили нам свои лодки, с которых мы и смонтировали среднюю часть моста. Ровно через сутки он был наведен, и соединение по нему успешно переправилось.

30 июня 1943 года. Большая поляна у села Лобного. Слышится команда: «Привал!» Это не был очередной привал, а конечный пункт рейда черниговцев. Отныне это временный центр Волынской области. Здесь расположилось партизанское соединение, ставшее Черниговско-Волынским. Здесь разместился и Волынский областной комитет Компартии Украины.

После тяжелого поражения под Сталинградом гитлеровское командование попыталось взять реванш на Курской дуге, где сосредоточило огромные силы. Но реванша не получилось. Советская Армия доказала, что может побеждать не только зимой, но и в разгар лета. И был у нее замечательный помощник — «оседлав» железнодорожные коммуникации врага, партизаны отвлекали на себя силы гитлеровцев, препятствовали им в доставке на фронт новых дивизий, боевой техники, боеприпасов, продовольствия. Успешно выполняло свой долг и соединение А. Ф. Федорова, действовавшее под руководством Волынского подпольного обкома партии.

На заседании обкома, на которое были приглашены командиры всех отрядов партизанского соединения, был разработан подробный план боевых действий. Решили охватить Ковельский узел полностью. За каждым отрядом закрепили участки по 150—200 километров. Отряду Балицкого, например, приказали парализовать железнодорожную линию Ковель — Ровно, отряду Маркова — действовать в районе Шацкого и села Бутыри; отряду Николаенко — «оседлать» участок Котель — Владимир — Волынск; на линию Ковель — Брест вышел отряд Тарасенко; сюда же был направлен и отряд Кравченко. И рельсы на всех этих участках полетели под откос вражеские эшелоны.

Наши подрывники приступили к настоящему делу. Мы получили новую технику — мины замедленного действия. Их секрет на первых порах не был известен противнику. Но они не сразу были признаны и партизанами. У нас имелись тол, мины мгновенного действия «на шнур» или «на палочку». К ним партизаны привыкли и умело ими пользовались, а новых избегали. Более того, некоторые отряды все еще придерживались старой тактики: нападали на железную дорогу, разгоняли охрану и подрывали поезда. Конечно, противник принимал ответные меры, и партизаны несли значительные потери. А между тем новая техника позволяла минировать и выводить из строя целые участки дороги при минимальных потерях. Но это нужно было доказать практикой.

И я решил начать применение мин замедленного действия в районе расположения отряда Лысенко на участке Ковель — Сарны. Подготовили группу из 13 человек, взяли с собой пять новых мин, днем разведали, где и как охраняется дорога, наметили пути подхода. Но к этому времени немцы усилили охрану дороги. Трудно было найти место, которое не находилось бы под наблюдением. Однако мы сумели подобраться к магистрали.

Ночь. Мы лежим в засаде уже несколько часов. Надо выждать удобный момент. Только прошел вдоль путей патруль гитлеровцев, как мы двинулись к железнодорожному полотну. Нашу работу прикрывают группы бокового и тылового охранения.

Работа на насыпи шла споро. Вдруг раздались выстрелы. Минеры начали отстреливаться, одновременно ударили по фашистам партизаны из засады. Пока шел бой, мы успели поставить три мины, рассчитанные на разные сроки дей-

ствия, и хорошо замаскировали их. Зато ямы, в которых установить мины не успели, засыпали довольно небрежно.

Закончив свое дело, мы укрылись в лесу и оттуда вели наблюдение. Утром фашисты привели крестьян с лопатами и заставили раскапывать ямы, но мин, конечно, не обнаружили и решили, что партизаны не успели установить их... Так оно и есть: в кое-как засыпанных ямах мин действительно нет. Зато в трех, тщательно замаскированных...

Услышали шум поезда. Вот он приближается, идет полным ходом... Украдкой смотрю на ребят и вижу: волнуются. И вдруг взрыв! Треск дерева и лязг металла. Ура!..

На вторые сутки должна сработать следующая мина. Мы рассчитали, что успеем сходить в лагерь, доложить о случившемся и вернуться. Движение на линии остановилось почти на сутки. Оккупанты согнали много народу на расчистку и восстановление путей, усилили охрану. Когда на вторые сутки подошел следующий состав с боеприпасами и солдатами, он двигался осторожнее. Но и его не миновала та же участь: все пошло под откос.

Снова торопят озверевшие гитлеровцы согнанных крестьян. Как же, фронту нужны пополнения, а дорога закрыта! На помощь охранным отрядам вызвали эсэсовцев, подозрительный участок оградили проволокой, весь сектор взяли под обстрел. Через такую плотность огня и воробей не пролетит... Ремонт закончен, семафор на станции Маневичи открыт.

Вот появляется бронепоезд, сверкающий стальными боками и щетиной орудий. Не сбавляя хода, он приближается к опасному месту и обстреливает из всех башен окрестный лес. Просто так. Чтобы напугать партизан... Взрыв — и полетели под откос бронеплатформы.

Командир отряда Лысенко в восторге. Ребята, которым посчастливилось первыми испытать мины замедленного действия, именинниками ходили. Всеволоду Клокову, Дмитрию Лазуте, Володе Павлову, и другим объявлена благодарность. А я поспешил в штаб соединения, чтобы доложить о результатах работы маленькой группы минеров. Вскоре во все отряды были посланы приказы-инструкции, как пользоваться минами замедленного действия.

Случай, когда двум нашим подрывникам не удалось поставить свои мины, был осмыслен и принят на вооружение. Теперь минеры специально одну-две пустые ямы то по краям, то в середине [illegible] участка оставляли.

хо замаскированными. Враг находил их и успокаивался, а замаскированные мины оставались не обнаруженными и в свое время срабатывали.

Несмотря на явный успех мин замедленного действия, в некоторых отрядах они все еще применялись неохотно. В штаб соединения приходили рапорты с требованием старых мин. Особенно сокрушались минеры на «железку» в отряде Тарасенко. Алексей Федорович решил вместе со мной выехать на место. Еще и еще раз инструктировал командиров групп, минеров. Но причина неприятия новой техники открылась неожиданно. Тарасенко в споре со мной сказал:

— Подрывнику с новой миной работать скучно потому, что не видит ее действия.

С этим «психологическим барьером» было нетрудно справиться.

Хороший пример использования новых мин показал отряд Федора Кравченко. Его ребята так взялись за дело, что в считанные дни взорвали 22 эшелона. На каждого третьего бойца этого небольшого отряда приходился один подорванный эшелон.

Подпольный обком партии созвал всех командиров отрядов, чтобы изучить с них опыт отряда Кравченко, привить его коллегам любовь к новой технике и новой тактике. Лучшие минеры были назначены заместителями командиров отрядов по минно-подрывному делу. И дело пошло на лад. Ковельский узел был практически закрыт для противника.

1 сентября 1943 года командование соединения рапортовало Украинскому штабу партизанского движения: «Железные дороги Ковель — Сарны, Ковель — Брест и Брест — Пинск полностью парализованы. Дороги Ковель — Холм, Ковель — Ровно парализованы частично».

А вскоре были основательно блокированы и все пять дорог, сходившихся в Ковельском узле. За короткое время здесь было подорвано 549 эшелонов и 9 бронепоездов. Противник был вынужден пускать свои эшелоны в объезд на добрую тысячу километров.

Партизанское соединение регулярно получало поддержку с воздуха, имело постоянную связь с Москвой, с Центральным Комитетом партии, Центральным и Украинским штабами партизанского движения. Но отсюда вовсе не следует, что жилось нам вольготно. Ведь мы были во вражеском тылу. И хотя население помогало нам всем, что было

в его силах, партизанам пришлось переносить немалые лишения. Люди были плохо одеты, в дождь и холод ютились под открытым небом. Но выбора не было — идет народная война. Однако мы просили от Большой земли: боеприпасов, взрывчатки, медикаментов и эвакуации больных и раненых. В сущности, это было все, что мог делать для нас «воздушный мост».

Помнится такой случай. Группе подрывников было дано задание заминировать один из участков на железной дороге Ковель — Сарны. С этой группой пошел и я. Впереди шел Всеволод Клоков. Мы приближались к полотну дороги несколько раз, но безопасных подходов не могли найти. Трое суток ползали по округе, лежали в засадах. Однажды проводник остановился. Прекратила движение вся группа. Подхожу к Всеволоду, спрашиваю, что случилось. Оказалось, он уснул на ходу...

Мы все же нашли удобный подход к насыпи. Клоков от усталости потерял контроль над собой, выронил капсуль-детонатор, он обо что-то ударился и взорвался. К счастью, Всеволод отделался лишь небольшим ожогом...

Этот русый, ясноглазый парень был настоящим волевым партизаном. Всеволод не щадил себя, шел на самые опасные задания и всегда отлично справлялся с ними. Отряд минеров, которым он командовал, поднял в воздух 102 эшелона противника. Всеволоду Клокову было присвоено звание Героя Советского Союза.

Я не могу не рассказать о других товарищах, мастерах подрывного дела.

Как сейчас вижу: стоит передо мной Володя Павлов — смуглый, чернявый, полногубый. Характер у него добрый, располагающий. Володя мечтал стать инженером-железнодорожником, поступил в институт. Но началась война, и его призвали в армию.

Часть, в которой служил Павлов, получила задание перейти линию фронта и громить врага в тылу. Приказ выполнили, а пробиться к своим не смогли. Разбились по группам, но и таким способом далеко не всем удалось перейти линию фронта. В селе Карпиловка Зимковского района он в феврале 1912 года встретился с людьми, которые свели его с партизанами А. Ф. Федорова.

Владимир Павлов отличался необычайной смелостью. Будущий инженер-железнодорожник стал подрывником стальных линий. Много совершил он подвигов, но расскажу только о самом примечательном.

В партизанском соединении находился кинооператор Михаил Глидер. Однажды он подошел ко мне с просьбой:

— Пошлите меня с таким партизаном, который подорвал бы эшелон днем. Поймите, Алексей Семенович, ведь это будут кадры большой впечатляющей силы...

Послал Глидера с группой Павлова. Получив задание, Володя засиял от удовольствия. Он вышел на линию, выбрал место для мины и установил ее с таким расчетом, чтобы она взорвалась днем. Потом они с Михаилом укрылись в безопасном месте. Утром услышали шум, приближается поезд. Вот уже вздрагивает земля под тяжеловесным составом. Оглушительный взрыв! Наползали один на другой вагоны с боевой техникой, людьми, животными... Михаил Глидер вовремя включил аппарат, а Володя, забыв об опасности, открыл огонь из автомата. И вот съемка сделана. Партизаны поспешили к штабу. Возбужденный Михаил Глидер подбегает ко мне и докладывает:

— Товарищ Егоров, там такое было... поезд свалился, вагоны полезли один на другой, свиньи закричали по-немецки, немцы — по-свиньи

Этот каламбур так развеселил ребят, что и после войны бывшие партизаны долго вспоминали, как Володя Павлов заставил фашистов «визжать по свиньи»...

Группа Павлова взорвала десятки эшелонов, лично Владимир — 13. Правительство присвоило ему звание Героя Советского Союза.

Помощь местных жителей нам согревала душу. Сочувствовали и помогали нам стар и млад. Вспоминается такой случай. Однажды подрывники заложили мины вблизи станции Повурск. Минеры ушли на отдых и оставили для наблюдения местного паренька Ваню Кожуха. Появился обход — восемь солдат в стальных касках с автоматами наперевес. Они внимательно всматривались в насыпь, но мин не заметили. Пошли дальше. Но один задержался и стал присматриваться к месту, где находилась мина. Ваня не выдержал:

— Чого став, холера? Не ты же ставыв,— и...— бах по немцу. Тот упал, Ваня подскочил к нему, крутанул его на месте, где замаскирована была мина, и перекинул труп на другую сторону насыпи. Вернулся патруль и открыл огонь по пареньку. Но Ваня, отстреливаясь, скрылся в лесу. Труп вскоре увезли. Мину немцы искать не стали, а когда подошел состав, она сработала...

Конечно, захватчики не хотели мириться с тем, что в целом крае хозяевами положения являются партизаны. Они предпринимали против нас многочисленные карательные акции, в которых несли огромные потери. Теряли боевых друзей и мы, но партизаны оставались хозяевами. В ответ на соседству действовали все новые соединения и отряды народных мстителей. А главное — нас поддерживало местное население, на которое оккупанты разучились надеяться и не могли.

А «рельсовая война» продолжалась. Партизаны минировали охрану, выставленную немцами. Так, [illegible] пустят, и [illegible] разлетятся [illegible] ми вагонами. Р[illegible] старались [illegible] поезда. Противник [illegible] впереди паровоза платформы, груженные балластом, мы же [illegible] паровозом. Немцы пользовали собак [illegible] обнаруживать мины. В ответ [illegible] подрывники стали выходить на насыпь с [illegible] слой крашеного щеб[illegible] ими засыпали им ямы.

Усложняли нашу работу «[illegible]альщики»— местные крестьяне, которых фашисты насильно усаживали на рельсы с тем, чтобы они стучали по ним в случае опасности. Но и в этом случае мы быстро нашли контрмеры: партизаны подкрадывались к «стукальщикам», связывали их, заняв их место, спокойно минировали полотно.

Особенно досаждали нам собаки, натасканные на мины. Эти овчарки безошибочно обнаруживали мины. Тогда мы стали рассыпать мелкие кусочки [illegible] Собаки кидались во все стороны, а мин не находили.

Партизаны-подрывники вносили десятки рационализаторских предложений. В частности, мина замедленного действия была усовершенствована и дополнена «кнопкой неизвлекаемости». Дело в том, что мины ставились на определенный период: они взрывались через час, два, сутки или несколько суток. Но если мины коснется тот, кто обнаружил ее, «кнопка неизвлекаемости» срабатывала, она взрывалась мгновенно. Тайну «кнопки» не сумели разгадать даже специалисты, вызванные из Берлина.

Но война есть война, и мы несли потери.

Погиб отважный минер Володя Бондаренко, которому звание Героя Советского Союза присвоено посмертно. Пали

смертью храбрых Авксентьев, Белов и другие подрывники. Но свой долг перед Родиной партизаны выполнили свято.

Партия и государство высоко оценили подвиги партизан соединения А. Ф. Федорова. Многие из них были награждены боевыми орденами. 13 человек стали Героями Советского Союза.

Бывшие партизаны дружно вернулись к мирному труду. Володя Павлов осуществил свою мечту — окончил Московский железнодорожный институт и работает начальником мостостроительного [illegible]. Николай Клоков стал ученым, защитил [illegible] работает в Академии наук Украины. Недаром [illegible] стали руководителями учреждений и организаций, передовыми и сознательными рабочими. И где бы они ни [illegible], отдают [illegible] силы на благо процветания своей Родины. И [illegible] что-то они вместе с героями Советской Армии отстояли от захватчиков.

С ХЛЕБОМ И СОЛЬЮ...

Было прекрасное летнее утро. [illegible] открытым окном тихо шумел листвой буковый лес. [illegible] грибами, как дома, в нашей родной стране.

Мы сидели в [illegible] и [illegible] Белов что-то напевал про себя, [illegible] которая вела из долины. [illegible] что-то в своем дневнике. Написал тогда 12 августа 1941 года и вспомнил, по взглянул на меня, будто хотел сказать, что [illegible] может случиться.

Мы ожидали здесь, в лесной тишине, работника подпольного руководства Коммунистической партии Словакии. Часы на стене пробили десять. Не затерялся ли наш знакомый друг? Не случилось ли с ним чего? Мы уже отогнали беспокойство, когда залаяли [illegible] пес Мишка, и кто-то Белов [illegible] и через несколько минут привел к нам двух парней, [illegible] лицо [illegible] после трудного подъема.

Мы сердечно поздоровались. Пожатие рук было крепким, но все же мы внимательно всматривались друг в друга. Партизанская жизнь научила осторожности.

Рабочий подпольного руководства сел и назвал себя: Марек Смида, лесоруб. Рядом с ним сел его проводник Франтишек Белла, тоже, видно, по лесной части.

Смида говорил медленно, помогал себе руками, мими-

кой и с беспокойством вглядывался в наши лица, стараясь угадать, достаточно ли ясно он выразился.

— Как вы попали к нам, товарищи?— начал он осторожно.

Товарищи — было первым русским словом, которое он употребил... Товарищи!.. В это слово он вложил всю свою душу, этим словом встречали нас словацкий пастух, угощавший жинчицей, и лесорубы в банско-быстрицких лесах.

— Сверху свалились, чтобы помочь вам,— ответил я ему.

Товарищ Марек снова крепко сжал обеими руками мою руку, но тотчас же овладел собой, и разговор продолжался в сдержанных тонах. Мы взаимно проверяли и испытывали друг друга, нетерпеливо, с волнением ждали, когда можно будет поговорить откровенно, от всей души. Марек все ближе подходил к главной теме.

— Кто-то из наших руководящих товарищей, говорят, живет в Москве... — сказал он, проверяя нас. А его глаза, казалось, просили: «Не сердись, мол, браток, так надо...». И меня радовала его осторожность. Партизанская борьба немыслима без конспирации. Я знал, кого имеет в виду Смида, и ответил:

— Нас послал сюда товарищ Сталин по личной просьбе Клемента Готвальда. А следом придут другие — саперы и радиотелеграфисты, стрелки и снайперы. Смелейшие из смелых заявляют о своем желании сражаться вместе с вами. Люди всех национальностей нашей страны. Вы не будете одиноки в борьбе.

Смида встал и дрожащими руками протянул мне партийный билет. Первый раз в жизни я держал в руках партбилет чехословацкого коммуниста.

— Согласно указанию, полученному нами из Киева, ты, товарищ Егоров, тоже должен мне показать партбилет. И еще кое-что...

Василь и Ножка помогли мне отпороть подкладку пиджака, где я зашил документы. Марек раскрыл мой партбилет, погладил лежавший в нем белый лоскуток шелка с печатью Центрального штаба партизанского движения. Мы обнялись, поцеловались и долго не могли разомкнуть руки. Мы представляли свои братские коммунистические партии и сами стали в ту минуту родными друг другу.

Марек достал из полотняной торбы кусок хлеба, большой кусок сала и бутылочку сливовицы:

— Хлеб полагается подавать с солью, но что делать,

когда соли нет. Не побрезгуйте. Дали нам это товарищи из руководства, чтобы угостить первых советских партизан.

— Посланцев братской партии полагается принимать не в лесной хате,— ответил я,— но другой возможности у нас нет. Надо выгнать фашистов.

Мы по очереди прикладывались к горлышку Марековой бутылочки. Пили за наше братство, за успех в совместной работе. А когда угостили товарища Марека московской папиросой, он долго крутил ее в пальцах и, улучив удобный момент, сунул в торбу. Василий это заметил:

Кури, Марек, а для товарищей твоих есть еще папиросы.

Мы все рассмеялись.

— Такая папироска, — оправдывался Марек — Делали ее советские люди, дарит советский командир. Жалко ее курить...

— Кто пойдет за вами, когда кликнете народ на борьбу?— спросил я Марека.

— Рабочие из Подбережовой, Гонца, Пиеска. Дубовой; лесорубы из Черного Балога, Шумина, Телгорта, Поломки; крестьяне и безземельные из Горной Леготы, Мыта, Предайней, Валашской, Лопейа...

И рассказал Марек Смида, как готовятся труженики Брезнянского района к борьбе, о тайных складах оружия и амуниции, о запасах продовольствия...

А лес шелестел листвой, и было тревожно и радостно. Как всегда, когда знаешь, назревают большие и важные события.

НА ЗЕМЛЕ СЛОВАКОВ

Меня, заместителя командира Черниговского соединения, вызвали в Украинский штаб партизанского движения для отчета. Здесь мне сказали, что Центральный Комитет Коммунистической партии Чехословакии просит помочь подпольным организациям опытными людьми для расширения вооруженной борьбы против немецко-фашистских захватчиков. А спустя день начальник штаба товарищ Строкач предложил мне сформировать небольшой отряд из числа опытных партизан и подготовить его к десантированию на территории Чехословакии. С радостью принял это трудное и почетное задание.

...Ночь на восьмое августа 1944 года. На борту двух самолетов — двадцать два десантника. Лучшие из лучших.

крепкие здоровьем, сильные духом. Именно такие были отобраны для ответственной работы вдали от Родины. Желающих были сотни, а отобраны 22 человека.

Подготовкой группы занимался заместитель начальника Украинского штаба партизанского движения Илья Григорьевич Старинов. Он делал это с [illegible] ручно и умело. Люди были подготовлены к работе всего за полтора месяца: время не ждет!

Вместе с нами летят четыре словака. Не так давно их призвали в гитлеровскую армию и послали на Восточный фронт. Быстро нашли дорогу к партизанам. Но вот сам вместе с советскими парнями [illegible] рейд по Татрам. Возвращаются, чтобы сражаться с врага родную землю.

Десант высадился, к [illegible] сложилось, на горе Прашива. Не обошлось без происшествий. Врач Климаков завяз со своим парашютом на [illegible] дереве, а подрывник Мельниченко сломал ногу. Даже очень великан самостоятельно передвигаться не мог. Пришлось нести его на носилках.

— Наши люди приютят и вылечат,— сказал словак Йозеф Подгора. При помощи словацких товарищей мы связались с товарищами из Лоцовой Лужни, небольшой деревни, которые и приютили Мельниченко.

...А рация все [illegible] оставалась незамеченной врагом. В фашистских газетах появились сообщения о том, что в Словакии появились «советские бандиты». И обещание награды тем, кто поймает десантников. Вскоре мы узнали, что на Прашову идут фашистские каратели: две пехотные дивизии. Неужели мы погибнем здесь, так и не успев ничего полезного сделать?

— Будем биться до последнего патрона,— сказал комиссар отряда Г. Мельников.

— Нужно пробиваться,— возразил начальник штаба А. Ржецкий. Но и это означало все то же — гибель в бою. А нас послали сюда не для того, чтобы мы погибли. Пусть даже по-геройски. Мы должны выжить и помочь чехословацким друзьям нашим опытом партизанской борьбы. Такова задача. И мы обязаны ее выполнить.

При этом разговоре присутствовал разведчик Петр Николаев.

— Немцы любят прямые дороги,— вмешался он в разговор.— А мы рассеемся между скалами. Поищут нас и уйдут.

Эти слова навели на смелую мысль: надежно запрятать

все снаряжение, а самим малыми группами спуститься в долину. И пусть ищут нас немцы на вершине...

Весь день 12 августа каратели, прочесывая район высадки десанта, никого не нашли, однако уже на следующий день сообщили своему командованию, что десантная группа ликвидирована. А наш отряд, не потеряв ни одного бойца, вернулся на Прашову и приступил к работе.

Первым, с кем удалось установить связь, был Подбрезовский подпольный комитет партии. За несколько дней из Подбрезового, где размещался металлургический завод, на Прашову пришло около 900 рабочих. Вот какая сила народная! Теперь уже не пять бойцов, а фашистским карателям! И все мы живы! Вернулись! Вот и Мельниченко вернулся, выкопанный из-под [illegible] Лужни...

Гора Прашова стала [illegible] сотен людей, рвавшихся в бой. Вся Словакия жила в те дни ожиданием восстания. К 25 августа в районе Прашовой было уже более двух тысяч бойцов: рабочие Ружомберока, Банска-Бистрицы, [illegible], Липтовски Микулаш, Лужен, Мартина, Турчанске Тепличе, Жилины, Кошице, Липтовски Лужен, Мединброда, из [illegible] прислали оружие, доставили партизанскую одежду и продовольствие. Поступило оружие: несколько тысяч винтовок, сотни пулеметов, десятки тысяч гранат, патронов...

Доложили об этом по радио Центральному штабу национального движения в Банска-Бистрице, и отряд Прашова преобразуется в 1-ю Чехословацкую партизанскую бригаду, командиром которой назначен Алексей Егоров, комиссаром — Григорий Мельников, начальником штаба — Анатолий Ржецкий.

Для того, чтобы стать боевой единицей, надо было внести в бригаде четкую воинскую организованность и дисциплину, обучить тысячи людей азам военного дела. Для этого разбили бригаду на батальоны трехротного состава, по три взвода в каждой роте. Командирами и комиссарами назначались в основном коммунисты, люди, имевшие опыт подпольной и партизанской борьбы. Обучение бойцов и подразделений проводилось почти круглосуточно. Ко дню начала восстания, к 29 августа, многое успели сделать.

А выступила наша бригада уже 25 августа. В тот же день мы разгромили фашистский гарнизон в Ружомбероке, присоединив к себе одно из подразделений словацкой армии, перешедшее на сторону партизан.

В Банска-Бистрицу, ставшую городом партизанской славы, 1-я Чехословацкая партизанская бригада вместе с

...ными соединениями и отрядами вошла 29 августа, а спустя два дня вступила в город Брезно. За несколько дней была освобождена вся Гронская долина. Одновременно отряды бригады Величко очистили от фашистов долину реки Вага. Таким образом, в начале октября сложился обширный партизанский край. На освобожденной территории начали создаваться органы народной власти.

Конечно, фашистское командование не собиралось мириться с таким положением. Марионеточное правительство Словакии не могло положиться на свои войска, потому что солдаты целыми подразделениями переходили на сторону народных мстителей, и позвало на помощь гитлеровские войска.

На партизанский край немецкое командование двинуло несколько пехотных дивизий, артиллерию, танки. Партизаны перешли к обороне, каждая бригада получила свой район, наше соединение обороняло рубеж от Турчанского Мартина до Банска-Бистрицы.

На протяжении октября партизаны удерживали занятые рубежи, но постепенно были оттеснены в горы, где продолжали ожесточенную борьбу с немецко-фашистскими захватчиками, чем оказывали большую помощь Советской Армии, которая вместе с частями генерала Свободы громила фашистские полчища, освобождая Чехословакию от врага.

...Зимняя дорога в горах. Плохо одетые, голодные люди непрерывной цепью поднимались к Прашовой. От перевала к перевалу. Шли осторожно: один неверный шаг — и ты в бездонной пропасти. Вместе с мужчинами шли женщины.

— Что будем делать? Запасы у нас на исходе,— доложил Василий Мельниченко, который ведал бригадным продовольствием.

Я приказал покормить людей и дать с собой им продукты в дорогу.

— Мы недалеко от долин — достанем...

Там, в долинах, у нас были свои люди. Женщины, подростки, старики сообщали нашим связным об опасности, доставали для нас продукты и оружие, собирали молодежь и посылали нам пополнение. И каждый день рисковали для нас жизнью.

Навсегда остались в памяти боевые товарищи.

Никогда не забудутся последние минуты жизни комиссара Яна Дроппы. В ноябре сорок четвертого командование бригады направило его в Медзиброды. Как и Йозеф Подгора, Вольдемар Ваштык, он приносил ценные сведения о пере-

мещении противника, военных складах. Он был любимцем бригады. И вот Ян Дроппа, выпустив во врага последнюю пулю, попадает в руки карателей. Он ни слова не сказал гестаповцам, честно сдержал клятву партизана. И вот — казнь.

Гитлеровский офицер подходит к Яну, хочет набросить на него петлю. Но Ян не позволил прикоснуться к себе, сбил палача с ног, надел петлю на шею и соскочил с ящика...

Не только Яна потеряли мы.

Стоят над Банска-Быстрицей, у Подбрезова, в других местах высокие, печальные монументы. Лежат в могилах словацкие, русские, украинские парни...

Пусть спят спокойно в братских могилах сыны и дочери советского и чехословацкого народов, сражавшиеся за освобождение Чехословакии. Пусть наша дружба, скрепленная кровью, будет вечна и нерушима.

БОЕВЫЕ ПОДРУГИ

В августе 1944 года, когда в Низких Татрах была создана наша бригада, среди многих тысяч бойцов-партизан были и женщины. 450 женщин.

Война — тяжелое испытание для солдата. Еще тяжелее она для партизан, ибо фронт и тыл для них понятия относительные. И во сто крат тяжелее в этих условиях женщинам. Просто диву даешься, откуда у них брались силы, чтобы перенести эти нечеловеческие лишения.

Я часто вспоминаю двух боевых подруг — Наташу Сохань и Тоню Николаеву.

В 1941 году Наташе исполнилось восемнадцать лет. Позади — школа, впереди — светлая, хотя еще не ясная дорога. Спорила с подругами, какая профессия лучше. Но началась война. В родную Белую Церковь пришли враги. И она избрала единственно возможную в то время для каждого патриота профессию — солдата. Сотни километров военных дорог прошла с боями Наташа в составе партизанского соединения дважды Героя Советского Союза Федорова. Она познала радость побед и горечь утраты боевых друзей.

Освобождена от гитлеровцев Украина, свободна Белая Церковь. Для умелых рук Наташи Сохань нашлось бы много неотложных дел. Но решила, что там, за Карпатскими горами, где истекал кровью братский народ, она нужнее. И Наташа отправилась в Словакию.

Тоня Николаева до войны учительствовала в полесской деревне, мечтала, чтобы ее ребятишки выросли настоящими людьми — смелыми, сильными. Но пришли в Белоруссию гитлеровцы...

Они убили родителей Тони и многих других односельчан. В том числе и многих ее малолетних учеников. Девушка ушла к народным мстителям. Потом она, как и Наташа, отправилась на помощь чехословацким друзьям, чтобы и на их многострадальной земле скорее засияло солнце свободы.

Наташа и Тоня были в бригаде медицинскими сестрами. Тысячи жизней спасли они, вынося с поля боя раненых и оказывая им первую помощь.

Но Наташа и Тоня были не только медицинскими сестрами, но и бойцами. Если нужно, они ходили в разведку. Если этого требовала обстановка, лежали в одной цепи с бойцами и отражали яростные атаки карателей.

Вспоминаю такой случай. В Склябинской долине две недели почью и днем шел неравный бой. Танки и пехота врага ползли за волной огня, оставляя горящие танки, трупы в грязно-зеленых мундирах. Две недели лежала за противотанковым ружьем Тоня Николаева. Не один танк запылал от ее метких выстрелов.

Я так подробно остановился на этих двух героинях потому, что только перечислить имена всех 450 женщин нашей бригады нет возможности, тем более рассказать об их подвигах. И о тысячах других известных и неизвестных патриоток, которые помогали нам, не будучи бойцами. В каждом городе, в каждом селе у нас были «глаза» и «уши». Очень часто они были женскими. Немало женщин было и в коммунистическом подполье, которое направляло нас, оберегало от опасности.

В учреждениях оккупантов работали по заданию подпольных комитетов девушки и женщины. Им было еще труднее, чем партизанам. Каждый день приходилось рисковать жизнью и улыбаться гитлеровцам, всей душой ненавидя их, и, что всего труднее, переносить презрительные взгляды сограждан.

А сколько опасных рейсов совершили Оттыля Блегова, Юлка Белачик и другие словацкие патриотки, доставляя партизанам из Праги, Брно, Нитры и других городов оружие и боеприпасы, добываемые со складов оккупантов подпольщиками. Только сказать легко: привезти. Ведь каждую

минуту патруль мог проверить содержимое подозрительных тяжелых чемоданов. А тогда — виселица.

Бригада могла противостоять превосходящим силам противника и успешно громить его только потому, что нас поддерживал весь народ. В августовские дни 1944 года можно было видеть, как тысячи женщин и подростков шли по скопищам вражеских [illegible] партизанам картофель, пакеты муки или просто ломти хлеба. Они отрывали от [illegible] последнее, чтобы поделиться с нами.

Навсегда останется в моей памяти простая словацкая женщина из селения Буковины [illegible]. Однажды она увидела у меня фото [illegible] — сына и дочери.

— Вы оставили их, чтобы помочь [illegible] свободу,— сказала она.— Спасибо [illegible] Пусть всем всегда сопутствует удача. Желаю вам невредимым вернуться домой, к своей семье.

Я и не представляю себе, что [illegible] женских рук. Они кормили, обшивали нас, ухаживали за ранеными. Они охотно брались за любую, даже самую тяжелую работу. В наших госпиталях в невероятно тяжелых условиях они умудрялись поддерживать чистоту и порядок. Им, беззаветным труженицам войны, обязаны жизнью тысячи бойцов.

С большой теплотой вспоминаю [illegible] Гронской и Ваговой долин, других районов Словакии, где нам пришлось воевать. В каждом доме ожидали [illegible] кров и помощь. А ведь фашистские палачи за помощь партизанам карали жестоко. Сколько селений [illegible] стерли с лица земли, уничтожив всех жителей [illegible] помощь партизанам...

Во всех странах, где народ боролся с фашистами, установлены величественные памятники героям. Уверен, что особых монументов заслуживают мирные женщины, жены и матери, без самоотверженной помощи которых нам было бы неимоверно труднее бороться и побеждать.

ТЫ ПОМНИШЬ, ТОВАРИЩ...

Когда встречаются однополчане, воспоминаний хватает на долгие-долгие часы. О друзьях-товарищах, о многотрудных походах... Вот и мы, ветераны героического Словацкого

словацкого восстания 1944 года, встретились двадцать лет спустя.

Годы изменили нас. Многих я помнил молодыми людьми, теперь же в Москве собрались пожилые люди, почтенные отцы семейств, у многих выросли внуки. Но собрались вместе — и сброшены с плеч два десятка лет, снова вернулась к нам молодость...

Мы собрались, чтобы отправиться в братскую Чехословакию на празднование двадцатилетия Словацкого народного восстания. Как волновались мы в предчувствии близкой встречи с боевыми друзьями!

Киевский вокзал столицы. Сотни людей пришли проводить делегацию Советского комитета ветеранов войны — бывшие партизаны, участники Великой Отечественной войны с женами, детьми, внуками, родными и близкими. Море цветов. Сердечные пожелания доброго пути.

Поезд уже тронулся, а в открытые окна вагона еще доносились возгласы:

— Будете в Братиславе — передайте привет ее жителям от танкиста Петренко, освобождавшего город в сорок пятом...

— Передайте от Свиридова наилучшие пожелания жителям Кошице. Я там в госпитале лежал...

В окна тянулись руки с адресами чешских и словацких друзей, с разными сувенирами. Мы везли с собой тепло сердец многомиллионного советского народа.

В составе делегации, которую я возглавлял, были бывшие командиры партизанских соединений Волянский, Резута, Квитинский, Сапиленко, Мурзин, Шукаев, командиры отрядов Волков, Морозов, Берштейн, комиссары бригад Денисов и Глидер, начальник отдела Украинского штаба партизанского движения Новаковский, командир авиачасти, обслуживавшей партизан, Гофман, радистка Раевская и другие. Вместе с нами ехали в ЧССР члены правительственной и военной делегаций. Наш вагон корреспондент «Комсомольской правды» Гофман назвал партизанским... Поезд миновал последнюю советскую станцию Чоп. А потом — Чоп. Мы на чехословацкой земле.

...Много лет назад я впервые увидел эту землю с борта самолета. Лежала она в кромешной тьме. Но мы знали, что темнота обманчива. В городах и глухих горных селениях люди не спали. Они ждали сигнала, чтобы взять в руки оружие, подняться на борьбу с оккупантами.

Теперь нас встречала залитая ярким электрическим светом свободная страна, строящая в сотрудничестве с братскими странами социализм. Нас ожидали верные друзья, чтобы одной семьей отметить большой праздник.

На вокзале делегацию встречали тысячи людей. Здесь были посланцы Праги, Братиславы и других мест. Они хотели первыми обнять советских друзей. Такая же теплая встреча ожидала нас и в Кошице. Оттуда советские ветераны прибыли в Банска-Бистрицу — центр восстания, столицу легендарного партизанского края.

Начну с гостиницы, в которой разместилась наша делегация. Построена она недалеко от селения Донавали в честь знаменательной даты и носит имя 20 летия Словацкого национального восстания. Она удачно размещена на возвышенности, откуда открывается великолепная панорама местности, где два десятилетия назад велись ожесточенные бои. Стою на балконе и будто вижу карту боевых действий бригады. Вдали синеет Прашива — место высадки десантной группы. Вот там находилась наша первая база. А в том дальнем лесу размещался наш партизанский госпиталь.

Незабываемое впечатление произвел на всех нас грандиозный митинг в Банска-Бистрице. На центральной площади собралось около двухсот тысяч человек — бывших партизан, перенесших всю тяжесть войны, и молодежи, которая знает о тех днях только по книгам и рассказам старших. Подумать только: город, насчитывающий менее 20 тысяч жителей, сумел принять и разместить 200 тысяч!

Бывшие партизаны построились по соединениям и отрядам. Проникновенно звучали слова ораторов. Они говорили о больших жертвах, понесенных в борьбе, о необходимости отстаивать прочный мир во всем мире. Это была клятва довести до конца дело, за которое боролись и умирали тысячи наших товарищей. Это была клятва молодого поколения идти дорогой отцов.

Два дня провели мы в лагере партизанской бригады А. С. Егорова, построенном в Ясенской долине. Это целый благоустроенный городок, сооружение которого стоило немалых денег. Но бывшие партизаны решили обойтись без государственной помощи. Каждый из них у себя на производстве отработал определенное количество часов в фонд строительства лагеря. В его сооружении принимали участие воины Чехословацкой народной армии.

Сколько здесь было незабываемых встреч! Ко мне подходили бывшие бойцы бригады, рассказывали о своем

житье-бытье, расспрашивали о жизни советских боевых товарищей. Мы вместе совершили поход по старым партизанским тропам. В памяти то и дело оживали страницы былого. Вот место, где стояли насмерть партизаны. А здесь пылал танк, подожженный партизанской медсестрой Наташей Сохань...

А здесь, в Склябинской долине, гитлеровцы рвались в тыл нашей бригады... Две недели шел неравный бой. Танки и пехота лезли за волной докатываясь на наши позиции. И каждый раз откатывались, оставляя горящие танки, трупы солдат и офицеров.

Вот Ясенская гидроэлектростанция. Гитлеровцы хотели взорвать ее. Три дня отряд Ивана Марчука вел здесь неравный бой, отбивая одну за одной атаки фашистских танков. Были минуты, когда казалось: дальше держаться невозможно. Но мы выстояли, удержали ГЭС до подхода советских войск. Теперь она дает ток промышленным предприятиям, городам и селам. Это ли не лучший памятник ее героическим защитникам!

Кстати о памятниках. Их можно увидеть в Чехословакии на каждом шагу. Величественные монументы и скромные мемориальные доски с именами погибших. Чехов, словаков, русских, украинцев, казахов... Народ свято чтит память известных и неизвестных героев.

Особенно радовали нас перемены в жизни Словакии. Я видел прежде отсталый край, население которого занималось в основном земледелием и лесным хозяйством, а теперь поднялись кругом корпуса фабрик и заводов, выросли новые города и села. Продукция словацкой промышленности хорошо известна не только в ЧССР, но и далеко за ее пределами. И всюду, как и у нас, объявления: «Требуются рабочие». Люди красиво и добротно одеваются, поражает обилие клубов, библиотек, других культурно-просветительных учреждений.

Я посетил Буковец. Это было партизанское село, все жители которого участвовали в его восстановлении. И вот я снова здесь. Нет старой корчмы — явочного пункта, откуда я не раз отправлялся на встречи с подпольщиками, словацкими коммунистами. Нет ни одного знакомого дома — стерли село каратели с лица земли. Но вырос новый Буковец, красивый и благоустроенный. Добротные дома, ощетинившиеся телевизионными антеннами, красивый клуб, которому может позавидовать иной город, просторная светлая школа.

Эти изменения произошли за годы народной власти в одном селе. Но они характерны для всей страны.

Все дни нашего пребывания в ЧССР были загружены до предела. Мы встречались с тружениками фабрик, заводов и сел, со школьниками и студентами. Вот путевые записи моего товарища Шуклева, ездившего по стране вместе с Горячовым и Махоником.

27 августа 1964 года. Посещение места боя отрядов «Смерть фашизму» и имени [illegible] с фашистами — села Поляники. Беседа с [illegible].

28 августа. Выступление с [illegible] на торжественном собрании жителей [illegible]. Выступление перед ветеранами [illegible] времен восстания в Жаре над Гроном. Посещение [illegible] работающего комбинатов в Жаре над Гроном, беседа с рабочими этих предприятий.

30 августа. Встреча партизан соединения с жителями села Завадки. Посещение восстановленных жителями Завадки лагеря соединения. Встреча с [illegible] и бывшими партизанами села Поломки. Встреча с жителями города Долина Любохня и беседа с рабочими...

Точно так же были заполнены дни у всех членов делегации: каждый день три четыре встречи с жителями разных населенных пунктов. Это — не считая многочисленных приглашений старых друзей посидеть «у круглого семья». Разве от таких приглашений откажешься?

Я встречался с шахтерами Мосты Остравы, металлургами Новой Гуры, обувщиками Готвальдова. Не мог не посетить металлургический завод имени Яна Шверны в Подбрезове. Ведь именно с этого предприятия после принятия десантной группы к нам пришли 930 бойцов. Вместе с десантниками они стали [illegible] бригады 117 металлургов так и не вернулись в свои цехи.

Нельзя было не побывать и в Мартиброях. Здесь живет вдова Героя Чехословакии, комиссара партизанского отряда, моего большого друга Яна Дроппы. Было радостно узнать, что вдова Дроппы живет хорошо, нянчит внуков.

Побывал в гостях и у Ивана Марчука. Он работает начальником порта в Комарно на Дунае. Вместе с другими бывшими партизанами активно участвует в строительстве социалистической Чехословакии.

Большую радость доставила мне встреча со старыми боевыми друзьями — заместителем командира бригады Позефом Подгорой и заместителем комиссара Вольдемаром

Вашиком. После освобождения родины Иозеф стал шахтером, Вольдемар — работником металлургического завода. Оба — активные строители новой Чехословакии.

Отвлекусь на минутку и скажу, что столь же сердечно встречали в нашей стране посланцев Чехословакии. Как самых дорогих гостей принимали их в Кировограде. Чехословацкие друзья познакомились с жизнью области, встречались с машиностроителями завода «Красная Звезда», школьниками, студентами, побывали у горняков Александрии.

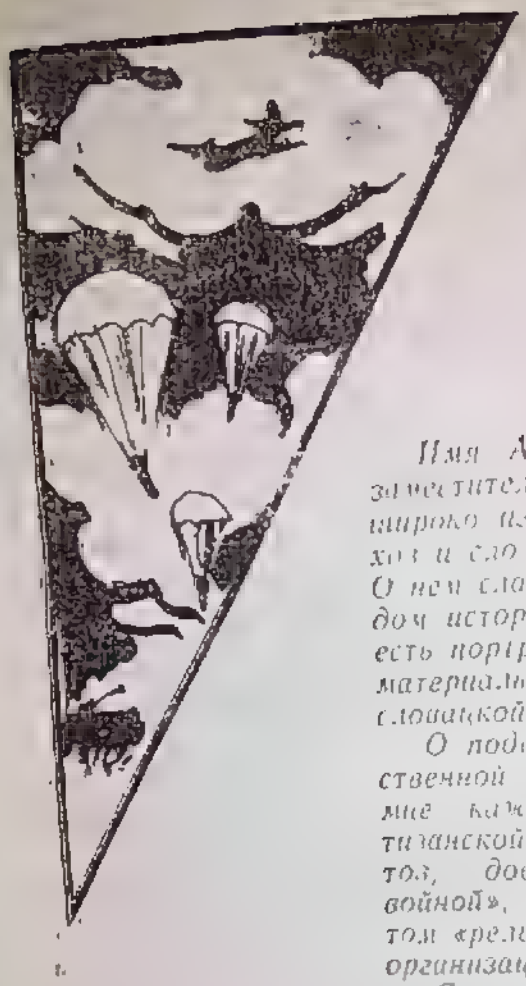
Особенно доволен был поездкой Подгора. Сам шахтер, он с большим вниманием рассматривал угольные разрезы, оснащенные самыми современными механизмами — мощными транспортно-отвальными мостами, многоковшовыми экскаваторами.

Встречи друзей на украинской земле были такими же теплыми и душевными, как на чехословацкой.

В празднованиии в Банско-Бистрице принимал участие Борис Полевой. Он сообщил нам, что намерен написать книгу о совместной борьбе советских и чехословацких патриотов...

Пятнадцать дней, проведенных на второй родине, прошли как один день. Пора было возвращаться домой. На перроне вокзала — яблоку негде упасть. Привокзальная площадь представляла собой сплошное море цветов. Заполонили цветы и весь вагон... Поезд давно уже шел по советской земле, а нам все еще виделись взволнованные лица наших чехословацких друзей...

А. Ф. ФЕДОРОВ,
дважды Герой Советского Союза



СЛОВО О БОЕВОМ ДРУГЕ*

Имя Алексея Семеновича Егорова, бывшего заместителя командира партизанского соединения, широко известно не только на Украине. Для чехов и словаков он стал легендарной личностью. О нем слагают песни и предания. Сегодня в каждом историческом музее братской Чехословакии есть портрет этого человека, там бережно хранят материалы о бесстрашном командире 1-й Чехословацкой партизанской бригады.

О подвигах патриотов в годы Великой Отечественной войны написано немало книг. И все же, мне кажется, одна из отдельных форм партизанской борьбы против фашистских оккупантов, довольно метко названная «рельсовой войной», мало освещена в литературе. Результатом «рельсовой войны» была чувствительная дезорганизация вражеских коммуникаций.

Я вспоминаю про это потому, что главный герой повести Алексей Егоров был одним из тех, кто понимал значение рельсовой войны и сумел по-новому перестроить диверсионно-подрывную службу. И не случайно наше соединение в решающий час битвы на Курской дуге совершило наибольшее число диверсий. На минеров Егорова падает треть эшелонов, подорванных всеми партизанскими соединениями и отрядами Украины.

В книге П. Нечая... читатель сможет познакомиться с организацией диверсионно-подрывной службы соединения, с ходом подготовки мощных ударов по вражеским коммуникациям. В книге приведены захватывающие боевые эпизоды, в которых ярко раскрывается мужество и отвага, смелость и находчивость подрывников. О своей опасной рискованной профессии автор рассказывает с глубокой любовью и теплотой...

ИЗ КНИГИ ПЕТРА НЕЧАЯ „ЗВЕЗДА ЕГОРОВА"

И в этот раз Алексей вернулся домой поздно вечером. Угрюмо вошел в комнату, вытер потный лоб платком.

— Небось, и сегодня был в военкомате?— поинтересовалась Зина.

---

* Из предисловия дважды Героя Советского Союза А. Ф. Федорова к книге Петра Нечая «Звезда Егорова». М., 1975, с. 5–6.

— И сегодня был. И завтра пойду... И буду ходить, пока не добьюсь своего,— ответил с вызовом.

Сняв мокрую от пота рубашку, Алексей швырнул ее на лавку и устало поплелся в ванную. Жарища, от которой, казалось, все плавилось, прилила в дом.

Третий месяц идет война. Третий месяц обивает пороги военкомата Алексей Егоров. Тогда, в то «черное» воскресенье, он сразу после выступления Молотова пошел в военкомат. Но там было уже не протолкнуться. Дежурный техник-интендант с красной повязкой на рукаве, посмотрев на военный билет Егорова, хриплым голосом пробурчал, словно надеясь, что так его скорее поймут: сейчас не до таких, как Егоров; призывают строевых командиров и врачей. Дойдет очередь — вызовут.

Шли дни, а Егорова не [illegible]. Внешне, как всегда, невозмутимый и даже флегматичный, Алексей злился, возмущенный своим [illegible]. На фабрике забрали в армию всех мужчин. И инженеров, и начальников цехов, и даже слесарей-наладчиков — самые мужские специальности — стали женщины. Даже молодых ребят брали на фронт — санитарками, [illegible]. И только он один, здоровый молодой мужик, должен каждый день выстаивать свои часы в бабьем царстве планового отдела.

Порой ему казалось, что женщины, давно знакомые милые сотрудницы отдела, насмешливо смотрят на него. И тогда он мрачнел, старался почти не выходить из опостылевшего ему теперь рабочего кабинета. Раньше всех приходил на фабрику и задерживался допоздна. Изнурял себя работой, но радости от нее не испытывал, терпеливо ожидая вызова. Но однажды сорвался. Фабрику перевели на выпуск военных изделий. Начали бронировать специалистов. Когда к Егорову пришла с очередной анкет инспектор личного стола, он не выдержал, наорал на ни в чем не повинную женщину и тут же снова отправился в горвоенкомат. Опять отказ. Но теперь уж Алексей решил не отступать, взять военкоматских чиновников на измор, пока не призовут, и зачастил туда чуть ли не каждый день.

Зина терпеливо ждала, пока остынет под душем не в меру расходившийся супруг. Наконец он появился, вытирая волосы мокрым полотенцем.

— Ну что же тебе ответили сегодня?

— Что ответили?— снова взвинчиваясь, переспросил Алексей.— То же, что и вчера и позавчера. Ваша, мол, спе-

циальность мобилизации сейчас не подлежит, товарищ техник-интендант...

...А из Москвы ответа все не было. Видать, Зина была права, наркому действительно сейчас не до таких рапортов. Гитлеровские танковые дивизии рвались к Брянску и Орлу, к Туле. И все же Егоров не терял надежды. Он слал посылал письмо за письмом. И наконец — долгожданная: «Техник-интенданту второго ранга Егорову А. С. явиться в военкомат».

Неласково встретила Егорова Москва. Уже на перроне Казанского вокзала у него проверили документы. В метро, куда он спустился, чтобы ехать в центр, снова потребовали документы. Видимо, поскольку [illegible] Алексея в длиннополом [illegible] Петровой шляпе, с вещевым [illegible] вызвало подозрение у бдительных [illegible]

Возле гостиницы [illegible] его вновь остановил патруль [illegible] до самого подъезда дома наркомата, куда нужно было Егорову явиться...

— Решено направить вас, товарищ Егоров, на курсы военно-финансовых работников, — [illegible] с документами, сообщил майор.

— Не понимаю, при чем тут курсы?— удивился Егоров.— Я же просился [illegible]

— Знаю. Читал ваш [illegible] имя наркома,— показал майор на тоненькую [illegible], лежащую перед ним.— Только у нас тут тоже фронт.

— Да, но я хотел, чтобы вот своими руками

— Что вы можете своими руками?— рассердился майор.— Стрелять из мелкокалиберки в [illegible] подвижной мишени в тире? Только этот враг, что прет сейчас на Москву, такого ученья не боится. И почему вы думаете, что в армии все только и делают, что стреляют? Кончите курсы, будет видно, куда и на какой фронт вас направить. А сейчас от вас там проку мало.

Минуло три месяца. В последние дни учебы, перед выпуском, на курсах появились сваты — кадровики распределять выпускников. Среди них Егоров увидел и майора из штаба тыла. Тот тоже узнал Алексея и напрямик заявил, что заберет его в Центральное финансовое управление.

Вот так и оказался техник-интендант Алексей Егоров вместо фронта снова за письменным столом. Он уже не отваживался заводить разговор о фронте, хотя и не мог сми-

риться со своим положением. По-прежнему искал возможности избавиться от арифмометра и взять в руки оружие.

Недаром говорят: кто ищет, тот всегда найдет. Нашел и Егоров свой случай. Однажды зимой в комнату, где работал Алексей, зашел полковник. Высокий, стройный, неторопливая уверенная походка. На смуглом, по-мальчишески круглом лице, прорезанном прямом, приветливая, чуть иронническая улыбка. На груди — орден Ленина, два ордена Красного Знамени и медаль «XX лет РККА». Полковник долго и деловито обсуждал что-то с интендантом второго ранга, сидевшим в той же комнате, неподалеку от Егорова. Тем временем Алексей «ел глазами» незнакомца — ему еще не доводилось близко встречать столь заслуженных людей. Когда полковник вышел, Егоров поинтересовался, кто он.

Интендант удивился

— Не знаешь полковника Илью Григорьевича Старинова? Впрочем, откуда, ты же не кадровый,— невольно уколол он Егорова.— Это, брат, заслуженный человек. Илья Григорьевич еще в тридцать шестом воевал добровольцем в Испании. Потом на финской доты подрывал. — И перешел на шепот.— А сейчас он — начальник школы при Центральном штабе партизанского движения. У них готовят таких лихих парней для вражеского тыла, что ой-ой-ой!

Интендант заметил в лице Алексея что-то такое, от чего неожиданно засмеялся:

— Ты что, не веришь мне?

— Да нет, просто мечтаю: вот бы попасть туда...

— Так в чем же дело? Поговори с полковником. Он человек влиятельный. Как скажет, так и будет. Вот прокрути ему быстро смету — как раз повод для знакомства.

Егоров ухватился за эту идею и с удовольствием сделал для полковника немалую работу.

Когда в отделе снова появился Старинов, они долго обсуждали с Егоровым все детали финансовой сметы школы.

Усталые, вместе вышли в коридор покурить. Тут-то и высказал Алексей свою мечту Илье Григорьевичу.

Старинов долго молчал, курил и время от времени окидывал Егорова своими прищуренными глазами.

— Ты коммунист?

— Кандидат.

— Хорошо.— И переспросил Алексея:— Значит, хочешь стать подрывником?

Егоров смущенно кивнул головой.

— Это дело. Профессия самая что ни на есть боевая и дорогая как для нас, так и для противника. Опытный подрывник один может сделать то, что подчас не под силу целой роте. Да что там роте!— Илья Григорьевич взволнованно зашагал перед Егоровым.— На финской, бывало, батальон с приданными орудиями ничего не мог сделать против вражеских огневых точек, потому что никакой снаряд их не брал, а бойцы под огнем гибли, не доползая до них.

Глаза Старинова потемнели, словно он увидел этих бойцов, ползущих под ливнем огня к проклятым железобетонным сооружениям.

— А отделение подрывников, подползая на брюхе к доту, поднимало в воздух эти громадины. Теперь,— Старинов оживился,— представь себе такую картину: мчит по рельсам эшелон, а в нем батальон фашистских головорезов. Обученных, до зубов вооруженных, готовых в любую минуту смять нашу роту. И вдруг взрыв — и все летит к чертовой матери. Сработала умело поставленная мина. Сила!

Полковник закурил новую папиросу.

— Нам во как,— он чиркнул ладонью по горлу,— нужны подготовленные минеры-подрывники для партизанских отрядов. Ты сам видел, просматривая смету, правительство не жалеет денег для этого дела. А что касается твоей просьбы...— Старинов на мгновение остановился.— Расскажи-ка о себе.

Егоров рассказал полковнику свою немудреную биографию.

— Так, говоришь, любишь химию с физикой?— перебил вдруг Старинов Алексея.

— Да, люблю и знаю, а только к чему это?— недоуменно спросил Алексей.

Старинов усмехнулся.

— Ты вот все больше на красоту по швам нажимаешь, а дело наше — это тяжелая, будничная и опасная работа. И ты мне понравился, прямо тебе скажу, не твоими восторгами, а настойчивостью и деловитостью, которые я у тебя увидел еще при обсуждении сметы.

И, уже возвращаясь в комнату, посоветовал:

— Прежде чем решиться на то, о чем ты меня просишь, все взвесь.

— Я твердо решил, товарищ полковник,— ответил Егоров.— Прошу вас, поговорите с моим начальством.

— При случае поговорю,— пообещал Илья Григорьевич. — Пока — работать.

Алексею показалось, что Старинов сомневается в нем. И не ошибся. С одной стороны, Старинову понравилась решительность техника-интенданта, готовность оставить спокойную службу и идти в самое пекло войны, а с другой — закрадывалось сомнение: хоть и в военной форме, а гражданский человек, не нюхавший пороху.

И все же на следующий день Старинов говорил с Егоровым в штабе партизанского движения, а еще через день — в Центральном финансовом управлении, полагая на то, что человек-де сам пресечет и не потерпит его просто грешно: коммунист, хорошо знает физику и химию, да и на себя парень хоть куда — орлище!..

Снова учеба. Только теперь не за тяжелыми дверями, а в чистом поле, на учебном аэродроме, в спортивном зале, на полигоне.

Тяжко давалась она Алексею. Ныли изнеженные сидячей работой мышцы, не сходили синяки от захватов и боевых приемов, на которые так скупились новые товарищи Алексея во время занятий по самбо. Звенело в ушах от ежедневных стрелковых тренировок. Получил травму, приземляясь с парашютом в полном десантном снаряжении,— тяжеловат оказался. Как избавление от мук были жесткая койка в казарме и глубокий сон без сновидений. Даже детишек перестал видеть во сне. Но зато окреп, уверенное стала походка, пружинящим — шаг. И только плоскостопие доставляло неприятности: каждый вечер по пяткам словно палкой били.

Зато неожиданно легко дались Егорову подрывная техника и тактика применения различных мин. Полковник Старинов, наблюдавший за учебой Алексея особенно ревниво — ведь, что ни говори, по его рекомендации пришел человек в школу,— был доволен.

Подошло тревожное лето сорок второго года, второе лето войны. На большой оперативной карте в классе тактики постепенно покрывалось синевой флажков, обозначавших немецкие войска, междуречье Дона и Северного Донца. Синие флажки появились сперва под Воронежем, потом под Шахтами и вдруг высыпали на правый высокий берег Дона по всей его большой излучине.

Темной августовской ночью боевая тревога прервала учебу Алексея Егорова. В глухой тишине коридора начальник шко
ба парти
Самол
где-то да
В тесном
он сам, с
со скулас
нов (с Г
фронт, вы
летят в н
ной устан
дой уже ч
подпишат
сядут на
ночвится
ри. Но
партизана
работал
Мало
ными через
П
нимал А
чего не
с тех, с
самую Ег
низке в т
вину. Не
теть спина
Далеки
ричные ста
обочину ра
быки, а ни
ми — женщ
рят из под
Сталин
подлома. Во
Кажется,
степях. Но
вут люди,
товятся к в
Горько
стоит восст
Москву при

ник школы зачитал приказ начальника Центрального штаба партизанского движения...

Самолет набрал высоту. По слабым огневым сполохам где-то далеко впереди [illegible] что там линия фронта. В тесном фюзеляже [illegible] Ли-2 четверо: он сам, его верный [illegible], [illegible] с лысиной со скулатым [illegible] и обветренным [illegible] Н[illegible]ванов (с Павлом они в прошлом [illegible] на фронт, вместе вернулись в Москву и в [illegible] летят в партизанский край), дремлет [illegible] стрелковой установки воздушный стрелок, а бортмеханик, немолодой уже человек с волевым лицом, прочерченным глубокими морщинами воз[illegible] сидит на месте [illegible] появится в салоне, [illegible] горы. Пол салона завален десантными мешками: здесь почта партизанам, оруж[illegible], боеприпасы, продовольствие, батареи для радиостанций — каждый фунт груза.

Монотонно гудят [illegible] Где-то возле [illegible] железный перезвон, словно звенят [illegible]

Павел, пытаясь перекричать гул моторов, о чем-то спрашивает. Алексей показал головой, и сказал на ухо: мол, ничего не слышу, [illegible] Павел машет руками. Небось, [illegible] интересуется, скоро ли прилетим. А кто его знает! Полет не по расписанию. Егоров посмотрел в иллюминатор. Самолет словно повис в темной пустоте. Ни земли, ни неба, ни [illegible] вниз. Неплохо. Может, и [illegible] незаметно перелететь линию фронта.

Далеким и тягостным оказался путь до Москвы. Разоренные станицы, [illegible] Вдоль дороги [illegible] на обочину разбитая и сожженная техника. На полях кое-где быки, а иной раз и коровы тянут плуги, боронят. А за плугами — женщины. Идет машина — остановятся и долго смотрят из-под ладони.

Сталинградские степи, превращенные в свалку металлолома. Всюду развалины, голые печные трубы, землянки. Кажется, негде селиться в этих напичканных железом степях. Но смотришь, в старых блиндажах, землянках живут люди, вернувшиеся к родным пепелищам. Живут и готовятся к весне.

Горько было Егорову: ему ли, экономисту, не знать, чего стоит восстановить в этих местах хозяйство. Поэтому и в Москву приехал сердитый, гадая, зачем отозвали с фронта.

В Москве, в маленьком старинном особнячке, где располагался Украинский штаб партизанского движения, его встретил улыбающийся Илья Григорьевич Старинов. И злости как не бывало.

— Ну, как доехал?— приветливо спросил Алексея Старинов, приглашая в свою «келью»— крошечный служебный кабинетик.

— Знатно, Илья Григорьевич,— ответил Алексей. Десять дней путешествия по вчерашним полям войны стоят университетского курса.

— Насмотрелся?— грустно взглянул Старинов.— Ничего, это полезно, злее будешь.

— Да уж и так злой как черт.

Они сели рядышком возле письменного стола с черной дерматиновой крышкой, заляпанной чернилами.

— Отдыхать будешь с дороги или прямо к делу?— положив руку на острое колено Алексея, спросил Старинов.— А то можно небольшой отпуск, дней на десять, выцыганить у начальства. Правда, на большее не рассчитываю.

— Какой отпуск, Илья Григорьевич! Настроение не отпускное. К тому же десять суток уйдет только на дорогу. Пока доберешься до Алма-Аты, пока возвратишься — вот и все время. И потом, мне никак нельзя до победы домой возвращаться.

— Это почему же?

— А вот смотрите.— Егоров вынул из нагрудного кармана гимнастерки фотокарточку, с которой улыбались Зина и малыши. На обороте было написано: «Возвращайся скорее с победой».— Видите, условие поставлено — с победой.

— Ну а как со званием, все еще техник-интендант?

— Месяц тому назад переаттестовали в лейтенанты. Так что покончено с интендантским прошлым.— Егоров пристально посмотрел на утомленное лицо Ильи Григорьевича.— Зачем отозвали, товарищ полковник?

— Скоро узнаешь. А с партией как?

— Недавно приняли в члены и выдали новенький партийный билет,— с гордостью ответил Егоров.

— Ну, от души поздравляю.— Старинов крепко стиснул ладонь Егорова.— Так как же ты думаешь распоряжаться теми десятью сутками, что тебе сами даются в руки, а? Может, я прикомандирую тебя к школе, ты там отдохнешь и погребок вырешь?

— Что-что?— не понял Егоров.

Старинов засмеялся,

— Да байка есть такая. Уезжал отец на ярмарку продать кое-чего, покутить, если удастся. А хозяйство на сына оставил. Вот и наказал сыну, уезжая: «Я на ярмарку поехал, а ты тут отдохни без меня и погреб вырой».

На сей раз Егоров расхохотался.

— Какой же «погребок» вы мне предлагаете?

— Думаем, Алеша,— Старинов понизил голос,— доверить тебе очень ответственное дело. Помнишь нашу мину замедленного действия? Так вот, наша «душечка-эмзедушечка» уже работала у брянских партизан, так сказать, в порядке эксперимента. Теперь настало время ее массового применения в другом месте. И вспомнили мы тебя — ведь ты когда-то ею занимался.

— Было дело,— задумчиво произнес Егоров.

— Ты, Алексей, помнится, когда клянчил у меня, чтобы взял в школу, говорил, что рвешься на фронт, чтобы после победы было не стыдно посмотреть в глаза своим детям.— Старинов пристально смотрел на Егорова.

— Говорил.

— Вот возьмешься за работу, которой не то что твои дети будут гордиться, а о которой песни складывать будут. В школе поработаешь вместе со своим верным Павлом — он у тебя вроде ассистента будет. До каждого винтика изучишь мину, потренируешься на полигоне, заодно «повторишь» и другие «взрывоопасные предметы». А потом полетишь выполнять специальное задание. Договорились?— Старинов встал, показывая, что пора беседу кончать.— Иди в канцелярию за документами для себя и Строганова и поезжайте на дачу, там встретимся.

Три недели Егоров «копал погреб», пока его снова не пригласили в штаб партизанского движения.

В просторном кабинете, увешанном картами, на которых пестрели разноцветные флажки, за большим столом сидел генерал-майор Строкач, начальник Украинского штаба партизанского движения. Он что-то писал. Когда полковник Старинов ввел Егорова в кабинет, Строкач поднял на них буравчики-глаза, кивком предложил сесть. Затем отложил ручку, протянул Старинову исписанный листок, приказав немедленно отпечатать, и протянул через стол руку Егорову, поздоровавшись с ним, как с давним знакомым.

— Ну как, Алексей Семенович, отдохнули?

Егоров смутился.

— Так точно, товарищ генерал.

— Ну тогда, думаю, уже можно сказать вам, что вы

являлся заместителем командира одного из крупней-
ших партизанских соединений Героя Советского Союза ге-
нерала Федорова. Слыхали о таком?

...Есть много памятных дат и событий в истории чехо-
словацкого народа. Не однажды поднимался он на освобо-
дительную борьбу за свою свободу, за национальную неза-
висимость. Но среди всех событий самое знаменательное —
Словацкое национальное восстание против фашизма.

Восстание выявило немало героев. Им поставлены па-
мятники, в честь их названы улицы и установлены мемори-
альные доски. Имя Алексея Егорова не затерялось меж них.

Его уже нет с нами. Щедрое сердце, отданное людям, не
выдержало перегрузок. Но и сейчас память о нем, знамени-
том вожде 1-й Чехословацкой партизанской бригады, бе-
регут благодарные словаки. Всякий раз, когда он приезжал
в милую его сердцу Словакию, ему выносили хлеб-соль, а
дорогу устилали живыми цветами. Он был и остался почет-
ным гражданином Банска-Быстрицы и Ружомберока, Пар-
тизанской Лупчи и Брезно. На картах Словакии есть гор-
ный перевал Егорова на Дзюмбоке. О бесстрашном партиза-
не-командире рассказывают детям на уроках, пишут
книги.

Надолго останутся в памяти ветеранов августовские дни
1964 года, когда Чехословакия отмечала двадцатилетие
восстания. Тогда в Прагу съехалось много гостей и своих,
чехословацких, и из Советского Союза. Праздник головщи-
ны вылился в демонстрацию чехословацко-советской друж-
бы. Произносились речи и тосты, вручались награды. Но
среди этих наград была одна необычная. Всем бывшим
партизанам бригады Егорова вручалась почетная парти-
занская награда — «Звезда Егорова». И первым ее полу-
чил человек, давший ей имя,— Алексей Семенович Егоров.
Ко многим высшим воинским отличиям Чехословацкого
государства — ордену Яна Жижки, двум орденам Восста-
ния и ордену «За храбрость», которых удостоился совет-
ский офицер в братской стране,— добавилась еще одна,
названная в его честь.

С глубокой благодарностью принял Алексей Егоров на-
граду. Ведь это было не только признание его личных за-
слуг, но и высокая оценка той братской помощи, которую
оказали чехословацкому народу советские воины и парти-
заны в тяжелое фашистское лихолетье. Тогда же он увидел
в газете «Руде право» за 29 августа 1964 года свой портрет,
а рядом — портрет бывшей партизанки его бригады

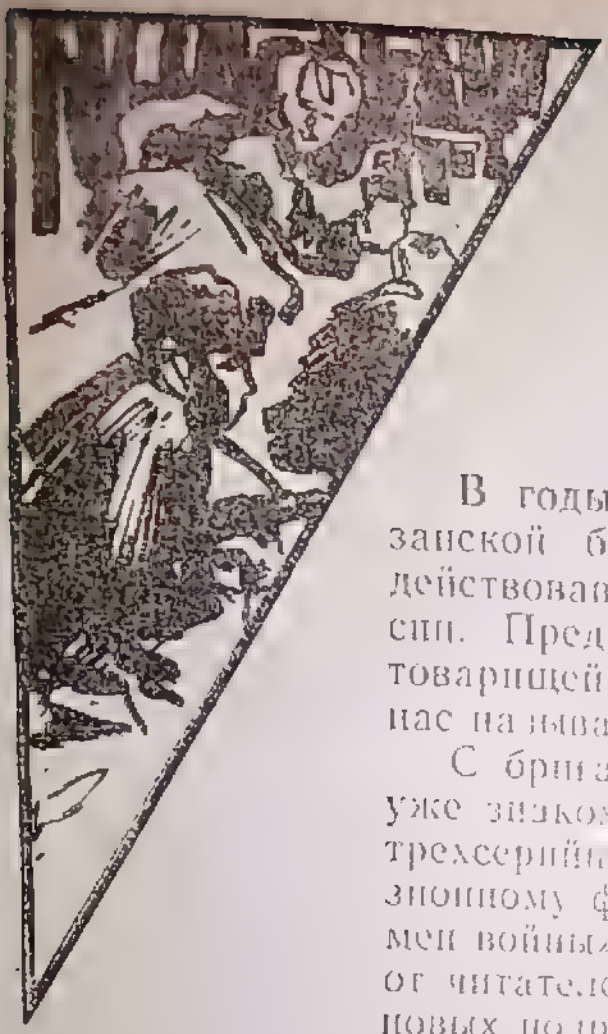
Штепанки Урбанковой и ее письмо своему комбригу. Штепанка писала: «Дорогой Алексей Семенович! В 1944 году, перед самым началом Словацкого национального восстания, мы с мужем поехали в Дубову. С нами в купе ехала группа государственных чиновников тогдашней Словакии. Я делала вид, что не замечаю их, а сама внимательно слушала, о чем они говорили. Они говорили о Вас и Ваших партизанах. Солидный полковник тыкал пальцем в сторону Правновой и вполголоса говорил: «Посмотри с краю, господа, там партизан как зух. И румяный, и видно, что-то ест. Если бы мы только знали, с кем имеем дело! Кто поедет в села, покупают у крестьян [illegible], а потом на полицейские управления, отстреливаться. И хоть бы что! Их поддерживает все население». Но вы не пошлете в горы солдат, господин полковник? — спросил поп, что ехал вместе с ними. «Что вы, что вы!» — сказал полковник за голову. — Добрая половина солдат разбежалась бы по домам, а остальные перешли бы к партизанам».

Тогда я еще не знала, что [illegible] Несколько увидеться 30 августа я взяла в Гарманце журнал «Чака», который издавался в небольшой типографии на бумажной фабрике. На вокзале в Банска-Бистрице было много людей. Все спешили на поезд. Но кто-то на ходу выскочил из вагона и закричал: «Не напирайте, здесь Егоров со своими хлопцами едет освобождать Правнову». И что бы Вы думали? Все спокойно отошли от вагонов, потому что верили, что Вы со своими партизанами поможете Правнову...

Мы помним Вашу сердечность. Никогда не забыть нам тот вечер, когда связной принес весть о гибели Яна Дропы, и траурный митинг на Правновой, посвященный его памяти. Вы призывали тогда отплатить врагам за смерть Яна и Ваши. Ваши слова были и нашей партизанской клятвой. Мы жестоко мстили фашистам.

Ваша Штепанка Урбанкова».

Если вы встретите человека с необычной наградой на груди — «Звездою Егорова», знайте — это партизан из его бригады, прошедший славный боевой путь вместе со своим легендарным комбригом. А заветные слова, вычеканенные в центре звезды, — «Гори, огонек, гори» — есть негасимая память о вечной нерушимой дружбе двух братских народов. Эта дружба вечна потому, что скреплена она кровью, красной, как эмаль на звезде.



МИХАИЛ ПРУДНИКОВ,
Герой Советского Союза, генерал-майор в отставке

ИЗ БРИГАДЫ „НЕУЛОВИМЫЕ"

В годы войны я командовал партизанской бригадой особого назначения, действовавшей на территории Белоруссии. Предметом особой гордости моих товарищей по бригаде является то, что нас называли неуловимыми.

С бригадой «Неуловимых» читатель уже знаком по прежним моим книгам и трехсерийному документальному телевизионному фильму «Частная хроника времен войны». Я получаю множество писем от читателей и зрителей, требующих все новых подробностей о действиях «Неуловимых». В частности, многие читатели обратили внимание на то, что бригада состояла из 16 отрядов, и спрашивают, не случайно ли это число совпадает с числом существовавших в то время союзных республик? Отвечаю: не только не случайно, но и знаменательно для моих коллег — чекистов, партизан и подпольщиков, вместе с которыми мы сражались в те памятные годы. Представители многих национальностей сражались в наших рядах, вот почему каждый из отрядов по предложению партизан создавался в честь одной из братских республик нашей страны. Один из них был создан в честь Казахской ССР, о нем и пойдет речь на этих страницах.

Обращаясь к боевым делам этого отряда, я вспоминаю далекие предвоенные годы, когда в 15-м полку войск ОГПУ, размещавшемся в Алма-Ате, началась моя чекистская служба. Здесь я был принят кандидатом в члены ВКП(б), впервые надел командирские знаки отличия. Так для меня, сибиряка, Казахстан стал второй родиной. Опыт, приобретенный в казахских степях, сослужил мне добрую службу в лесах Белоруссии.

На временно оккупированной врагом территории каж-

дый отряд был боевой ячейкой, представляющей здесь нашу партию, Советское государство. На их примере можно четко проследить, как воплощались в жизнь указания Центрального Комитета нашей партии об организации борьбы в тылу врага.

Наша бригада выросла из специального оперативно-чекистского отряда особого назначения численностью в 29 бойцов, а к концу сорок второго года в ее рядах насчитывалось 3200 человек. К нам шли окруженцы, не бросившие оружия, бежавшие из гитлеровского плена красноармейцы и командиры, а больше всего — жители окрестных городов и сел, искавшие любую возможность для вооруженной борьбы с захватчиками и остро нуждавшиеся в профессиональной организации этой борьбы и руководстве ею.

Партизанское движение поднялось на гребне волны народного гнева. Его возглавили на местах оставленные во вражеском тылу подпольные партийные органы. Большую роль в организации действий народных мстителей приняли на себя коммунисты-чекисты, из которых создавались отряды особого назначения, подобные нашему.

Партия считала, что основой успеха нашей борьбы с врагом явится братство народов Советского Союза. Идеи интернационализма и братства советских народов проявлялись всюду, в том числе и в партизанском движении. Достаточно сослаться на нашу бригаду, бойцы которой представляли более восьмидесяти национальностей.

Партия учила нас, что гарантией успеха партизанской войны, а также борьбы с абвером и гестапо, является теснейшая связь с подпольем на местах. Пожалуй, ни одна операция в те годы не проводилась без участия подпольщиков. Действия отряда, созданного в честь Казахской ССР, убедительно подтверждают это.

Партия прозорливо предвидела и то, что на путь активного сопротивления гитлеризму поднимутся народы порабощенной Европы. И действительно, бойцы-интернационалисты взялись за оружие повсеместно. Сложилось подполье даже в самой Германии. Многие партизанские отряды, сражавшиеся на временно оккупированных территориях нашей Родины, часто получали ценную информацию от участников движения сопротивления далеких Франции, Италии, Югославии, Бельгии. Кроме того, в различных странах Европы под партизанскими знаменами сражалось большое количество советских граждан, волею судьбы оказавшихся

...в от Родины. Такова сила идей интернационализма и ...ярности трудящихся.

Указания партии об организации борьбы в тылу врага ...пирались на прочный фундамент нового социалистического общества, уже доказавшего прочность и непоколебимость своих устоев.

Собирая материалы для данного рассказа, мне пришлось заново перебрать множество документов, характеризующих деятельность советских партизан, в том числе и тех, кто сражался с фашизмом за пределами нашей Родины.

Однажды мне встретилась выписка из боевой характеристики на гвардии старшего лейтенанта Сатымбека Омаровича Тулешева от 25 января 1945 года. В ней, в частности, говорится: «Товарищ Тулешев, находясь в партизанском соединении, проявил себя мужественным и отважным командиром в борьбе с немецкими захватчиками. Лично руководя диверсионной работой на коммуникациях противника...» Я предполагал, что этот документ имеет непосредственное отношение к тем событиям, о которых я собирался рассказать. И вскоре было, перебирая адресованные мне письма Тулешева, его ...встречи с ним, я все больше убеждался в этом.

Послевоенную ...Сатымбека Омаровича я знаю с его слов. Он окончил с отличием Алма-Атинский полиграфический институт, потом много лет возглавлял в Алма-Ате передовое полиграфическое предприятие, и к боевым наградам прибавились еще орден ...Красного Знамени. А через двадцать лет после окончания войны его ...награда Государственного совета Польской Народной Республики — орден «Виртути Militari». Таким образом, найденный документ заставил меня углубиться в боевую биографию этого славного воина-партизана.

Начиная свою чекистскую службу на казахской земле, я уделял много времени изучению истории революционного движения и борьбы за установление Советской власти в Казахстане. Передо мной вставала впечатляющая картина бессмертных подвигов, совершенных Алиби Джангильдиным, Амангельды Имановым и многими другими героями казахского народа. Бок о бок с казахами сражались за власть Советов русские большевики, воины-интернационалисты из бывших военнопленных: немцы, венгры, чехи и многие другие. О них написаны монографии, они вошли в славную историю Казахской Советской Социалистической Республики.

Прямая преемственность существует между бессмертными делами борцов за дело Октября и подвигами участников Великой Отечественной войны, совершенными как в рядах Советской Армии, так и в отрядах партизан. В годы войны я непосредственно ощущал эту [illegible] связь поколений.

В годы гражданской войны без [illegible] с [illegible] Родине восемнадцатилетний боец РККА [illegible] Мирзоян Никитин. Начал с [illegible] борьбы с [illegible] в составе 2-й Советского полка, [illegible] с [illegible] и Западном [illegible] боях с бандами генерала Краснова, [illegible] кулацкого мятежа в Мордовии, [illegible] в боях курсах красных командиров в Москве, в [illegible] сражения с деникинцами, защита Петрограда от Юденича, освобождение Казахстана от белогвардейцев.

Красному командиру Тельберу [illegible], конечно, не приходило в голову, что через [illegible] судьба сведет нас в белорусских лесах [illegible] боях и с казахом, которого [illegible] по-прежнему грудноизносимости [illegible] все называли Сашей. Это был Сатымбек Омарович Тулешев, которого я по партизанской традиции и впредь буду называть Сашей — именно под этим [illegible] помнят его боевые соратники в нашей стране и за рубежом.

Тропы, приведшие бойцов в партизанские соединения, были разными, но наш [illegible] был общим, наши жизненные университеты — [illegible]. Это относится ко всем партизанам, где бы они [illegible] действовали. В том числе и к бойцам отряда нашей бригады.

Родившийся в 1920 году Саша с малых лет остался сиротой, до 1937 года воспитывался в детском доме в Саратове, самостоятельную жизнь начал в Семипалатинске, а затем переехал в Алма-Ату, где был принят в военное стрелково-пулеметное училище.

Здесь и произошла наша первая встреча.

Впоследствии, по рассказам самого Сатымбека Омаровича, публикациям в прессе и архивным документам я восстановил основные этапы его биографии довоенных лет.

Стрелково-пулеметное училище Саша окончил, когда на западе нашей Родины уже гремела война. Вчерашние курсанты, ставшие офицерами, рвались в бой, и Саша с радостью принял вместе с лейтенантскими петлицами назначение в 391-ю стрелковую дивизию, которая формировалась в Алма-Ате. В 1024-м стрелковом полку этого соединения

[illegible]ой лейтенант получил роту. Как в то время часто [illegible]лось, большинство солдат этого подразделения оказ[illegible]лись вдвое старше своего командира. Многие из них участвовали в первой мировой и гражданской войнах, завоевать их доверие можно было лишь отличным знанием своего дела. А военное дело лейтенант Тулешев знал. Отличали его и другие командирские качества: справедливость, строгость, постоянная забота о подчиненных. В приказах по дивизии не раз отмечались успехи роты лейтенанта Тулешева.

Войну Саша начал под Москвой, где и произошла наша вторая встреча. Мне нравился молодой лейтенант, и я интересовался его судьбой. С радостью узнал о проявленной им отваге в ожесточенных боях за город Холм, которые вела в феврале 1942 года 391-я дивизия. С болью услышал о полученном Сашей ранении. Теперь мне трудно отделить узнанное о нем в дни войны от того, что добавило позже изучение документов. Детали биографии срослись, стали неразрывными.

После госпиталя лейтенанта направили на высшие офицерские курсы «Выстрел», где проходили переподготовку особо отличившиеся командиры. Окончив их, Саша сражался в составе 252-й танковой бригады и здесь командовал уже батальоном. После нового ранения, пройдя очередную переподготовку, Саша получил назначение в воздушно-десантные войска.

Этот факт боевой деятельности Тулешева не был случайным. В десантники отбирали смелых, решительных, знающих бойцов и командиров. Надо было достойно зарекомендовать себя в боях, чтобы получить такое назначение.

Началась новая жизнь воина. Теперь он не поднимал бойцов в атаку, не окапывался для обороны, а наоборот, зачастую должен был избегать встреч с противником, потому что забрасывался во вражеский тыл в составе маленькой группы или с индивидуальным заданием, которое имело отношение либо к разведке, либо к организации связи с партизанскими соединениями.

Не все операции, в которых участвовал Саша, проходили благополучно. Не раз лейтенанту приходилось вступать в боевые столкновения с противником. Он научился, избежав удар, уйти, не оставив следа или направив врага по ложному пути.

Впрочем, надо дать читателю представление о работе десантника Саши Омарова.

...Самолет дальней авиации готов вырулить на взлетную полосу. Ждали «пассажира».

Лето было на исходе, и темнело довольно рано. Приехали двое — лейтенант и подполковник. На аэродром ехали молча. Теперь перед вылетом подполковник снова задает обязательные проверочные вопросы, а лейтенант четко на них отвечает. Так было всегда, так и на этот раз. Убедившись, что лейтенант задание помнит, что и в каких обстоятельствах делать знает, подполковник пожелал ему счастливого пути.

Стрелок-радист дружески кивнул Саше, показал, где он может расположиться, и тут же занялся своим делом. Столь же немногословны были скрывшиеся в кабине командир и штурман. Предстояло несколько часов полета, и Саша откинулся на спинку лавки, прикрыл глаза и заставил себя полностью расслабиться, как всегда делал в полете. Этому помогала память. Пусть плывут перед мысленным взором картины весенней степи, за ними можно следить бесконечно долго...

Самолет набрал высоту, пробил облачность и, прикрытый ею, устремился на запад. В эти часы Саша не думал о задании. Он помнил его во всех деталях, и лишнее повторение только отнимало бы силы. Но все происходившее вокруг не проходило мимо сознания. В какой-то момент он понял, что самолет миновал линию фронта, хотя в иллюминатор не смотрел, да и не увидел бы там ничего — землю скрывала густая облачность. Но он знал, что не ошибся, и это подтвердил стрелок-радист, подмигнувший Саше,— мол, все в порядке.

Спустя еще час Саша почувствовал, что самолет пошел на снижение. И опять, как всегда, он внутренне собрался. В иллюминатор были видны только клочья облаков, разрывы между которыми становились все шире. Потом наступила темнота — облачность кончилась, внизу лежала ночная земля.

Теперь Саша был полностью занят предстоящим прыжком. Он даже не поворачивался к радисту, зная, что в нужный момент тот похлопает его по плечу. Впрочем, этот момент Саша обычно определял сам, заметив на земле сигнальные огни. Уже по этим огням опыт позволяет узнать многое. Если они ярки и четко расположены, значит, встреча на земле организована надежно, и встречающие уверены,

что все пройдет благополучно. Так было и на этот раз... Но Саше показалось, что горят они слишком ярко. Надо будет указать на это партизанам: слишком яркие костры могут привлечь к себе постороннее внимание. Конечно, неприятно начинать встречу с замечаний, однако нельзя без них.

Стрелок-радист открыл люк, и Саша, улыбнувшись ему на прощанье, привычно шагнул вниз.

Лейтенант не торопился рвать кольцо парашюта. Он падал камнем, и костры с каждой секундой приближались и становились все ярче. Сомнение вернулось к Саше. Пожалуй, лучше приземлиться где-нибудь подальше от этих подозрительных огней, а на условленную встречу пойти после небольшой разведки.

Ткнувшись ногами в мягкую землю, он смотал парашют и стал зарывать его в землю. Лейтенант чутко вслушивался в показавшуюся ему недоброй ночную тишину. И донесся до него собачий лай. Нет, партизаны не встречают долгожданных гостей с Большой земли с собаками. Это враги ищут советского парашютиста. Одно из двух — фашисты либо обнаружили сигнальные костры, либо развели их сами, уничтожив группу встречи.

А лай приближался с трех сторон. Свободна лишь четвертая, где простиралось болото. Создать ложный след не было возможности, и лейтенант принял единственно возможное решение — углубиться в болото. Он шел по колено в ледяной воде. Это плохо. Зато собаки преследовать его не будут, гитлеровцам придется оставить лодки и самим лезть в болото... А может, и не полезут, не станут ноги мочить.

Камыши скоро кончились, перед Сашей открылась водная гладь. Выхода не было, и он пошел по илистому дну, погрузившись сначала по пояс, потом над водой осталась одна голова. Гитлеровцы вышли к промоине, осмотрели ее, но парашютиста не обнаружили. Утонул, наверное, решили они. А разосадованный офицер зачем-то бросил в воду гранату. Она гулко взорвалась, контузив лейтенанта.

В то время, когда самолет с лейтенантом Тулешевым на борту пролетал над лесными просторами Белоруссии, в районе Полоцка отправлялась на очередное задание разведывательно-диверсионная группа «Неуловимых». Это были бойцы отряда, носившего имя Калинина СССР: Николай Ярошенко, старший сержант Астахов, братья Корсаки и Баканов. Они не видели пролетавшего самолета, как и Саша не мог увидеть их сверху. Ни им, ни ему и в голову не

приходило, что
лись, и недалек
Отряд распо
весь Селявщин
ронович Никит
минал,— участн
ти в Казахстан
Великую От
чал в должност
21-й армии Зап
беже реки Вопь
но, памятных с
В последнем бо
бессознательно
1942 года он на
ревне Первая Б
Оказавшись
земле, наш небо
кие лагеря объе
вобождая плен
бойцами и кома
трудно и опасно
целую систему
фашистской нев
ков». По просьб
местные жители
за колючей про
жа», «своякa», э
переговоров с л
взять его на во
том жительства
заицкий отряд.
ным противнику
Причин, по к
было несколько.
«доброту» так н
по чаще в ход и
цев вынуждали
ренасыщенность
яния людей. Ан
вынуждали фаш
перед населением
Нелегко было
из лагеря, однак

приходило, что именно в этот момент судьбы их пересекались, и недалеко то время, когда они сойдутся.

Отряд располагался в Полоцком районе, вблизи деревень Селявщина и Прибытки. Командовал им Тимофей Миронович Никитин — тот самый Никитин, о котором я упоминал,— участник борьбы за установление Советской власти в Казахстане.

Великую Отечественную войну полковник Никитин начал в должности начальника отдела химической защиты 24-й армии Западного фронта. Он участвовал в боях на рубеже реки Вонь, севернее Ярцева, возле деревни Печенчено, памятных сражениях 1941 года у Ельни и под Вязьмой. В последнем бою Тимофей Миронович был контужен и в бессознательном состоянии попал в плен. До апреля 1942 года он находился в лагере для военнопленных в деревне Первая Баравуха Полоцкого района.

Оказавшись на временно оккупированной белорусской земле, наш небольшой тогда еще отряд считал такие лагеря объектами, требующими особого внимания. Освобождая пленных, мы пополняли свои ряды опытными бойцами и командирами. Устраивать побег из лагеря было трудно и опасно. Совместно с подпольем мы разрабатывали целую систему способов вызволения этих сограждан из фашистской неволи. Один из таких способов — «поиск родственников». По просьбе наших разведчиков-подпольщиков местные жители, в основном женщины, «обнаруживали» за колючей проволокой «дядю родного брата», «брата мужа», «свояка», либо другого родственника и после нелегких переговоров с лагерным начальством получали разрешение взять его на вольное жительство. Как правило, новым местом жительства вызволенного товарища оказывался партизанский отряд. Но это, естественно, оставалось неизвестным противнику.

Причин, по которым немцы могли отпустить пленного, было несколько. Иногда они делали это, демонстрируя «доброту» так называемого нового порядка. Но значительно чаще в ход шел примитивный подкуп. Кроме того, немцев вынуждали к этому объективные обстоятельства — перенасыщенность лагеря, боязнь бунта доведенных до отчаяния людей. Активные партизанские действия в районе вынуждали фашистов в определенных случаях заискивать перед населением.

Нелегко было организовать побег полковника Никитина из лагеря, однако с помощью коммунистов-подпольщиков

операция удалась. И стал сорокадвухлетний советский офицер рядовым бойцом-партизаном. Таков был давно заведенный в бригаде порядок. Конечно, храбрость и воинское умение полковника проявили себя. Тимофей Миронович был назначен командиром отряда. Того самого, что был создан в честь Казахской ССР.

На очередное задание диверсионно-разведывательная группа этого отряда вышла в ночь на 27 августа 1942 года. Никитин поставил перед ней задачу — взорвать вражеский эшелон на железнодорожном перегоне Дретунь — Полота. Предварительная разведка и информация, полученная от местных подпольщиков, позволили заранее выбрать точное место и время диверсии и с большой долей вероятности предполагать, что состав будет гружен военной техникой.

У бойцов отряда имелись верные помощники среди подпольщиков. По сохранившимся документам мы знаем теперь многих из них поименно: Зинаида Алексеевна Кохан-чик (подпольная кличка «Астра»), проводившая подпольную работу в Первой и Второй Баравухах и участвовавшая в организации побега Никитина, Надежда Николаевна Залесская, проживавшая в Сестринском районе, Евгения Климовна Плеханова и ее муж Никифор Васильевич, работавший кондуктором на железной дороге в Полоцке, Ефросинья Филимоновна Костюченко и ее муж Степан Гаврилович и многие другие, имен которых, к сожалению, не сохранили архивы. Все они беззаветно помогали партизанам своевременной информацией, дополнявшей и облегчавшей действия нашей разведки. Так было и на этот раз.

По давно установленному правилу данные разведки еще и еще раз уточнялись. Поэтому, как только группа приблизилась к установленному месту, старший группы Николай Ярошенко выслал к перегону партизана Баканова. Тот убедился, что данные разведки не устарели, и группа вышла к полотну.

На этом участке патрули совершали обходы каждые полчаса. Они только что прошли, и у минеров было достаточно времени для работы. Ярошенко и Астахов установили мину со шнуровым взрывателем. Их подстраховывали справа — П. Корсак, слева — Баканов, с тыла — В. Корсак. Все было сделано на профессиональном уровне: быстро, четко и надежно. Очередной патруль на полотне не заметил ничего.

Теперь надо было ждать состава — самые трудные и волнующие часы операции...

Прошел в указанный час порожняк, и убежденность в успехе повысилась: значит, можно не сомневаться, что и груженый состав пройдет вовремя. С наступлением сумерек он появился. Николай Яроменко заметил два дыма: состав тяжел, его тянут два паровоза. Не иначе как технику везут... Застыл Астахов у шнура, ведущего к взрывателю. Его охраняет Яроменко с гранатами и автоматом, а позади — братья Корсаки и Баканов. Как всегда в подобных случаях, казалось, что эшелон движется слишком медленно... Но вот громады паровозов наползли на мину, Астахов потянул шнур. Местность озарила мощная вспышка, наползающие друг на друга вагоны покатились под откос, окрестности потряс грохот взрыва.

Размеры нанесенного урона установила последующая разведка. Взрыв уничтожил два паровоза и 59 платформ, груженных танками. В составе оказался не то почтовый, не то пассажирский вагон. Он-то и заинтересовал партизан. И не зря. Половина вагона предназначалась для почты, но сейчас она оказалась пустой, зато в другой половине П. Корсак обнаружил погибшего при взрыве офицера с портфелем, пристегнутым к запястью гитлеровца. Партизаны забрали с собой все находящиеся там документы.

Документы оказались любопытными. Наиболее ценные из них были отправлены в Москву, другие касались наших соседей — партизан рядом действующих бригад, и мы поделились с ними, кое-что относилось непосредственно к «Неуловимым».

Районом действия нашей бригады был треугольник Полоцк — Невель — Витебск. При необходимости эта география расширялась, и мы вели разведывательную и диверсионную работу также в Калининской области, республиках Прибалтики, на юге и западе Белоруссии. Поэтому мы с интересом рассматривали карту, на которой весь наш треугольник был перечеркнут красным крестом. Мы знали, что фашисты готовят против нас крупную карательную кампанию, а зловещий крест несомненно означал, что противник намерен уничтожить партизан в указанной местности начисто.. Нам удалось упредить удары врага и разгромить его именно там, где он рассчитывал расправиться с нами.

Но наш рассказ не об этом. Дело в том, что на трофейной карте значился лагерь для советских военнопленных, о котором мы ничего не знали.

Я распорядился радировать о новом лагере в Центр, а перед полковником Никитиным поставил задачу — получить наиболее полную информацию о лагере, поскольку он появился в районе действий отряда, которым командовал Никитин.

...Саша не знал, что произошло после взрыва на болоте. Он очнулся и понял, что находится в тюремном лазарете, и решил не торопиться с демонстрацией своего выздоровления: надо прежде разобраться в обстановке. Поэтому он решил симулировать ограниченную возможность двигаться, потерю речи и слуха.

Врачи отнеслись к этому довольно равнодушно и предоставили право на окончательный «диагноз» офицеру в гестаповской форме. Гестаповец для начала устроил ему самую примитивную проверку. — Выстрелил Саше сзади и выстрелил из пистолета. Ложный! Был готов к этому и даже ухом не повел: не слышит и все.

А фашист вдруг заговорил по-русски. Спросил, доволен ли больной лечением, сообщил, что Москва взята доблестными войсками вермахта... А Саша молчал. Он делал вид, что силится разобрать слова по движению губ, но это ему не удается.

Ни гестаповец, ни врач не усмотрели в его поведении симуляции. Врач сказал, что контузия тяжелая и через несколько дней можно решить, скоро ли восстановится у больного слух и речь.

Стало ясно: долго «болеть» нельзя, а то ликвидируют «за ненадобностью». И Саша стал постепенно «выздоравливать». Он брался за тяжелую работу, которая подворачивалась в тюремном лазарете или на кухне,— выносил из палат трупы, таскал тяжелые ведра с баландой. Наблюдавший за ним врач был доволен.

Через несколько дней в лазарет вновь пришел гестаповец. Он положил перед Сашей карту района выбросья, стопку чистые листы бумаги и карандаши: допрос по переписке.

Гестаповец написал: «Покажите место, куда вы должны были приземляться». Саша долго и внимательно смотрел на карту и все больше «тупел» взглядом. Затем взял карандаш и написал по-казахски: «Не помню». Фашист в ответ умелыми быстро написал: «Вы знаете русский язык?». Так же долго думая Саша написал: «Знаю». По-казахски.

— Что это может быть?— спросил гестаповец врача.

Врач только пожал плечами.

На следую
той. Вопросы
вопрос о наци
нии: «не помн
И задание, с
вспомнить. На
сал по-казахс
нает болеть г
закрыв глаза.

Гестаповец
— Это как
не имеем пере

«Постепенн
речь и слух «
по-прежнему
завестись поме
ванно. А медл
излечимым, он
еще до утренне

На очереди
голоидной вне
убедился, что
ет довольно п
улавливал дове

Опять стоя
— Вы умее
— Не помн
— Как вас
— Нуржума
— Вас забр

Саша стал
чика»: «...Я каз
умерли, работа
я начал воевать

Конец допро
из комнаты пер
и вдруг негромк
— Держись,

Так и не узн
провокация хитр

Роль развед
ные имеют пор
небольшая инфо

На следующий день гестаповец появился с целой анкетой. Вопросы уже написаны. Остается получить ответы. На вопрос о национальности ответил: «казах». О воинском звании: «не помню». Умеет ли писать по-русски? Тот же ответ. И задание, с которым был заброшен в тыл, никак не мог вспомнить. На остальные вопросы отвечать не стал. Написал по-казахски: «Как только хочу вспомнить, у меня начинает болеть голова. Дайте мне отдохнуть».— И откинулся, закрыв глаза.

Гестаповец был не без образования. Он сказал врачу:

— Это какой-то горский язык. К сожалению, мы пока не имеем переводчика ..

«Постепенное выздоровление» продолжалось. Однако речь и слух «не восстанавливались». Поиски путей побега по-прежнему оставались безрезультатными. Надо было обзавестись помощниками, но в роли глухонемого это рискованно. А медлить нельзя — как только врачи сочтут его неизлечимым, он попадает в число тех, кого увозят из лагеря еще до утренней поверки, и он уже не возвращается.

На очередной допрос гестаповец привез старика с монголоидной внешностью, Саша уже через несколько минут убедился, что «переводчик» не казах и казахский язык знает довольно плохо. Однако смысл коротких ответов он улавливал довольно быстро.

Опять стоял вопрос:

— Вы умеете писать по-русски?

— Не помню,— написал по-казахски Саша.

— Как вас зовут?

— Нуржуман Ихтымбаев,— написал Саша.

— Вас забросила к нам советская разведка?

Саша стал писать более обстоятельно, путая «переводчика»: «...Я казах, жил в Алма-Ате, мои родители давно умерли, работал в Семипалатинске, потом пришла война, я начал воевать, остального не помню».

Конец допроса удивил лейтенанта. Гестаповец вышел из комнаты первым, а «переводчик» задержался в дверях и вдруг негромко сказал:

— Держись, мальчик.

Так и не узнал Саша, что было за этими словами — провокация хитрого врага или поддержка истинного друга...

Роль разведки в партизанской войне неоценима, ее данные имеют порой далеко не местное значение. Иногда небольшая информация проделывала весьма сложный путь,

находя своего адресата. Часть ее достигала Москвы, становясь достоянием Ставки Верховного Главнокомандования, часть отправлялась к нашим соседям — партизанам бригад Марченко, Герасимова, Фалалева, Машерова, Лобанка, Талаквадзе и других, а еще часть имела дальние, а то и зарубежные адреса. Ведь Центральный штаб партизанского движения придавал большое значение связи с интернациональными партизанскими соединениями, действовавшими во многих странах Европы. Организацией этой связи занимались подпольщики и разведка. Была создана и постоянно совершенствовалась информационная цепочка, пересекавшая оккупированную врагом территорию до самых границ нашей страны и далеко перешагнувшая их.

Начальником отрядной разведки у полковника Никитина был Николай Ильич Покотарев, а потом его сменил на этом посту Николай Александрович Ярошенко, фамилия которого уже упоминалась. Бывший красноармеец, попавший из-за контузии в фашистский плен и бежавший оттуда, прошел в наших рядах путь от рядового бойца до начальника отрядной разведки и на заседании Полоцкого подпольного райкома ВКП(б) был принят кандидатом в члены партии.

Когда полковник Никитин получил задание добыть информацию о вновь организуемом гитлеровцами лагере, он привлек к этому делу разведчиков. Местные подпольщики взялись устроить Веру Смирнову, сестру нашей разведчицы Анны Смирновой, на работу в создаваемый лагерь, куда уже подбирался персонал. Подполье заверило, что Вера не будет там одинока.

Сбор информации о новом застенке фашистов требовал серьезного опыта. Поэтому полковник Никитин, не любивший рисковать командными кадрами, все чаще стал подключать их к разведывательно-диверсионным группам. Однажды настала очередь и комиссара отряда — ветерана «Неуловимых», пришедшего в белорусские леса в составе специального оперативно-чекистского отряда, Ивана Ивановича Рогачева.

Это был мой давний друг. Вместе с Иваном Ивановичем мы воевали осенью 1941 года под Москвой, когда я командовал батальоном особого назначения, совершавшим лыжные рейды в ближние тылы противника. 7 ноября батальон участвовал в историческом параде на Красной площади...

Передо мной одна из боевых характеристик, данных И. И. Рогачеву:

«С 16 июля 1942 года по ноябрь 1943 года являлся комиссаром отряда, созданного в честь Казахской ССР, партизанской бригады «Неуловимые», действовавшей на оккупированной врагом территории Белоруссии. Постоянно проводил большую партийно-политическую и агитационную работу среди бойцов и местного населения, мобилизуя их на полный и окончательный разгром фашистских оккупантов. Лично участвовал в проведении боевых операций, в боях с карателями, проявляя при этом мужество и геройство».

Слова «лично участвовал» означают, что комиссар не только принимал участие в детальной разработке всех проводимых операций, но и отправлялся под огонь вместе с другими партизанами, работая нередко штыком и гранатой...

Вот и на этот раз он напросился возглавить разведывательно-диверсионную группу. Скрепя сердце Тимофей Миронович согласился.

Рогачев еще и еще раз изучал данные разведки и информацию подпольщиков, разъяснял задачу бойцам группы.

Предстоял трудный ночной переход — более сорока километров. Маршрут был выверен и достаточно знаком, но обстановка в тылу врага менялась порой столь быстро, что разведка не всегда могла за ней поспеть. По имевшимся у Рогачева данным, тропы, по которым шла его группа, не были известны противнику, но не знал он, что минувшим днем в одной из деревень был совершен поджог немецкого склада. Сделали это, как впоследствии выяснилось, деревенские ребята, горевшие желанием сражаться с гитлеровцами. Немцы же, которым везде мерещились партизаны, решили, что поджог — дело партизанских рук, и выставили в округе засады. Подпольщики не успели предупредить нас о них...

Как бы тщательно ни был разработан план, сколь подробно ни выяснена обстановка, а партизаны всегда должны быть предельно собранными и готовыми к неожиданностям. Прояви группа Рогачева малейшую расслабленность, и операция, не начавшись, кончилась бы гибелью бойцов. Трудно сказать, что насторожило шедшего впереди Рогачева — то ли случайный звук, то ли слишком плотная тишина. Скорее всего, сработал опыт. Перед тем, как подняться на лесной пригорок, он предостерегающе поднял

руку. По этому знаку бойцы сошли с тропы и залегли в кустах. Рогачев отправил Баканова в разведку.

Вернулся Баканов спустя час. Он обстоятельно, осторожно осмотрел окрестный лес, зная, что Рогачев приблизительности в докладе не потерпит — ему точность нужна. И доклад был точен:

— Засада. Восемь человек, два пулемета, шесть автоматов.

О возвращении в отряд Рогачев не хотел думать. Диверсионная акция его группы была частью общей операции, и он не мог поставить ее результаты под угрозу срыва. Бой с засадой можно выиграть, используя преимущества внезапной атаки. Но вряд ли удалось бы избежать потерь, а всего в группе пятеро. Как выполнишь задание, потеряв хоть одного человека! Потаенными тропами можно обойти засаду. Если идти налегке, на это потребуются сутки. А у партизан не только оружие, но и тол. С грузом далеко не уйдешь. И комиссар решил [illegible] вблизи тропы, а когда засада будет снята, [illegible] за ним. Не идти же на осложнения! Но осложнения на этот раз преследовали партизан.

Засада не уходила, прошла лишь пересмена. И комиссар нашел другой выход: обойти засаду кратчайшим путем и следовать дальше по заданному маршруту.

— Без тола?— недоумевали бойцы.

— Отставить разговоры!— приказал Рогачев.

Когда засада осталась далеко позади, комиссар разъяснил сущность своего решения. Путь лежал через бывший укрепрайон. Там, в заброшенных окопах, уже не раз находили снаряды. Ночью из них вытопим взрывчатку...

Бойцы повеселели. Партизанская технология добычи взрывчатки из снарядов им была известна. Ходко пошли вперед, а на следующее утро рюкзаки вновь потяжелели. В них лежало двадцать килограммов свежевыплавленной взрывчатки.

Акцию планировалось провести в четырех километрах от станции Индра. Для этого надо было установить два заряда в двухстах метрах один от другого. Целью было уничтожение эшелона и возможно большее разрушение железнодорожного пути.

К осени 1942 года гитлеровцы значительно усилили охрану железных дорог, для удобства патрулей они вырубили лес по обе стороны полотна, и теперь подходы к до-

роге просматривались издалека. Но не могли же они защищать в любое время суток каждый метр полотна...

Группа Рогачева использовала для минирования слабо охраняемый участок двухколейного пути. И время выбрали удачно — предрассветный час, когда часовые теряют обычную бдительность. Бойцы быстро и сноровисто делали свое дело. Прошел патруль, но ничего подозрительного не заметил. Кстати прошел дождь, слизавший все следы, если они и были оставлены.

Вот и состав стучит на стыках рельсов...

Взрыв, как установила последующая разведка, уничтожил 45 вагонов с техникой и 32 вагона с живой силой; движение на дороге было остановлено на двое суток.

Но это была лишь часть задания. Информацию о новом лагере для военнопленных добыть на этот раз не удалось. Рогачев был огорчен этим обстоятельством, но что делать! Пошли домой тем же маршрутом, которым группа вышла на задание.

А засада ждет на прежнем месте. Теперь, когда задание в основном выполнено, можно и рискнуть. Бой был короток. Ни один фашист и выстрелить не успел. На месте остались восемь трупов. Подобрали трофейное оружие и обыскали убитых. Гитлеровские солдаты документов не имели. Но в кармане полицая в кисете с табаком обнаружились какие-то бумаги. Развернул партизан одну и увидел: это листовка. На непонятном языке. По возвращении в отряд сдал эту бумажку, не подозревая, что она представляет собой определенную ценность.

А в штабе бригады выяснилось: листовки напечатаны на казахском, узбекском и азербайджанском языках.

Мы знали, что интерес фашистов к языкам народов Советского Востока далеко не случаен. Не дано им было понять сущность социалистического строя, советского образа жизни с органически присущим ему чувством интернационализма и братства народов. Вот почему лелеяли они надежду на то, что удастся методами лживой пропаганды привлечь на свою сторону военнопленных из числа представителей народов Средней Азии, Казахстана, Кавказа, надеясь сформировать из них фашистского толка «легионы»...

Конечно, мы располагали информацией о пропагандистской кампании, развернутой ведомством Геббельса, и занялись разоблачительной контрпропагандой, следуя четким

ъзаниям Центра по руководству партизанским движением.

Обмен информацией по уже известной читателю цепочке давал в наши руки данные, свидетельствующие о том, что гитлеровцы развернули свою «мусульманскую кампанию» повсюду, где имелись лагеря для советских военнопленных, во многих странах Европы. Но знали мы и о том, что в интернациональных отрядах сопротивления фашизму сражаются представители многих народов СССР. В частности, было известно, что на польско-чехословацкой границе сражается интернациональный отряд, имеющий в своем составе бывших солдат Красной Армии, бежавших из лагерей, и среди них много казахов. Мы передали эту информацию в Центр и, как я узнал уже после войны, там возникла идея создания отдельного советского партизанского отряда в этом районе. Прежде всего нужно было направить туда опытного партизанского командира, желательно казаха.

Осенью 1942 года мы еще не знали этого плана Центра. Однако, сопоставив появление упомянутых выше и некоторые другие сведения, мы предположили, что новый лагерь будет иметь определенную национальную окраску. Наши разведчики получили задание удесятерить сбор информации о нем. Как всегда, на помощь пришли подпольщики. Вскоре мы узнали, что в лагерь прибывают представители исключительно национальностей Востока, прежде находившиеся в других лагерях. Подпольный райком партии поставил перед нами задачу подробно выяснить обстановку за колючей проволокой и попытаться наладить контакты с вероятным там подпольем.

Основная тяжесть этой работы непосредственно в лагере легла на плечи Веры Смирновой и ее подруги, польки по национальности, Анны, которые устроились судомойками в лагерную кухню. Мы еще не успели выяснить, существуют ли среди новоприбывших подпольные группы, когда от Веры и Анны в отряд Никитина поступила интересная информация. Они сообщали, что один из военнопленных, глухонемой казах, сделал попытку войти с ними в контакт...

...На вопрос, «какую религию вы исповедуете?», Саша с убедительным постоянством отвечал: «Не помню». И гестаповец заключил: пленник не отрицает своей причастности к религии вообще, но лишь утверждает, что в результа-

те контузии не помнит, какой он веры. У Саши же была более простая цель — дать понять врагу, что он из малообразованных людей и, значит, никакого отношения к командному составу Красной Армии не имеет.

Сашу однажды разбудили до подъема и, ничего не объясняя, втолкнули в крытую машину, где уже сидели два военнопленных, по внешности уроженцы Средней Азии. Рядом с каждым сидел конвоир, общение было невозможно, Саша продолжал играть роль глухонемого, хотя считал, что она уже не нужна — их везут на расстрел.

Однако грузовик остановился у вокзала, Сашу и его спутников перевели в товарный вагон, где он увидел несколько десятков казахов, узбеков и киргизов. Вагон прицепили к составу с техникой, который в дальнейшем несколько раз переформировывали. В конце концов их высадили в Полоцке и пешей колонной погнали за город.

Саша не торопился открываться попутчикам, а в новом лагере надзиратели по чьей-то команде сразу изолировали его от других заключенных. Видимо, к парашютисту у них был повышенный интерес. И в этом лагере он был помещен в лазарет.

В первый же день его подвергли тщательному медицинскому осмотру, и Саше показалось, что здешний врач отнесся к нему с явным подозрением. Стало понятно, что события нужно торопить.

Как только он уловил сочувственный взгляд девушки, работавшей на кухне, он улыбнулся ей и сделал движение головой, которое могло означать одно: туда бы мне, на волю. Девушка задумалась, но ничего не ответила пленному.

Однако через несколько дней ее старшая напарница по работе знаками попросила Сашу помочь отнести тяжелую бадью с баландой, и как только Саша оказался на кухне, скрытой от посторонних глаз, сунула ему в руку какой-то сверток.

Саша спрятал сверток под робой, вышел из кухни, осмотрелся и, найдя достаточно укромное место, развернул его. В свертке были гражданская одежда и кусачки. Тщательно замаскировав бесценный подарок за бочкой с дождевой водой, он вернулся на кухню, девушек там не обнаружил. Значит, надо ждать следующей встречи. Ведь было понятно, что имеет он дело не со случайным движением души добрых женщин, а с людьми, связанными либо с партизанами, либо с подпольем. И возник перед Сашей вопрос, не привлечь ли к побегу кого-нибудь еще. Поразмыслив, он

решил, что если в лагере действует подполье, то инициатива может чем-то повредить его планам. Значит, бежать надо в одиночку.

Примерно в то же время я говорил полковнику Никитину:

— Ты начинал, тебе и заканчивать дело. Если мы не ошибаемся в этом глухонемом казахе, он время терять не станет и уже нынче ночью может оказаться в лесу. Твои ребята готовы его встретить?

— Готовы,— ответил Никитин.— Переодеваясь, он обнаружит в кармане план местности и маршрут побега на нем. Если этот парень с головой, все должно пройти благополучно...

Время для Саши тянулось как никогда медленно. Только натренированная воля не позволяла ему терять контроль над собой.

Первым делом нужно с наступлением темноты покинуть лазарет. Его окна не были зарешечены, но рамы забиты гвоздями. Саша с вечера пронес в лазарет кусачки. Клещами работать было бы удобнее, но и кусачки годятся. Повозился минут десять и вытащил гвозди. Сложил под одеялом «куклу» и, раздевшись догола, выскользнул в окно, затворил его за собой и осторожно направился к бочке. Переоделся и обнаружил в одном из карманов сложенный вчетверо листок. Рассмотреть его в темноте было невозможно, и Саша отложил знакомство с ним до того времени, когда окажется вне пределов лагеря.

К колючей проволоке он добирался ползком почти час. Делал он это мастерски, его не заметили. Столько же времени ушло на перекусывание четырех рядов проволоки. Время от времени пробегал по лагерю луч прожектора, и тогда Саша вжимался в землю, сливался с ней.

Оказавшись за колючей проволокой, Саша прополз несколько сот метров в направлении темневшего леса, который, казалось, ничуть не приближался. Попытался рассмотреть план, но безуспешно: ночь стояла безлунная, беззвездная. Лейтенант тщательно обследовал свои карманы и обнаружил несколько спичек и боковичок коробки, тщательно обернутые промасленной бумагой. Саша вновь пополз и вскоре набрел на небольшой, но достаточно узкий овражек. Расположившись в нем и распахнув полы куртки,

он свернул промасленную бумагу в фитиль, зажег ее и рассмотрел план.

Он был составлен умело, и столь же умело разобрался в нем лейтенант. Маршрут ясен, но чтобы попасть на него, надо свернуть вправо и проползти километра три. Сложность заключалась в том, как определить, когда будут преодолены эти три километра... Ориентиры на плане указаны, но в темноте недолго и миновать их.

Саша полз, сколько мог, поднялся и зашагал. Вышел на темневший перед ним овин. Сверился по плану — это и есть нужный ориентир...

Разведчики Никитина жда[illegible] его у овина. Если бы лейтенант не заметил его в темноте, они подошли бы и показали дальнейший путь, но поскольку это не понадобилось, они продолжали сопровождать Сашу, не обнаруживая себя. Между тем обостренное внимание и опыт подсказали Саше, что он не один совершает свой путь, и он остановился, вслушиваясь в темноту. Тогда Николай Ярошенко тихонько свистнул. Саша, не торопясь, пошел на свист.

— Давай быстрее,— весело сказал Ярошенко.— Рассвет скоро.

— Кто вы?— спросил Саша.

— Ишь ты!— отшутился Ярошенко.— Мою одежду носит, а не признает. Когда переодевался, небось, не спрашивал. Да ведь ты вроде глухонемой?

— Временами,— ответил Саша.— А временами и говорящий и слышащий.

— Куда же путь держишь?— спросил, подойдя, Ярошенко.

— Туда, куда ты мне на своем плане показал. А тебе не терпится, решил навстречу выйти?

— А вдруг бы ты заблудился... Разговаривать будем дома. Пошли.

На тропе к месту базирования отряда был контрольный пункт с тщательно замаскированной землянкой. Там Сашу и Ярошенко встретил Никитин. Поздоровавшись, полковник поинтересовался:

— Может быть, сначала хотите отдохнуть? Ночь-то у вас была не из легких.

— Нет,— отказался Саша.— Сначала отвечу на ваши вопросы. Потом, если позволите, свои задам.

Полковник внимательно выслушал краткую историю Саши. О задании, с которым был заброшен в тыл противника, он рассказывать не стал. Но Никитин и не расспраши-

вал об этом, спросил только Сашу, какие у него будут во-
просы

— Насколько я понимаю,— сказал Саша,— я нахожусь в партизанском отряде.

— Почему вы так думаете?

— Хорошо,— улыбнулся Саша.— Не станем уточнять. У меня, собственно, не вопрос, а просьба. Мне нужно либо перейти линию фронта, либо получить возможность сооб щить в Москву пароль, по которому меня узнают.

— Вам не кажется, что вы поступаете опрометчиво?— спросил присутствовавший при разговоре Рогачев.— Ведь вы до сих пор не знаете, где и у кого находитесь.

— Я учитываю это,— сказал Саша,— и догадываюсь, с кем имею дело...

Выслушав доклад Никитина, я решил встретиться с бежавшим из плена казахом. Оказалось, что мы давно знаем друг друга. Тем временем Центр подтвердил имевшийся у Саши пароль и запросил наши мнения по поводу возможного назначения Саши на командную партизанскую должность. А через несколько недель я уже инструктировал Сашу, как ему действовать на новом месте. На прощанье он неожиданно улыбнулся.

— Что тебя веселит? — спросил я.

— В детстве я знал одного деда,— ответил Саша.— Он был наполовину русский, наполовину казах и любил приговаривать: аз и я — Азия... Хороший был дед. И мы теперь, как он. Только нас много...

Самолет из Центра совершил промежуточную посадку на нашем партизанском аэродроме, принял на борт Сашу и полетел дальше на запад.

Бойцы отряда, созданного в честь Казахской ССР, с полным правом могли отныне считать его своим представителем у наших далеких соратников.

Снова ночной прыжок. И на этот раз не обошлось без осложнений. В густой облачности самолет проскочил сигнальные огни, второй круг делать опасно, и Саша решил прыгать, уверенный, что найдет своих.

...Саше еще ни разу не приходилось прыгать в горах, но знал, что неровный рельеф значительно осложняет приземление. А попробуй разгляди быстро приближающиеся скалы и бугры... Так и есть! Повредил при приземлении ногу. Освободился от парашюта, забросал его камнями, потом

разулся, осмо
товал.
Ночь была
гист обнаруж
можно было
дам и компас,
ждать. Однак
ривалы, и он
не застанет, а
валось пережд
от места встр
сейчас немцы,
выяснить толь
тие и стал на
спрятав рюкза
снова вспомни
если человек
ратиться надо
В этой дер
богатые. Лейт
полурусский —
радушно. Объ
«колдовал» на
Саша врем
на, обратив на
стараясь объяс
его не выдаст,
ясно, что хозяе
разговаривали
борцам против
Прислушавш
Саша обнаруж
станут произно
рассказал, что
партизанский о
рах в пятидесят
Такие осведо
ляли Сашу. Пр
отряды в этом
но, не доставля
относились к ни
ских отрядов, сл
выкший к желе
всего займется в

разулся, осмотрел опухающую ступню и туго ее перебинтовал.

Ночь была тихой, ничто не говорило о том, что парашютист обнаружен. Если бы не повреждение ноги, выброску можно было считать удачной. Сориентировавшись по звездам и компасу, Саша пошел к месту, где его должны были ждать. Однако боль в ступне заставляла делать частые привалы, и он понимал, что на месте встречи уже никого не застанет, а дублирующая назначена через неделю. Оставалось переждать это время. Знал, что в трех километрах от места встречи есть словацкая деревушка. Есть ли в ней сейчас немцы, как настроены ее жители — это можно будет выяснить только на месте. Подошел поближе, нашел укрытие и стал наблюдать. Нет здесь гитлеровцев. Тщательно спрятав рюкзак, лейтенант, хромая, вошел в деревню. Он снова вспомнил своего знакомца-деда, который говорил, что если человек нуждается в помощи на чужой стороне, то обратиться надо в самую бедную избу.

В этой деревне дома и вправду делились на бедные и богатые. Лейтенант выбрал беднейший. Дед — полуказах, полурусский — знал, что говорил. Хозяева встретили Сашу радушно. Объяснились. Вскоре пожилой мужчина уже «колдовал» над его ногой, а женщина собирала на стол.

Саша время от времени посматривал в окно, и мужчина, обратив на это внимание, стал успокаивать лейтенанта, стараясь объяснить, что ему незачем беспокоиться, никто его не выдаст, да и немцы бывают тут очень редко. Стало ясно, что хозяева сразу же посчитали его партизаном. Они разговаривали с ним откровенно, не скрывали симпатий к борцам против фашизма.

Прислушавшись к словацкой и русской речи, хозяева и Саша обнаружили, что могут без труда объясняться, если станут произносить слова помедленнее. Мужчина тут же рассказал, что неподалеку от деревни базируется польский партизанский отряд полковника Томека, а южнее, километрах в пятидесяти,— чехословацкий отряд.

Такие осведомленность и откровенность все более удивляли Сашу. Причина могла быть лишь одна: партизанские отряды в этом районе действовали недостаточно эффективно, не доставляли противнику особых хлопот, и гитлеровцы относились к ним равнодушно. Другого вывода Саша, привыкший к железной конспирации белорусских и украинских отрядов, сделать не мог. Он тут же решил, что прежде всего займется вопросами конспирации.

Народное средство помогло быстро, нога зажила, и через два дня Саша был готов к достаточно длительным переходам. Он спросил хозяина, не согласится ли он проводить его к полковнику Томеку, и мужчина предложил отправиться немедленно. Беспокоило то обстоятельство, что польское движение сопротивления раздирали различные политические направления, а к какому из них склоняется полковник Томек, лейтенант не знал. Однако некоторые опасения лейтенанта развеялись уже на подходе к лагерю. На узкой тропе его и сопровождавшего остановил умело замаскированный пост, обоих тщательно обыскали и лишь потом поинтересовались, кто они такие и куда направляются.

Словак, как и обещал, объяснил, что Саша — бежавший из плена товарищ, что он хочет встретиться с полковником Томеком.

Полковник встретил Сашу радушно, сообщил, что в его отряде уже сейчас сражаются шестеро русских, четверо казахов, узбек и украинец.

— У меня есть данные, что в этих местах много моих соотечественников, бежавших из плена,— сказал Саша.— В частности, около двадцати казахов.

— Вполне возможно,— согласился Томек.— В округе действуют несколько партизанских отрядов. Я имею связь не со всеми, но с некоторыми командирами могу свести вас лично.

— У вас это просто,— сказал Саша не без укора.

— Я понимаю,— улыбнулся Томек.— Вы имеете в виду конспирацию. Но мой лагерь надежно защищен. В горах немцам трудно воевать с нами.

По молчаливому согласию ни Саша, ни Томек не вдавались политических убеждений полковника, ограничиваясь общей целью борьбы с фашизмом. Саша интуитивно понимал, что так им легче будет договориться.

Затем Томек познакомил его с партизанами — бывшими бойцами Красной Армии, выразил готовность отпустить их во вновь организуемый отряд, обещал помочь в подготовке лагеря, а к вечеру дал лейтенанту проводника в отряд Ивана Кмеча, состоявший в основном из чехов и словаков. Кмеч, в свою очередь, связал его с другими польскими и чехословацкими отрядами, в рядах которых сражались советские люди. Кроме того, он познакомил Сашу с начальником областной жандармерии майором Вансом

убежденным
ства трудно
Приближ
рищами, к к
тра. Это бы
польщики.
в условлени
вьев:
— Не по
— На мо
ной фразой.
— А как
— «Омег
— А у м
ну человек.
Вскоре о
шу человек
обстановке в
ный уровень
далеко не ка
же было ре
с отрядами
ководители
ние полковн
обещали, что
паролях.
В пер
отряд, назва
ловек. Верны
секретил рас
ков неукосни
ности Отмет
бования с явк
Местность
границе Чехо
гали гор так
ходило несколь
фашистов, их
срельсовой во
на земли Евро
вали три враж
шистов. Затем
где напали на
60 гитлеровцев

убежденным интернационалистом. Пользу такого знакомства трудно было переоценить.

Приближался день дублирующей встречи Саши с товарищами, к которым у него был пароль, полученный из Центра. Это были польские и чехословацкие коммунисты-подпольщики. Лейтенанту пришлось довольно долго прождать в условленном месте, прежде чем его окликнули из-за деревьев:

— Не поздний ли час для прогулки?

— На моих половина пятого,— ответил Саша условленной фразой.

— А какие у вас часы?

— «Омега» выпуска 1922 года.

— А у меня — 1926 года,— ответил вышедший на поляну человек.

Вскоре они сидели в домике лесника. Встретивший Сашу человек и два его товарища обстоятельно рассказали об обстановке в районе. Они тоже посетовали на недостаточный уровень конспирации, сообщили, что по этой причине далеко не каждому отряду поручаются серьезные дела. Тут же было решено, что тесную связь Саша сохранит только с отрядами Яблонского и Кмеча и с майором Вайсом. Руководители подполья посоветовали отклонить предложение полковника Томека помочь в организации лагеря и обещали, что сами этим займутся. Тут же договорились о паролях.

В первые дни своего существования новый партизанский отряд, названный «Заря», насчитывал семьдесят пять человек. Верный принятому решению, Саша тщательно засекретил расположение базы отряда, потребовал от бойцов неукоснительной конспирации, дисциплины и бдительности. Отметил про себя, что партизаны приняли эти требования с явным одобрением.

Местность была выгодной для успешных действий. На границе Чехословакии и Польши фашисты боялись и избегали гор так же, как лесов в Белоруссии. Неподалеку проходило несколько железных дорог, жизненно важных для фашистов, их-то и выбрали для первых операций. Так опыт «рельсовой войны» перекинулся из Белоруссии и Украины на земли Европы. В течение недели партизаны «Зари» взорвали три вражеских эшелона, уничтожив при этом 250 фашистов. Затем они перенесли удар на шоссейную дорогу, где напали на колонну автомашин. В этом бою было убито 60 гитлеровцев и взято в плен 14. И снова Саша сменил

объекты нападений. Пока каратели искали и ждали его бойцов на дорогах, отряд разгромил четыре пограничные заставы в районе Старая Любовня и Литманово, захватив при этом значительные трофеи.

Ураганом прошла «Заря» по району. Среди гитлеровцев быстро распространилась легенда о Сашке-казахе, которому лучше не попадаться на пути. И рушились геббельсовские бредни о том, будто казахи, узбеки и представители других советских народов готовы служить Гитлеру.

Диверсия следовала за диверсией, Саша все еще считал, что «Заря» сделала слишком мало и что пора перейти к операциям крупного масштаба. На это он нацеливал своих разведчиков.

Первые данные о замке в Новом Сончу сообщил ему майор Вайс. По его данным, в замке расположены огромные немецкие склады, в которых хранятся запасы вооружения и динамита. Правда, сведения эти были расплывчаты, нуждались в тщательной проверке, но майор Вайс, к сожалению, ничего добавить не мог. Все попытки отрядной разведки уточнить информацию о Новом Сончу свелись лишь к установлению факта, что замок крепко засекречен и проникнуть в него практически невозможно.

Саша вновь встретился с майором:

— Помоги нам. Ведь у тебя есть какой-то источник информации.

Вайс нахмурился.

— Если ты имеешь в виду замок, то там у меня действительно есть человек, однако, без разрешения товарищей я не вправе связывать тебя с ним. К тому же я уверен, что он ничем тебе не поможет. Он работает на уборке территории, а внутрь его не пускают.

Посоветовавшись с начальником отрядной разведки, Саша пришел к выводу, что необходим хорошо осведомленный «язык». И снова командир «Зари» консультировался с Вайсом, который назвал возможным кандидатом полковника немецкой инженерной службы Вольфа, часто наезжавшего в замок. Но предупредил, что заполучить Вольфа для «разговора с глазу на глаз» не легче, чем проникнуть в замок.

— А выяснить график его приездов в Новый Сончу можно?

Майор в сомнении покачал головой:

— Даже если удастся, что это тебе даст? Мы не знаем,

откуда он приезжает, а все дороги к Новому Сончу охраняются круглосуточно. Бросил бы ты эту затею.

Саша не собирался следовать этому совету. Все больше и больше накапливалось данных, говоривших о том, что замок гитлеровцы относят к числу важнейших своих объектов в районе. Постепенно созрело решение: не искать встречи с Вольфом наугад, на всех дорогах, а вызвать его туда, где удобнее встретить партизанам «Вызов» – этим словом и была названа предстоящая операция

Горную реку, сбегавшую с Карпат, пересекал мост. Саша спросил своего заместителя, строителя по образованию, легко ли построить такой мост.

— Нелегко,— ответил заместитель. – Очень сложен рельеф местности.

— И восстановить его, наверное, будет нелегко,— резюмировал Саша.— Если мы взорвем мост, фашистам без полковника Вольфа не обойтись...

Так появились первые контуры плана. Затем были изучены дороги, по которым ремонтные рабочие и инженеры могут прибыть к поврежденному мосту. Но прежде мост надо повредить, а как это сделать, когда подступы к нему находятся под сильной охраной, вокруг стоят доты, вырубленные в скалах...

Саша вызвал Асадыкова, уроженца гор Памира:

— По горам лазить умеешь?

— Какие это горы?— усмехнулся Асадыков.— Название одно!

Вместе осмотрели мост с соседней вершины.

— Можно,— сказал боец.— Днем заметить могут, а ночью можно. Сделаю...

И он действительно сделал все на славу. Пробрался по отвесной стене к самому мосту, поставил под устой мину с часовым механизмом и благополучно вернулся в отряд. Взрыв раздался в точно ожидаемое время. Саша с соседней вершины видел, как взметнулся вверх пастил, как упал он потом в ущелье.

Через несколько часов разведка доложила, что полковник Вольф отправился к месту диверсии по дороге, которую партизаны именовали Третьей. Устроили на ней завал, а неподалеку залегли засадой.

«Опель» полковника сопровождали автоматчики на мотоциклах. Они стали первой мишенью для группы засады.

Вскоре Вольф сидел перед Сашей. Бравого полковника приходилось поддерживать под руки: узнав, что он стал

пленником Сашки-казаха, он обмяк и с трудом шевелил губами.

— Герр оберст,— ласково сказал Саша,— мы гарантируем вам жизнь, если подробно ответите на наши вопросы. А потом сами выбирайте: вернуться к своим или остаться в плену.

— Лучше плен,— пробормотал полковник.

— Как пожелаете,— согласился Саша.— Но сначала расскажите о складах в Новом Сончу.

— Я инженер,— объяснял полковник.— Я никого не убивал. Вы должны иметь ко мне снисхождение.

— Послушайте, полковник,— стал уговаривать Саша,— я уже сказал, что гарантирую вам жизнь. Нас интересуют склады в Новом Сончу.

— Три тысячи тонн динамита,— сказал полковник и вновь его словно парализовало. Силился что-то сказать, но не мог.

— Боится он тебя, Саша,— вмешался комиссар отряда Рудаков.— Ты выйди, а я попробую его разговорить...

Рудаков оказался прав. Не мог полковник, наслышавшийся о Сашке-казахе, говорить при нем: мерещились всякие ужасы. Теперь он пришел в себя и стал отвечать членораздельно. Рассказывал, что склады огромны. В них хранится динамит, предназначенный для уничтожения коммуникаций, мостов, туннелей и других строений на случай общего отступления.

— Что вы имеете в виду под другими строениями?— спросил комиссар.

— Все близлежащие населенные пункты.

— Такой приказ уже отдан?

— Да. Его получили начальник гарнизона и специальные службы.

— Гестапо?

— Да.

— Нарисуйте нам план замка, расположение его внутренних строений, — потребовал Рудаков.

Вольф умело, с изяществом квалифицированного инженера-строителя набросал на бумаге план. Рудаков убедился, что он совпадает с уже имевшимся в отряде.

— Теперь обозначьте посты охраны.

Полковник подчинился, но тут же прокомментировал:

— Чрезвычайно мощная охрана. Для преодоления ее понадобятся по меньшей мере два батальона. Но и в этом случае она сможет продержаться достаточно долго.

Вольф вдруг разговорился. Он сообщил режим патрулирования, подробно описал расположение складов во внутреннем дворе и, совсем расхрабрившись, заявил:

— Штурм бессмыслен. Вам придется действовать партизанскими методами. В этом случае я могу дать вам некоторые полезные советы по минированию.

— Спасибо,— рассмеялся комиссар.— Я думаю, с этим мы справимся сами.

Полковник забеспокоился. Отказ Рудакова выслушать его советы показался ему плохим предзнаменованием. Заикнувшись, Вольф спросил:

— Вы не убьете меня?

— Мы свое слово держим,— ответил комиссар.— Вы, кажется, выбрали плен.

— Да, да!— горячо подтвердил Вольф.— Возвращение в гарнизон для меня равносильно смерти. Мне не простят того, что я был в руках партизан.

Информация, полученная от полковника Вольфа, приводила к безусловному, но неутешительному выводу: штурм замка невозможен. Остается один путь: разведывательно-диверсионный.

Пришлось снова обратиться к Вайсу:

— Ты говорил, что у тебя есть человек в замке.

— Повторяю, я не могу связать тебя с ним без разрешения товарищей. И потом есть еще одна тонкость... Вряд ли он согласится сотрудничать с тобой.

— Какие еще тонкости!— рассердился Саша.— Ты же знаешь, что сообщил Вольф. Речь ведь идет о сохранности дорог, туннелей. Наконец, о сохранности ваших же городов и сел... Ты сам говорил, что чуть ли не каждое здание — это настоящий памятник культуры. Что же ты хочешь, чтобы они взлетели на воздух?

— Хорошо,— пообещал Вайс.— Посоветуюсь с товарищами.

На следующую встречу майор пришел смущенный, долго мялся, вздыхал, наконец сказал:

— Товарищи согласны с твоим предложением и разрешили дать тебе связь. Только, понимаешь, какое тут дело... Я тебе говорил об одной тонкости...— И вдруг спросил напрямик.— Ты мусульманин?

— Я коммунист,— рассмеялся Саша.— И значит, атеист.

— Это, конечно, лучше,— рассудил Вайс.— Но дело в том, что мой человек ксендз, а на почве разных верований могла бы выйти заминка. Я думаю, что на почве веро-

вания и неверования все-таки легче договориться. Только ты уж, пожалуйста, не ругай при нем бога.

— Зачем же ругать? Коммунисты признают за каждым человеком право исповедовать любую веру или неверие. Мы приучены уважать чувства верующих.

— Это почти совсем хорошо,— повеселел майор.— Тогда последнее. Ксендз наш — человек хороший, но с причудами. Он спросит тебя, во славу ли бога это дело, и ты должен будешь ответить, что во славу. Я так всегда отвечаю ему, хотя и сам атеист.

— А без этого нельзя?

— Без этого ничего не выйдет,— заверил майор.

— Попробуем столковаться, — пообещал Саша и поинтересовался.— А как же ксендз заслужил доверие немцев? Да еще оказался в замке?

— Так никто не знает, что он ксендз,— ответил Вайс.— Там он просто дворник.

Разведка дополнила полученные от майора сведения. Ксендза в миру звали Юреком. Это был высокого роста человек средних лет, сутулый и слабый здоровьем. Жил он возле замка, в отведенном для обслуживающего персонала дворике, общительности не проявлял, все свободное время проводил в своей комнате. Обязанности дворника выполнял аккуратно, каждый день подметал дворы, грузил мусор в телегу, а отвозил к обрыву в трех километрах от Нового Сончу. Там Юрек, орудуя вилами, опорожнял телегу и, малость отдохнув, отправлялся обратно. Каждая поездка занимала часа полтора. Управляющий бытовыми службами замка считал это в порядке вещей, поскольку рабочий день Юрека продолжался от зари до зари. Его не хвалили, но и претензий к нему не было.

Место первой встречи с ним выбрали у обрыва. Времени для этой встречи имелось достаточно — Юрек отдыхал там каждый раз минут пятнадцать. Три раза приходил Саша на свидание и рассматривал ксендза издалека. Подошел к Юреку только в четвертый раз. Дворник-ксендз долго вглядывался в незнакомца и, не дождавшись пароля, сказал:

— О! Я все понял. Вы — Сашка-казах.

— Вы не ошиблись,— улыбнулся Саша и все-таки назвал пароль.— Это хорошо, что светает на востоке.

— А-а-а...— неопределенно протянул Юрек.

— Я жду ответа, — подсказал Саша.

— Скоро и на западе рассветет,— ответил ксендз и спросил без неприязни, но с какой-то грустью:— Зачем вы воюете у нас? Разве на вашей земле не нужны солдаты?

— Мы воюем не у вас и не у нас,— сказал Саша.— Мы воюем в тылу врага. А бить его надо везде.

— Разве наши ребята не бьют его?— с той же интонацией спросил ксендз.

Саша сейчас меньше всего хотел заниматься политграмотой, но, как видно, без этого не обойтись. Вся первая встреча ушла на беседу о той обстановке, которая сложилась в мире, о выходах из нее, о братстве, об интернационализме, о единении народов в борьбе с фашизмом. Наибольшее впечатление на ксендза произвел рассказ о том, что поляки сражаются в партизанских отрядах на оккупированной земле Белоруссии, что они борются там и за свою родину, и за свободу советского народа, что это историческая необходимость, корни которой уходят в глубь летописи общей революционной борьбы России и Польши.

О конкретном деле на этой встрече не говорили, но условились о новой встрече.

На другой день Саша заметил, что ксендз торопится к обрыву. Это было хорошим знаком, да и взгляд у Юрека повеселел, оживился. Они поздоровались как добрые знакомые, и ксендз заговорил первым:

— Вы извините меня. У вас, наверное, ко мне дело, а я трачу время на расспросы и разговоры.

— Вы знаете, что в замке находятся склады взрывчатых веществ?— спросил Саша.

— Я подозревал это,— сказал Юрек.— Но ничего конкретного не знаю.

— Там динамит, которым фашисты собираются взорвать всю округу. В том числе и окрестные городки. И даже костелы в них.

— Кажется, нам лучше не говорить о религии,— улыбнулся ксендз.

Саша принял это с облегчением, но все-таки сказал:

— Мы рассматриваем костелы не только как католические храмы, но и как памятники архитектуры. Так что желание сохранить их у нас с вами общее.

— Как же это сделать?— спросил ксендз.

— Один способ: уничтожить склады в Новом Сончу.— ответил Саша.

— Вы считаете, что я могу помочь вам в этом?

— Да,— твердо сказал Саша.— Если вы хотите этого.

Юрек некоторое время молчал, потом стал думать вслух:— Я готов сделать все, что вы скажете. Но... Как вы себе представляете это? С территории замка меня выпускают свободно. А вот при въезде всегда обыскивают самым тщательным образом. Насколько я представляю себе ситуацию, вы хотите, чтобы я пронес в замок мину. Мне кажется, это нереально.

— Детали мы обсудим позже,— сказал Саша.— Сначала давайте поговорим вот о чем. Вы согласились сотрудничать с нами, но должен предупредить — дело опасное. Вы должны сознавать не только то, ради чего вы на это идете, но и то, что рискуете жизнью.

— Наверное, все должна определить степень риска,— рассудил ксендз.

— Слово бойца,— похвалил Саша.— Степень риска мы обсудим вместе с вами... Вы говорите, вас обыскивают при въезде в замок?

— Самым тщательным образом,— повторил Юрек.— И меня и телегу.

— А лошадь?— спросил Саша.

— Лошадь?— удивился ксендз,— лошадь не обыскивают...

— Вот она и совершит диверсию,— сказал Саша.— У нее на морде мешок с овсом, в нем-то она и пронесет мину. А доставить ее можно по частям.

— Оригинально,— усмехнулся ксендз.— А мина не пахнет?

— Она будет пахнуть свежим хлебом,— пообещал Саша.— Ваша кобыла останется довольна. Как вы оцениваете теперь степень риска?

— Как достаточно разумную.

— Пошли дальше,— сказал Саша.— Вы сумеете спрятать мину во дворе замка на какое-то время?

— Вполне,— ответил Юрек.— В старых деревьях я знаю все дупла.— Он улыбнулся.— Здесь о степени риска можно и не говорить.

— Прекрасно.— Саша развернул перед ксендзом план замка.— Мину надо установить вот здесь.— Он показал один из подвалов.

— В подвалы меня не пускают.— Юрек был расстроен тем, что ему приходится возражать.

— Подвалы с динамитом,— объяснил Саша,— должны быть обеспечены вентиляцией. Мы знаем, что это так из самого серьезного источника. Вентиляционное отверстие в этот подвал должно находиться где-то в полуметре от земли. Вы никогда не замечали его?

— Я знаю одно отверстие там,— сказал ксендз.— Но оно зарешечено.

— В дворницком хозяйстве найдется ломик.

Саша глянул на часы, время встречи истекало.

— Оцениваете степень риска на этом этапе?— спросил он.— Давайте не торопиться. Встретимся здесь же, и вы дадите окончательный ответ.

На следующей встрече Юрек не только дал положительный ответ, но и рассказал, что кое-что успел сделать: прочистил несколько старых дупел и замаскировал их, обследовал вентиляционное отверстие, ведущее в подвал, и выяснил, что решетку сорвать не составит труда. И ломик приготовлен. Вот только минному делу он не обучен...

— Ну,— улыбнулся Саша,— этому мы вас быстро научим.

Ксендз оказался способным учеником, а его лошадь ничего не имела против лишнего груза в овсяном мешке, который так вкусно пахнет свежим хлебом.

После каждой сдачи с частями мины Саша приматривался к Юреку, понимая, что волнение ксендза должно нарастать, но вид Юрека говорил о другом — ксендз с каждым разом становился увереннее.

В назначенный день Юрек с утра принялся за уборку листьев у стены подвала. Часовые знали дворника и не обращали на него никакого внимания. От их взгляда ускользнуло и то, что на этот раз ручкой метлы служил лом.

Юрек легко отогнул решетку, он шел по двору, часто нагибаясь и подбирая палые листья, а сам незаметно перенес мину из дупла к вентиляционному отверстию, опустил ее на длинной веревке в подвал и поставил решетку на место. Часовой механизм должен был сработать через шесть часов, и ксендз не торопился с уборкой. Лишь наполнив короб с верхом, он повел лошадь к воротам, чтобы уже никогда не вернуться в замок.

Саша встретил Юрека у обрыва и помог ему освобо-

день телегу от мусора. Потом они не отказали себе в удо-
вольствии посидеть на камне, и Кеендз подробно доложил
о проделанной утром работе.

Солнце достигло полудня, когда страшный взрыв по-
трясе горы. Замок в Новом Сончу с расположенными в нем
складами перестал существовать.

Бойцы «Зари» видели взрыв со склонов дальних гор.
Они имели на себе полную боевую выкладку, поскольку
по решению партийного подполья в этот же день должны
были покинуть обжитый район.

Партийное руководство справедливо полагало, что гит-
леровцы не смирятся с нанесенным им здесь ударом и
предпримут массированные карательные операции в го-
рах. Так и случилось. В район прибыли альпийские егеря
и начали прочесывать горные ущелья, но следов партизан
обнаружить им не удалось. «Заря» продолжала боевую
деятельность на новом месте дислокации.

Именно за руководство операцией по спасению жизней
но важных и культурных объектов Польши коммунист
партизанский командир Саша — Сатымбек Омарович Ту-
лешев — был награжден высшим боевым орденом ПНР —
серебряным крестом «Виртути Милитари».

На этой операции не закончился партизанский путь
Саши.

В середине августа 1944 года на юге Польши состоялась
встреча командира «Зари» с командиром крупного совет-
ского партизанского соединения майором С. Лесниковским
(партизанский псевдоним — Леонид), который привел своих
бойцов в район действий отряда Саши-казаха. Тщательно
обсудив обстановку, командиры и их помощники пришли к
выводу о целесообразности объединения сил. Центр дал на
то свое согласие. Так был образован укрупненный отряд,
сохранявший название «Заря». Командиром отряда был
назначен Леонид, начальником штаба — Саша. К боевому
счету объединившихся подразделений стали прибавлять-
ся новые сокрушительные удары по врагу.

В конце 1944 года для отработки оперативных планов
я прибыл в этот район. С Сашей мы обнялись, как родные

Партизанская деятельность Сатымбека Омаровича про-
должалась до 24 января 1945 года, когда на польскую зем-
лю вступили воины-освободители победоносной Советской
Армии.

Сатымбек Тулешев — партизан Саша — вернулся на
Родину.

* * *

Прошли десятилетия с тех пор, как отгремели взрывы во вражеских тылах — в лесах русского Северо-Запада, Белоруссии и Прибалтики, в степях Украины, на землях Польши, Чехословакии, Югославии и других странах Европы,— всюду фашистов подстерегала партизанская пуля.

Как и мои товарищи по бригаде «Неуловимых», я и поныне не отделяю в памяти своих партизан от других товарищей по борьбе, где бы они ни сражались, ибо делали мы общее дело. Мы счастливы, что делали для Родины, для мира на Земле все, что было в наших силах, как и положено людям с чистой совестью.

Хорошо сражалось и наше соединение — бригада «Неуловимых», все ее отряды по числу братских союзных республик нашей страны.

На общем счету бригады около тысячи крупных боевых операций, достойный вклад внесли и партизаны отряда, созданного в честь Казахской ССР. В его «послужном списке» многочисленные разведывательно-диверсионные эпизоды, победные схватки с тайными силами вермахта. И такие замечательные дела, как спасение детских домов в Полоцке и на Быковщине, не успевших эвакуироваться, как помощь местному населению в сборе урожая и в охране его от рыскавших по округе гитлеровских продовольственных команд и многое другое.

Эта сторона нашей деятельности так и осталась непонятной и загадочной для гестапо и абвера. Их поражало, что советский человек на войне не только воюет, но и продолжает выполнять свой гражданский и нравственный долг, что он в любых ситуациях остается гуманистом, интернационалистом. Загадкой для них осталось и братство наших народов. Из материалов Нюрнбергского процесса, на котором, в частности, в качестве свидетеля выступила представительница «Неуловимых» Нина Мателкая, известно, что расчет на национальную рознь гитлеровский фашизм строил до последних дней существования, так и не поняв бессмысленности этой затеи...

Бригада «Неуловимых» была расформирована в 1944 году в окрестностях Минска. В июльский день на загородном зеленом поле я отдал последние команды ее бойцам. Одни из них уже тогда вернулись к мирному труду, другие влились в части Советской Армии, третьи стали профессиональными чекистами.

Что касается отряда, носившего имя Казахской ССР, то ко дню расформирования на его счету было: 54 пущенных под откос железнодорожных состава с живой силой и техникой противника, восемь взорванных железнодорожных мостов, 521 единица железнодорожного подвижного состава, 12 взорванных бронепоездов, шесть крупных складов, участие в 141 боевом столкновении с немецко-фашистскими войсками. Совместно с другими отрядами он вызволил из фашистской неволи более полутора тысяч советских бойцов, вывел из строя более трех тысяч фашистских солдат и офицеров.

По прошествии многих лет ныне здравствующие «Неуловимые» не теряют связи друг с другом. Наши встречи регулярны и сердечны. Жаль только, что годы делают свое, все меньше боевых друзей приезжают на эти встречи.

Вот и Саши нашего дорогого Сатымбека Тулешева — нет... Нечастыми и недолгими были наши встречи в годы войны, а забыть их невозможно.

Саша... Много у него друзей и в нашей стране и за ее рубежами. Как самого дорогого гостя и своего национального героя встречали казаха Сатымбека Тулешева его польские братья по борьбе, их дети и внуки.

Передо мной давний номер польской газеты «Крестьянский путь». По заданию редакции ее московский корреспондент Здислав Любович посетил Сатымбека Омаровича в Алма-Ате и написал о нем полный дружеского тепла и благодарности очерк, занявший в газете целую полосу.

Нет необходимости излагать здесь содержание очерка З. Любовича. Это рассказ о жизни-подвиге советского воина-интернационалиста, который беззаветно отдавал всего себя борьбе против страшной язвы, образовавшейся на теле Европы,— язвы фашизма. Уничтожить гитлеризм — это завоевать мир для последующих поколений.

В наше время, когда брязцают оружием (да еще каким, ядерным!) новые претенденты на мировое господство, когда за океаном появились новые охотники навязать человечеству «новый порядок», как две капли воды схожий с гитлеровским, борьба за мир на земле удесятеряет свое значение.

Мы не сомневаемся в том, что мир одолеет войну. Залогом этому испытанное наше оружие — братство народов нашей страны, единство социалистических стран, сплоченность миллионов борцов за мир во всем мире.

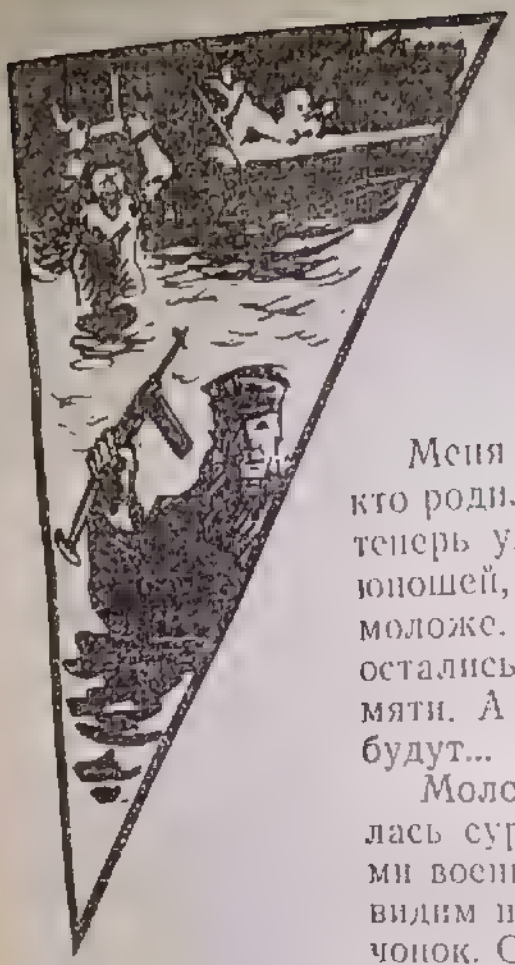
Вот о чем я думаю сегодня, вспоминая своих «Неуловимых». И славного собрата по борьбе Сатымбека Тулешева.

пришло врем
дившегося в

Молодым
дания. Всей
светлый дол
старшего пок
тех, кто поги
счастье. О те
и муки, кто з
боролся в глу
сякостью му
ваши и геро

Великая О
которые навс
ны для истор
Армия не тол
отвела стра
над человечес
и кровавых
пошлин наро

АДИЙ ШАРИПОВ



ИХ ПОДВИГИ БЕССМЕРТНЫ

Меня посетила внезапная мысль: тем, кто родился в сорок пятом, после Победы, теперь уже сорок. Сорок! Сотни тысяч юношей, ушедших воевать, были вдвое моложе. Многие из них пали в бою и остались навечно молодыми в нашей памяти. А живые никогда и ничего не забудут...

Молодость нашему поколению досталась суровая, трудная, опаленная грозами военных лет! Мы думаем о ней, когда видим идущих в школу мальчишек и девчонок. С каким-то особенным, тревожным и светлым чувством мы говорим: вот и пришло время, когда среди школьников нет ни одного родившегося в годы войны.

Молодым открыта солнечная дорога труда, науки, созидания. Всей душой они устремлены в грядущее, и наш светлый долг раскрывать перед ними значение деяний старшего поколения. Пусть знают они и хранят память о тех, кто погиб на полях войны. О тех, кто сражался за их счастье. О тех, кто принял на себя невиданные испытания и муки, кто закрывал своим телом амбразуры дзотов, кто боролся в глубоком тылу врага. Они должны знать о неслыханном мужестве защитников Родины, их самопожертвовании и героизме.

Великая Отечественная война относится к тем событиям, которые навечно остаются в памяти людей. Роль этой войны для истории понятие трудно переоценить. Советская Армия не только спасла свой народ от порабощения, она отвела страшную угрозу, нависшую над всей планетой, над человечеством. Ибо мир еще не знал таких чудовищных и кровавых замыслов, какие вынашивали гитлеровцы в отношении народов покоренных ими стран, всего «неарий-

сного» населения Земли. Разгром гитлеровского фашизма привел к глубочайшим социально-политическим переме нам мирового масштаба, и вместе с тем он означал победу самой революционной и гуманной идеологии над изувер ской идеологией нацистских маньяков.

Отечественная война показала всему миру исключите ную духовную силу народов, осененных ленинским значе нем. На священную войну с захватчиками поднялись все народы Советского Союза, направив на фронт своих луч ших сынов. Неоценимую поддержку Советской Армии ока зывали действовавшие в тылу врага партизанские отряд Земля горела под ногами фашистов Черпая энергию и мужество в своей кровной связи с населением оккупиро ванных районов, партизаны демонстрировали высочайшие образцы героизма, отваги, нравственной стойкости.

Я не могу писать об этом без волнения. Меня обступают воспоминания, такие яркие и детальные, будто события про исходили только вчера. Принимаясь за рассказ об участии моих земляков-казахстанцев в партизанском движении, я заранее прошу читателя понять и простить неизбежную в рамках статьи неполноту картины, для воссоздания которой не хватило бы многих томов. И в то же время историческая справедливость требует, чтобы люди, особенно молодежь, знали имена и славные деяния партизан, среди которых бы ло немало представителей казахского народа.

Мы не можем, не имеем права молчать, мы должны по ведать об их жизни-подвиге, прекрасной в своей неповто римой драматичности, в своем необыкновенном духовном и физическом напряжении. Уверен, что героизм партизан-ка захстанцев не раз будет эпически воспет в поэмах, романах, ораториях и симфониях, изучен в исторических исследова ниях. Так будет увековечена память о скромных героях, тысячу раз глядевших в глаза смерти и принесших огромные жертвы на алтарь победы...

В Брянской и Смоленской областях РСФСР и Могилев ской области Белорусской ССР действовала 2-я Клетня нская партизанская бригада Тимофея Михайловича Коро ченко. Великая любовь к Советской Отчизне, ненависть к врагу объединили в ее рядах русских, украинцев, белорусов, евреев, татар, казахов, грузин, представителей других нар дов нашей многонациональной Родины. Неувядаемой славой покрыли себя казахстанцы Абдыгали Тулегенов из города Челкара Актюбинской области, Борис Матвеевич Доктор вич из Алма-Аты, Кабыш Ахметов и Алимбай Утеулин из

Карагандинской
нов из Кокчета
Курганской, Ма
кавлодарцы Жы
Наумов из Петр
Сахи Абилов и
ли Сулейменов
Анатолий Зенько

Мы поклялись
матери Родине, с
что где бы ни с
просторы русских
свой родной Каза
советского челове
понимал и чувств
Советской держа
сплоченности вок

Если изложить
партизанских буд
твующая повесть
высокой убежденн
образцах братской
ла бы повесть, вол
чист ленским нак
здесь кратким рас
эпизодах, освещая
Хочется только еще
эпоха представляет
ходчивости, отваги,
ость и воля совет
ые действия
боевом счету
уничтожени
сятки пуще
взорванных
ных важное стр
выведенных из ст
ить всех опера
листам.
Начало декабря 19
и морозами и мете
резкого ветра т
продовольстви

Карагандинской области, Искак Утебаев и Алимбай Кусанов из Кокчетавской, Петр Федорович Коротчин из Талдыкурганской, Мажит Муканов из Джамбулской области, павлодарцы Жылбек и Жамал Агадиловы, Иван Федорович Наумов из Петропавловска, Шалмагамбет Балмагамбетов, Сахит Абилов и Конкашев из Гурьевской области, Султангали Сулейменов из Целиноградской области, алмаатинец Анатолий Зеньков.

Мы поклялись до последнего вздоха быть верными своей матери Родине, свято блюсти воинскую присягу. Мы знали, что где бы ни сражались — будь то леса Белоруссии или просторы русских равнин,— мы в то же время защищаем свой родной Казахстан, свою страну, все, что дорого сердцу советского человека. Каждый из нас сердцем гражданина понимал и чувствовал, руками бойца доказывал, что сила Советской державы — в нерушимой дружбе народов, в их сплоченности вокруг Коммунистической партии.

Если изложить — день за днем, час за часом — историю партизанских будней нашей бригады, то получится захватывающая повесть о мужестве и страданиях, лишениях и высокой убежденности борцов за правое дело, чудесных образцах братской солидарности и взаимовыручки. Это была бы повесть, волнующая трагическим и в то же время оптимистическим накалом чувств и событий. Я ограничусь здесь кратким рассказом о некоторых наиболее памятных эпизодах, освещая главным образом их военную сторону. Хочется только еще раз подчеркнуть: каждый из таких эпизодов представляет собой ярчайшую вершину героизма, находчивости, отваги, в каждом из них сложно бы спрессованы ярость и воля советских людей, способных на четкие, стремительные действия в сложнейших условиях.

На боевом счету 2-й Клетнянской партизанской бригады тысячи уничтоженных солдат и офицеров гитлеровских войск, десятки пущенных под откос вражеских эшелонов, сотни взорванных железнодорожных и шоссейных мостов, имевших важное стратегическое значение, сотни километров выведенных из строя железнодорожных линий. Не перечислить всех операций, нанесших огромный урон фашистам.

Начало декабря 1941 года. Стояла лютая зима с трескучими морозами и метелями. Снег был глубоким. От холодного резкого ветра трескалась кожа на лице и руках. Не было продовольствия.

Измученные тяжелыми переходами, партизаны остановились в районе деревни Мостицкая Ершичского района Смоленской области. 8 декабря для выяснения обстановки в окрестные деревни направились Павел Костенко, Абдыгали Тулегенов, Виктор Михайлов и автор этих строк, которого в отряде звали Саша-казах. В селе Мармозовка поговорили с колхозниками, принявшими партизан очень приветливо, и на санях отправились обратно, к месту стоянки.

Но, очевидно, нашелся предатель, который донес врагам о нашем приезде. На поляне, неподалеку от Мармозовки, противник устроил засаду и внезапно открыл ураганный огонь. Партизаны отстреливались, но слишком неравны были силы. Вражеская пуля сразила Виктора Михайлова, а Павел Костенко и Саша-казах получили тяжелые ранения.

И все-таки, несмотря ни на что, партизаны не выпускали из рук автоматов и меткими выстрелами разили врага. Кровавые пятна расползались под нами на снегу. Особенно досаждал нам вражеский пулемет. Улучив момент, Абдыгали Тулегенов бросил гранату, и пулеметный расчет немцев был уничтожен. Воспользовавшись замешательством врага, Абдыгали помог раненым товарищам забраться в сани и погнал лошадей с места в карьер. Больше пяти километров преследовали нас фашисты, но в конце концов отстали, опасаясь засады.

Стояла морозная темная ночь. Мы привыкли к таким ночам, которые под своим неслышным покровом скрывали наше передвижение, а нередко приносили недолгий покой и отдых. На этот раз на отдых рассчитывать не приходилось. Едва Абдыгали доставил нас в расположение отряда, как тут же было принято решение — надо уходить! Предельная осторожность, ни одного шанса фашистам на преследование — таков был нерушимый закон партизанской жизни.

Мы остановились в двух километрах от хутора Луганки, в бору. Я говорил о покое. Конечно, в тех условиях это было относительным понятием. Чувство тревоги, опасности не покидало нас нигде ни на час, даже во сне. А в тот момент мы и помышлять не могли о сне и отдыхе, потому что положение сложилось крайне трудное. Не было продуктов, теплой одежды, а разжигать костер среди ночи означало выдать себя.

Партизан Карп Ермолаевич Носовец, местный житель, предложил в эту критическую минуту связаться с его зем-

ляком из хутора Лузганки Романом Аподиным и с Володей Шевчуком, толковым паршишкой из деревни Мостицкой. С этим предложением согласились и тут же назначили Абдыгали Тулегенова и Карпа Ермолаевича для установления связи. Отправились ребята, и вскоре Роман Аподин привез два тулупа для раненых. А затем они с Володей поочередно каждый день доставляли нам еду, не забывали и сено для ночлега. Собственно говоря, именно благодаря этим людям мы остались в живых и вернулись в строй.

Карп Ермолаевич. Еще в годы гражданской войны, будучи красногвардейцем, он освобождал от врагов Советской власти Западный Казахстан. Он был среди тех, кто принес свободу и новую жизнь моей республике. А теперь здесь, на Смоленщине, мне довелось сражаться за его родную землю, а ему стать моим спасителем. Разные и в годах, люди разных поколений, мы стали словно сыновья одной судьбы, мы чувствовали себя воплощением братства двух братских народов...

Спасибо вам, друзья! Вы тогда не щадили себя ради спасения партизан. Вы знали, что в случае неудачи грозила страшная кара — пытки и смерть — и вам и семьям вашим. И вот вопреки всему, спокойно и обстоятельно, как будто совершая самое обыкновенное дело, вы помогали нам [illegible] бойцы.

Помню, в бессонных [illegible] ночи, [illegible] мал о вас, и мне становилось легче. Я думал о [illegible] ния, казаха, представителя далекой республики, [illegible] шают к жизни и борьбе русские и украинцы, вместе с которыми [illegible] пили на врага. О том, что никогда еще [illegible] во [illegible] дружбы [illegible] и возвышенных [illegible] [illegible] [illegible]. Именно в этом был источник непобедимости [illegible] партизан — в дружбе народов, в опоре на [illegible] [illegible], готовых в любое время, рискуя жизнью, поддержать [illegible] в борьбе.

[illegible] [illegible] прошлись боевые [illegible] партизан в дни двух карательных [illegible] [illegible] тых немецко-фашистскими [illegible] [illegible] ла. В тяжелых условиях [illegible] [illegible] меры и по бездорожью, [illegible] [illegible] ли чувства спокойствия, выносливости, несгибаемой воли. Когда было решено прорвать кольцо вражеской блокады и [illegible] Мольтево — Яенок, партизанский комбат, добровольцами повел свой батальон вперед, смял злого противника на

рубеже большака Рославль — Мглин и обеспечил возможность прорыва основному составу бригады.

Командир второй роты первого батальона Новичков, действуя в первом эшелоне, частью бойцов сбил вражеский заслон на большаке, вышел во фланг и тыл противника и обратил его в бегство. В этом бою особо отличились своей отвагой и мужеством политрук роты Иван Федорович Наумов и автоматчик Искак Утебаев. В решительный момент прорыва И. Ф. Наумов повел за собой группу бойцов, расстрелял прислугу минометной батареи и расчет вражеского станкового пулемета. Петр Афанасьев, командуя ротой, в течение суток прикрывал наш отход от наседавших со всех сторон карателей. В районе Хартиновского большака он с горсткой людей более двух часов задерживал в десятки раз превосходящие силы противника. В числе смельчаков был и наш земляк Петр Федорович Коротчин. Огнем из автомата он отбивал неоднократные атаки противника. Оставив на поле боя несколько десятков трупов, фашисты вынуждены были отступить.

В середине апреля 1943 года командование 2-й Клетнянской партизанской бригады получило приказ Центрального штаба партизанского движения об уничтожении железнодорожного моста на реке Беседь.

Разведка объекта и окружающих гарнизонов была поручена группе под руководством Эхлакова. Среди разведчиков был Искак Утебаев. В течение недели группа находилась в районе моста, буквально под носом у многочисленного гарнизона охраны, изучая характер оборонительных сооружений, количество и расположение дзотов, численность и вооружение охраны, минные поля, проволочные заграждения. Группа Эхлакова подвела партизанские подразделения вплотную к укреплениям. Автоматчики П. Ф. Коротчин, И. Утебаев совместно с другими партизанами ворвались в гитлеровские дзоты, овладели ими и дали возможность подрывной группе взорвать мост.

Непосредственное руководство подразделениями и штурмовыми группами, участвовавшими в операции, осуществляли коммунисты Бахтин, Боровичев, Добровольский, Селезнев и другие. Комиссар батальона Селезнев был ранен, но не оставил поля боя до тех пор, пока мост не был взорван. Командир батальона Добровольский три раза водил людей на штурм казармы, превращенной немцами в мощный узел сопротивления, и захватил ее.

22 апреля того же года было предпринято уничтожение моста близ станции Белчиковичи. Начальник диверсионной службы Павел Смирнов под ураганным огнем противника с группой минеров (среди них был и Мажит Муканов) вышел на мост и взорвал его правый береговой устой.

Этим было прервано движение вражеских эшелонов на линии Кричев — Унеча на 27 суток. В этом же бою автоматчики Варпахин, Сидоров, Наличев и А. Тулегенов первыми проникли в расположение охраны моста, огнем из автоматов и ручными гранатами уничтожили свыше 20 немецких солдат, блокировали, а затем взорвали дзот и обеспечили выполнение боевой задачи. Абылай Тулегенов за проявленный героизм наряду с другими боевыми друзьями был награжден орденом Красной Звезды.

Был в этой группе и Кабыш Ахметов. С необыкновенной ловкостью и быстротой он обезвреживал минные участки и пробивал проходы в проволочных заграждениях. Его решительные действия помогли основной группе уничтожить на большом протяжении железнодорожные рельсы. Этим был предотвращен подход вражеского бронепоезда и в значительной мере решена участь всей операции.

...Летят годы, кипит мирная жизнь, силы и таланты советских людей полностью обращены на покорение природы, завоевание новых высот в науке и технике, развитие экономики, культуры и искусства. И самая заветная цель партии, государства, народа — чтобы никто и ничто не нарушило наших трудовых будней. Но и в самые тихие, спокойные минуты властно врываются воспоминания о тех днях, когда в суровых схватках решалась участь всех предшествующих революционных достижений советского народа. И я вижу твое вдохновенное лицо, дорогой мой партизан Абылай, твои горящие глаза и ловкую, ладную фигуру спортсмена. Я вижу, как ты со своими друзьями-товарищами, не зная страха, смерти и всей душой любя жизнь, выполняешь приказ и ведешь за собой людей, и нет предела твоей энергии, храбрости и силе. В этом твое бессмертие. Твое и миллионов таких, как ты...

Живет в Алма-Ате ничем не приметный невысокий человек Борис Матвеевич Докторович. В первые годы войны он партизанил в одном из отрядов 5-й бригады имени Ларьо, участвовал во многих труднейших операциях, в бою потерял руку — золотую руку мастерового.

До войны он был, как и его отец, столяром. Здесь, в Смоленских лесах, его рукам довелось не только гранаты бросать и убивать фашистов, но и работать по своей специальности. В 1942-м командир отряда приказал ему изготовить большую партию лыж — тысячу пар. Был создан своего рода столярный цех. Борис Матвеевич и его помощники задание выполнили, хотя в самый разгар работы столярам не раз приходилось откладывать инструменты, браться за оружие и участвовать в изнурительных боях, где враг применял артиллерию и авиацию. Противнику так и не удалось пробиться к партизанскому лагерю.

Тяжелое ранение Докторович получил зимой 1943 года во время одной из тех дерзких операций, которые наводили ужас на гитлеровцев. Отряд окружил деревню Домшо, где находились бургомистр и полицейские. Часть отряда устроила засаду на большаке. В капкан попало целое подразделение гитлеровских прислужников — около 400 человек. Понимая, что не будет им прощения, предатели сражались яростно. В этом-то бою и потерял руку столяр Докторович.

19 мая 1943 года в бою близ деревни Харитоновка Клетнянского района комсомолец Яков Новиков во главе своего взвода вступил в рукопашную схватку с врагом. При попытке взять в плен немецкого офицера Новиков погиб героической смертью, но ни один враг не ушел живым с поля боя. Взвод Новикова уничтожил 19 гитлеровских солдат и офицеров, подбил бронемашину, захватил много оружия и боеприпасов.

20 мая 1943 года в бою на железнодорожной линии Клетня — Каменец отделение Пануркевича уничтожило до 30 немецких солдат и офицеров, взвод комсомольца Никитенко отбил три ожесточенных атаки в несколько раз превосходящих сил противника. Пулеметчик Королев в ожесточенной схватке с железнодорожной охраной огнем своего пулемета уничтожил пулеметный расчет противника, вынес из боя нашего раненого пулеметчика Шахова.

Овладев подрывным делом, комсомольцы Таратерин, Хорошавин, Каракулькин, Корчагин, Смирнов, Галдин и другие стали энтузиастами «рельсовой войны». Возглавляя диверсионные группы, они пустили под откос десятки железнодорожных эшелонов с войсками и военными грузами, взорвали много мостов, уничтожили сотни километров кабелей связи.

Разведчики Новиков, Аронович, Линовцев, Лебедев, Фадеев, Сиротинский, выполняя задачи по разведке, проника-

ли в самые логовища врага, добывали ценнейшие сведения о дислокации, передвижении и вооружении войск противника.

Автоматчики Варнахин, Сидоров, Абдуллин, Иванов, Финогенов и многие другие составляли ядро чудесной партизанской гвардии, которая не знала преград при выполнении самых сложных и опаснейших задач. Они прокладывали дорогу бригаде через цепи вражеских заслонов и засад во время карательных экспедиций фашистов против партизан, первыми врывались во вражеские гарнизоны и уходили с поля боя последними.

Высокое чувство патриотизма, непреодолимая смелость, железная стойкость [illegible] и товарищеская выручка в бою всегда были [illegible] героев комсомольцев бригады.

Комсомольцы и комсомолки [illegible] прошли славный путь борьбы с [illegible], честно выполнили свой долг перед Родиной. Смертью храбрых пали в боях наши [illegible] Карпухин, Васильева, Кирьянов, Новиков, Горелов, [illegible], Сверкунов, Гарасов, Харитоненко, Трофимов.

8 октября 1942 года шестеро партизан из [illegible] были окружены немецко-[illegible] карательным отрядом близ деревни Оброчной. Выход был один — умереть, сражаясь. Сговорившись [illegible] фашистов сохранить для жизни до последнего патрона [illegible] и гранаты [illegible] был убит пулеметчик Сид[illegible]. Пикарь, убитого Шкарина сменил Сверкунов; наконец, оставшись один, продолжал [illegible] бой. Гранаты [illegible] бой, срезав очередью [illegible] и понесли большие потери.

20 мая 1943 года в бою у деревни Осинки рота старшего лейтенанта Новгороднева отбила две ожесточеннейшие [illegible] ки немецко-фашистского [illegible]. Несмотря на то, что силы фашистов в 10—12 раз [illegible], бойцы и [illegible] дрались [illegible] и [illegible], [illegible] и [illegible] [illegible] и пал. Фашистский батальон был полностью разгромлен. Оставив на поле боя 104 трупа [illegible] вых, все свое имущество, вооружение и боеприпасы, враг позорно бежал.

Можно было бы привести десятки примеров храбрости, мужества и отваги бойцов и командиров, случаев мас-

своего героизма. Люди прошли тяжелый путь борьбы и испытаний, но бригада с честью выполнила поставленные перед ней боевые задачи.

Большая заслуга в партизанском движении принадлежит женщинам. Они своим неустанным трудом, трогательной заботой обеспечивали существование и развитие партизанского движения. После ухода в части Красной Армии и партизанские отряды подавляющего большинства мужского населения оккупированных врагом районов они приняли на свои плечи всю тяжесть крестьянского труда и снабжали партизан продовольствием и одеждой. Смело проникая во вражеские гнезда, они доставляли партизанам исчерпывающую информацию, важнейшие разведданные.

Многие женщины непосредственно участвовали в партизанской борьбе, деля вместе с другими бойцами все тяготы боевой жизни. Выполняя обязанности разведчиц, медсестер, рядовых бойцов, они показывали неключительные образцы патриотизма, мужества и героизма.

Партизанка Тамара Полгурская, например, участвовала в штурме станции Пригорье 5 ноября 1912 года. Она была дважды ранена, но из боя не выходила, пока силы окончательно не покинули ее.

В этой же операции была тяжело ранена партизанка Фигловская. Не желая покинуть подругу в беде, осталась здесь и Шура Мишечкина. А кругом рыскали фашисты. Почти двое суток пролежали занесенные снегом полузамерзшие подруги в поле, пока их не подобрали разведчики-партизаны.

Бывшая воспитанница детского дома шестнадцатилетняя Груня Соловьева была у нас санитаркой. В этом же бою она уничтожила из винтовки фашистского офицера и автоматчика и в то же время, выполняя свои обязанности, выносила из боя раненых партизан с их оружием.

Бывшая учительница начальной школы комсомолка Лидия Набебина в течение продолжительного времени вела разведывательную работу во вражеских гарнизонах, служила прекрасным проводником для диверсионных групп и разведчиков. Вступив в партизанский отряд, она в короткий срок овладела военным делом и стала одним из лучших бойцов в бригаде. В ноябре 1912 года она в составе диверсионной группы участвовала в подрыве фашистского железнодорожного эшелона. В декабре 1912-го, при отражении атаки вражеского батальона, она подняла своих това-

рищей в контратаку, лично убила двух солдат противника, захватила две винтовки и документы. А 22 апреля 1943 года, когда партизаны штурмовали мост через Беседь, она в числе первых участников штурмовой группы ворвалась в расположение противника, расстреливая фашистов из винтовки. Появились раненые, и Лида вынесла свою смертельно раненную подругу Марусю Василькову, вынесла из огня и комиссара батальона.

Бывшая учительница Некрасова стала партизанской медсестрой. Она отличилась в исключительно трудных боях 3 августа 1943 года на железнодорожной линии Костюковичи — Коммунары и 29 августа на большаке Чериков — Краснополье. В этих боях она спасла жизнь восьми тяжелораненым бойцам и командирам, некоторых вынесла вместе с оружием, оказывала помощь многим раненым на поле боя.

Этот бой 29 августа 1943 года особо памятен. В тот день партизаны устроили засаду на шоссейной дороге Чериков — Краснополье у деревни Заводок. Они заминировали участок длиной до 250 метров, по которому должна была пройти гитлеровская колонна. Вскоре колонна появилась. Как это не раз бывало, фашисты гнали перед собой стариков-крестьян с боронами. Этим варварским способом они проверяли, заминирована ли дорога... Но на этот раз были поставлены мины, которые срабатывали от подрывной машинки. Партизаны пропустили крестьян, а когда немецкая колонна вступила на заминированный участок шоссе, Мажит Муканов соединил провода. Раздался взрыв огромной силы. Командир второй роты первого батальона Новиков отрезал фашистам пути отхода. Вскоре он получил тяжелое ранение, и командование принял политрук И. Ф. Наумов. Благодаря его умелым действиям рота вынудила противника беспорядочно отступить, оставив на поле боя большое количество убитых и раненых. Действовавший в составе этой роты Шалмагамбет Балмагамбетов огнем из пулемета уничтожил до десяти вражеских автоматчиков.

Исключительно острым и весьма показательным с точки зрения партизанской тактики был бой с немецким гарнизоном в деревне Ворейки. В ночь на 21 сентября 1943 года командир третьей роты первого батальона Петр Иванович Афанасьев, действуя на правом фланге штурмовой группы, ворвался со своими бойцами в самый центр вражеского гарнизона. Все попытки противника задержать продвижение

партизан были сорвайы. В этом бою пал сраженный пулей командир роты П. И. Афанасьев. В составе роты действовал и взвод Жылбека Агадилова, уничтоживший 25 немецких солдат и офицеров.

Подвиги, совершенные в те годы партизанами, выглядят иногда просто невероятными, но именно таковыми были боевые будни народных мстителей. Иными они и не могли быть. Героизм был важнейшей чертой наших людей, живым воплощением их веры в правоту нашего дела.

Один из примеров. В январе 1943 года первый батальон нашей бригады оказался изолированным от остальных частей партизанского соединения и блокирован карателями. Бойцам грозила гибель. Автоматчик Алимбай Утегулин сумел разыскать ускользнувший незакрытый врагом коридор, по которому вывел партизан в Мамаевских лесов в расположение соединения нашей бригады. Это был далекий, мучительный, но спасительный переход. А совершил этот подвиг человек, для которого это вообще был не первый. Ведь Алимбай родился и вырос в кустанайских степях. Не сумел он с орлиным зрением разобраться в незнакомой обстановке и вырвать [illegible] от смерти. Как радовались его товарищи, [illegible] Алимбай Утегулин удостоился высокой правительственной награды — ордена Ленина. И как гордились [illegible] в январе 1943 года в родном ауле деревни Залия...

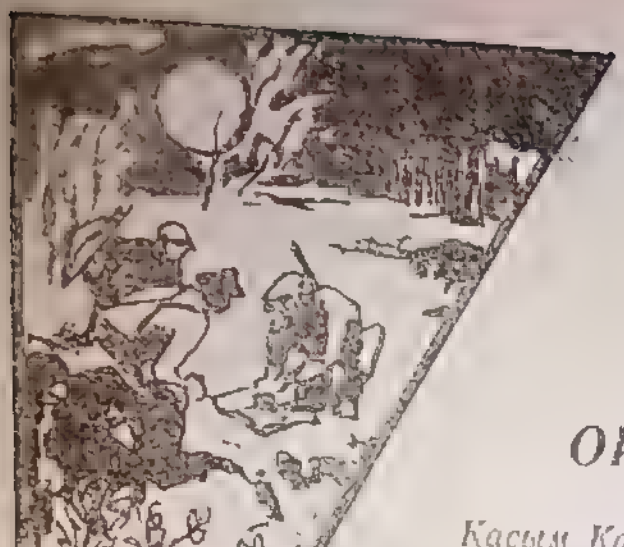
Юноша [illegible] Ты найдешь среди образцы [illegible] Один из них — комроты, по [illegible] героическом величии жизнь Алимбая Утегулина. Знаешь ее, помни о ней! Вообразим [illegible] долго нахожу, [illegible] непрерывно, [illegible] быстро и неумолимо. Ночь [illegible] и нет он через [illegible] и нет не один — с надеждой следуют за ним [illegible] товарищи. Он [illegible] так много сделать для [illegible] стоящим сыном своего народа, патриотом и гражданином.

И пусть встанет перед тобой образ пулеметчика [illegible] Кусаинова, который в схватке с карателями в районе [illegible] торы Глинки пулеметным огнем вынудил врага [illegible] оставил на поле боя 30 солдат и офицеров. Страшный [illegible] лишившее его глаза, не вывело смельчака из [illegible] Он не покинул пулемета до тех пор, пока не [illegible] его подоспевший сюда другой храбрец — Сейтказы [illegible]

Я назвал лишь некоторые имена партизан-казахстанцев

одной бригад
дела менее зн
героизма сове
общий, масс
обо всех нет в
имен доблест
Ясно одно: вы
ная смелость,
товарищеская
советских пат

одной бригады. Другие не упомянуты не потому, что их дела менее значительны. Нет, в том-то и состоит сущность героизма советских солдат и партизан, что он носил всеобщий, массовый характер. Причина иная — рассказать обо всех нет возможности, ведь даже простое перечисление имен доблестных партизан заняло бы многие страницы. Ясно одно: высокое чувство патриотизма, непревзойденная смелость, железная стойкость и упорство, дружба и товарищеская выручка всегда были отличительной чертой советских патриотов.



КАСЫМ КАЙСЕНОВ

ОЙ, ДНИПРО, ДНИПРО!

Касым Кайсенов — прославленный воин Великой Отечественной войны, активный участник боевого братства, храбро сражавшийся на степях и долах Украины и братской Чехословакии, широко известен читателю. По написанным о нем и им книгам. Но книги, которые написаны им самим — «Партизаны Переславля», «В тылу врага», «На волосок от смерти» и другим. Недавно увидела свет еще одна его книга — «Партизанский трон».

Мы печатаем здесь отрывок из воспоминаний Кайсенова, написанных после недавнего посещения берегов Днепра — памятных мест былых боев братства ветеранов с товарищами по борьбе.

...Сейчас ты тих и ласков, Днипро! Мирно плещет волна. У Хоцкого леса, на твоем левом берегу, стоят уже поседевшие дважды Герой Советского Союза генерал-полковник авиации Владимир Дмитриевич Лавриненков, Герой Советского Союза полковник Александр Васильевич Ткаченко, Герой Советского Союза Роберт Александрович Клейн, партизанский врач Алексей Васильевич Крячек. Судьбы этих прославленных воинов в годы войны были связаны с землей Украины, селом Хоцки.

Большой оживленной группой идем по центральной улице села, бывшего в грозные годы центром подпольной организации коммунистов. Вошли в небольшой парк, в котором высится памятник жителям села, погибшим на фронте. Их имен выбито на плите из белого мрамора. Мы долго стоим в безмолвии, склонив обнаженные головы.

У второго памятника с большой красной звездой на плита, и на ней имена и фамилии — около пятисот.

Сколько погибло боевых побратимов на Днепре!

Старые села Решетка, Лепляво, Козницы, Выдумка ушли под громадное зеркало Каневского моря. На пологом положном высоком берегу подохранилища виднеется село

Гавриловка.
ян Ломако,
вец, Яков Со
жевой, Михаи

В этих ме
ни Чапаева. З
с захватчика
Пашковском
тавших наш
чаяли вновь у
вы умереть, т
Армии. В сент
них событиях
га именно в э

Когда мой
брался сюда,
беду в очередн

И вот, когд
свете в распол
На нем стоял
живишь, фаш
задом наперед
навидались ло
кой армии, сня
режно передав
была безгранич
ли плакали от
фицера, вестни
го, вестника По

После первы
как громко про
срочным задани
Партизаны нем
ли в палатку Н
грядов, комисс
к командиру сое

— Поздравл
ным часом соеди
й танковой ар
регов Днепра. П
командиры проси
лее преследовать
ли послать Кайсе

Гавриловка. Из этого села вышли герои-партизаны Емельян Ломако, Карпо Ломако, Иван Ломако, Дмитрий Яковец, Яков Середа, Григорий Горовенко, Константин Спижевой, Михаил Громдар. Лихие были парни...

В этих местах действовало партизанское соединение имени Чапаева. Здесь, на обоих берегах Днепра, мы сражались с захватчиками. Почти два года пришлось скрываться в Пашковском, Хоцком, Каневском и Черкасском лесах, хранивших нашим кровом. Это были суровые дни, когда мы не чаяли вновь увидеть родных, небо Казахстана и были готовы умереть, только бы увидеть бойца регулярной Красной Армии. В сентябре 1943 года, не зная сообщений о последних событиях на фронте, мы перешли на левый берег Днепра именно в этом месте.

Когда мой отряд последним из всего соединения перебрался сюда, партизанский лагерь радостно праздновал победу в очередном бою.

И вот, когда мы готовились к новым боям, рано на рассвете в расположение нашего лагеря вошел советский танк. На нем стоял советский подполковник, а рядом сидел, съежившись, фашистский солдат в грязной пилотке, надетой задом наперед. До немецкого вояки нам нет дела, мы таких навидались досыта. Дружно кинулись к подполковнику родной армии, сняли его с танка и, не опуская на землю, бережно передавали друг другу, крича «Ура!». Радость наша была безгранична! Многие пожилые партизаны и партизанки плакали от великой радости и счастья видеть советского офицера, вестника окончательного разгрома и изгнания врага, вестника Победы!

После первых минут долгожданной встречи подполковник громко прокричал: «Дорогие братья, я прибыл сюда со срочным заданием, ведите меня к главному командиру!» Партизаны немного успокоились, и один из нас увел офицера в палатку Ивана Кузьмича Примака. Вскоре командиры отрядов, комиссары и начальники штабов были вызваны к командиру соединения.

— Поздравляю вас,— сказал Иван Кузьмич,— с завтрашним часом соединения с Красной Армией. Передовые части 3-й танковой армии, по пятам преследуя врага, достигли берегов Днепра. Но отстали средства переправы. Армейские командиры просят, чтобы мы помогли им одолеть реку и далее преследовать врага, не давая ему опомниться. Решили послать Кайсенова, который досконально изучил правый

берег, да и партизаны его отряда почти все из сел с той стороны.

Командир посмотрел на меня. Я вскочил с места. Примак продолжил:

— Отбери 120 человек и этой [illegible] захвати село Григоровка на той стороне Днепра. [illegible]ебе будет придан батальон красноар[illegible], [illegible] боеприпасы. Твоя за[illegible] берегу до заверш[illegible] [illegible]ния и [illegible].

В тот [illegible] шагал с партизанами к Дне[illegible] получили оружие, [illegible] [illegible] стали хозяевами шести небо[illegible] [illegible]. [illegible] оказался неполным, зато все — отбор[illegible] [illegible], [illegible] огонь и воду.

Правый берег. Укрепившийся на нем враг поливает с высокой кручи наш плоский [illegible] берег огнем. Земля содрогается от взрывов. [illegible] самолеты хищно кружат над Днепром. Я скрытно по[illegible] к берегу отряд, используя густой лес.

Будто решив помочь нам, [illegible] в ту ночь скрылась за тучами. Все, [illegible] [illegible]. [illegible] с правого бе[illegible], освещая мертвящим [illegible] [illegible] подвешенные к небу [illegible]. Застрекотали пулеметы [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]. [illegible] снаряд [illegible] лодок, будто [illegible] [illegible] могут защитить от раскал[illegible] [illegible]. Снаряд [illegible] в нос нашей лодки. Треск, грохот, лодка мгновенно [illegible] [illegible].

Б[illegible] Я же [illegible] от бо[illegible] и не умел [illegible] плавать. Кто-то подхватил меня за пояс и, выгребая одной рукой, помог выбраться. Я [illegible] с [illegible] над головой автомат[illegible] [illegible] берегу. Пока еще неизвестно, кого [illegible] выплыл, кто утонул. Меня [illegible] [illegible] [illegible], командир группы. Цел и Григорий Алексеенко, который начал быстро распре[illegible] уцелевших [illegible] [illegible] вым точкам. В короткий срок [illegible] [illegible] ко вражеских пулеметных гнезд. [illegible] над переправой. Самолеты яростно бомбили Днепр.

Село Григоровка раскинулось на склонах правого берега реки, улицы кривые, тесные, там танки не смогут развернуться. А разведчики донесли, что в селе много вра[illegible]

жеской техники — танков, машин, бронетранспортеров. Зная, что враг не сумеет эффективно использовать ее, мы сразу же пошли в наступление. Фашисты, бросив бесполезную технику, были вынуждены отступить. К двум часам ночи мы полностью очистили Григоровку, на кривых улочках которой осталось много вражеской техники.

Начало рассветать. Получив подкрепление, мы овладели селами Зраубенцы, Луковец. Поредели ряды партизан, немало погибло солдат. Но все гуще становился поток перемалывающихся на наш берег подразделений.

Через некоторое время враг, видимо, догадался, что у нас мало сил. За каких-то три часа мы отбили две ожесточенные атаки, в которых участвовали немецкие тяжелые танки.

В разгар боя ко мне подбежали два бойца, разматывая катушку с телефонным проводом. Молодой лейтенант, прижав трубку к уху, что-то кричал в нее и вдруг упал замертво — его свалила пуля. Боец-связист подполз ко мне и протянул трубку. Я крепко прижал ее к уху и услышал:

— Товарищ командир отряда, держите оборону до двенадцати часов! К тому времени успеют подойти силы, которые сменят вас. Потерпите еще немного.

— Будем сражаться до последнего дыхания,— ответил я.

И в ту же секунду связь прекратилась. Со стороны Каневa зловещими треугольниками летели десятки самолетов. Все вновь загрохотало, будто само небо раскололось и обрушилось на землю. На наши позиции медленно ползут, изрыгая огонь, тяжелые танки, за ними бегут солдаты...

Уцелевшие партизаны и красноармейцы отсекают огнем пехоту противника от прикрывающих их танков, заставляя ее отступить или залечь. Танки заметались, бросаются в разные стороны. Подбитые машины замерли, другие крутятся на месте, окутанные чадным дымом. Выскакивающих из огня фашистов тут же подсекают автоматные очереди наших бойцов.

Вдруг мне показалось, что запылала огромная сосна, к толстым корням которой я прижался всем телом. Услышал крик Алексеенко. «Вася!» Чувствую, что падаю куда-то... Все померкло и исчезло.

Очнулся не вдруг. Гудит голова. Она в тугих бинтах. Руки, ноги вроде не болят. Лежу на спине, без движения. Первая мысль, мелькнувшая в сознании: «Неужели я в руках врага?» Весь похолодел, заныло сердце.

Вдруг кто-то осторожно поднял мою руку и тихо при-
жал ее ладонью к своему лицу. Я открыл глаза. Да ведь
это Алексей Крачек, наш врач, мой близкий друг.

— Алеша, где я?— тихо спросил я.

— Вася, не волнуйся, ты в руках наших врачей...

Как только боль несколько отпустила, я разыскал
командира соединения Примака и доложил, что его задание
выполнено. Тот крепко пожал мне руку, обнял огромными
ручищами и что-то радостно заговорил. Поняв, что я оглох,
прокричал:

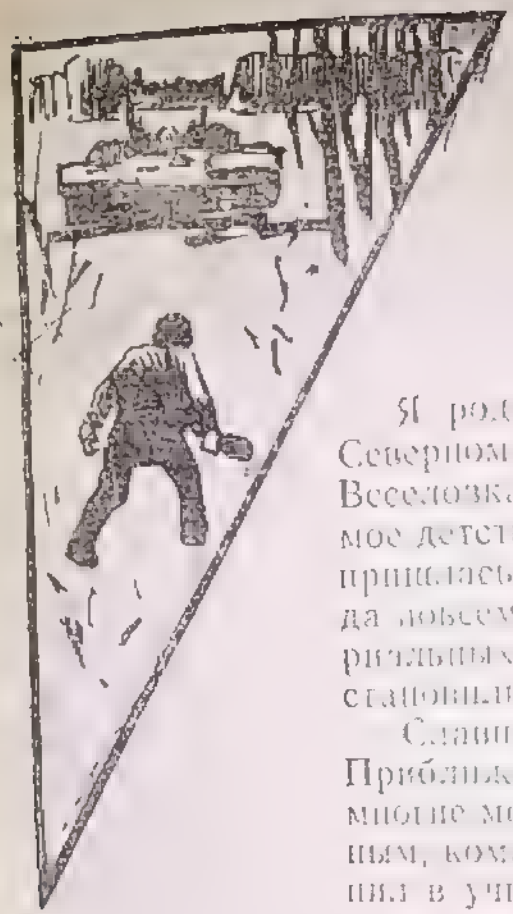
— Ты образцово выполнил задание. Мы наблюдали, что
творилось на Днепре и на том берегу. Не знаю, как вы
остались живы...

кадровый в
представля.

Между т
ше не тол
рой и служи
лоны, и уже
дислокации
службу в с
артиллерийс
связи.

В первы
артиллерийс
падке горо
ние бои с пр
и ночью бом
узел, одновре
ными. Мы
стало извест
бригады, не
приняло реш

ВАСИЛИЙ ШАРУАД,
бывший командир партизанской бригады имени матроса Железняка



ЖЕЛЕЗНЯКОВЦЫ

ГОРЬКОЕ ЛЕТО

Я родился в краю хлеборобов — в Северном Казахстане. Здесь, в деревне Весёловка Булаевского района, прошли мое детство и комсомольская юность. Она пришлась на годы первых пятилеток, когда повсеместно поднимались леса индустриальных новостроек, а деревни и аулы становились колхозными.

Славное это было время и тревожное. Приближалась война. Поэтому я, как и многие мои сверстники, решил стать военным, командиром Красной Армии. Поступил в училище, успешно его окончил, и вот — уже командир взвода, лейтенант, кадровый красный офицер. Казалось, все это так представлялось.

Между тем назревали грозные события, круто изменившие не только мои личные планы. Часть, в которой я служил, срочно погрузилась в железнодорожные эшелоны, и уже 19 мая 1941 года мы прибыли к новому месту дислокации в белорусский город Лиду. Здесь я продолжил службу в составе 7-й [illegible] противотанковой артиллерийской бригады [illegible] начальника узла связи.

В первый же день Великой Отечественной войны наша артиллерийская бригада заняла оборонительный рубеж за нашим городом Лида и около [illegible] вела оборонительные бои с превосходящими силами противника. Враг днем и ночью бомбил с воздуха этот крупный железнодорожный узел, одновременно рассекая и [illegible] оборону танковыми клиньями. Мы стойко оборонялись свои рубеж и только, когда стало известно, что попали в окружение. Командование бригады, не имея связи с другими частями и соединениями, приняло решение пробиваться с боями на восток. Вскоре

не стало горючего и боеприпасов; уничтожив всю технику и вооружение, мы пробивались к Минску небольшими группами. Нашей группой командовал лейтенант Петровский. В ней было около ста человек. Пока добрались до села Иванец-Пруды, в боях потеряли примерно половину состава. Но мы упорно шли — преимущественно ночами — на восток, на соединение с частями Красной Армии. В одну из ночей нас обнаружили. Почти все бойцы были расстреляны в упор. Мне посчастливилось: вброд перешел незамерзшим болотистую речку и залег в кустарнике.

Вечером я встретил двух бойцов из нашей группы — Молоткова и Развожаева. Втроем продолжали двигаться на восток. В районе Шацка услышали: идет бой. Решили, что приблизились к линии фронта. Но ошиблись. Фронт откатился к тому времени до Бобруйска, Рогачева и Могилева, а здесь немецкие тыловые части добивали группы, попавшие в окружение. Нас троих немцы выловили, погнали в Барановичи и разместили в тюрьме, которая использовалась как лагерь для военнопленных. Здесь находилось несколько тысяч человек, не только камеры, был переполнен и двор тюрьмы. Негде было присесть. Люди стоя спали под открытым небом. Каждый день привозили сотни пленных, гражданское население, других куда-то увозили. Говорили, что в Германию.

Вскоре повели и меня на железнодорожную станцию. Дорога была усеяна трупами расстрелянных или удушенных собаками советских людей: тех, кто не мог двигаться, пристреливали или напускали собак... Погрузили нас в вагоны. Я попал в полувагон для перевозки угля. Нашел товарищей, согласившихся бежать. Стемнело. Я крикнул: «Прыгаем!». Выбрался из полувагона, скатился по крутой насыпи, ощупал себя — цел.

Раздались выстрелы, но они меня миновали. Товарищей я не нашел. Возможно, прыгали и они, но разбрелись в темноте в разные стороны. Шел всю ночь, стараясь уйти подальше от железной дороги. Через несколько дней набрел на деревню Новолесье Малоритского района. Решил здесь остановиться — идти дальше просто не было сил. Меня приютила местная жительница Прасковья Шульжик, которой обещал, как только поправлюсь, помогать по хозяйству. Вскоре обзавелся кое-какими знакомствами. Особенно пришелся по душе Иван Дацик. Говорили оба больше намеками. В частности, Иван как бы «теоретически» рассуждал о том, что в болотах много таких мест, где одни солдаты

может заменить целую роту и не попасться врагу... Потом он рассказал, что припрятал кое-какое оружие.

Тем временем меня выследили полицаи. Пришлось уйти в лес. Но связь с жителями Новолесья я не терял, особенно ценил дружбу с Иваном Дацюком. Один за другим приходили ко мне молодые мужчины с оружием, главным образом из числа попавших в окружение и бежавших из плена командиров и солдат Красной Армии. Нас оказалось 27 человек. Теперь уже можно было всерьез думать о том, чтобы пробиваться на соединение с советскими войсками.

МАЛОРИТСКИЙ ОТРЯД

Все мы понимали, что быстрое продвижение врага по советской земле многих сбило с толку, кое-кто потерял веру в нашу скорую победу. Значит, надо [illegible] поближе к линии фронта. Надо попутно энергично [illegible] напоминая таким образом, что неудачи наши временны, что Белоруссия была и навсегда останется советской.

Свой первый партизанский «визит» мы нанесли старосте села Новолесье, оказавшемуся верным прихвостнем гитлеровцев. Мы заявили ему, что на первый раз [illegible] его не убивать. Если же он и дальше будет заниматься враждебной нам деятельностью, то не избежать ему народного суда. Взяли у него винтовку, плащ, [illegible] обуви — ведь все мы были одеты в рванье,— и вернулись на свою базу. Конечно, об этой акции в тот же день стало известно всем жителям Новолесья.

Следующую задачу свою мы видели в том, чтобы разгромить полицейский участок в Радуше, который терроризировал всю округу. К началу апреля у нас уже были свои связные в окрестных селениях, в том числе и в Радуше. Однажды они сообщили, что начальника участка вызвали в районный центр Малорит. Глухой ночью окружили дом, где находились полицаи, перерезали телефонный кабель, без выстрела сняли часовых и вошли. Овладели пирамидой с оружием, подняли 18 спящих полицейских, [illegible] им стать лицом к стенке, и от каждого из них взяли клятву бросить службу в полиции, не поднимать оружие против советских граждан, иначе [illegible] их суровая рука народных мстителей. Позвонили в [illegible] они полицаи, объяснили, что живут рядом, и через несколько минут принес нам винтовку и [illegible] с патронами. Мы оставались в районе Радуша до конца апреля, но полицейский участок своей работы так и не возобновил.

Здесь уместно сказать, что на службу к фашистам при-
шли разные люди. Одни так поступали из малодушия,
были и уголовники, желавшие обогатиться за счет узако-
ненного фашистами грабежа; других заставили под страхом
смерти или угона в Германию взять в руки оружие, но были
и такие, что ушли в полицаи по поручению подпольных пар-
тийных организаций, созданных почти в каждом оккупиро-
ванном фашистами районе.

На первых порах мы не имели связи с подпольными груп-
пами и партизанскими отрядами. Одна была у нас цель —
сколотить отряд и пробиться к своим за ставшую уже дале-
кой линию фронта. В мае или начале июня наши разведчи-
ки встретили в лесу неподалеку от деревни Картылисы пять
вооруженных граждан, которые после долгих переговоров
с нами заявили, что они партизаны.

Я попросил их провести меня к своему командиру. Отряд
носил имя К. Е. Ворошилова, командовал им молодой муж-
чина по имени Борис. Он ознакомил меня с обстановкой в
районе, с расположением полицейских участков и немецких
гарнизонов и тут же предложил нашему Малоритскому от-
ряду оказать ворошиловцам помощь в разгроме немецко-
полицейских гарнизонов в поселках Ратное и Девин (с лег-
кой руки Бориса наш отряд, сложившийся в Малоритском
районе, так и стал называться «Малоритским»).

Обоюдными усилиями мы эту задачу выполнили. После
этого ворошиловцы направились в Ковель для освобожде-
ния из лагеря советских военнопленных, а мы снова напра-
вились дальше, на восток. Видимо, партизанские отряды в
ту пору еще не созрели для действий в крупных соедине-
ниях, малочисленные отряды стремились обходиться своими
силами. Вспоминается, в частности, группа партизан, со-
стоявшая из 12 человек, под командованием Семена Дмит-
риевича Исакова. Мы познакомились в июле 1942 года и
убедились, что воевали исаковцы храбро и умело. Вот ха-
рактерный эпизод.

Возле деревни Хобовичи им повстречались два мальчи-
ка, которые рассказали, что неподалеку немцы и полицей-
ские сопровождают обоз с хлебом, который отобрали у
местных крестьян. Выяснилось, что обоз следует в Кобрин,
и путь его лежит через Днепровско-Бугский канал. У моста
через канал Семен Дмитриевич устроил засаду из шести
человек с ручными пулеметами, а остальных разместил в
ближнем лесочке. Полицаев и немецких солдат было не-
сколько десятков человек, они беспечно пересаживались на

гах, когда партизаны обстреляли их с двух сторон. Лишь немногим фашистам и их прихвостням, бросившимся вплавь через канал, удалось спастись. А 62 подводы с хлебом достались крестьянам ближних деревень.

Впоследствии группа Исакова влилась в наш отряд.

Итак, мы продолжали свой путь. От деревни к деревне, от села к селу. Передвигались только ночью, высылая вперед дозоры. И вредили врагу, как могли. Где полицейский участок ликвидируем, где небольшой гарнизон фашистских войск истребим. Так мы пополняли запасы оружия и патронов. Оно теперь было у нас почти сплошь немецкое — к отечественному боеприпасов не подберешь.

Но воину нужно как-то питаться, сменять время от времени свои обноски. Конечно, местное население помогало, чем могло. Да мало оно могло, ибо оккупанты все выгребали начисто. А у фашистов и их прихвостней — старост и полицаев — всего было вдоволь. У них мы отнимали не только оружие, но и продовольствие, одежду, фураж для наших коней. Думаю, что поступали правильно.

Подойдя поздним вечером к одной из деревень, мы, как обычно, направили вперед разведку. Партизаны-разведчики доложили, что встретили крестьян на телегах, которые весь день возили полицаев, разыскивавших партизан, но никого не нашли. Полицаи остались ночевать на соседнем хуторе, а возчиков отпустили. Сегодня полицаи заняли наш дом, где разместился полицейский участок. Он действительно был пуст. Вскрыли сейф в кабинете начальника, нашли деньги, различные бланки, доносы на советских граждан. Потом посетили и достали начальника полиции. На вешалке висела его форменная одежда. Пригодится нашим разведчикам. И продовольствия оказалось в доме много. Старухе со стариком, живущим в этом доме родителям немецкого прихвостня, мы объяснили, что мы вернемся передать сыну-предателю, что пришли в последний раз.

За короткий период продвижения отряда по Западной Белоруссии нами были разбиты три полицейских участка, один маслозавод, две помещичьи усадьбы и одно лесничество. Если же на пути попадались более крупные гарнизоны, мы делали остановку на сутки-двое, проводили разведку и по тщательно продуманному плану нападали, причем не безуспешно.

Такова, например, операция, проведенная в июле 1942 года у деревни Арончи.

Дорога в Аровичи вела через реку Припять. Нас перевез на лодке местный житель, он рассказал, что полицейский участок расположен в школе, он днем и ночью охраняется. Полицейские постоянно находятся на казарменном положении, а насчитывается их примерно 25—30 человек. Кроме того, в деревне имеется такое же количество так называемых «самооборонцев»—«вартовых». Еще рассказал он нам, что полицаи терроризируют население, грабят, издеваются над женщинами, трудоспособных вылавливают и отправляют в Германию.

Аровичи оказались большой деревней. По обочинам главной улицы, перебегая от дерева к дереву, мы стали подтягиваться к школе. Встретился патруль — четверо вооруженных «вартовых», тихо разоружили их и предложили провести нас к школе. Самооборонцы не стали шуметь, они даже обрадовались нам и предупредили, что в здании находятся не только полицаи, а почуют и гитлеровцы, приехавшие из города Хойники на двух автомашинах.

Хотя враг превосходил нас численно, мы решили атаковать его, рассчитывая на внезапность. Под покровом темноты нам удалось подойти к школе и окружить ее. Однако немецкий часовой, заметив что-то неладное, скрылся в помещении и поднял тревогу. Немцы сразу же открыли огонь из автоматов, который нам вреда не причинил. В ответ партизаны забросали их гранатами через окна. Когда взрывы стихли, мы предложили фашистам сдаться, но в ответ последовал автоматно-пулеметный огонь. Стало ясно, что сдаваться они не намерены. Я дал команду поджечь дом. Деревянное здание запылало. Немцы и полицейские стали выбрасываться из окон, а партизаны встречали их автоматными очередями... Так был полностью уничтожен еще один немецко-полицейский гарнизон.

Уже рассвело, когда мы закончили операцию. Тем временем послышался шум моторов. Гитлеровский гарнизон, расположенный в городе Хойники, направил на вырубку своим несколько бронемашин и танков. Мы отходили в лес по открытой местности, немцы нас быстро обнаружили и открыли огонь. Стреляли издалека, а настичь нас вражеские машины не могли. Дело в том, что отходили мы по осушенному торфяному болоту, которое пересекали глубокие коллекторы, заполненные водой. Через коллекторы пролегали легкие мостики, которые мы, отходя, сжигали. Добрались до леса без потерь. А лес для партизан, как известно, дом родной, туда фашисты не сунутся...

Около месяца оставались мы в этом лесу километрах в десяти от Аровичей. Все это время оккупантам не удавалось восстановить здесь полицейский участок. В окрестных селах, как доложили наши разведчики, прочно утвердился слух, что за Припятью высадился крупный десант советских войск. А нас в то время насчитывалось около сорока человек... Нас эти слухи радовали. Мы считали себя частью Советской Армии, действующей во вражеском тылу. И продолжали свой путь. К своим, к линии фронта.

После одного длительного перехода отряд остановился на отдых близ деревни Савичи Хойникского района. Той же ночью наша разведка встретилась с группой вооруженных людей, назвавшихся партизанами. Конечно, [illegible] не могли сразу же поверить незнакомцам. Но [illegible] лишь тогда, когда те с восхищением стали [illegible] о том, как неизвестный отряд разгромил немцев в Аровичах. А расположены Аровичи в Хойникском районе. Это их район.

Вскоре мы познакомились с [illegible] товарищем Овсянниковым (имя и отчество [illegible] в памяти). Он рассказал, что не [illegible] партизанский отряд пришел с танками в Аровичи, [illegible] самый крупный полицейский участок, [illegible] несколько десятков гитлеровцев, что он давно ищет связи с этим неизвестным отрядом, имеющим свои танки... Мне пришлось подробно рассказать [illegible] операции, объяснил, правда, что танки были не наши, а немецкие...

Хойникский партизанский отряд был невелик. Состоял из местных жителей, его организовали и руководили [illegible] партийные и советские работники района.

Овсянников оставил наш отряд на отдых [illegible] Через несколько дней [illegible], что в Аровичи [illegible] Пирша. Немцы [illegible] давно [illegible] бы [illegible]. Но [illegible] оборонительные [illegible], оборудовали бойницы, [illegible] настоящая крепость.

[illegible] Но [illegible] предателей следует [illegible] брать в лоб столь укрепленный [illegible]. Надо [illegible] полицаев на простор.

Вместе с [illegible] нашими командирами майором Евгением Дрозденским и капитаном Антоном Гусельниковым разработали [illegible] пробный план операции.

После тщательной разведки и рекогносцировки местное-

ти наш отряд в ночное время подошел к деревне Радуль, которую с трех сторон окружал лес, а четвертая выходила на луг — отличное место для боя из засады. В Радуль послали четырех партизан, которые пошли на хитрость с тем, чтобы вынудить старосту вызвать на помощь полицию из деревни Пирки. Гитлеровские прислужники «клюнули» на нашу «приманку». Около 8 часов утра мы услышали выстрелы, а вскоре увидели верхового, направившегося в полицейский участок.

Ждать пришлось недолго. В бинокль я увидел движущихся со стороны деревни Пирки пять пароконных подвод, на каждой — по шесть полицейских. Все шло так, как было задумано. Огонь мы открыли сразу по первой и последней подводам. Это вызвало среди предателей панику. Им представилось, что окружены со всех сторон. Ни один полицай не ушел от партизанской кары.

НОВЫЕ МАСШТАБЫ

Возвратившись в расположение Хойникского партизанского отряда, я узнал, что два дня назад в Омельковских лесах более суток шел сильный бой с участием авиации и артиллерии. Кто вел этот бой, разведке пока установить не удалось; однако было ясно, что речь идет о крупном партизанском соединении. На совещании командного состава отряда было решено двигаться не традиционным нашим маршрутом — строго на восток, а повернуть на север — в Омельковским лесам. Мы понимали, что неизвестные нам товарищи по оружию выдержали тяжелый бой с карателями, возможно, им нужна помощь.

Вот уже видны следы недавнего боя: трупы убитых, сожженные землянки, множество стреляных гильз.

Над лесом появился фашистский самолет-разведчик. Наш отряд рассредоточился и прекратил всякое движение. Как только скрылся самолет, снова пошли вперед. Вскоре нам встретилась небольшая группа вооруженных людей, и мы изготовились к бою. Выяснилось, что это разведчики партизанского отряда Речицкого района, носящего имя К. Е. Ворошилова.

Прибыли в лагерь ворошиловцев, укрывшийся в густом лесу. Выяснив, кто я такой, меня представили командиру соединения гомельских партизан — секретарю подпольного обкома Компартии Белоруссии Герою Советского Союза генерал-майору Илье Павловичу Кожару. Вместе с ним в землянке находились начальник штаба соединения Герой

Советского Союза
подпольного Речи
командир парти
М. П. Онищко. Я
наш отряд, как во
Новолесья Малор
Отвечая на вопро
с другими партиз
ших операциях с
населенных пункт
кого района.

В это время от
новном он состоя
ской Армии, попа
ялена.

На вопрос И. П
дальше, я без раз
рываться на соед
пути вражеские т
ции связи, мосты,
противника.

— Это пройде

Он ознакомил
3 июля 1941 года
ческую борьбу н
Конечно, никто из
связи с Большой з
что для работы в
секретари обкомов
т. Партийно-совет
Затаря обкома по
множено, руково
действующими на т
вая нам отка
врага, разжигая п
было оккупанта го
все для общего дел

От И. П. Кожа
Центральный штаб
главным секретарем
членом Коллегии
Украинского
Захарченко
партизанского К

Советского Союза Емельян Игнатьевич Барыкин, секретарь подпольного Речицкого райкома партии В. П. Половинко, командир партизанского отряда имени Ворошилова М. П. Опинко. Я подробно доложил, где и как создавался наш отряд, как вооружался, о боевых действиях в пути от Новолесья Малоритского района до Омельковских лесов. Отвечая на вопрос Ильи Павловича, не встречались ли мы с другими партизанскими отрядами, я доложил о совместных операциях с Радужским отрядом имени Ворошилова у населенных пунктов Ратное и Девин, с партизанами Хойникского района.

В это время отряд наш насчитывал 47 партизан, в основном он состоял из кадровых офицеров и солдат Советской Армии, попавших в окружение и вырвавшихся из плена.

На вопрос И. П. Кожара, как мы намерены действовать дальше, я без раздумий ответил, что наш отряд будет прорываться на соединение с действующей армией, громя по пути вражеские тылы, уничтожая полицейские участки, линии связи, мосты, промышленные и хозяйственные объекты противника.

— Это пройденный этап,— сказал Илья Павлович.

Он ознакомил меня с выступлением И. В. Сталина от 3 июля 1941 года, с его указаниями развертывать партизанскую борьбу на временно оккупированной территории. Конечно, никто из нас об этом выступлении не знал, так как связи с Большой землей у нас не было. Далее он объяснил, что для работы в тылу врага были оставлены почти все секретари обкомов и райкомов Компартии Белоруссии, многие партийно-советские работники, что лично на него и секретаря обкома по кадрам Андрея Аверьяновича Купака возложено руководство всеми партизанскими отрядами, действующими на территории Гомельской области. Он посоветовал нам отказаться от своих планов и остаться в тылу врага, разжигая пламя партизанской борьбы, чтобы у каждого оккупанта горела земля под ногами. Так будет полезнее для общего дела.

От И. П. Кожара я узнал, что в Москве уже действует Центральный штаб партизанского движения, руководимый первым секретарем ЦК Компартии Белоруссии Пантелеймоном Кондратьевичем Пономаренко, что создан штаб партизанского движения Белоруссии, возглавляемый Петром Захаровичем Калининым. С этими центрами Гомельское партизанское соединение поддерживает постоянную радио-

... регулярно действует и «воздушный мост», связывающий ... и партизан с Большой землей.

После этой беседы мне стало ясно, что наш Маяковский ... ий отряд в количестве 47 человек, имея на вооружении ... ий станковый и один ручной пулемет, три автомата и ... олсотни винтовок, принесет гораздо больше пользы, действуя в составе крупного партизанского соединения. Обо всем этом я доложил своим товарищам, вернувшись в ... бщинство партизан с ... мнением не согласилось. Они требовали продолжения пути на соединение с частями Красной Армии. Тогда я перед строем отряда заявил, что я, как коммунист, как политрук Красной Армии, подчиняюсь ... ниям подпольного обкома партии, штаба партизанского соединения и остаюсь ... для борьбы с врагом, кто со мной не согласен, может выйти из строя.

Преодолев ... Никто строя не покинул.

Когда я ... штаба соединения полковнику Г. П. ... что я должен выполнить любое задание, ... в распоряжение командования группы действовавших ... Старинского и Жлобинского районов в Лоевском ...

... октября ... стоянка большой группы ... деревню Ан..., где ... связи. Немцы ... ц лов, ко... добраться к месту ... и. Нарвался ... у хутора ... Красному и ... о прибытии нашего отряда в его распоряжение. После двухдневного отдыха мы с И. А. Крышневым провели общее собрание партизан, на котором решили организационные вопросы. Здесь было ... Отряд получил название ... Командиром ... был избран И. А. Крышнев, его заместителем избран ... ман, а комиссаром — Дмитрий Тимофеевич Шибинский.

Новый партизанский отряд, насчитывавший ... сразу готовился к ...

Отряду «Смерть фашизму» предстояла большая работа. Дело в том, что в районе его действий немецко-фашистское командование создало по всех крупных деревнях полицейские участки, а на железнодорожных станциях и ... размещались крупные воинские гарнизоны. В отдельном районе имелось шесть групп полицейских ... в. На станции Шатилки расположился батальон, охранявший железнодорожный мост через р...

Березину и ли... воинских частей ... здесь имели ... участок.

Командование ... ляло себе, что пр... ...ским врага, надо ... хозяевами положе... уже свыклись с те... ...ли нельзя. Надо б... селенных пунктах ...

Было решено ... полицейский участ... от деревни Антоно... праву через Березо... тов мы создали гру... Афанасия Иванови... ...ловит и Сергей Ст... Чайковский, Жусу... тщательной подго... полицейские участ...

Еще большей ... грому полицейско... гался в помещении ... тов, что отнимали ... здания, а это были ... довали дом пулеме... на казарменном по... ...ции Красный Берез... ...шого техникума ...

Группа Афанасия ... ...ы к участку, систе... начальника участка ... состав и выявили ли... помощь.

В назначенный д... ...женных ножами ... ...ма проникли в поме... ...ли уничтожили нача... ...семь яростно сопро... человека сдались, в ... ...скую базу.

Вскоре нам ста... ...к начальник ...

Березину и линию Шатилки — Мормаль — Жлобин. Ряд воинских частей охранял Жлобинский железнодорожный узел, здесь имелись комендатура и районный полицейский участок.

Командование отряда «Смерть фашизму» ясно представляло себе, что прежде чем наносить удары по коммуникациям врага, надо уничтожить полицейские участки и стать хозяевами положения в районе. Немцы и их прислужники уже свыклись с тем, что в лес небольшими силами сунуться им нельзя. Надо было показать народу, что и в самих населенных пунктах горит под оккупантами земля.

Было решено прежде всего разгромить Мормальский полицейский участок, расположенный в шести километрах от деревни Антоновки, и Толстуковский, охранявший переправу через Березину. Для детальной разведки этих объектов мы создали группу опытных партизан под руководством Афанасия Ивановича Каруничка. В нее вошли Петр Павлович и Сергей Степанович, Толкачевы, Василий Иванович Чайковский, Жусуп Наметов и А. П. Нурманов. После тщательной подготовки Мормальский и Толстуковский полицейские участки были нами разгромлены.

Еще большей подготовки требовала операция по разгрому полицейского участка в селе Радуша. Он располагался в помещении бывшей школы. (Так повелось у фашистов, что отнимали для себя и своих прихвостней лучшие здания, а это были прежде всего школы.) Полицаи оборудовали дом пулеметными гнездами, находились все время на казарменном положении. А в шести километрах на станции Красный Берег в помещении бывшего сельскохозяйственного техникума располагался немецкий гарнизон.

Группа Афанасия Каруничка тщательно изучила подступы к участку, систему его охраны, подходы к квартирам начальника участка и его помощников. Изучили личный состав и выявили людей, готовых оказать нам необходимую помощь.

В назначенный день (вернее, ночь) девять партизан, вооруженных ножами, гранатами и личным оружием, без шума проникли в помещение участка и после короткой схватки уничтожили начальника полиции, его заместителя и еще семь яростно сопротивлявшихся полицаев. Оставшиеся 22 человека сдались в плен. Их отконвоировали на партизанскую базу.

Вскоре нам стало известно, что немецкое командование и начальник Краснобережской полиции Кутай энергично

пытались восстановить полицейский участок в Радуше; но
никто из местных жителей на службу в полицию не пошел.
Не было там полицаев до самого прихода Советской Армии.

Добавлю, что к концу 1942 года в Жлобинском и Стре-
шинском районах Гомельской области, на территории
которых действовал наш партизанский отряд, главные поли-
цейские участки были полностью разгромлены, попытки
немецких властей восстановить их успеха не имели.

После разгрома Мормальского, Толстуковского и Ра-
дуцкого полицейских участков отряд «Смерть фашизму»
провел ряд диверсий в самом городе Жлобине. Немецко-
фашистское командование решило уничтожить партизан.
Через местных подпольщиков нам стало известно, что в
Жлобине формируется карательный отряд, который в 20-х
числах декабря 1942 года приступит к прочесыванию Лого-
вской пущи. Поэтому было решено 15 декабря 1942 года
начать переход в Ольковские леса, где размещался
областной штаб и основные силы партизанского соединения.
20 декабря мы прибыли в деревню Белый Колодец.

Обстановка складывалась не в нашу пользу. Каратели
собрали против партизан Гомельского соединения большие
силы. Они сконцентрировали воинские части в деревне Но-
вые Борсуки, районных центрах Лоев и Брагин. В город
Хойники прибыла чехословацкая дивизия, которая направ-
лялась немецким командованием на фронт, но была отоз-
вана специально для участия в операции по уничтожению
партизан. С каждым днем вражеское кольцо вокруг парти-
занской зоны сужалось. Примерно к 20 января 1943 года
все деревни вокруг Ольковского леса были заняты про-
тивником.

В партизанских отрядах, в том числе и в нашем, бое-
припасы были на исходе. Около десяти раненых партизан
нуждались в немедленной госпитализации. Ощущалась
нехватка медикаментов и перевязочных материалов. Все
труднее становилось с продуктами питания.

Наша разведка под командованием Лашкина [illegible]
чика была направлена в район деревни [illegible] для
уточнения обстановки. Вскоре она доставила в штаб
двух пленных — офицера и солдата из чехословацкой
зии. Их допросили. Выяснилось, что офицер является
конным ветеринарным врачом. Он охотно рассказал
знал. Оказалось, что гитлеровское командование
то доверяет чехам и словакам, и поэтому все
состав состоит из офицеров немецкой национальности

сообщил также, что окончательно определена дата наступления на партизан — 29 января 1943 года.

... Мы доставили пленного в штаб соединения. Здесь его допросили в присутствии генерала Кожара. Свои показания ветврач полностью подтвердил. На экстренно созванном совещании командиров всех отрядов было принято решение упредить немцев и в ночь на 28 января 1943 года вырваться из кольца и направиться в Октябрьский район. Пленного решено было освободить, но ветврач категорически отказался возвращаться в свою часть, попросил оставить его в партизанском отряде и заверил, что будет честно вести борьбу с немецкими оккупантами. Мы пытались отговорить его, сказали, что предстоят трудные бои, что боеприпасы и продукты питания на исходе, но он повторял упрямо: «Иду с вами».

В момент прорыва наш отряд шел во втором эшелоне, а на второй день, 29 января, перешел в первый эшелон. Вскоре нас атаковал противник. Мы успешно отбили атаку, и фашисты отступили назад, к железнодорожной станции Демихи. Увидя это, командир девятой роты А. А. Гусельников сел за пулемет, установленный на тачанке, догнал отступающих немцев и стал поливать их свинцом, уничтожив не один десяток карателей.

Бои с карателями происходили каждый день, и избежать их было невозможно, так как колонна партизан с ее обозами занимала более пяти километров в глубину и приблизительно столько же по фронту. Наконец, 4 февраля 1943 года мы достигли деревни Лески, вошли в Октябрьский партизанский край.

В Лесках мы пополнили запасы боеприпасов и продуктов питания, отсюда отправили самолетом на Большую землю раненых. Отряд стал готовиться к возвращению в свою зону действий — в Стрешинский и Жлобинский районы.

Приближался большой наш праздник — 25-я годовщина Советских Вооруженных Сил. За два дня перед этим, 21 февраля 1943 года, наш отряд возвратился в свою зону. На первых порах мы разместились в деревне Говеновичи Речицкого района Гомельской области.

Ознакомившись с обстановкой, командование отряда пришло к общему мнению, что отметим знаменательную дату, разгромив Толстуковский полицейский участок, так как с уничтожением его у нас развяжутся руки для активных боевых действий. Это было тем более необходимо, по-

...ку партизанский отряд «Смерть фашизму» на протя... ...ли трех месяцев отсутствовал в своей зоне, и оккупанты ...ли поэтому «чересчур спокойно».

Вернулся из штаба соединения наш командир. Так тольбо что прошло совещание командиров отрядов, на котором их проинформировали о положении в стране и на фронтах представители Центрального и Белорусского штабов партизанского движения. Иов Афанасьевич рассказал об этом на собрании отряда, определил стоящие перед ним задачи.

Итак, Толстуки. Необходимо было возобновить связь со связными отряда — жителями Толстуков, собрать необходимые разведданные.

Теперь у нас было достаточно сил для того, чтобы не только разгромить полицейский участок, но полностью его уничтожить, [illegible] партизан [illegible] против [illegible] боевом настроении.

[illegible] лось, [illegible] Толстуков [illegible] выстрела. Но [illegible] что наш план каким-то образом стал известен полицейским [illegible] обследовали каждый дом, каждый сарай и выгнали прятавшихся полицаев, сдававшихся без сопротивления.

Хозяйство [illegible] Вместе с Г. Завадовкиным, П. Гололобовым, Г. З[illegible] мне с трудом нам [illegible] полицейский участок. На этот раз [illegible] тя Гололобов.

Проверив все дворы деревни, мы выловили дез[illegible] ческих. Оказавшие сопротивление пятеро были расст[illegible] ляния, четверых увели в лагерь для допроса. Г[illegible] ные 12. Оказалось, что они еще до нашего [illegible] ли деревню.

В конце марта отряд передислоцировался в [illegible] ские леса, и с этого момента подходы к Берез[illegible] наших руках. И все же нас постоянно мучил вопрос о [illegible] каким образом враг сумел раскрыть план толстуковской операции.

О зверствах, которые чинили фашисты в Белоруссии, не

...писано много книг ...и все больше ожес... ...далеко не все. Уже ...уничтожили 2,2 мл... ...ми юношей и деву... ...Вся белорусская зе... ...мами.

Мы действовали ...му отряду Жлобин... ...биты почти все нем... ...кое командование ...грабить население, ...лую одежду, не мог...

На освобожден... ...образом изменился ...панты не могли бо... ...информацией, фаши... «кухни». Население ...на фронтах Отечест... ...етских людей, кова... ...и комсомольцы рег... ...с лекциями в населе...

В Жлобинском ... «Шлях социализма ... Большой земли. В г... ...материалы о разгро... ...шей победе под Ст... ...сообщения о боевых ...

Для того, чтобы ... ...фронт свои войска, ...сконцентрировать бол... ...рывали перевозки, ...путях мины, поджига... ...тов, выводились из ст...

Здесь необходимо ... ...достигнуты не на пуст... ...громная организато... ...органов, развернутая ...ценной войны. Работа ...бригаде, я получил во... ...сти коммунистическ... ...нией врагом террито... Как только нача... Сетки, Жлобинск...

писано много книг. Мы же были свидетелями этих зверств, и все больше ожесточались наши сердца. Конечно, знали мы далеко не все. Уже после Победы узнали мы о том, что враги уничтожили 2,2 миллиона жителей республики, угнали тысячи юношей и девушек на каторжные работы в Германию. Вся белорусская земля была покрыта концлагерями и тюрьмами.

Мы действовали. К весне 1943 года в отведенных нашему отряду Жлобинском и Стрешинском районах были разбиты почти все немецко-полицейские гарнизоны. Гитлеровское командование лишилось возможности безнаказанно грабить население, отбирать у него продовольствие и теплую одежду, не могло угонять молодежь в Германию.

На освобожденной партизанами территории коренным образом изменился морально-политический климат. Оккупанты не могли больше одурманивать население лживой информацией, фашистскими небылицами из геббельсовской «кухни». Население всегда было осведомлено о событиях на фронтах Отечественной войны, о героическом труде советских людей, ковавших победу над врагом. Коммунисты и комсомольцы регулярно проводили беседы и выступали с лекциями в населенных пунктах.

В Жлобинском районе регулярно выходила газета «Шлях социализма». Печатный станок мы получили с Большой земли. В газете печатались полученные по радио материалы о разгроме немецких войск под Москвой, о нашей победе под Сталинградом, сводки Совинформбюро, сообщения о боевых успехах партизан.

Для того, чтобы сохранить возможность пропускать на фронт свои войска, фашистскому командованию пришлось сконцентрировать большие силы в Жлобине. Партизаны же срывали перевозки. Чуть ли не ежедневно взрывались на путях мины, поджигались служебные помещения оккупантов, выводились из строя линии связи, паровозные депо.

Здесь необходимо оговориться, что все эти успехи были достигнуты не на пустом месте. Основой для них послужила огромная организаторская работа партийных и советских органов, развернутая еще в первые дни Великой Отечественной войны. Работая в партизанском отряде, а потом в бригаде, я получил возможность многое узнать о деятельности коммунистического подполья на временно оккупированной врагом территории с самых ее истоков.

Как только началась война, предвидя предстоящие события, Жлобинский районный комитет Компартии Белорус-

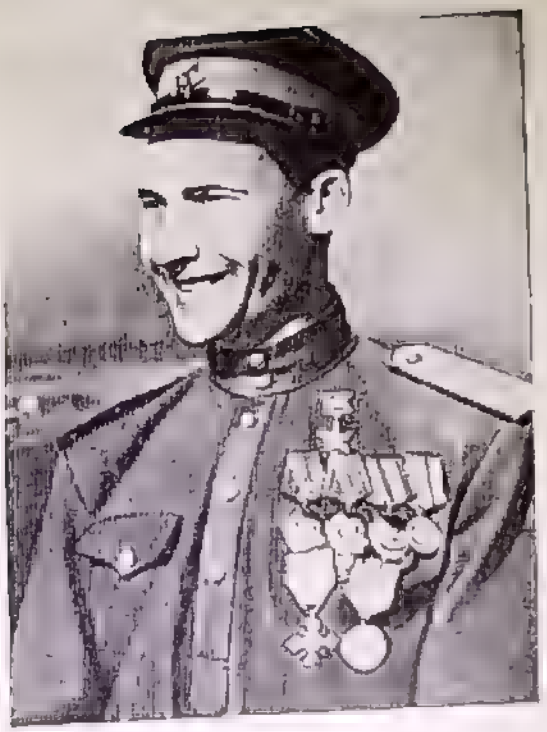
сии создал истребительный батальон, в состав которого вошли работники райкома и райисполкома, партийный и комсомольский актив города и района. Жлобинский истребительный батальон вылавливал вражеских лазутчиков и диверсантов, оказывал помощь Красной Армии в защите города и прилегающих деревень от немецко-фашистских войск.

Когда под напором превосходящих сил противника советские войска оставили Жлобин, а истребительный батальон был разбит, оставшиеся в живых его участники ушли в подполье и начали искать способы вредить врагу, выполнять свой патриотический долг. Секретарь райкома партии П. А. Крищев, скрывавшийся некоторое время в деревнях Жлобинского и Стрешинского районов, начал исподволь восстанавливать подпольные группы и организовывать их работу.

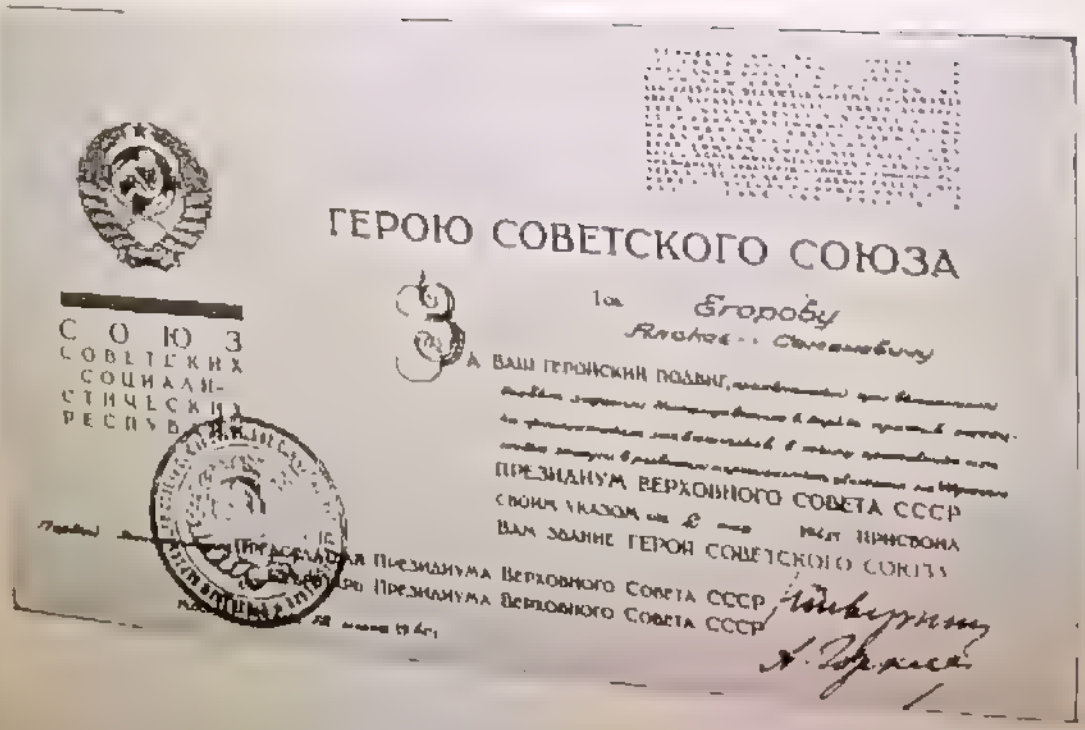
Делать это было непросто. В первые дни оккупации основная масса населения была ошеломлена происшедшим и не знала, как быть. На поверхность выплыли изменники, бывшие кулаки, уголовники, принявшие участие в черных делах оккупантов. Нов Афанасьевич сумел перейти линию фронта и получить в ЦК Компартии Белоруссии необходимую помощь. Летом 1942 года он вернулся, перейдя линию фронта, в родной район не один, а с группой верных товарищей.

Вскоре он обнаружил, что, несмотря на страшный террор оккупантов, подполье сохранилось. Один из уцелевших членов истребительного отряда Жлобинского района Михаил Елисеев в конце 1941 года сумел достать радиоприемник и принимал радиопередачи из Москвы. Он часто менял квартиры, передачи слушали то в доме Шевцовых, то у Земляских и других. Быстро распространяли сообщения, опровергая фашистскую похвальбу о том, что их войска овладели Ленинградом и Москвой.

В конце 1941 года в Жлобине создалась подпольная комсомольская организация, члены которой печатали шрифт из немецкой типографии и ручным способом печатали и распространяли листовки с сообщениями Советского информбюро. Этой организацией руководили Степан Горбач и Георгий Захоронко. В 1942 году членов подпольной организации кто-то предал, они были арестованы, подвергались самым страшным издевательствам, а затем казнили.



А. С. Егоров
Герой Сове[illegible] союза



ГЕРОЮ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

тов. Егорову
Алексею Семеновичу

ЗА ВАШ ГЕРОИЧЕСКИЙ ПОДВИГ, [illegible]

ПРЕЗИДИУМ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

СВОИМ УКАЗОМ от [illegible] 1945 г. ПРИСВОИЛ

ВАМ ЗВАНИЕ ГЕРОЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

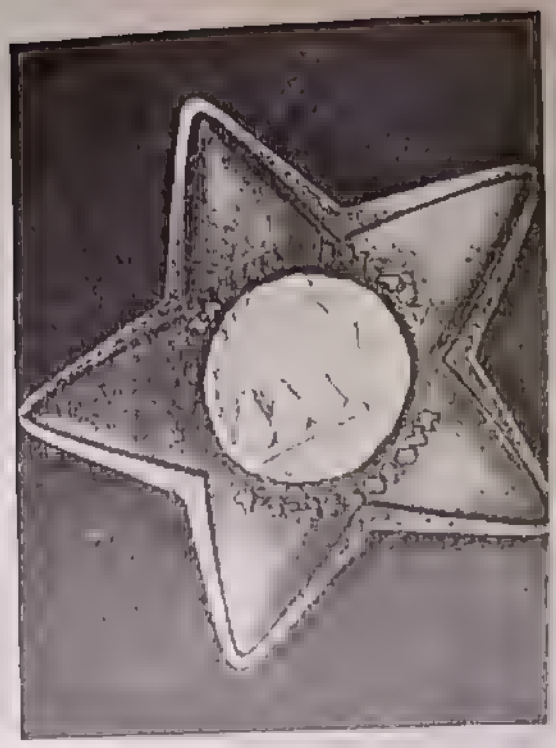
СОЮЗ СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

Председатель Президиума Верховного Совета СССР

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР

А. С. Егоров среди командного состава партизанского [illegible] дважды Героя Советского Союза А. Ф. Федорина [illegible]

А. С. Егоров и его боевые товарищи — начальник [illegible] К. Ржевский и командир партизанского отряда П. Сергеев



«Звезда Европы». Этим почетным знаком правительство ЧССР отметило всех партизан бригады, которой командовал А. С. Егоров

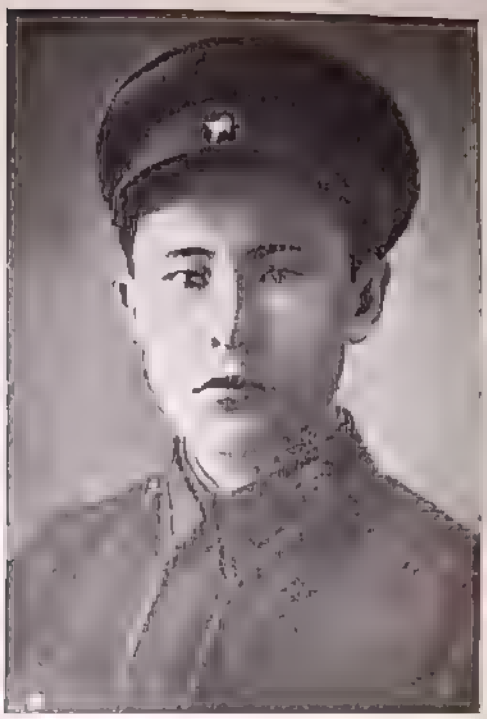
А. С. Егоров среди боевых друзей [illegible] национального восстания

М. Прилу
Герой Сов
рал

С. О. Тулешев — к
училища.

Орден «Виртути Милитари» вручил С. О. Тулеш
генерал Войска Польского Влодзимеж Паш

С. О. Тулешев — курсант военного училища. 1940 г.



С. О. Тулешев среди боевых друзей.

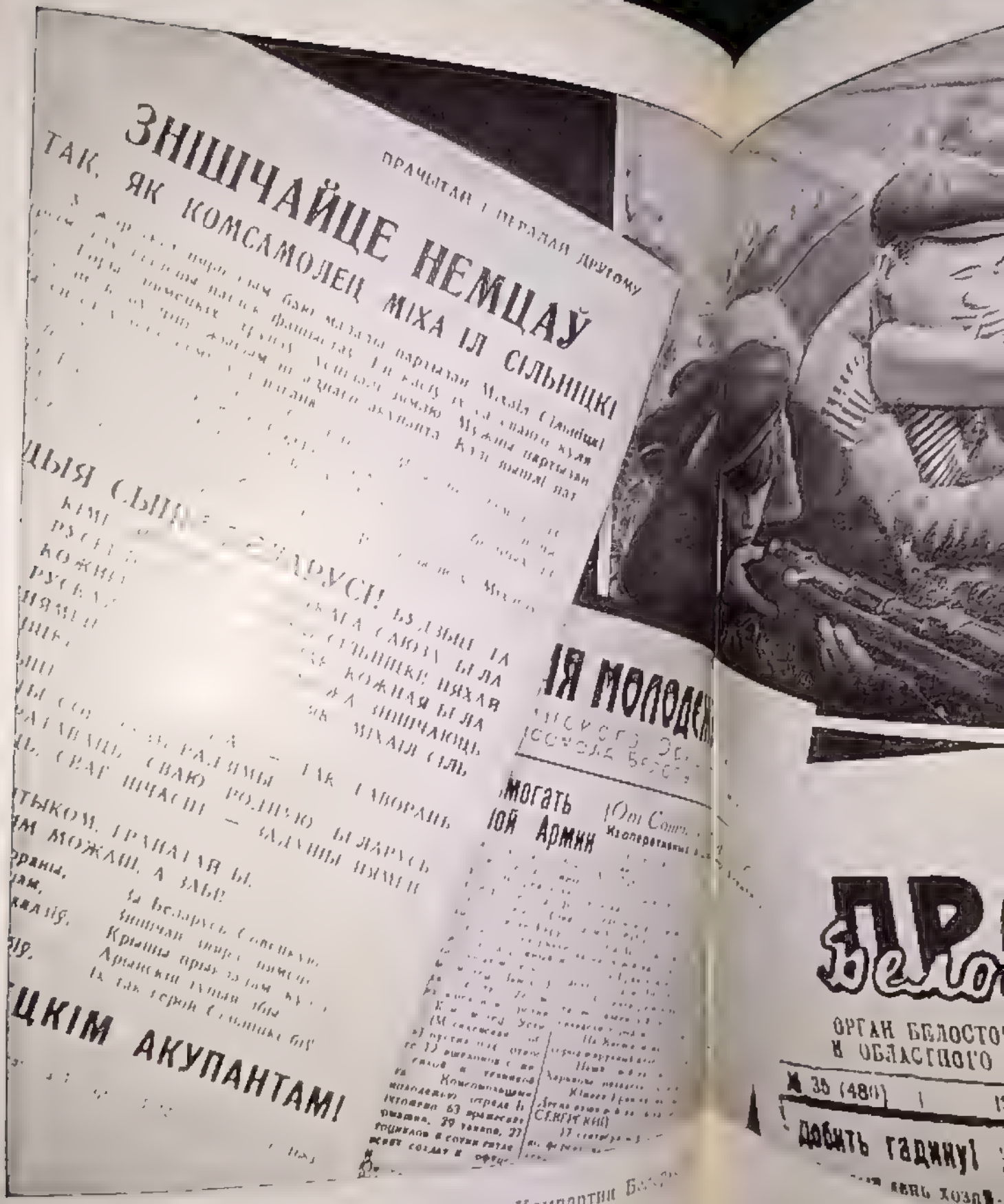
Ф. О...
Г...

Г. Ф... П. Ф... Сашо... Стипе... Дяде Косте и разведчику В. Ч...
командира партизанской бригады Дяде Косте
группы ... заместитель командира бригады Дяде Косте

К. Кайсенов.

В. Шаруда.

Хамид Исмагулов среди партизан отряда им. Чернака.



Печатные издания подпольных комитетов Компартии Бе
и партизанских соединений.

СМЕРТЬ НЕМЕЦКИМ ОККУПАНТАМ!

ПРАВДА Белостокская

ОРГАН БЕЛОСТОКСКОГО ОБКОМА КП(б) БЕЛОРУССИИ И ОБЛАСТНОГО СОВЕТА ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ

Понедельник, 3 апреля 19

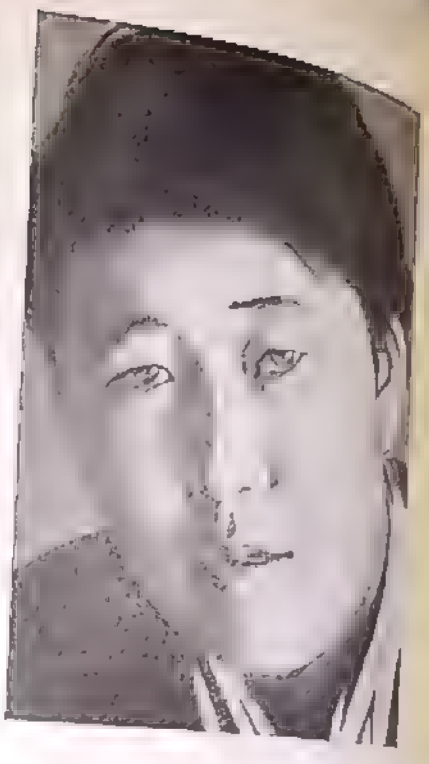
№ 38 (480)

ДОБИТЬ ГАДИНУ!

...ень холяй-

BIJCIE ZABORCÓW NIEMIEC NA KAŻDYM KROKU!

Na uroczystej akademii, któ... dnia 24 marca w Moskwie, ...wielkiego polsk... Ko...



А. Некрасов. Лен[illegible] гизанская бригад[illegible]

Партизанская семья Жан[illegible] Жобык Мадиловы с дет[illegible] Майей среди партизан

Б. Н. Иванкулов[illegible]

Гали Ахмедьяров, начальник штаба партизанской бригады им. Фрунзе.

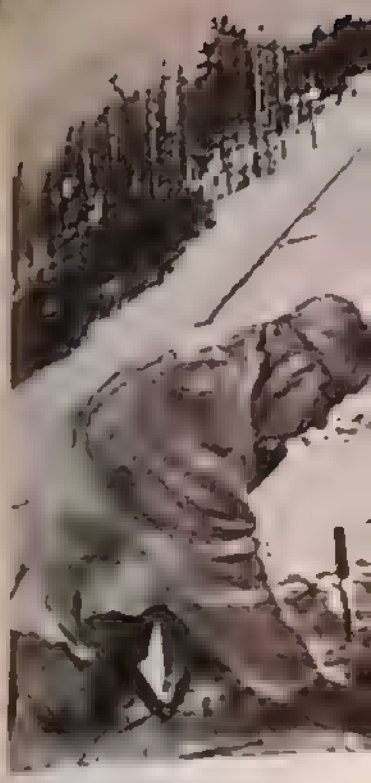
И. Сайтов.

Б. Н. Иманкулов.

Е. Исамберлинов.

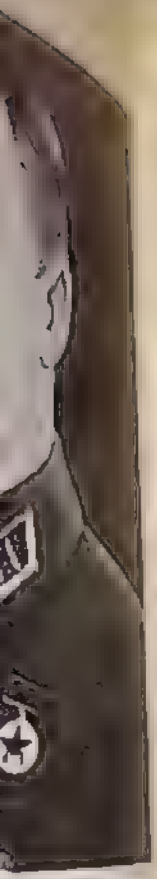
П П

Т Никитин



Дни и но

А Ш А



тии.

Дни и ночи «рельсовой войны».

В тыл врага.

БЕЛОРУССКИЙ
ШТАБ
ПАРТИЗАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ

„7" августа 1944 г.

№ 12
5907

СПРАВКА

Дана настоящая Сидякову Курту

в том, что он действительно состоял в партизанском отряде Черняка бригады Бринского с „25" июня 1944 г. по „7" августа 1944 г.

в должности Ком-ра роты

Просьба к местным органам власти оказать тов. Сидякову Курту содействие в устройстве на жительство и работу.

Начальник Отдела Кадров
Белорусского Штаба Партизанского
Движения

СССР — НКО
МОСКОВСКАЯ
Школа по Подго
радиоспециалис

Л
по уч

Drug IS
:921. Kazaks
III bataljon
Korpusa NOVJ
2736, neradb
5d 1 marta
Ovo važi
Smr
Politkomesar

СССР — НКО

МОСКОВСКАЯ
Школа по Подготовке
РАДИОСПЕЦИАЛИСТОВ

2 сентября 1942 г.

УДОСТОВЕРЕНИЕ

Выдано Байсеитовой Нурсанаму

в том, что он обучался в Московской Школе по Подготовке Радиоспециалистов с 20 апреля 1942 г. по 1 августа 1942 г. окончил ее по специальности Радиотелеграфиста III кл.

ЛИЧНЫЙ ЛИСТОК
ПО УЧЕТУ ПАРТИЗАНСКИХ КАДРОВ

1. Фамилия, имя и отчество Байсеитова Нина Алексеевна
2. Год и место рождения 1922, г. Алма-Ата Казахской ССР.
3. Национальность казашка 4. Социальное происхождение служащей
5. Время поступления в ВКП(б) или ВЛКСМ № комсомольского или партийного билета Член ВЛКСМ с 1938 года.
6. Образование: общее и военное

UVJERENJE O OBLIKOVANJU

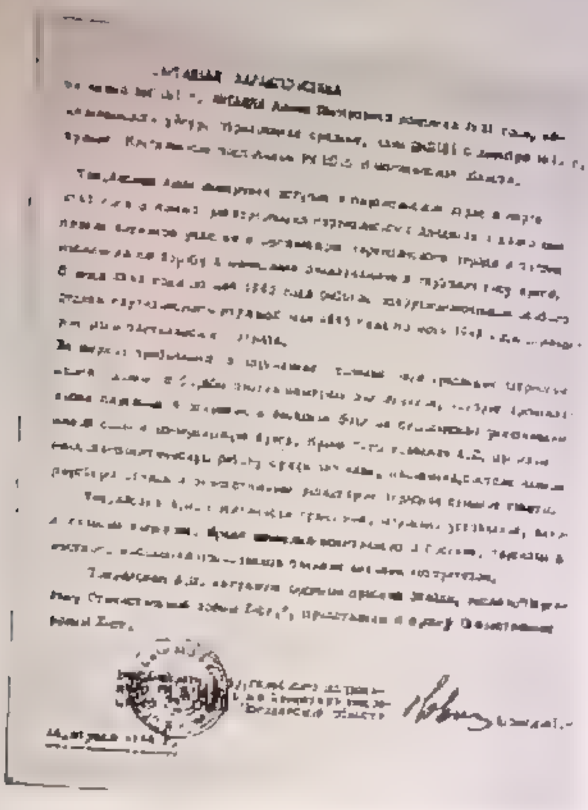
Drug ISAMBERLINO JESBAJ ALEKSANDAR, rodj. 1921. Kazakska Republika, st.vodnik u III.eti III.bataljona III. brigade 13. ad divizije XI. Korpusa NOVJ., odlikovan je Ordenom za hrabrost 2736, naredbom štaba 13. ud. divizije br.12. pd 1. marta 1945.

Ovo važi kao isprava za nošenje ordena.

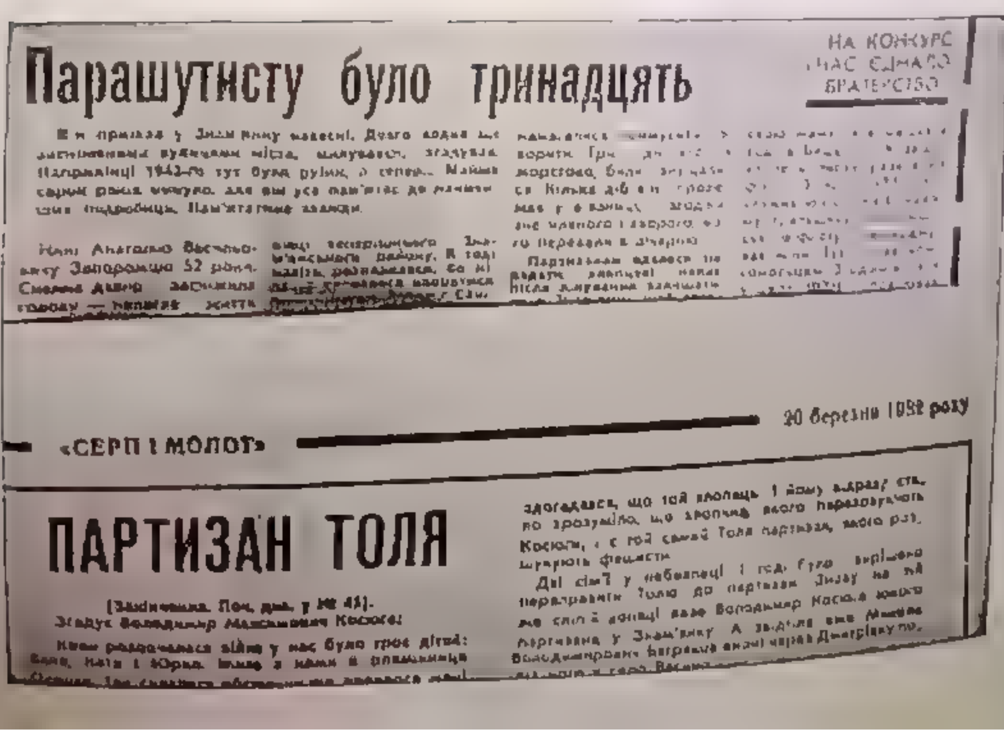
Smrt fa[illegible] slobodu narodu!

Politkomesar ppukovnik [illegible] Komandant ppukovnik

štab XI Korpus



Доку[illegible]тизанских лет.



НА КОНКУРС «НАС ЄДНАЛО БРАТЕРСТВО»

Парашутисту було тринадцять

«СЕРП І МОЛОТ» — 20 березня 1992 року

ПАРТИЗАН ТОЛЯ

(Закінчення. Поч. див. у № 41).
Згадує Володимир Максимович Косогс

На окраине Ж
кая под руководст
входили также Не
роду Тит Мишнико
много оружия, ко
им. Другая подп
ла на железнод
Пыжников, Даниш
ги и сведения о
казали их десант
центром.

Целый ряд под
ленные здесь ком
и политработники
Так, в деревне Св
ствовал коммунист
Жлобинским райз
истребительном б
нулся в родное сел
торой было собран
связь с подпольщи
внедрились в раду
гром.

На территори
группа И. П. Жу
в Старорудянско
Кабиновка Стре
М Д Антускова,
членов партии д
И В Зыков, А.
ла также комсо
группу входили Н
[illegible], Тоня Ста
группа собирала
и распространяла
[illegible] деревень — Л
влилась в пар

Нужна была п
пример, такой акт
и развесили в се
подписями. Навер
чень, от чего осно
мануфактуры, мы

5—2033

На окраине Жлобина действовала группа подпольщиков под руководством Михаила Ивановича Елисеева, куда входили также Исаенко, Козлов, Мишников и другие. В 1942 году Тит Мишников со своими сыновьями и друзьями собрал много оружия, которое припрятал, а затем отдал партизанам. Другая подпольная группа действовала с апреля 1942 года на железнодорожном узле. В нее входили Дмитрий Ныжников, Даниил Якуш, Николай Марушкевич. Они собирали сведения о движении вражеских эшелонов и передавали их десантной группе, высаженной партизанским центром.

Целый ряд подпольных групп создали в районе оставленные здесь коммунисты, а также советские командиры и политработники, вернувшиеся из фашистского плена. Так, в деревне Свилое Радушского сельсовета активно действовал коммунист А. П. Каруничк, заведовавший до войны Жлобинским райземотделом. Он состоял в Могилевском истребительном батальоне, после разгрома которого вернулся в родное село и создал здесь подпольную группу, которой было собрано много оружия для партизан, установил связь с подпольщиками села Красный Берег, члены группы внедрились в радушскую полицию и организовали ее разгром.

На территории П[illegible]ического сельсовета действовала группа И. П. Ж[illegible] — бывшего председателя сельсовета, в Старорудянском — группа М. Г. Маршина. В деревне Кабановка Стрешинского района действовала группа М. Д. Антускова, который был оставлен Стрешинским райкомом партии для подпольной работы. В нее входили Г. В. Злынов, А. Р. Харлап, И. П. Турнов и другие. Работала также комсомольско-молодежная организация, в которую входили Никифор Злынов, Иван Антусков, Тоня Кульшова, Тоня Станкевич, Николай Полетаев и другие. Эта группа собирала оружие, переписывала от руки листовки и распространяла их среди населения Кабановки и окрестных деревень — Ляды, Отрубы, Великий Лес. Впоследствии она влилась в партизанский отряд «Смерть фашизму».

Нужна была незаурядная смелость, чтобы провести, например, такой акт. Перед Первомаем 1942 года подпольщики развесили в селе портреты бесноватого фюрера с двумя надписями. Наверху: «Гитлер-освободитель». Внизу: перечень, от чего освободил он белорусов,— от хлеба, от мяса, мануфактуры, мыла, спичек, керосина и самой жизни...

Характерно, что 33 жителя Кабановки ушли в партизаны.

Одновременно в деревнях Шихов и Нижняя Олба Стрешинского района отважно действовала подпольная группа комсомольца Николая Шевченко. В нее входили Николай Грицков, Наталья Будницкая, Николай Будницкий, Николай Козлов и Сергей Гузов. В деревне Карма работала комсомольско-молодежная группа Владимира Константиновича, Михаила Пикуршина, Петра Конопляникова и Ольги Кришневой.

В ночь на 1 мая 1942 года советскими летчиками были сброшены листовки, которые партизанам удалось собрать. В них сообщалось о победах Советской Армии. С содержанием этих листовок были ознакомлены многие жители окрестных деревень, подпольщики расклеили их на воротах сельских управ, их читали многие жители.

Когда в Жлобинский район прибыл из-за линии фронта И. А. Кришнев, это явилось важным событием. Ведь до войны он работал секретарем Жлобинского райкома партии, его знали здесь стар и млад. Подпольная работа все больше оживлялась.

Следует рассказать о подпольщиках деревни Красный Берег, в числе которых были Виктор Васильчик, Ефрем Ярошев, Тимофей Запчко, Жуковский, Машитин, Березовский, Ефим Клочков и Андрей Зинкевич. Группа имела связных из жителей других деревень. Ими были Петр Кашков, Николай Люблинский, Степан Захорошко. Начали эти славные патриоты с освобождения советских военнопленных из лагеря. Одежду для участников побега добывал Виктор Михайлович Васильчик, добровольно согласившийся стать бургомистром деревни. Ее вычистили на сол[ь]
немецкого склада, которым взялся заведовать друго[й] п[о]
польщик — Андрей Зинкевич. Благодаря деятельности [эт]
группы, за полтора года были освобождены более [ш]
десяти советских военнопленных.

Как уже упоминалось, в Краснобережском сельскохозяйственном техникуме располагался немецкий карательный отряд, насчитывавший более ста гитлеровцев. Перебежчиком сюда устроили преданного Советской власти гражданина Ивана Баса. Он дружил с подпольщицей [Ан]
Ярошевой, через которую предупреждал партизан о [го]
готовившихся против них акциях. Иван Бас достал [не]
сок винтовок с патронами, медикаменты, впослед[ст]

все это было
шизму».

Памятен
зан Кировск
шевой в пос
брат Алексе
рателям в К
Иван Бас. О
сам известил
примчались в
женный ком

Много хо
В частности,
прохода в Ж
подпольщико
ника волостно
мендант прик
ревне Радуше
рых отъявлен
ны начальник
как доброволь
зал набирать
пользовались
щики и устро
если помнит
участка, 23 по
ния, но и оста
отвержено.

Напомню,
нам большую

Вернемся,
фашизму» весь

По мере то
хностей наша
в него устреми
кое командова
досаждавших
Антоновским л
дали в отряд с
делить располо
ленный состав
нашим разосли
гитлеровцев, ра
собом проникал

все это было передано в партизанский отряд «Смерть фашизму».

Памятен и такой случай. Весной 1913 года пять партизан Кировского соединения остановились в доме Любы Ярошевой в поселке Цегельня на отдых. Среди них был и ее брат Алексей. Их заметил некий предатель и побежал к карателям в Красный Берег с доносом. Первым встретил его Иван Бас. Он выслушал предателя, велел ему подождать, а сам известил партизан о том, что их ждет. Когда каратели примчались в Цегельню, они там никого не нашли. Рассерженный комендант приказал высечь розгами доносчика...

Много хорошего сделал для подпольщиков Иван Бас. В частности, он добывал для групп бланки пропусков для прохода в Жлобин. Он действовал вместе с замечательным подпольщиком бургомистром Васильчиком и зам. начальника волостной полиции Козловым. Им троим немецкий комендант приказал организовать полицейский участок в деревне Радуше. Для начала сам комендант подобрал семерых отъявленных негодяев, из числа которых были назначены начальник полицейского участка и его заместитель. Так как добровольцев больше не нашлось, то комендант приказал набирать полицейских под страхом расстрела. Этим воспользовались вошедшие в доверие к оккупантам подпольщики и устроили в полицию надежных людей. Вот почему, если помнит читатель, когда наш отряд предпринял штурм участка, 22 полицая не только не оказали нам сопротивления, но и остались в нашем отряде и воевали смело, самоотверженно.

Напомню, что и в разгроме Краснобережской полиции нам большую помощь оказали подпольщики.

Вернемся, однако, к боевым действиям отряда «Смерть фашизму» весной 1943 года.

По мере того, как очищалась от оккупантов и их прихвостней наша зона, численный состав отряда быстро рос, в него устремились многие местные жители. Однако немецкое командование не покидала мысль об уничтожении столь досаждавших им партизан. Для этого подтягивало к Антоновским лесам большие силы. Вместе с тем они засылали в отряд своих лазутчиков, чтобы с их помощью определить расположение партизанского лагеря, уточнить численный состав отряда, его вооружение и т. п. Благодаря нашим разросшимся связям мы вовремя узнавали о планах гитлеровцев, разоблачали лазутчиков, тем или иным способом проникавших в отряд.

Как-то в марте 1943 года к лагерю прибился человек, выдававший себя за бежавшего из плена солдата Красной Армии. Я в то время выполнял очередное боевое задание, когда вернулся в лагерь И. А. Кришнев и рассказал мне, что этот «военнопленный» остаться в отряде не захотел. Он решил пробираться домой, на Волгу. Его допросили и отпустили обратно в деревню Антоновку.

Мне такое поведение показалось подозрительным. Я приказал нашему начальнику разведки Севостьянчику поехать в Антоновку, разыскать «волжанина» и доставить в лагерь. В присутствии командира и комиссара отряда я стал расспрашивать его, в каких войсках он служил до войны, в какой воинской части, в каких боях участвовал, где, когда и как попал в плен, в каком лагере находился и как удалось убежать. Мой собеседник на все вопросы отвечал быстро, не задумываясь. Ответы были четкие и уверенные. Я задал последний вопрос: «Откуда ты родом?» Он заученно ответил, что родился и до призыва в армию проживал в Горьковской области. После этого у меня не осталось сомнений, что это немецкий шпион.

Подошел к нему вплотную, наставил пистолет и потребовал честно рассказать, с каким заданием и от кого он прибыл в отряд. И предатель заговорил. Выяснилось, что до начала войны он работал учителем немецкого языка в городе Осиповичи Белорусской ССР, что в 1941 году стал служить оккупантам, окончил разведывательную школу гестапо в Овруче и с тех пор используется фашистами в качестве разведчика, засылаемого к партизанам. В Антоновку прибыл из села Шатилки, где расположен немецкий штаб, с заданием точно установить место расположения партизанского лагеря, численный состав его, наличие вооружения и т. д. Разумеется, предатель Родины был уничтожен.

Коренные белорусы, командир и комиссар никак не могли понять, как мне удалось «раскусить» шпиона. А все было просто. Мнимый «волгарь» говорил с явно белорусским произношением...

Заслали к нам гитлеровцы еще одного лазутчика, некоего Кизеева. Этот вызвал подозрение несвойственной партизанам «любознательностью». Он часто переходил из роты в роту, расспрашивал вернувшихся с боевого задания о том, где были, что делали. Между тем настоящему партизану любопытство такого рода чуждо.

Я доложил командиру отряда о своих подозрениях, но

тот со мной не согласился. Вскоре мы дорого поплатились за свою мягкость и доверчивость. В начале апреля 1943 года Кизеев исчез из лагеря. Через него гитлеровцы получили о нас важные сведения.

Но и мы были прекрасно осведомлены о намерениях противника через своих разведчиков и связных. Особенно большую помощь нам оказывал бургомистр Краснобережской волости Виктор Михайлович Васильчик, который ежедневно сообщал о ходе подготовки операции по уничтожению партизан и численности привлеченных для этого сил.

За три дня до наступления немцев мы вывели основные силы, а также хозяйственную часть из расположения лагеря, а на путях наступления карателей расставили засады. Каратели приступили к боевым действиям на рассвете 14 апреля 1943 года. Их встретил меткий ружейно-пулеметный огонь. Эти действия убедили гитлеровцев в том, что партизаны якобы остаются на прежнем месте. Особенно большой урон потерпел враг на участке, где командовали боем капитан А. А. Гусельников и комиссар Георгий Васильевич Злынов.

15 апреля 1943 года после восхода солнца со стороны Бобруйска прилетело около пикирующих бомбардировщиков и начало бомбить [illegible] наш лагерь. Вслед за авиационной подготовкой [illegible] штурм лагеря с двух сторон. Партизаны [illegible], а когда гитлеровцы противника приблизились, [illegible] из боя. Огонь карателей пришелся по [illegible]. Все [illegible] перестреливались и только утром обнаружили, что лагерь пуст, в лесу партизан нет...

В этом ночном бою особенно отличилась группа гвардии старшего лейтенанта Ивана Ивановича Матвеенова, которая, выбрав очень удобный рубеж, уничтожила из засады около ста гитлеровцев, не потеряв ни одного своего товарища и пополнив свои запасы немецкими боеприпасами и автоматическим оружием. Настоящими героями проявили себя партизаны П. Атамашчик, П. Логачев, С. Исаков, В. Егоров, Г. Исаенко и другие.

После этого боя немцы более двух дней собирали и увозили на подводах трупы своих солдат и офицеров, а населению объявили, что хоронят... партизан. А потеряли немцы более 260 человек, не считая полицейских. Газетка оккупантов «Новый путь» (население называло ее «Новый плуг») сообщала, что после трехдневного боя в районе деревни Антоновки, где располагались основные силы «бан-

линове, убито 900 партизан, остальные взяты в плен. Это было сплошным враньем. На самом деле мы потеряли шесть человек убитыми, а несколько партизан было ранено. Потеряли мы свой конный обоз и пять тонн муки, которую не успели вывезти из лагеря.

Понадобилось несколько дней, чтобы все группы, участвовавшие в боях, собрались в новом лагере за рекой Березиной, в районе деревни Задеревки, неподалеку от штаба Гомельского соединения партизан.

МЫ—ЖЕЛЕЗНЯКОВЦЫ

В мае 1943 года командир отряда И. А. Кришнев поставил перед штабом соединения вопрос о необходимости разукрупнения отряда «Смерть фашизму». В этот момент в нем насчитывалось около 500 человек, и им стало трудно управлять. Согласие было получено.

Руководил переформированием сам командир соединения генерал-майор Герой Советского Союза Илья Павлович Кожар. Он объявил, что один отряд сохранит название «Смерть фашизму», командиром назначается Д. Т. Шибинский, комиссаром — А. П. Севостьянчик. Второму отряду присвоили имя известного героя гражданской войны матроса Железняка. Командовать им было приказано мне, а комиссаром назначили Г. В. Злынова. Местом действия железняковцев стал Жлобинский район. На общем собрании коммунистов мы избрали бюро Жлобинского райкома партии во главе с Ионом Афанасьевичем Калиневым. Наши комсомольцы избрали бюро райкома комсомола во главе с Павлом Скварчевским. Бюро подпольного обкома партии утвердило И. А. Кришнева секретарем Жлобинского райкома партии.

Штаб соединения укрепил наш отряд. Мы получили рацию для прямой связи с Москвой и квалифицированного радистку — Катю Тимофеевну. Через нее передавались в центр добытые нами сведения о прохождении эшелонов с живой силой и техникой через железнодорожную станцию Жлобин. Мы тщательно законспирировали Катю Тимофеевну, она работала на окраине Жлобина, жила у ближних родственников в семье железнодорожника Михеенко. Каким-то образом о нем стало известно гестапо. Пришлось перевести его в распоряжение другого отряда. Катя благополучно продолжала работать. Ныне она

живет в гор
с боевыми др
Штабом
«Каждый па
железных до
горела земля
лицейские га
пасами, зим
Железняк
ский гарнизо
Мы выде
во главе с Ж
ленной в его
гей Ковален
догадывался,
сам командир
средних лет
тизаны нико
ливый, Жусу
это не полага
дир отряда
чтут нужным
Пройдя к
вилась на от
что предстоит
гарнизона. А
робно рассказ
ним. Он расс
ление, где нем
дневное время
около сорока
вход, а улицу
В Стрешин
патруль и час
в помещение
томата. Фаши
захватили пар
окну, а там с
ший шесть ги
ходить», он в
нату.
Приказ шт
ней. В этой сх
В июне 194

живет в городе Иваново, поддерживает постоянную связь с боевыми друзьями.

Штабом Гомельского соединения был издан приказ: «Каждый партизанский отряд должен усилить борьбу на железных дорогах, не давать покоя немцам нигде, чтобы горела земля под ногами оккупантов, громить немецко-полицейские гарнизоны, обеспечивая себя оружием, боеприпасами, зимней одеждой и продуктами питания».

Железняковцам было приказано разгромить стрешинский гарнизон гитлеровцев.

Мы выделили для этой операции 15 смелых партизан во главе с Жусупом Наметовым. По самому составу выделенной в его распоряжение группы, а в нее входили Сергей Коваленко, Василий Кряжистов и другие ветераны, он догадывался, что дело предстоит серьезное. А тут еще и сам командир отряда сопровождает группу, а рядом с ним средних лет мужчина, которого ни Жусуп, ни другие партизаны никогда не видели. Человек сдержанный, молчаливый, Жусуп ни о чем меня не расспрашивал. Да и вообще это не полагалось по законам партизанской жизни: командир отряда или старший группы все объяснят, когда сочтут нужным.

Пройдя к заходу солнца километров 25, группа остановилась на отдых в небольшом лесочке. Здесь я объявил, что предстоит разгром стрешинского немецко-полицейского гарнизона. А представитель стрешинского подполья подробно рассказал, о каких объектах идет речь и подходах к ним. Он рассказал, где помещается вражеское подразделение, где немцы хранят боеприпасы, где они находятся в дневное время и где отдыхают ночью. Всего на участке около сорока человек. Два солдата постоянно охраняют вход, а улицу патрулируют еще двое.

В Стрешин вошли ночью. Партизаны без шума сняли патруль и часовых. Разбив окно, Жусуп первым ворвался в помещение и открыл по спящим фашистам огонь из автомата. Фашисты бросились к оружию, но пирамиду уже захватили партизаны, встретившие их огнем. Метнулись к окну, а там с ними расправлялся Жусуп, один уничтоживший шесть гитлеровцев. Когда я подал сигнал «всем отходить», он выскочил из окна и напоследок бросил гранату.

Приказ штаба партизанского соединения был выполнен. В этой схватке отряд не потерял ни одного человека.

В июне 1943 года наша разведка доложила, что в рай-

ое деревни Замень-Рыня с самолета была высажена группа советских десантников, а изменники, называвшие себя «самооборонцами», выловили и расстреляли их.

Партизаны решили во что бы то ни стало отомстить подлым изменникам. Наша разведка (ее возглавлял Петр Гололобов) установила, что в деревне насчитывается 96 «оборонцев», у всех имеются винтовки, гранаты, есть и один пулемет. Этих отщепенцев гитлеровцы набрали из уголовного элемента во всех смежных населенных пунктах.

Разработали план операции по их уничтожению и согласовали его с командиром соединения генерал-майором И. П. Кожаром.

Прежде всего, хорошо вооруженные группы оседлали проселочные дороги, соединявшие деревню с местечком Паричи, где располагался немецко-полицейский гарнизон, и с Щедриным, где находились полицаи. Таким образом «вартовые» были изолированы, быстро на помощь к ним никто прийти не мог.

К исходу дня основные силы партизанского отряда сконцентрировались в деревне Старина, переправились через реку Аллу, а оттуда каждая рота своим маршрутом должна была следовать в направлении Замень-Рыни. Но здесь мы натолкнулись на небольшую группу женщин и мужчин, возвращавшихся с сенокоса. Их задержали, доставили в отряд и допросили. Было решено использовать это обстоятельство и внести изменения в свой план...

Один за другим подходили ко мне командиры рот и докладывали, что их «батальоны» действуют по разработанному плану. Тут же проходили бойцы с минометами, станковыми пулеметами и другим вооружением... Свидетелей этой инсценировки мы сразу же отпустили, зная, что, вернувшись в деревню, они расскажут, какая сила направляется туда. Я велел передать «вартовым», что приказываю им в течение часа выйти из деревни, в 300 метрах от кладбища сложить оружие, а самим продолжать движение до встречи с партизанским отрядом. Если в течение часа они не сложат оружия, то все будут расстреляны.

Наши роты приблизились вплотную к деревне. Установленное ультиматумом время подходило к концу, но «самооборонцы» не появлялись. Значит, будет бой.

Вошли в деревню. «Вартовые» встретили партизан пулеметным огнем. По моей команде командир взвода ротных минометов Павел Милованов накрыл пулеметную точку. Под покровом темноты мы вплотную приблизились к

здавшю, в ко
жили им сл
Был ранен
приказать по
тами, тех, кт
расстреливат
К рассвет
Партизан
сказал, что
лах домов, ч
Пришлось пр
подвалы.
За Замен
Партизаны-ж
ской нечисти
районов. К к
становлена С
лись лишь го
узлом и прис
С помощь
новление сел
процентов до
ко немецкие
население, уг
стало извести
скота оккупан
деревни Болы
три десятка п
Их приход уд
всего в трех
получно отоги
ского райкома
рых гитлеровц
в районе дере
овец, «заготов
ского района.
Обе операц
ра Гололобова
К этому вр
сколько раз и
же название. М
ние партизан с
жность замест
Эту службу во

зданию, в котором собрались изменники, и снова предложили им сложить оружие. В ответ раздались выстрелы. Был ранен командир взвода Михаил Киселев. Пришлось приказать поджечь здание и забросать предателей гранатами, тех, кто будет выскакивать из огня, в плен не брать, а расстреливать на месте.

К рассвету бой прекратился.

Партизаны привели старосту этого села. На допросе он сказал, что некоторые «самооборонцы» прячутся в подвалах домов, что там же хранится награбленное ими добро. Пришлось прочесывать деревню, осмотреть и очистить все подвалы.

За Замень-Рынькой операцией последовали другие. Партизаны-железняковцы успешно освобождали от вражеской нечисти деревни и села Жлобинского и Стрешинского районов. К концу 1943 года здесь повсеместно была восстановлена Советская власть. В руках оккупантов оставались лишь город Жлобин с его крупным железнодорожным узлом и пристанью на Днепре и станция Красный Берег.

С помощью партизан в этих районах началось восстановление сельского хозяйства. Колхозы засеяли около 50 процентов довоенной пахотной площади зерновыми. Однако немецкие власти еще пытались силой оружия грабить население, угонять скот для фашистской армии. Так, нам стало известно, что примерно 300 голов крупного рогатого скота оккупанты угнали в устье реки Добасны, где близ деревни Большие Роги был хороший выпас, охраняют скот три десятка полицейских. Мы отправили туда 25 партизан. Их приход удивил «пастухов» — ведь выпас-то расположен всего в трех километрах от Жлобина... Партизаны благополучно отогнали скот за Добасну. По решению Жлобинского райкома партии его раздали колхозникам, у которых гитлеровцы отобрали коров. В том же июле 1943 года в районе деревни Озаричи наши партизаны угнали 500 овец, «заготовленных» оккупантами у жителей Василевичского района.

Обе операции были проведены под руководством Петра Гололобова.

К этому времени отряд имени Железняка вырос в несколько раз и был развернут в бригаду, сохранившую то же название. Материальное и продовольственное обеспечение партизан стало сложным делом. Пришлось ввести должность заместителя командира бригады по снабжению. Эту службу возглавил грамотный и энергичный партизан

А. Закрычинский. Его стараниями была создана мельница, работавшая от найденного в одной из деревень и отремонтированного партизанами трактора. Муку мололи не только для партизан, но и для населения ближних сел. Обмолот убранного урожая во всех деревнях нашей зоны производили конными молотилками.

„РЕЛЬСОВАЯ ВОЙНА"

23 июня 1943 года состоялось заседание бюро Жлобинского подпольного райкома партии. Обсуждался план развертывания «рельсовой войны» — систематических диверсий на железнодорожных коммуникациях врага. Белорусский штаб партизанского движения распределил для этого участка дороги между партизанскими соединениями и отрядами. Нашей бригаде был отведен центральный участок железной дороги Бобруйск — Жлобин.

В сущности, начинался новый этап в деятельности партизан Белоруссии, партизанского движения вообще. Переход к «рельсовой войне» явился свидетельством роста массовости, организованности и самого боевого мастерства партизан. Помощь наступающим на всех фронтах советским войскам стала более действенной и результативной. Ведь каждый день, затраченный врагом на восстановление разрушенных коммуникаций, срывал в какой-то мере их планы доставки на фронт людских пополнений, боеприпасов, продовольствия и т. п., не говоря уже о том, что фашистский солдат, уничтоженный или раненый по пути на фронт, стрелять в бойцов Советской Армии уже не сможет...

Конечно, и прежде партизаны досаждали врагу, сковывая часть его сил, отвлекая их на себя своими смелыми действиями, народные мстители уничтожали вражеские гарнизоны, продажных прихвостней гитлеровцев, срывали планы врага по угону молодежи на каторжные работы в Германию, по снабжению войск продовольствием за счет грабежа местного населения. Теперь главное направление нашей деятельности было перенесено на железнодорожные коммуникации.

Прежде всего партизанам надо было научиться подрывному делу — сложному, требующему предельной осторожности, серьезных знаний, тонкого мастерства. В предельно короткий срок мы создали и обучили этому делу восемь диверсионных групп. Ядро этих групп составляли

бывшие офицеры и солдаты саперных частей Советской Армии.

Теоретические и практические занятия проводились по четверкам, в которых каждый номер четко знает свои обязанности: кому подносить толовые шашки, кому укладывать детонатор с бикфордовым шнуром, кому укладывать заряд под полотно железнодорожного пути. Состав этих четверок оставался постоянным, ибо успех диверсии зависел от готовности и взаимопонимания подрывников.

Взрывчатку и бикфордов шнур нам доставляли с Большой земли самолетами (с тех пор, как мы стали контролировать обширные территории, авиасвязь стала достаточно регулярной). Но если бикфордова шнура нам хватало, то с расширением диверсионных работ взрывчатка оказалась в дефиците, и мы открыли собственное «производство» тола. Дело в том, что близ деревни Лесань, очищенной от врага, партизаны обнаружили немецкий склад авиабомб. Бывший сапер Г[illegible] Кулинич научил нескольких партизан обезвреживать их и выплавлять из них взрывчатку. Всего удалось добыть таким способом 1770 килограммов тола.

Первую рельсовую операцию решено было провести на участке Красный Берег — Жлобин. На этом участке леса близ путей не было. Он находился [illegible] усиленной охраной, немцы установили здесь через каждый километр пулеметные точки.

4 августа 1943 года отряд под командованием капитана А. А. Гусельникова и начальника штаба В. П. Завадовкина, уничтожив [illegible] железной дороги, приступил к выполнению [illegible] ним задачи. Почти одновременно взорвал[illegible] рельсовых звеньев. Поднялась такая «канонада», что немецкий гарнизон города Жлобина [illegible] Парт[illegible], [illegible] Жлобина и Красного Б[illegible] в бой. [illegible]

Фашистские оккупанты, видя, какой оборот [illegible] события, решили [illegible] Жлобин — [illegible], ибо [illegible] У них всегда [illegible] прозо[illegible] неуловимые народные мстители. Оккупанты согнали на этот участок более 300 крестьян и

приказали им вырубать лес по обе стороны железнодорожного полотна полосою в 300 метров.

Разведгруппа Даниила Севостьянчика проникла в район порубки. Крестьяне рассказали, что руководит работами гитлеровский офицер, участок охраняется семью солдатами, на насыпи установлен пулемет. Изучив обстановку, разведчики убили пулеметчика и захватили в плен солдат охраны. После допроса их отпустили. Обеспечивающему охрану офицеру приказали передать своему командованию, чтобы не смели продолжать рубку леса и прекратили работы по восстановлению объездной железной дороги. Командование гитлеровского гарнизона в Жлобине, видимо, приняло наш ультиматум. Всякие работы на участке Жлобин — Шапилки были прекращены.

Диверсионные работы на железной дороге продолжались. Конечно, наибольший эффект достигался при взрыве полотна, происходившем в тот момент, когда по нему проходил эшелон с живой силой и техникой. На первых порах использовался нажимной способ подрыва путей: мина срабатывала, как только паровоз наезжал на заминированное звено. Гитлеровцы нашли способ противодействия этому методу: стали ставить впереди эшелона несколько вагонов с балластом.

Теперь пошла в ход партизанская смекалка. На смену нажимному способу пришел другой, который получил название «на удочку». Он заключался в том, что к заряду со взрывателем крепилась длинная тонкая веревочка, конец которой находился в руках партизана, укрывшегося в безопасном удалении. Пропустив передние вагоны, партизан дергал за веревочку...

Со временем Центр стал нас снабжать более совершенными устройствами: минами с часовым механизмом, магнитными минами. Последние использовались преимущественно непосредственно в Жлобинском депо, где наши люди прикрепляли их к паровозам.

Вернемся, однако, к началу лета 1943 года.

Убедившись в том, что небольшими карательными экспедициями с партизанами не справиться, фашисты стали посылать против нас более крупные части и соединения. 13 июня они предприняли против партизан крупное наступление со стороны городов Речицы и Мозыря, имея в своем составе подразделения танков, бронемашин, артиллерии крупных калибров, разведывательную и бомбардировочную авиацию.

Штаб Гомельского соединения партизан размещался тогда в лесу около деревни Узнаж. Партизанские бригады дислоцировались у деревень Шелковичи, Чернейки, Узнаж и Святое.

Два дня партизаны сдерживали напор превосходящих сил противника, а на третий день у нас кончились боеприпасы. Пришлось углубиться в леса. Вместе с нами уходило и местное население, забиравшее с собой необходимое имущество, продукты питания и скот. Оккупанты довольствовались тем, что жгли опустевшие деревни.

В начале октября 1943 года немцы предприняли новое наступление на партизанские бригады имени Железняка, имени Ворошилова, отряды «Большевик», «За Родину» и другие. Три дня продолжались кровопролитные бои. Боеприпасы пополнить было невозможно, так как партизанский аэродром заняли гитлеровцы. У нас, железняковцев, возник план: наплавить мост через Березину и по нему переправиться в соседнюю партизанскую зону — Жлобинский район. Командование Гомельского партизанского соединения одобрило наш план. По сооруженному нами мосту партизаны вышли из-под удара.

Этот плавучий мост бригада Железняка сумела удержать на протяжении всей блокады партизан немецкими войсками. Сооружали его командир отряда № 119 бригады имени Железняка А. А. Гусельников, начальник особого отдела отряда П. З. Логачева, партизаны Винников, Журавский и другие. Командование соединения объявило железняковцам специальным приказом свою благодарность.

Вскоре был построен новый аэродром около деревни Калиновки. На протяжении одной недели мы приняли здесь семь самолетов с Большой земли. Нам были доставлены боеприпасы, вооружение, продукты питания, газеты, журналы, письма от родных, а обратным рейсом самолеты увезли больных и раненых партизан. Уже через десять дней партизанские бригады и штаб соединения возвратились в свои зоны, где и находились до дня встречи с частями Советской Армии. Радостно отметить, что войска использовали для переправы через Березину и построенный бригадой имени Железняка плавучий мост.

Здесь уместно вспомнить, какое огромное значение имели партизанские аэродромы. Если в начале пути мы были лишены какой-либо связи с Большой землей, а на последующем этапе получили радиосвязь, то с появлением пар-

тизанских аэродромов эта связь стала прочной, живой, непосредственной.

Штаб партизанского движения Белоруссии разрешил бригаде имени Железняка открыть свой аэродром в июле 1943 года. Теперь нам регулярно поставлялись боеприпасы, газеты, журналы и письма от родных и близких, от которых не имели вестей по полтора-два года!

Когда незадолго перед войной наша часть передислоцировалась в Белоруссию, моя жена с маленькой дочерью осталась в Тюмени, потом были окружение, плен, и связь прервалась. Жена, получив извещение, что я пропал без вести, переехала с дочерью в родные места, в Петропавловск. Только в июле 1913 года она получила от меня первое письмо. Так узнала она, что я жив, выполняю долг коммуниста и советского гражданина во вражеском тылу. Нужно ли говорить о том, какой поддержкой были для партизан вести от родных и близких.

А встречи с экипажами самолетов! Только несколько часов назад летчики были на родной Большой земле. Может быть, в самой Москве. А сегодня они рассказывают о том, как живет Родина, как трудятся люди, куя победу над врагом, как Советская Армия освобождает захваченную гитлеровцами землю, село за селом, город за городом.

Все чаще прилетали к нам представители действующей армии для согласования действий. Они выступали на собраниях партизан и местного населения, укрепляя в людях веру в скорую победу над врагом.

...Летом 1913 года войска Советской Армии, завершив победную Орловско-Курскую операцию, приблизились к Гомелю — второму по величине и значению городу Советской Белоруссии, установили регулярную связь с народными мстителями, разрабатывались планы совместных боевых действий. Партизаны чувствовали близость Советской Армии, готовились влиться в нее и в ее боевых порядках идти вперед, до самого Берлина.

Белорусский штаб партизанского движения поставил перед Гомельским партизанским соединением, куда входила и наша бригада, задачу — решительно мешать немецким войскам отходить в глубь Белоруссии, уничтожать мосты, разрушать линии связи, минировать дороги, в общем, всеми средствами вредить врагу. С этой задачей партизаны успешно справлялись.

Однако освобождение Гомеля оказалось нелегким де-

лом. Враг превратил его в сильно укрепленный опорный пункт, подходы к нему были затруднены, коммуникации растянулись, в связи с чем было принято решение нанести удар по противнику южнее Гомеля.

Наша бригада в это время дислоцировалась на правой стороне Березины, возле села Святое Речицкого района Гомельской области. Под контролем нашей бригады находилась значительная территория Жлобинского и Стрешинского районов, а также железнодорожная линия Жлобин — Калинковичи, которую немецкое командование не могло использовать в результате действий партизан. Нашей первостепенной задачей было не давать покоя немецким властям и войскам, дислоцированным в Жлобине.

Для оперативной связи с нашими товарищами, жлобинскими подпольщиками, силами железнодорожников был построен новый плавучий мост через Березину возле деревни Отрубы. Укрепившись здесь, мы лишили немцев водного пути на участке Бобруйск — Шатилки — Горваль — Речица. Шоссейную дорогу, проходившую вдоль Березины, мы перекрыли лесными завалами, противотанковыми минами. Тем временем наступление советских войск успешно развивалось. 8 октября 1943 года конная разведка нашей бригады встретилась с танкистами Советской Армии, которые форсировали Днепр в районе Лоева и смелым маневром заняли железнодорожную станцию Демехи, отрезав пути отхода немецким войскам в направлении Василевичи — Калинковичи. В городе Речице скопилось большое количество войск, транспорта и техники противника. Теперь он мог попытаться прорваться на Бобруйск через Горваль и Шатилки.

Генерал-майор И. П. Кожар созвал 11 ноября 1943 года всех командиров и комиссаров партизанских бригад и отрядов на совещание. Здесь начальник штаба соединения Е. И. Барилин ознакомил радиограммой Белорусского штаба партизанского движения, которая гомельским партизанам предписывала преградить путь отступающим фашистским войскам всеми доступными средствами.

На совещании был принят план боевых действий, создана мощная ударная группа, в которую вошли бригада имени Пономаренко, имени Жукова и несколько отдельных партизанских отрядов. Командование ударной группой было возложено на меня, комиссаром назначили Г. Г. Садового — комиссара партизанской бригады имени Пономаренко.

Наша группа оседлала шоссейную дорогу, по которой предполагалось отступление войск противника, от города Речицы до местечка Горваль вдоль Днепра. На этом участке дороги были сделаны лесные завалы, перекопано и заминировано дорожное полотно. После этого партизаны рассредоточились вдоль дороги, замаскировались и стали ждать противника.

Через некоторое время разведка доложила, что из р. Речицы движется колонна немецкой мотопехоты, в кузовах автомашин — солдаты, а на прицепах — орудия и минометы. Колонна подошла к завалам и остановилась. Солдаты начали разбирать завал. Прозвучала команда: «Огонь!» Несколько гитлеровцев пали замертво. Враг залег и открыл беспорядочную стрельбу из винтовок, автоматов и пулеметов, а вражеские артиллеристы развернули пушки и минометы. Но партизаны не дрогнули, враг был вынужден отступить в направлении Речицы. К вечеру из штаба соединения сообщили, что город Речица окружен передовыми частями Советской Армии, к ним на помощь направлены партизанские бригады имени Ворошилова, имени Чапаева и специальный отряд имени Кирова.

Снова заметелил ветер и двинулся по дороге на Горваль. 17 ноября на шоссе появилась колонна вражеских танков, за которыми следовали автомашины с пехотой и разным грузом. Пропустив танки, партизаны открыли огонь по автомашинам и живой силе противника. Колонна была разорвана. Лишь нескольким машинам удалось прорваться вслед за танками, а остальные повернули назад. Часть сил ударной группы преследовала врага, уходившего в направлении местечка Шатилки, остальные преследовали гитлеровцев, отступавших к местечку Горваль.

Две попытки противника прорваться через Шатилки на Бобруйск оказались безрезультатными, в связи с чем гитлеровцы начали готовить переправы через Березину и Днепр. Этого нельзя было допустить. На рассвете 18 ноября 1943 года партизаны скрытно подошли к месту переправы и ринулись на противника.

Враг в панике устремился к реке, бросая технику и оружие, но здесь его настигали пули партизан. Лишь немногим фашистам удалось переправиться на противоположный берег. А тем временем партизаны погрузили трофейное имущество на отбитые у врага автомобили и отогнали их в укрытие.

Фашисты пе
левого берега
войска, на правы
что правый берег
пытки. Когда же
динения направил
имени Чапаева п
дополнительно 16
сих орудия. В
бденного ущел
ражеский паром
19 ноября 194
ться через реку
сопротивление п
подорвались на
Итог горваль
боев партизаны
дан, которых ги
жили более 150
110 автомашин,
штабных автобус
правочных средст
Наступление
Скоро мы узнали
телям Гомеля.
20 ноября 19
Кроме генерал-м
ходились первый
Ф. В. Жиженков
рой из ди
ары партизанск
ли отмечено,
чего выполнил
ные лишени
ть горлить
О своей соли
ли части соеди
ны бригады, по
войны Анатолия
Железняка.
За время бое
чено под откос
и техникой, взор
ожских путей, п

. Фашисты неоднократно пытались переправиться с левого берега реки, где на них наседали регулярные войска, на правый, занятый партизанами. Пользуясь тем, что правый берег выше левого, мы отбивали все эти попытки. Когда же кончились у нас боеприпасы, штаб соединения направил к нам на помощь отряды имени Кирова, имени Чапаева и «Большевик». Кроме того, мы получили дополнительно 10 ящиков с патронами и три артиллерийских орудия. В то же время партизанский отряд имени Буденного уничтожил у деревни Береговая Слободка вражеский паром, что облегчило наши действия.

19 ноября 1943 года фашистские орды попытались переправиться через реку, но и в этот раз им не удалось сломить сопротивление партизан. Не помогли им и танки — они подорвались на нашем минном поле..

Итог горвальской операции был таков. За три дня боев партизаны освободили около 1600 советских граждан, которых гитлеровцы угоняли в Германию, уничтожили более 150 вражеских солдат и офицеров, захватили 110 автомашин, в том числе семь легковых и несколько штабных автобусов, много разного имущества и переправочных средств.

Наступление [illegible] успешно развивалось. Скоро мы узнали о том, что [illegible] освободителям Гомеля

20 ноября 1943 [illegible] штаб соединения. Кроме генерал-майора П. П. Кирилова, в землянке находились первый секретарь Гомельского обкома партии Ф. В. Жиженков, секретарь обкома А. А. Куцак, командир одной из дивизий Советской Армии, а также командиры партизанских бригад и отрядов. На совещании было отмечено, что партизаны Гомельщины с честью выполнили свой долг перед Родиной, что перенесенные лишения и понесенные потери не были напрасны. Есть чем гордиться партизанам.

О своем солидном вкладе в дело освобождения родной земли хотел с достоинством рапортовать и партизаны бригады, носившей гордое имя героя гражданской войны Анатолия Григорьевича Железнякова — матроса Железняка.

За время боевых действий железняковцами было пущено под откос 75 вражеских эшелонов с живой силой и техникой, взорвано около 36 километров железнодорожных путей, подорвано магнитными минами 52 вра-

жеских паровоза, уничтожены 38 мостов, 4264 километра линий связи, 138 автомашин и 3 танка противника. В бо-лях и диверсиях уничтожено более двух тысяч солдат и офицеров противника и свыше 200 полицейских, взято в плен пять немецких офицеров. Бригадой освобождено от угона в Германию 575 советских граждан, вызволено 250 военнопленных. В числе боевых трофеев бригады десять станковых пулеметов, более 2000 артиллерийских снарядов, 27 ручных пулеметов, 170 винтовок, 27 пистолетов, более 500 мин, десятки тысяч патронов, 15 телефонных аппаратов, радиостанция, около 400 тонн бензина.

В нашей бригаде сражались люди разных национальностей, в том числе 971 белорус, 170 русских, 23 украинца, 2 еврея, 3 казаха, 45 представителей других национальностей. Все они с честью и беззаветной храбростью выполняли свой долг.

Исполнилась заветная мечта многих железняковцев — вернуться в ряды сражающихся войск Советской Армии. Штаб гомельских партизан своим приказом от 25 ноября 1943 года передал частям регулярных войск 468 воинов, в том числе 49 офицеров и 419 рядовых. Вместе с ними было передано и оружие: 4 станковых и 25 ручных пулеметов, 32 автомата, 407 винтовок, 43 пистолета, а также 11 лошадей, 9 повозок, другое войсковое имущество.

Ввиду близости фронта из оставшейся части партизан в Жлобинском районе воссоздавался истребительный батальон. Был оставлен для работы в районе и я.

Тем не менее за линией фронта продолжали громить вражеские тылы наши товарищи партизаны, сохраняя славное имя железняковцев.

Дело в том, что в октябре 1943 года командование нашей бригады отправило в одно из отдаленных [illegible] выполнения важного задания группу Анатолия Ни[illegible]лаевича Дзяковича, в которую вошли также А[illegible] Упориков, Альберт Сеножен[illegible], Владимир [illegible] и Макар Кашков. Ко времени прихода Советской А[illegible] они не сумели вернуться в отряд и были отрезаны от [illegible]ющим противником. И Анатолий Никитович принял единственно верное решение: остаться во вражеском [illegible] и продолжать борьбу до полной победы.

Вскоре к группе Дзяковича присоединился отряд [illegible]мья из 20 человек (в одной из схваток с врагом [illegible]

мов погиб), в [illegible]
ков и Никон Т[illegible]
лу. Благодаря [illegible]
неожиданно на[illegible]
ной от каратель[illegible]
Под руковод[illegible]
успешно действ[illegible]
Шатилок, Морм[illegible]
но нарушали л[illegible]
ную дорогу и [illegible]
К началу 1944 [illegible]
60 человек. Ока[illegible]
Анна Никитичн[illegible]
проникала в за[illegible]
навливала связ[illegible]
дения о против[illegible]
отряд.

Уместно здес[illegible]
Анатолия Дзяко[illegible]

«14 ноября 1[illegible]
Берега. Немецк[illegible]
дить невозможн[illegible]
вают части во[illegible]
решение: в глу[illegible]
глубокую яму, [illegible]
тнем поставили [illegible]
перекрыли ее [illegible]
болото. Теперь [illegible]
держать связь с [illegible]

19 ноября. [illegible]
организации. Он[illegible]
за освобождение[illegible]
ближение фронт[illegible]
дым днем усилив[illegible]

25 ноября. В[illegible]
зесовиков и жан[illegible]
опасно ходить. [illegible]
метров в сотне от[illegible]

1 декабря. Во[illegible]
ких частей... Пр[illegible]
немцами: неожид[illegible]
видим, как совет[illegible]
жаль, что нет у [illegible]
вать огонь...

мов погиб), в их числе были местные жители Петр Кашков и Никон Турский, которые знали здесь каждую тропу. Благодаря этим товарищам группа могла смело и неожиданно наносить удары по врагу и уходить незамеченной от карателей.

Под руководством Анатолия Дзяковича железняковцы успешно действовали в тылу немецких войск в районах Шатилок, Мормаля, Папоротного, Жлобина. Они постоянно нарушали линии связи гитлеровцев, взрывали железную дорогу и пускали под откос вражеские эшелоны. К началу 1944 года группа Дзяковича насчитывала уже 66 человек. Оказалась в ней и замечательная разведчица Анна Никитична Коробкина. Под видом нищенки она проникала в занятые врагом населенные пункты, устанавливала связь с подпольем, добывала ценные сведения о противнике и его планах и возвращалась в отряд.

Уместно здесь привести некоторые записи из дневника Анатолия Дзяковича.

«14 ноября 1943 года. Добрались до района Красного Берега. Немецкие части располагаются рядом. Днем ходить невозможно. Узнали от связных, что немцы стягивают части вокруг партизанского района... Принимаю решение: в глухом лесу построить блиндаж. Вырыли глубокую яму, перекрыли, замаскировали, над перекрытием поставили сосну. Прорыли из блиндажа траншею, перекрыли ее и замаскировали, землю перетаскали в болото. Теперь у нас есть хорошая база. Продолжаем держать связь с местным населением...

15 ноября. Нас посетил представитель подпольной организации. Он сообщил, что Красная Армия ведет бои за освобождение Гомеля. Речица уже освобождена. Приближение фронта мы чувствуем: гул артиллерии с каждым днем усиливается.

25 ноября. В Казимировской Слободке появилось 500 эсэсовцев и жандармов с собаками. Даже ночью стало опасно ходить. Немецкие обозы и зенитки разместились метров в сотне от нас...

1 декабря. Вокруг нас все больше стягивается немецких частей... Продолжаем «играть в кошки-мышки» с немцами: неожиданно нападаем и тут же уходим. Мы видим, как советские артиллеристы ведут огонь по врагу, жаль, что нет у нас радиопередатчика, чтобы корректировать огонь...

18 января 1944 года. Утром прибежала жена Панфи-
нова, чудом спасшаяся. С ней пятеро детей — один другого
меньше. Она рассказала, что фашисты всех угоняют из
деревни неизвестно куда..

...Алексей Упорников, стоявший на посту у блиндажа,
крикнул: «Немцы!» Карателиокружили блиндаж. Смерть
нависла над нами. Бросаюсь к мине, вставляю взрыватель.
Остальным приказываю выходить по траншее, на выходе
ждать меня. Немцы вопят: «Партизан, сдавайся!» Я дал
очередь, в ответ немцы бросили гранату. Взрывной вол-
ной сильно ударило меня. Когда я выбрался за изгиб
траншеи, послышался сильный взрыв. Это сработала наша
мина. Потеряв троих убитыми, фашисты, полагая, что
мы погибли, отошли...

22 января. День ото дня все труднее. Получили сооб-
щение: погибла группа Брошкова. Жаль их! Каждый
день рвем вражескую связь, минируем дороги.

23 января. Опять блокировка. Нас окружили. Послы-
шались автоматные очереди. Мы бросились в кусты. Ав-
томатные очереди велись, но все обошлось благополучно.
Смерть еще раз обошла нас...

9 февраля. Фашисты прочесывают лес... Оставили свой
лагерь и пробираемся вслед за карателями. «Неужели
нас ищут?— шутят ребята.— Давайте-ка покажем им, где
мы». Открываем огонь внезапно. У немцев немало уби-
тых, а главное — паника...

15 марта. Перебрались в Александровскую Слободку.
В одном конце немцы, в другом — мы. Днем фашисты
сбили наш самолет. Летчик спасся на парашюте, и мы
отыскали его в лесу. Послал на старую базу разведчиков
Никона и Федора. Никон привел к нам 10 партизан, Фе-
дор — 7. В отряде уже 56 человек...

1 Мая 1944 года. Прошло семь тяжелых месяцев с тех
пор, как командование бригады оставило нас в тылу вра-
га. В боях мы потеряли много боевых друзей. Много раз
попадали в трудное положение. Мы торжественно отпразд-
новали Первомай. В четком строю 56 закаленных в боях
партизан повторяли за мной слова партизанской присяги.
Поздравляю ребят с принятием присяги и объявляю ор-
ганизационную структуру отряда. Он состоит теперь из
разведывательной, диверсионной, хозяйственной групп и
управления.

28 мая. Каратели чувствуют себя неуверенно. Мини-
руют мосты, здания, отправляют обозы на запад. На

каждом шагу они нарываются на партизан и их мины. Мы уничтожаем их связь, нападаем на обозы и тылы...

30 мая. Фашисты идут прямо на наш лагерь. Принимаем короткий бой и уходим. Немцы преследуют нас. Подпустили их метров на 30 и встретили гранатами. Фашисты отхлынули...

9 июня. С небольшой группой партизан в отряд прибыл представитель Могилевского обкома партии. Он рассказал о положении дел на фронтах, сообщил, что недалек день полного освобождения Белоруссии от врага. Отныне у нас прочная связь с обкомом...

27 июня. Наши войска перерезали дорогу Паричи — Бобруйск. Немцы в панике бегут, а дорога лесная, партизанская. Устраиваем засады, минируем, ставим завалы, преследуем бегущих немцев. В панике они даже не оказывают сопротивления. Фронт переместился на запад, а мы остались в глубоком тылу.

28 июня 1944 года. Отряд в лесу.

— Партизанская война [illegible] — говорю я своим друзьям.— Воевать будем в рядах Красной Армии. От имени командования благодарю вас, дорогие друзья, за честную, самоотверженную борьбу. В тяжелых условиях войны вы стойко сражались [illegible], оправдали себя верными сынами нашей Советской Родины.

Остается добавить, что Алексей Никифорович Дзякович возвратился в родной город и был избран председателем Жлобинского городского Совета. В [illegible] время А. Н. Дзякович работал преподавателем химии в Саратовском индустриальном техникуме. Умер в 1960 году.

А ВОЙНА ПРОДОЛЖАЛАСЬ

После расформирования партизанской бригады имени Жельбицкого меня, комиссара бригады Г. В. Злынова и начальника штаба Г. П. Завадовкина пригласили в Гомельский обком партии. Здесь нам объявили, что важнейшей задачей коммунистов Жлобинского района является восстановление народного хозяйства, которое полностью разрушено оккупантами.

Мы вернулись в Жлобинский район. Коммунисты провели большую организаторскую работу. Комиссар нашей бригады Георгий Васильевич Злынов был избран первым секретарем Жлобинского райкома Компартии Белоруссии.

меня избрали председателем райисполкома, а нашего партизана-подрывника Михаила Герасимовича Маршина назначили командиром истребительного батальона. Началась работа по подбору кадров для восстанавливаемых партийных и советских органов. Конечно, они комплектовались из числа членов истребительного батальона, в который входили тогда почти все коммунисты и комсомольцы района. Были восстановлены с помощью обкома КП(б) Белоруссии органы милиции, прокуратуры, народный суд, райвоенкомат, районные организации. На всей свободной от врага территории были воссозданы сельские Советы, избраны правления колхозов.

Вся деятельность районных организаций была направлена на оказание всемерной помощи частям Советской Армии по быстрейшему уничтожению ненавистного врага. Было организовано снабжение советских войск продуктами питания, налаживались средства связи, дороги расчищались от снежных заносов. Военкомат наладил дело призыва молодежи на военную службу.

Деревня Пиревичи, где на первых порах размещались все организации Жлобинского района (сам районный центр еще оставался у врага), находилась примерно в 18 километрах от линии фронта. Многие деревни и села систематически обстреливались гитлеровской дальнобойной артиллерией. Под огонь попадали не раз и мы, районные и советские работники, поддерживавшие постоянную живую связь с армейскими частями.

В первых числах февраля 1944 года меня и заместителя командира расположившейся здесь дивизии по тылу вызвали в штаб армии на совещание по вопросу снабжения войск продовольствием. Вернувшись оттуда, я сообщил о своей поездке секретарю райкома И. А. Кришневу и отправился домой (в это время я жил у председателя сельсовета Николая Евстратикова), здесь мы с представителем штаба дивизии просматривали возможности по заготовке продовольствия. Когда настала ... ра ... мы перешли в кухню и уселись вокруг печки, а в ком..., которую мы только что оставили, раздался взрыв. Ко... та развороченная, обвалилась и наша печка, но ... к счастью, отделались царапинами... Да. Вой... продолжалась...

Приближалось начало одной из крупнейших стр... гических операций 1944 года — Белорусской, к ко... готовились воины всех трех Белорусских и 1-го Пр...

тийского фронта
было эвакуирова
бинский райком
зации разместил
района, где мы и
Жлобина от врага
26 июня 1944
ненка, которая вхо
мкрыла К. К. Ро
мы вернулись в
Город был по
не было ни одног
какое-либо учреж
чрезвычайная ком
бинскому району
только по городу
Если в 1939 году
ловек, то теперь о
района — 42 тысяч
И вот Жлобин
которого были ук
вернулся в Жлоб
прибыл И. А. Кр
рем Жлобинского
вторым секретарем
вили меня.
В первую очере
чтобы можно было
да и района, так и
возглавил наш бы
шинский. Уже чер
снабжение города х
Вместе с Ново
ехать по колхозам
лись у деревни
колхоза «Партизан»
печных труб да ко
Вместо землянки,
Население Малевич
все трудоспособные вышл
военной собрани
чила Павел Старос
хоза Партизан». К
было ни одной лош

тийского фронтов. В связи с этим все местное население было эвакуировано в восточные районы республики. Жлобинский райком партии, райисполком и другие организации разместились в селе Шарыбовка Будокошелевского района, где мы и находились до полного освобождения Жлобина от врага.

26 июня 1944 года 48-я армия генерала П. Л. Романенко, которая входила в состав 1-го Белорусского фронта маршала К. К. Рокоссовского, вошла в Жлобин, а 3 июля мы вернулись в родной район.

Город был полностью разрушен и разграблен. В нем не было ни одного дома, где можно было бы разместить какое-либо учреждение или поселить людей. Была создана чрезвычайная комиссия по определению нанесенного Жлобинскому району ущерба. По предварительным данным он только по городу составил почти 365 миллионов рублей. Если в 1939 году в Жлобине проживало 18,1 тысячи человек, то теперь оставалось 3,7 тысячи жителей, а в селах района — 42 тысячи.

И вот Жлобинский истребительный батальон, силами которого были укомплектованы все районные организации, вернулся в Жлобин. Вскоре из ЦК КП(б) Белоруссии прибыл И. А. Кришнев, избранный первым секретарем Жлобинского райкома партии, Г. В. Злынов стал вторым секретарем, а председателем райисполкома оставили меня.

В первую очередь надо было восстановить хлебозавод, чтобы можно было снабжать хлебом как население города и района, так и расположенные здесь войска. Это дело возглавил наш бывший партизанский хлебопек М. М. Сушинский. Уже через несколько дней он сумел наладить снабжение города хлебом.

Вместе с Новом Афанасьевичем Кришневым мы поехали по колхозам. Проехав километров десять, остановились у деревни Малевичи, где до войны размещался колхоз «Партизан». От деревни осталось лишь несколько печных труб да колодец с «журавлем». Вскоре мы обнаружили землянки, в которых разместилось все уцелевшее население Малевичей. Их было около десятка. Конечно, все крестьяне вышли из своих жилищ. На этом импровизированном собрании единственный трудоспособный мужчина Павел Старостенко был избран председателем колхоза «Партизан». Как и в других селах района, здесь не было ни одной лошади, никакого инвентаря, семян. Все-

станавливать сельское хозяйство района нам пришлось с нуля.

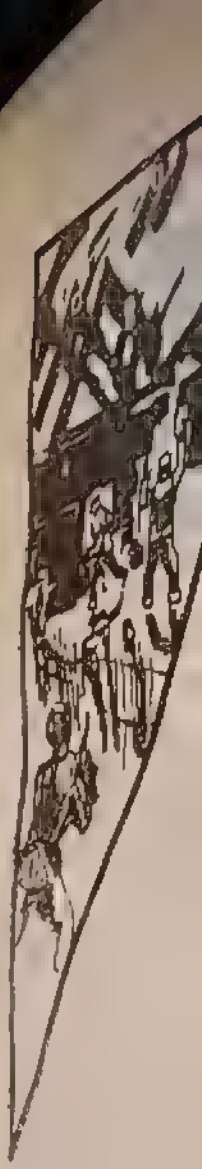
Центральный Комитет партии и Советское правительство приняли известное постановление «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации». Вскоре в освобожденные районы Белоруссии начали поступать сельскохозяйственные машины. Приходили эшелоны с продовольствием, семенами, скотом, медикаментами, стройматериалами. Большую помощь получил и Жлобинский район.

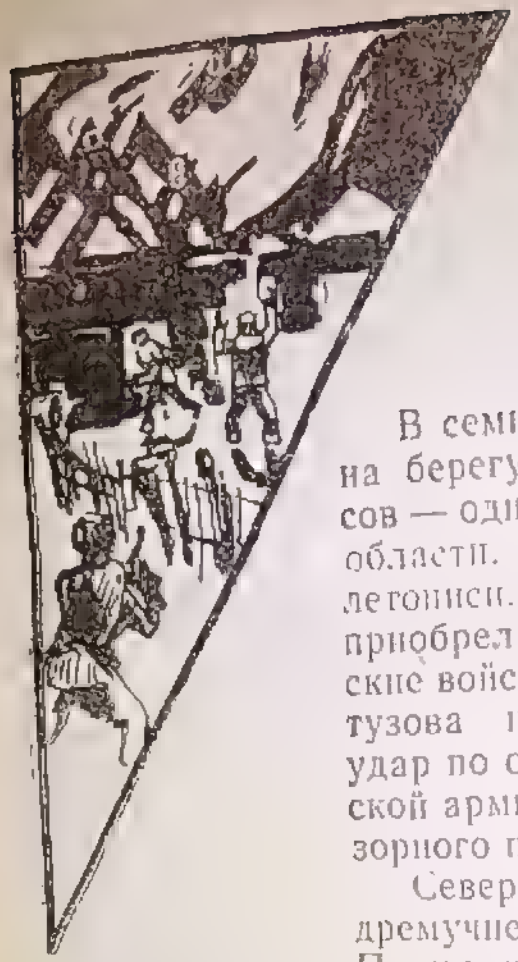
Большой радостью было решение Совнаркома БССР, заслушавшего мой доклад, о выделении нашему району дополнительно к фондам, по линии потребительской кооперации, десяти керосиновых ламп, 200 килограммов гвоздей, 600 литров керосина, оконного стекла и других строительных материалов. Конечно, этого недостаточно, но других возможностей не было.

Местное население с энтузиазмом принялось за восстановительные работы. Особенно отличились комсомольско-молодежные бригады. За короткое время были открыты столовая, поликлиника, аптека, несколько магазинов, бытовые предприятия. С помощью воинских частей был восстановлен железнодорожный мост через реку Днепр.

Пришел долгожданный день нашей Победы. Район залечивал нанесенные войной тяжкие раны. Уже в 1946 году промышленные предприятия района достигли довоенного уровня производства. Постепенно возрастало сельскохозяйственное производство. Работали культурно-просветительные учреждения — школы, библиотеки, кинотеатры.

В Жлобинский район вернулась жизнь. Полнокровная. Советская.





НА БЕРЕЗИНЕ*

В семидесяти километрах от Минска на берегу Березины стоит город Борисов — один из районных центров Минской области. С XII века он упоминается в летописи. Особенную известность город приобрел в ноябре 1812 года, когда русские войска под командованием М. И. Кутузова нанесли здесь сокрушительный удар по отступающим остаткам французской армии, а Наполеон едва не бежал позорного плена.

Севернее, вдоль реки, тянутся густые, дремучие леса. В них, на берегу озера Палик, что в тридцати пяти километрах от Борисова, расположилась центральная база партизанской бригады «Дядя Коля». А восемь ее отрядов — тут же и в окрестных деревнях и селах. Они действовали в Борисовском районе и примыкающих к нему Плещеницком, Лагойском, Смолевическом и Богомольском районах. Неподалеку ожесточенно бились с фашистами партизанские бригады «Смерть фашизму» и «Железняк».

Я был заместителем комиссара бригады по комсомольской работе. Молодежи у нас было много, и мне приходилось часто бывать во всех отрядах, беседовать с комсомольцами, молодыми партизанами, а нередко идти с ними в бой.

Вечерами в свободное время я вел дневник. Теперь, заглядывая в него, я вспоминаю дела давно минувших дней, боевых друзей.

Как сейчас помню веселого, синеглазого Ваню Суртаева из отряда «Коммунар». Я ему давал рекомендацию для

---

* Опубликовано в сб. «Партизаны-казахстанцы». Алма Ата, 1965.

рекомендация в кандидаты, а затем и в члены Коммунистической партии.

Партизаны во главе с Иваном Суртаевым вписали немало ярких страниц в славную историю борьбы с фашистами. Вот одна из этих страниц.

Октябрь 1943 года. Двадцать партизан, переодетых в немецкую форму (в отряде было достаточно немецкого обмундирования), и несколько партизан в крестьянской одежде приблизились к шоссе Минск — Москва, залегли на опушке леса. Суртаев выслал вперед разведчиков. Через некоторое время они доложили, что по шоссе беспрерывно идут грузовые и легковые машины фашистов.

Суртаев отправил партизан, одетых в крестьянскую одежду, в деревню за подводами, на них погрузили длинные бревна. Затем эти подводы влились в общий поток крестьянских подвод, везущих из леса дрова. Когда пересекали шоссе, будто сами собой распустились подпруги, и бревна загородили шоссе. Сразу же сюда подошли немецкие солдаты — это были переодетые партизаны Суртаева. Подъехали и две вражеские грузовые машины. В каждой из них кроме шофера сидело по двое солдат. Недовольные задержкой, они стали махать кулаками, автоматами, кричать и ругаться на своем языке.

— Не шуметь,— скомандовал Суртаев, на котором был мундир немецкого офицера.

Несколько переодетых партизан подошли к фашистам якобы прикурить. Ничего не подозревавшие гитлеровцы не успели даже вскрикнуть, партизанские кинжалы сделали свое дело. В это время подъехали еще три машины. Увидев пробку, фашисты сошли с машин и решили выяснить причину затора. Но выяснить ничего не успели. Автоматные очереди ответили им раз и навсегда, что фашистам нечего делать на Минском шоссе, как и на всей белорусской земле. В этой операции партизаны уничтожили двенадцать вражеских машин, двадцать два оккупанта. Захватив богатые и немалые трофеи, они тронулись в обратный путь. Но успели партизаны скрыться в лесу, как на шоссе раздались автоматные очереди.

— Теперь можете стрелять сколько вам угодно!— улыбнулся Суртаев.

О славных боевых делах другого воина отряда «Комунар» Володи Шарапова не раз писали в партизанской газете. Я тоже поместил две заметки о нем.

Володя был четырнадцатилетним школьником, когда началась война. Рано потеряв отца, он воспитывался у матери. С первых же дней войны, потрясенный зверствами фашистских палачей, Володя всей душой возненавидел оккупантов. Однажды, собирая в лесу грибы, он нашел ручной пулемет, две винтовки и множество патронов и надежно спрятал все это в лесу. Чем дальше откатывался фронт, тем тяжелее становилось на душе у мальчика. Но Володя никого не посвящал в свои думы. Прошло несколько месяцев. Вот и школу закрыли. Ненависть кипела в душе юного патриота. Бить нужно фашистов. Но как? Ведь он один!

В это время в деревне появились листовки, которые призывали жителей на борьбу с врагом. В листовках говорилось о том, что Красная Армия наносит гитлеровцам удар за ударом, что бьют врага и партизаны.

Никому не сказав ни слова, Володя покинул деревню и стал искать партизан. Прошла неделя, вторая, третья, а партизан все нет и нет. Но ведь они где-то рядом. То и дело взрывают они мосты, уничтожают вражеские обозы. Мальчик стал спрашивать у местных жителей, но никто толком ничего не знал.

— Напрасно ищешь, сынок!— сказал однажды Володе добродушный седоволосый дед.— Сегодня они здесь, завтра — там. Прописка у них теперь — вся Белоруссия, тебе ее всю не обойти. Шел бы ты лучше домой, небось, мать заждалась.

Володе помог случай. Однажды он с мешком глубоко ушел в лес и заблудился, долго бродил, пока не нашел просеку, здесь решил отдохнуть и уснул под деревом. Его разбудили партизаны.

— Дядь, возьмите меня к себе. Я вам пригожусь, у меня и пулемет есть,— обратился он к командиру отряда.

— А ты не шутишь?

— Честное слово, есть, и винтовки и патроны тоже. Идемте, покажу.— И через несколько дней партизан к своему тайнику.

— Ну что же, придется тебя взять с собой,— сказал Володе командир.— А то нам одним не унести это богатство.

Радости Володи не было предела. Он стал партизаном. Мало-помалу стал осваивать все со старшими на задания. Осмелел. Привык к трудностям, не раз побывал в бою. А через год, овладев мастерством минера, сделался отличным подрывником. В 1943 же он вступил в ком-сомол.

Как-то в конце марта группа подрывников, в которой был Володя, пошла на задание. Группу возглавлял Константин Николаевич Панкович. Ей было поручено уничтожить немецкие патрули на железной дороге. Хорошо бы и путь взорвать, но взрывчатки не было.

— Есть взрывчатка,— сказал Володя.— В соседней деревне я видел неразорвавшуюся бомбу. Можно вынуть из нее заряд.

Это уже было серьезно.

— Где ты ее видел? Идем,— сказал Панкович.

Вскоре они нашли эту бомбу. Осторожно вскрыли ее, добыли тол и изготовили мину.

Темная ночь — боевая подруга партизан. Вот и сейчас она скрыла подрывников, залегших у железнодорожного полотна. Когда прошли патрули, Костя и Володя заложили мину, протянули шнур, замаскировали его и залегли на снегу. Прошел час, за ним второй, а поезда все нет и нет. Оказывается, вторая группа партизан вывела из строя рельсы на другом участке дороги — вот почему не было эшелона. Аккуратно вырыв мину, партизаны условились завтра же вернуться сюда.

Снова темная ночь. Те же партизаны. Те же рельсы. На этот раз эшелон не заставил себя долго ждать.

— Интересно, с чем он?— полюбопытствовал Володя.

— Теперь все равно. Огонь!— резко крикнул Панкович.

Володя дернул шнур. Раздался оглушительный взрыв. Налетая друг на друга, полетели под откос вагоны... Вот так обычно заканчивались боевые операции, в которых участвовал шестнадцатилетний комсомолец Володя.

В каждом отряде были свои герои. Я помню почти каждого из них.

Заместитель комиссара отряда «Буря» Сергей Колеснин не раз принимал участие в боевых операциях. Однажды Сергей с тремя партизанами возвращался в отряд после выполнения боевой задачи. Партизаны сделали привал в деревне, что в двух-трех километрах от нашего... Во дворе своих товарищей, Сергей пошел в избу, где жил партизанский связной...

Через несколько минут в дверь громко постучали. Почуяв недоброе, Сергей сказал:

— Не открывай, спроси, кто там.

А в дверь уже ломились какие-то люди, требуя по-немецки и по-русски, чтобы их пустили в дом. «Живым не дамся», — пронеслось у Сергея. Бросив в окно две гранаты,

он выпрыгнул в другое окно, за ним — и хозяин дома. Фашисты открыли беспорядочную стрельбу, а Сергей, поливая огнем все вокруг, выбежал на окраину деревни и благополучно добрался до ближайшего леса.

Оказалось, что перед приходом партизан фашисты устроили в деревне засаду. Когда Сергей вошел в избу, они не тронули его, решили взять живым. Товарищи же Сергея остались за фашистской засадой и ничем не могли ему помочь. Но когда он выскочил из избы, они открыли огонь по гитлеровцам и порядком их напугали. Услышав, что стрельба стихла, партизаны ушли в лес.

Сергею Колескину за его находчивость и смелость был вручен именной автомат.

Отважная партизанка комсомолка Надежда Троян была гордостью не только отряда «Буря», но и всей партизанской бригады «Дядя Коля».

Надежда училась в Минском медицинском институте, когда началась война. Девушка стала [illegible] многих фашистских зверств. На [illegible] вешали и расстреливали безвинных советских [illegible]. Надежда [illegible] мстить за пролитую кровь своих земляков [illegible] белорусскую землю. Девушка включилась в [illegible] минских коммунистов, а оттуда пришла в отряд «Буря». Через Надежду Троян партизаны [illegible] тесную связь с городским подпольем. Важную [illegible] сыграла она, в частности, в операции по уничтожению [illegible] Белоруссии нацистского палача Кубе.

За исключительное мужество и героизм Надежде Троян было присвоено высокое звание Героя Советского Союза.

...Как-то вечером в отряде «Буря» шло партийное собрание. Его открыл комиссар отряда Мурашко. Вдруг в землянку ворвался запыхавшийся радист с только что принятой радиограммы в руках:

— Товарищи! Наши войска освободили Феодосию и Евпаторию!

Радости партизан не было границ.

А утром прибежал дозорный и доложил командиру отряда, что со стороны Зембино приближаются вражеские войска.

— Привести роты и взводы в боевую готовность,— коротко приказал командир.

На краю деревни три роты партизан заняли оборону и приготовились к встрече врага. Жители деревни ушли в лес. В бинокль было видно, как обстреливают фашисты из

минометов деревни Ганцевичи и Заценье. Вражеские солдаты шли, строго соблюдая строй.

— Подпустить врага как можно ближе,— тихо передается по цепи команда.

Сжав в руках автоматы, залегли и мы.

Приблизившись к нам метров на четыреста, фашисты залегли и открыли беглый огонь из автоматов и пулеметов. Неподалеку рвались мины. Мы не подавали признаков жизни.

Через десять-пятнадцать минут гитлеровцы поднялись и пошли вперед. Осторожно пошли, пригнувшись, готовые при первых же выстрелах залечь.

Наши первы были на пределе. Ведь враг неумолимо надвигался на нас, чтоб уничтожить. Ну что ж! Посмотрим, кто кого.

А командир молчит, значит, рано открывать огонь. Команда прозвучала, когда враг приблизился на двести метров. Партизаны обрушили на фашистов огонь из всех видов оружия и начисто смели передние шеренги фашистов. А задние залегли и открыли ответный огонь. Началась перестрелка. Появились потери и у партизан.

В разгар боя гитлеровцы попытались обойти партизан с флангов. Разгадав замысел врага, командир отряда майор Феденко обрушил всю силу огня на фланги, и из вражеской затеи ничего не получилось.

Бой продолжался целый час. Нами овладело беспокойство: как бы не кончились боеприпасы. Но в это время фашисты стали постепенно отступать. Вдогонку им летели партизанские пули.

В этом бою мы недосчитались трех боевых товарищей, пятеро были ранены.

21 апреля 1943 года мы прибыли в отряд Лени Езубчика. Здесь до последнего времени еще не развернулось движение «снайперов-охотников». Об этом мы и говорили с командиром отряда, когда узнали, что во вражеский гарнизон Зембино прибывает пополнение. Наряду с живой силой сюда присланы танки, пушки, шестиствольные минометы. Гитлеровцы собирали против партизан крупные силы.

Особое беспокойство вызвали у нас танки, минометы и пушки противника. Нам нечего было противопоставить им, кроме противотанковых ружей, но и их было слишком мало. Заместитель комиссара Виноградов отправился с группой партизан минировать возможные пути наступления врага

22 апреля. У
шалось щебетан
Все радовалось
в лесу, что мы
грудью вдыхали
Но вот мимо
отведенный отряд
вернули нас к д
отправились в отр
же всех к враже
через десять мину
шим наблюдениям
нометный огонь
Поляны, Любосей
Начальник осо
чальник штаба Ар
позиции отряда.
Вскоре фашист
торое время со сто
лись под фашистск
тизанами.
А бой разгорал
довые цепи врага
жение боя возраста
В 13.30 поступи
в селе Корсакович
ие силы уходили
В 15.30 партиза
ло
Сошлись. С
спустил
на нас за
ный ог
патрон
враг и с
бегает
на прежних
метров. То
Да и про
совсем
ло. К

22 апреля. Утро было ясное, солнечное. Тут и там слышалось щебетанье птиц. Распускались почки на деревьях. Все радовалось весне. В этот ранний час так красиво было в лесу, что мы на какой-то миг забыли о войне и полной грудью вдыхали чистый пряный воздух.

Но вот мимо нас прошли партизаны, направляясь на отведенный отряду рубеж обороны. Грозные боевые будни вернули нас к действительности. Мы с Васей Лещуком отправились в отряд «За Советскую Родину», стоявший ближе всех к вражескому гарнизону. Пришли вовремя: уже через десять минут каратели начали артподготовку. По нашим наблюдениям, самый страшный артиллерийский и минометный огонь обрушился на деревни Заценье, Кимия, Поляны, Любосей.

Начальник особого отдела отряда Митя Лукачев, начальник штаба Арбенин, Вася и я прибыли на передовые позиции отряда.

Вскоре фашисты зашли в деревню Кимия. Спустя некоторое время со стороны леса раздались взрывы. Это рвались под фашистскими танками мины, расставленные партизанами.

А бой разгорался. Погиб пулеметчик Осипченко. Передовые цепи врага подошли на четыреста метров, и напряжение боя возрастало.

В 13.30 поступил приказ из штаба бригады отойти к деревне Корсаковичи. Отход прошел организованно: основные силы уходили под прикрытием двух отделений.

В 15.30 партизаны добрались до Корсаковичей и расположились в заранее вырытых траншеях. Враг занял деревню Скуплино. Стало тихо. Но это затишье было обманчивым.

Сумерки спустились на землю. В 18.15 фашисты снова обрушили на нас завесу артиллерийского огня. Партизаны открыли ответный огонь.

— Беречь патроны, — приказал командир отряда.

Да, боеприпасов было на исходе, и все поняли, что предстоит трудный и опасный прорыв.

В 21.00 обстрел прекратился. И фашисты и мы остались на прежних рубежах. Расстояние между нами — восемьсот метров. Только сейчас мы почувствовали адскую усталость. Да и проголодались изрядно — с утра ничего не ели.

Стало совсем темно. Партизаны начали готовиться к завтрашнему дню. Командир отделения комсомолец Юнков

со своими людьми отправился на хутор Журавки. Его задача — время от времени открывать стрельбу по фашистам и не давать им покоя. Четыре человека ушли в разведку. В то же время вернулись разведчики во главе с Сашей Кишкурно, наблюдавшие за шоссейной дорогой Завидное — Кайтаново. По их сведениям, и остальные отряды нашей бригады оказали ожесточенное сопротивление врагу. Фашисты дорого заплатили за каждый метр продвижения. Оказывается, гитлеровцы бросили против партизан восемь танков, бронетранспортер, множество пушек и минометов.

Обсудив детали прошедшего боя и еще раз проверив посты, мы решили немного отдохнуть. Но уже в пять часов утра мы с Митей Лукачевым были на ногах и обошли партизан, занявших оборону. Суровые, молчаливые лица людей говорили о том, что они готовы принять новый бой. Вот среди могилок залег взвод Маршалина, слева от него, в хуторе Казимирово — взвод Спухова, а справа — партизаны Шляпникова.

В шесть часов утра бой возобновился. Ни на минуту не прекращая артиллерийского и минометного огня, враг двинулся на наши рубежи. Меткий огонь наших пулеметчиков не дает поднять голову вражеским солдатам. Но гитлеровцы, успевшие набраться храбрости с утра пораньше, упорно лезут вперед и нарываются на партизанские пули.

Поняв, что силами пехоты нам не сломить сопротивление партизан, они бросили на нас два танка. В ответ заработали противотанковые ружья, но их огонь был слишком слаб. В 9.30 мы по приказу из штаба бригады отошли и заняли новую позицию. За три часа ожесточенного боя партизаны потеряли четырех боевых товарищей, трое были ранены. Рядом с нами оказались отряды имени Дзержинского и «Ленинец». Оказывается, они тоже отошли и заняли новые рубежи между деревнями Боровляны и Селец.

Утром *24 апреля* бой возобновился с новой силой. Беспрерывно «играет балалайка» (так прозвали партизаны вражеский шестиствольный миномет). В это время мы с Васей Лещуком находились в отряде «Ленинец». Под прикрытием артиллерийского огня пошли в атаку вражеские солдаты. Огонь с обеих сторон не прекращался ни на минуту. В бинокли можно было видеть, как фашисты оттаскивали своих убитых и раненых солдат. Наши потери — убит пулеметчик Красовский.

Через четыре часа ожесточенного боя мы отступили на опушку леса к посту № 2.

Вторая полови
жинского. С жуж
гибаться к земле
пяти-четырнадцат
пулеметчикам. Ви
как-то подбодрить
— *Что же это т*
— *Да нет, сово*
ноги и побежал к
Позднее, в 1958
деревне Будевичи
лет тридцати и, по
— *Не узнаете?*
ния, 1944 год...
— *Нет, не узна*
— *А помните м*
Да, теперь я всп
кальчишка, который
леметчикам патроны
...Бой в лесу разго
Как всегда, впер
заместитель комисса
пял в атаку комсом
«За Родину!» он бро
партизаны. В это мги
Увидев, как погиб л
мастер Аблечитов кр
— Комсомольцы, з
За ним ринулись м
Пять с половиной
ли. В 9 часов вечера
остался на поле боя
с богатым трофеем.
Хабаро сражались,
и другие коммунисты.
В скорбном молчан
ять погибших товари
ова, Рулько. Над их м
цами цветами, прог
Навсегда остались в
Шадуро, бесстра
пулемета, и всех Митюше
ли...

Вторая половина дня застала меня в отряде имени Дзержинского. С жужжанием проносятся пули, заставляя пригибаться к земле. Недалеко от нас паренька лет тринадцати-четырнадцати ползком пробирается с патронами к пулеметчикам. Видно, что он очень устал и боится. Желая как-то подбодрить его, мы крикнули:

— Что же это ты так землю обнял, небось, страшно?

— Да нет, совсем не страшно, — паренька вскочил на ноги и побежал к пулеметчикам.

Позднее, в 1958 году, на встрече бывших партизан в деревне Будевичи ко мне подошел широкоплечий мужчина лет тридцати и, поздоровавшись, крепко пожал мне руку.

— Не узнаете? — хитро улыбнулся он. — Это же деревня, 1944 год...

— Нет, не узнаю,— признался я.

— А помните мальчишку, который с патронами полз?

Да, теперь я вспомнил. Ну, конечно же, это тот самый мальчишка, который под вражеским огнем доставлял пулеметчикам патроны. Мы весело рассмеялись.

...Бой в лесу разгорался.

Как всегда, впереди коммунисты и комсомольцы. Вот заместитель комиссара отряда по комсомолу Касенков поднял в атаку комсомольское отделение. С криками «Ура!», «За Родину!» он бросился вперед. Пошли за ним и другие партизаны. В это мгновение пуля сразила отважного воина. Увидев, как погиб любимый командир, комсомолец-пулеметчик Аблемитов крикнул:

— Комсомольцы, за мной!

За ним ринулись молодые партизаны.

Пять с половиной часов продолжался кровопролитный бой. В 9 часов вечера фашисты отступили к деревне Рудне, оставив на поле боя оружие и боеприпасы. Партизаны собрали трофеи.

Храбро сражались в тот день Кротов, Тихонович, Мороз и другие коммунисты.

В скорбном молчании проводили партизаны в последний путь погибших товарищей — Касенкова, Куреленка, Харькова, Рулько. Над их могилами, украшенными первыми осенними цветами, прогремели залпы прощального салюта.

Навсегда остались в нашей памяти пулеметчик-комсомолец Шадуро, бесстрашно косивший фашистов из ручного пулемета, и чех Митошенко, убивший из винтовки с десяток гитлеровцев.

Ночь выдалась на редкость прохладной. Дует пронизывающий ветер.

Утомленные, голодные партизаны выставили караульных, поужинали и повалились спать. Командир отряда Соколка, комиссар Фадеев, работник подпольного райкома партии Солодок и я отправились в штаб бригады. Здесь царило оживление: ожидалось прибытие самолета с Большой земли.

В пяти местах разложены кучи сухого хвороста. Послышался шум моторов, и по команде заместителя начальника штаба бригады Виктора Павловича Большакова партизаны зажгли сигнальные костры. Самолет сделал круг в воздухе и выбросил парашют с грузом. Прощальный круг, и, помахав крыльями, самолет улетел на восток. Партизаны собрали сброшенный груз: автоматы, патроны, махорка, одежда, хлеб. У всех поднялось настроение. Было приятно сознавать, что мы здесь, в этих дремучих лесах, не одиноки, о нас знают, заботятся. Эта мысль согревала сердца людей и укрепляла силы в борьбе с врагом.

25 апреля. Утром мы с Васей Лещуком отправились к деревне Божидар. Там находились роты отрядов имени Чапаева и «Буря». Пошли на соединение со своими остальные подразделения отряда «Буря». В полдень пришли в Божидар. Все время дождь лил как из ведра. Партизаны промокли до ниточки. День прошел относительно спокойно. И только ночью в избушке, одиноко стоящей на краю деревни, мы наскоро развели огонь, обсушились и легли спать, тесно прижавшись друг к другу.

А *26 апреля* в 12 часов — снова в бой. Партизаны два раза ходили в атаку. Фашисты, не выдержав натиска, отступили к деревне Иконы. В дневном бою мы потеряли трех бойцов. Пятеро были ранены. Отступление фашистов подняло моральный дух партизан.

27 апреля. Необычная тишина. Враг молчит. Видимо, он стянул свои силы на другой участок. Так оно, наверное, и есть. Со стороны расположения штаба бригады доносится беспрерывная стрельба. Волнуемся за своих товарищей. Как они там? Выдержат ли?

Воспользовавшись затишьем, мы с Володей Грачевым провели беседы с комиссарами, политруками и комсомольскими работниками о состоянии политработы. Поздно вечером к нам пришел начальник штаба бригады Андрей Волошин.

— А у вас тут тихо!— здороваясь с нами, сказал он.

Мы вопросительно посмотрели на него, ожидая известий с соседних участков. Он понял нас и ввел в курс событий.

— По сведениям разведки,— спокойно и сурово заговорил Волошин,— положение очень трудное. Каратели решили окружить все наши отряды и уничтожить их. Одним словом, они затеяли против нас блокаду. Сколько она продлится, неизвестно. Поэтому самое главное — беречь силы и боеприпасы, взять на строгий учет запасы продовольствия. Таков приказ командования бригады.

Ясно. Огнем не взяли, так хотят голодом. Не выйдет. Обороняться будем активно. Решено совершить нападение на большой вражеский гарнизон в деревне Рудне.

— Нападение назначено на три часа ночи. Готовьте людей, через час выступаем,— приказал Волошин.

Непроглядная ночь. Идем осторожно, такая тишина, что слышно дыхание впереди идущего. Вдруг под кем-то хрустнула веточка. «Тихо, ты, медведь»,— раздался приглушенный шепот. И снова тишина.

Перед нами белеет полоска шириной в два-три метра. Подходим ближе — речка спокойная, но глубокая. Брода нет. Вместо моста длинное бревно. Пошли по нему. Несколько человек, оступившись, приняли холодную ванну...

— Ну вот, заодно и искупались,— шутит кто-то. Уж такой народ партизаны, никогда не унывают. В ожидании товарищей устроили небольшой перекур.

И снова в путь.

В назначенное время отряды пришли на условленное место и залегли. Рядом отряд имени Чапаева, слева —«Коммунар», справа — Буря» и взвод автоматчиков

Три часа. В небе вспыхнула ракета.

Мощное партизанское «ура» потрясло округу. Фашисты встречают нас ураганным огнем. Тут и там рвутся гранаты. Взвод автоматчиков врывается в крайние землянки, по местами партизаны остановлены огнем.

Автоматчики привели трех пленных немцев.

— Товарищ командир, — обратился старший группы.— Взвод автоматчиков занял три землянки. Семь фашистов убито, трое сдались в плен. Что делать с ними?

— Отправьте их в тыл,— приказал командир.

Бой становится все жарче. Появились потери и у нас. Раненых и убитых уносили с линии огня. В самый разгар боя к командиру прибежал дозорный.

— Товарищ командир, к фашистам пришло большое подкрепление.

— Продолжайте наблюдать.— Волошин отпустил дозорного.

Оставаться здесь было нельзя, решили отойти в лес. Не прекращая стрельбы, взвод за взводом отходят на прежние позиции. В этом бою партизаны недосчитались шести бойцов. Потери фашистов были в несколько раз больше.

Среди погибших товарищей француз Мишель, украинец Генько и другие. Мишель прибыл к нам летом 1943 года, бежав из фашистской армии. На первых порах Мишель не знал ни одного слова по-русски. Мы объяснялись с ним языком жестов и мимики. Так мы узнали, что он рабочий и у него в далекой Франции есть семья.

Веселый, общительный француз стал всеобщим любимцем. Вскоре Мишель стал сносно говорить по-русски. В бою он дрался храбро, стойко переносил все тяготы и невзгоды партизанской жизни. И вот теперь его не стало. На белорусской земле он погиб за свою родину — прекрасную Францию, которую любил больше всего на свете.

...Все дальше и дальше углубляемся в лес. Идти труднее, сказывается усталость. Гляжу на партизан и думаю, какие они все замечательные люди. Нет, никакому врагу нас не одолеть. Гордость переполнила мое сердце. Ведь мне выпала честь сражаться бок о бок с ними.

Через час выбрались на сухую землю и сделали привал, не выпуская из рук оружия: враг может напасть каждую минуту. Из штаба бригады поступило сообщение: фашисты во что бы то ни стало решили добраться до нашей базы и уничтожить ее. Но в непролазном болоте застряли вражеские танки, пушки. Партизаны оказывают врагу ожесточенное сопротивление. А соседние бригады этой ночью напали на вражеские гарнизоны Замощья и Горелого Луга. Молодцы ребята, не дают немцу покоя ни днем, ни ночью.

День *29 апреля* начался с затишья. По всему видать — враг накапливает силы. Мы не ошиблись в своих предположениях. В 12 часов фашисты стали перебрасывать свои солдат из деревни Икона в Пустое. Проехало пятнадцать вражеских машин.

Мы тоже взялись за дело. В штабе отряда обсудили обстановку. Пришло сообщение из штаба бригады, что вчера все отряды оказали врагу упорное сопротивление и не допустили его к базе. Партизаны первого отряда подбили не

мецкий танк. Итак, к трем подбитым самолетам и восьми танкам противника прибавился еще один танк.

Еще новость — пойман предатель. Им оказался младший брат Желудкова, партизана отряда «Коммунар». Желудков говорил про брата, что он пропал на фронте без вести. Он очень часто тосковал по нему. И вот этот самый брат оказался предателем.

За один день постарел Желудков.

Рано утром *30 апреля* разведчики отряда имени Чапаева привели «языка». У бедняги от страха тряслись руки и дрожали колени. От него мы узнали, что против нас действует до восьмисот вражеских солдат, у фашистов, кроме того, семь танков, две бронемашины, две танкетки, несколько орудий, минометы. Что и говорить, грозный противник! Тем не менее сразиться с ним нужно. Одно нас утешило: вражеская техника в лесу не пройдет. Ну, а с пехотой нам не привыкать драться. К тому же фашисты точно не знают наших сил. Под каждым кустом им мерещатся партизаны, поэтому малыми силами они в лес не пойдут. И опять же партизаны знают лес как свои пять пальцев, чего нельзя сказать про фашистов.

7 часов 15 минут. Фашисты пошли в наступление. Подпускаем их ближе и бьем в упор. Мы не одни. Справа от нас ведут бой четвертый и пятый отряды бригады имени Железняка. За одной цепью врага появляется вторая, третья... Кажется, не будет им конца. Ни на минуту не прекращается огонь. Несмотря на все усилия, враг не продвинулся ни на шаг. Постепенно стрельба затихает.

Сумерки. Подобрав раненых и убитых, фашисты убрались восвояси. Надвигалась ночь, а фашисты ее боятся.

Итак, прошел еще один день, последний день апреля. Наступающий май мы встречаем хорошими боевыми успехами. Несмотря на превосходящие силы врага, мы не уступили ему ни пяди партизанской территории.

Вот и наступил Первомай, праздник весны и труда! Вспоминаю праздник в ауле. Радостные, сияющие лица, красивые наряды — все на весь аул, больше... Затем школа, пионеры, праздничные колонны демонстрантов, алые флаги, транспаранты, лозунги и первые весенние цветы. Море людей, море счастья, радости, весны. Сейчас такие же радостные, улыбающиеся лица, вот только наряды не совсем праздничные, ну, в этом мы меньше всего виноваты.

Так в ясное, солнечное утро к нам пришел Первомай. Пришел с «салютом» — это стреляли фашисты. В семь ча-

сов они начали артиллерийскую пальбу. Гитлеровцы дважды бросаются в атаку и дважды откатываются назад, неся большие потери. С 17 до 21 часа наш участок леса подвергается непрерывному артиллерийскому обстрелу, в результате легко ранило двух партизан. Конечно же, немцы каждый день трубили, что уничтожили тысячи. Если верить фашистской пропаганде, то в лесах Белоруссии давно уже нет партизан. Непонятно только, почему держат здесь такие крупные силы...

В 22 часа в небе повисли осветительные ракеты. Это наши бомбардировщики бомбят врага у местечка Лепель. Мы смотрели на эти вспышки, и сердца наполнялись гордостью за наших летчиков.

2 мая. Стало известно, что фашисты сожгли в деревне Божидар семь изб. Уж так повелось: где пройдет фашист, там он сеет смерть, пожары, разрушения. Ему и пища не впрок, если он никого не убьет или ничего не сожжет. Такова природа фашизма.

3 мая. Лежим в обороне, в лесу у деревни Мрай. Пока затишье. Враг подтягивает крупные силы к Божидару. Что он задумал? Нужен «язык». И вот трое партизан отряда «Коммунар» под прикрытием темноты пробрались во вражеский гарнизон. Разведчики облюбовали среди часовых худенького гитлеровца с нашивками ефрейтора «Хоть небольшой, а чин, к тому же нести легче», подумали разведчики. Но взять «языка» не удалось. Когда партизаны подползли к нему, фашист неожиданно обернулся и закричал. Длинный партизанский кинжал заставил его замолчать, но враг поднял тревогу... Партизаны бросились в темноту, им вслед раздались беспорядочные выстрелы...

4 мая. На рассвете мы с Васей отправились на передний край обороны узнать, как там обстоят дела. Не успели мы дойти к передовой, как немцы пошли в наступление. Около тысячи фашистов, семь танков, несколько орудий и минометов.

В отряд имени Чапаева мы пришли в разгар боя. От грохота снарядов и мин стонет земля. Видно, мы достали крепко насолили фашистам, если они бросили против нас такие крупные силы. Они идут вперед, стреляя из автоматов и оглашая лес дикими криками. Чувствовалось, что гитлеровцы взбодрили себя после ночи сильной порцией спиртного.

— Горьким же будет ваше похмелье,— усмехается кто-то из партизан.

Меткими автоматными и винтовочными выстрелами партизаны укладывают одного фашиста за другим. Но враг упорно рвется вперед. В нескольких метрах от нас разрываются вражеские мины.

— Полметра левее, и нам бы —«общий привет!»— шутит неунывающий командир чапаевцев Жуковский.

— Скажи спасибо, что жив остался,— отвечает ему в тон комиссар Казимиров.

Часам к десяти фашисты решили обойти нас с флангов. Скупо отстреливаясь (надо беречь патроны), отходим в глубь леса. Возле деревни Волоки собираем людей и располагаемся на короткий отдых. Усталые, измученные лица партизан. Все обносились, на ногах кое у кого лапти, некоторые просто босиком. Да, тяжела ты, партизанская доля! Вот и сегодня с утра ожесточенный бой и ни крошки во рту. Трудно определить и возраст партизан. Сквозь бороды и усы выглядывают усталые глаза молодых людей, взваливших на свои плечи тяжелое бремя партизанской жизни.

5 мая. В два часа ночи добрались до деревни Уборок. Она охвачена огнем. Ясно! Здесь побывали фашисты. К счастью, жители успели вовремя уйти в лес... Два часа длился бой партизан отряда «Буря» с фашистскими головорезами. Сегодня кое-где каратели бросили против партизан овчарок, огромные псы громким лаем оглашали лес. Все ближе и ближе подходил враг. У нас на исходе боеприпасы. Без пищи партизан может продержаться долго, а вот без патронов он уже не партизан...

Направляемся к базе бригады. Оказывается, здесь недавно побывал самолет и сбросил груз: автоматы, патроны, продукты. Своевременная помощь, радостная весть!

6 мая. Утром пришел в штаб бригады.

— А, комсомольский вожак! Ну, как у тебя дела?— обратился ко мне командир бригады Петр Григорьевич Лопатин.

Я стал докладывать о том, что видел и пережил. Внимательно слушал меня и комиссар бригады Николай Николаевич Чулицкий. Наша беседа была прервана появившимся дозорным.

— Товарищ командир,— обратился он к Лопатину.— Враг приблизился к первому и второму постам.

— По местам,— приказал Лопатин и первым вышел из землянки.

У партизан прибавились запасы боеприпасов, и враг почувствовал это на себе.

...я база, к которой рвались фашисты, находи-
...лась в глубине леса. Путь к ней лежал через непроходимые
...топи. Это было не по вкусу немцам.

В непроходимом заболоченном лесу встречались малень-
кие островки суши, которым партизаны дали свои названия:
«Остров сокровищ», «Остров любви» и другие. На этих ост-
ровках зимой находились землянки. Здесь была главная
база бригады: штаб, типография, больница. «У нас все есть,
кроме Дворца культуры», — шутили партизаны.

От острова к острову проложены тонкие длинные брев-
на. Без привычки трудно ходить по ним, но что поделаешь —
война. В двух километрах отсюда протекает Березина, озе-
ро Палик находится в трех километрах. Лес, примыкающий
к этому озеру, носит название Паликский.

7 мая. Дождь льет и льет. В штабной землянке только
я и Виктор Большаков. Командование бригады и большин-
ство отрядов ночью перебрались на лодках на ту сторону
Березины. Здесь осталось только два отряда. Переправить
сразу всю бригаду под носом у врага было делом рискован-
ным, поэтому штаб принял решение оставить их здесь для
прикрытия. Разведка донесла, что фашисты обложили лес,
копают траншеи и окопы, устанавливают орудия. Сегодня
шестнадцатый день блокады, неизвестно, сколько она еще
продлится. Партизаны исхудали, снова кончились запасы
продовольствия, а пополнить их неоткуда. Жители окрест-
ных деревень, поддерживавшие нас, сами разбрелись по ле-
сам. Да и чем они могли помочь нам. Наше положение луч-
ше — мы вооружены, а это много значит!

Ко всему привыкаешь, но как быть с курением? Во всех
отрядах — ни одной осьмушки табака, а курить хочется.
Чего бы только не отдал за одну затяжку!

Когда все это кончится?— спрашивает Виктор.—
Вечно чего-нибудь не хватает. То хлеба, то патронов, те-
перь даже махорки нет. Вот побьем фашистов, тогда и тру-
ности наши кончатся, а? Как ты думаешь?

— Открыл Америку,— улыбаюсь я.

Наш короткий отдых был прерван в шесть часов утра
артиллерийскими залпами. И вдруг опять все стихло. По-
тизаны настолько привыкли к стрельбе, что наступившее
затишье всех насторожило.

Неожиданную новость принесли разведчики: фашисты
покидают лес. Они оставили деревни Будевичи, Селец, Бо-
ровляны. Вначале мы не поверили этому. Можете себе пред-

ставить радость партизан, когда известие об отходе вражеских войск подтвердилось.

Радость наша была омрачена сообщением о гибели Михаила Рудакова. Рудаковых было у нас трое. Средний брат, Володя,— один из организаторов бригады. Тихий, скромный, он пользовался уважением всех партизан за храбрость в бою. Володя погиб осенью 1943 года в одном из боев с вражескими захватчиками. Младший из Рудаковых, Костя, погиб за несколько месяцев до этого. Теперь вот ушел от нас и последний, Михаил. Все три брата... Никогда не вернутся они в родной город Логойск. В борьбе с ненавистными захватчиками отдали они свои молодые жизни...

Поздно вечером фашисты покинули Смоляры, Усохи, Пустое, Божидар.

10 мая гитлеровцы оставили еще два села: Новое и Лисино. На базу возвращаются партизанские отряды. Люди приводят себя в порядок. Этот день принес радостную новость: советские войска освободили Севастополь.

Днем 15 мая мы перешли в третий отряд, расположившийся около деревни Извинятки.

Отряд в полной боевой готовности. Оказывается, со стороны деревни Корсаковичи выступил вражеский отряд около сорока человек. Партизаны приготовились встретить его. Как только на дороге показалась колонна, партизаны открыли огонь. Фашисты не ожидали такой встречи, и это дорого им обошлось. Потеряв около десятка солдат убитыми, они отступили.

Вечером состоялось совещание комсомольцев бригады. Здесь были подведены итоги борьбы в блокаде и рассмотрена роль молодых партизан в этой борьбе, намечены планы на ближайшее будущее.

Сорвались планы фашистов, не вошли они в лес. Тому было, видимо, несколько причин.

Во-первых, гитлеровцы не знали, сколько партизан действует в этих лесах. Во-вторых, враг убедился на опыте, что такое непроходимые лесные топи и болота. В-третьих, в связи с изменением положения на фронте фашисты вынуждены были оттянуть туда все наличные силы.

Однако партизаны знали, что враг не оставит их надолго в покое и готовились к новым схваткам.

Бригада «Дядя Коля» внесла свой достойный вклад в общее дело борьбы с гитлеровскими захватчиками. Белорусская республиканская газета «Звезда» писала 10 июля 1958 года: «Партизаны этой бригады пустили под откос 132

пражеских эшелона с людьми и вооружением, подожгли 9 танков и 3 броневика, сбили 8 самолетов, 2600 вражеских солдат и офицеров нашли свою смерть от рук партизан. Партизаны защитили тысячи советских людей».

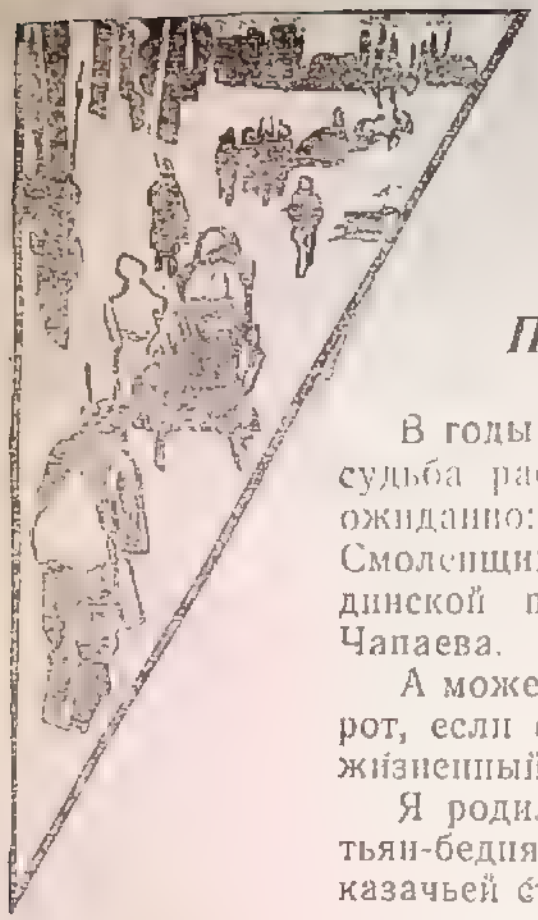
Конечно, в этот список не вошли уничтоженные партизанами нашей бригады сотни вражеских автомашин, множество свалепных телеграфных столбов, перерезанные телефонные кабели, выведенные из строя рельсовые пути...

Мы рассказали лишь об отдельных эпизодах славной, героической борьбы партизан бригады «Дядя Коля». Полный рассказ о тех незабываемых днях впереди.

Вот одно из с
ся на пашню, а я
с собой: «Буду по
круга, управляя
поставил меня и в
тить борозды и п
чал — она поровно
Взялся за дело
под ног распахани
ления отца и крик
и все пропало. Пл
по целине, волоча
вать кнута, чтобы
чаще брали с собо
спокоя и цепом се
Едва минуло
ла, умер отец. На
здоровьем, нас
книги. Таш

НИКОЛАЙ МОРОГОВ,

бывший командир партизанского соединения



ВАДИНСКИЙ ПАРТИЗАНСКИЙ КРАЙ

В годы Великой Отечественной войны судьба распорядилась мною весьма неожиданно: я оказался в рядах партизан Смоленщины, стал командовать 3-й Вадинской партизанской бригадой имени Чапаева.

А может, не так уж странен этот поворот, если оглянуться и проследить свой жизненный путь с его истоков...

Я родился в 1915 году в семье крестьян-бедняков, обитавшей в Семиречье в казачьей станице Талгар, выросшей ныне в город-спутник Алма-Аты. С самого раннего детства приучился я к тяжелому крестьянскому труду.

Вот одно из самых ранних воспоминаний. Отец собрался на пашню, а я со слезами стал просить его взять меня с собой: «Буду помогать!». Он согласился. Отец прошел три круга, управляя лошадью и плугом. На четвертый круг он поставил меня и велел крепче держаться за чапиги, не портить борозды и предупредил, чтобы я на лошадь не кричал — она норовистая.

Взялся за дело с волнением и радостью, и побежала из-под ног распаханная земля. Так увлекся, что забыл наставления отца и крикнул: «Маринка, тяни!». Она как рванет — и все пропало. Плуг из борозды вон, а Маринка помчалась по целине, волоча за собой плуг... И довелось мне попробовать кнута, чтобы помнил науку. Зато с тех пор меня все чаще брали с собой в поле. И жать приходилось пшеницу серпом и цепом ее молотить.

Едва минуло мне десять лет, как кончилось детство: умер отец. На руках у матери, не отличавшейся крепким здоровьем, нас осталось шестеро. Надо было думать о будущем. Тянуло учиться, а нужда не позволяла ходить в

…лу, самостоятельно научился немного читать по слогам считать. Помогал матери управляться по хозяйству и на… …льную школу стал посещать. Спустя год меня приняли в …пионеры. Здесь прошел я первоначальную ступень коммунистической закалки. Здесь мы учились дружить, трудиться вообще, дорожить мнением товарищей, учились понимать величие слова Родина.

Осенью 1929 года, когда я учился в пятом классе школы крестьянской молодежи, стал комсомольцем. Вскоре меня избрали секретарем школьной ячейки. А через год, когда школу (теперь она называлась уже школой колхозной молодежи) перевели в станицу Иссык Эйбекшиказахского района, меня избрали секретарем кустового комитета ВЛКСМ, объединявшего 14 комсомольских ячеек.

Это было волнующее и сложное время коллективизации, рождения первых колхозов. Из Ленинграда к нам, в далекое Семиречье, прибыли посланцы партии, двадцатипятитысячники Андрей Махрушин и Александр Уткасин. Председателем колхоза имени Емельяна Ярославского и секретарем парткома избрали Махрушина, директором МТС Эйбекшиказахского района был назначен Уткасин. Настоящие ленинцы, они вместе с комсомольцами свою смену, своих помощников и стали моими наставниками, учили меня всему, что знали сами, стремились передать свой политический опыт.

А забот было немало. По совету парткома в каждой комсомольской ячейке были созданы группы активистов, способствовавших делу коллективизации и разоблачению козней кулаков и баев, которые угоняли скот, гноили в ямах хлеб, а порой и убивали из-за угла тех, кто строил новую жизнь.

С кулаками было покончено, но борьба за хлеб продолжалась. Мы понимали: ни одному хлебному колосу, ни одному зерну нельзя пропасть, тем более, что виды на урожай в колхозе были неважные. Да и тот нелегко убрать, когда всего-то «техники», что серп и коса... Два лета комсомольцы и пионеры собирали в поле колоски — дополнительный хлеб в колхозный амбар.

НА ВОЕННОЙ СЛУЖБЕ

Мне пошел восемнадцатый год, как и многие мои ровесники мечтал о военно-морской службе и — представьте себе — сбылась мечта: по комсомольской путевке меня на-

правили в Ленинград, в военно-морское училище имени М. В. Фрунзе. И отправились мы с давним другом Анатолием Огневым в дальнюю дорогу. Особенно дальнюю в те времена. Она заняла у нас около трех недель. А всего-то припасов — мешок сухарей на двоих...

И вот мы стоим на набережной лейтенанта Шмидта, у главного входа в училище имени М. В. Фрунзе. Шли дни. Успешно пройдены мандатная и медицинская комиссии, сданы вступительные экзамены. Когда надели рабочую парусиновую робу и стали разгружать на Неве баржи с дровами, то видели себя заправскими моряками... Но тут возвратился из Москвы начальник отдела кадров училища с новыми указаниями: в военно-морские училища лица с семиклассным образованием не принимаются.

Домой, однако, возвратиться не пришлось, я стал курсантом 1-й Ленинградской артиллерийской школы командного состава имени Красного Октября. В 1933 году начальником школы стал комбриг Николай Николаевич Воронов, прославившийся во время Великой Отечественной войны как крупный военачальник.

Никогда не забудутся встречи с Н. Н. Вороновым и его беседы. Он учил курсантов быть требовательными к себе во всем, отлично знать свою специальность, учиться самостоятельности мышления. Он постоянно напоминал, что мы призваны оградить мирный труд советского народа от любого вражеского посягательства, надо быть готовым исполнить свой патриотический долг в любую минуту. С гордостью вспоминаю день 30 апреля 1936 года, когда будущий Главный маршал артиллерии объявил приказ наркома о присвоении выпускникам звания лейтенанта. Я получил назначение на службу в город Калинин — в 48-й артполк 48-й стрелковой дивизии имени М. И. Калинина.

Служба проходила успешно. Меня назначили командиром взвода курсантов 2-го Киевского артиллерийского училища имени С. М. Каменева. Назрело желание повысить свое мастерство, и я поступил на заочное отделение Военной академии имени М. В. Фрунзе. Первый курс закончил отлично.

Шел 1939 год. Война приближалась к нашим рубежам. 1 сентября радио принесло известие о том, что гитлеровская Германия без объявления войны напала на Польшу. Так началась вторая мировая война. 17 сентября 1939 года войскам Украинского и Белорусского военных округов было приказано взять под свою защиту Западную Украину и За-

на нашу Белоруссию. Советское правительство не могло оставаться равнодушным к тому, что будет с украинцами и белорусами, проживающими в Польше, если придут сюда гитлеровцы...

30 ноября 1939 года началась война с белофиннами, спровоцированная тогдашним правительством Финляндии. Кадровый командир Красной Армии, я был в конце декабря 1939 года направлен в действующую армию. Прибыл в город Киров. Здесь мне приказали встретить на вокзале и привести в расположение полка новобранцев — их было около тысячи. Впервые мне доверили командовать такой большой группой людей. Приказ был выполнен. Молодые бойцы в течение двух недель прошли необходимую подготовку, и в ночь на 1 января 1940 года последовал приказ готовиться к отправке на фронт.

К середине января 1940 года 125-я Уральская дивизия сосредоточилась в лесах вблизи Архангельска. Стал командовать 8-й батареей 414-го легкоартиллерийского полка. Предстояли бои на Ухтинском направлении. Но воевать нам не пришлось: 12 марта 1940 года правительство Финляндии, не дождавшись обещанной западными державами помощи, вынуждено было попросить мира.

В начале апреля 1940 года наша дивизия была переброшена в Белоруссию. Мы дислоцировались в Лунинце, а потом — в районе Лиды. Между тем важные события происходили в Прибалтике, в частности в Литве, которую гитлеровская Германия готовилась превратить в свой протекторат. Уступая напору народных масс, буржуазное правительство Литвы было вынуждено в 1939 году подписать с Советским Союзом договор о взаимопомощи, а на деле саботировало соблюдение его условий. 15 июня 1940 года в Литву вступил дополнительный контингент советских войск, тепло встреченный трудящимися, поднявшими знамя социалистической революции. Буржуазное правительство бежало. В состав СССР вошло новое государственное образование — Литовская Советская Социалистическая Республика. Наш полк вошел в Литву в незабываемые июньские дни и расположился в пограничном городке Друскеники, где моя служба продолжалась до весны 1941-го.

Оказавшись у государственной границы, мы сооружали здесь первую линию обороны: строили доты и дзоты, капониры для боевой техники, противотанковые рвы, наблюдательные пункты. Вторую линию начали возводить в местах 1941 года в 60—70 километрах восточнее первой, но этого

чить ее не удалось. С января на границе стало особенно тревожно. Почти ежедневно с той стороны появлялись лазутчики, а иногда и целые группы вооруженных молодчиков. Мы же должны были проявлять спокойствие и не поддаваться на провокации.

Врезался в память такой эпизод. В ночь на первое мая я был дежурным по полку. После вечерней поверки и отбоя я доложил командиру полка майору Соколову, что все в порядке. А спустя четверть часа с той стороны послышался вой и свист приближающегося снаряда — он разорвался совсем неподалеку от штаба. С крыши посыпались осколки черепицы. Полк подняли по боевой тревоге.

Утром в 8.00 я, как дежурный, встретил смешанную комиссию из советских и немецких офицеров, прибывшую для проверки инцидента. Все двинулись к воронке, оставленной снарядом. Мое внимание привлекла такая деталь: от штаба к месту падения снаряда и обратно немцы шли размеренно, явно отсчитывая шаги. Подумалось, не является ли этот снаряд пристрелочным?.. Потом моя догадка подтвердилась. Когда в 1944 году я встретился с майором Пискуновым (когда мы служили в Таураге, он был старшим лейтенантом, адъютант командира полка), он рассказал мне, что утром 22 июня казармы, конюшни, дома офицеров — весь наш военный городок — были внезапно накрыты мощным артиллерийским огнем. Хорошо, что личный состав находился на боевых позициях.

В мае я поехал в Москву, в Академию имени М. В. Фрунзе. Предстояло сдать экзамены за второй курс и пройти установочные сборы на третий. Получив отпуск на сутки, я утром 22 июня приехал в город Калинин. Не терпелось поскорее увидеть маленького сына, которому было всего девятнадцать дней. И вот я держу его на руках, счастливо улыбаюсь, еще не зная, что мои однополчане уже приняли первый бой и стоят насмерть.

ВОЕННЫЕ БУДНИ

Считанные минуты провел я со своей семьей. Через несколько часов я снова в Москве среди слушателей-заочников академии. Каждый из нас торопится к месту службы. Недолгие сборы — и в путь. Вечером 22 июня с переполненного Белорусского вокзала отбыл в сторону Минска. Поезд подолгу стоял на разъездах. «Зеленая улица» была

...ных эшелонов с живой силой, техникой, боеприпасами. ...станцию Слепянка прибыли утром 27 июня. Дальше пу... и не было: немцы уже приблизились к Минску, и здесь шли ожесточенные бои. В нашем поезде находилось много ко... командиров и генералов, возвращавшихся в свои части из ко... командировок и отпусков. Всех нас сосредоточили в урочище Красный Бор. Совсем недавно здесь дислоцировалась танковая дивизия, которая отбыла на фронт.

Отсюда меня во главе группы из 35 командиров направили в Могилев. Транспорта не предвиделось, отправились пешком, но нам повезло: на попутках нам удалось к утру 29-го попасть в Могилев. 30 июня Могилевский военкомат выделил две машины, и мы отправились в Смоленск. Здесь мы прослушали 3 июля памятную речь И. В. Сталина. От имени ЦК партии и Совнаркома он обратился к советскому народу. Не скрывая нависшей опасности, он призвал к беспощадной борьбе с врагом.

На следующий день я принял батарею в 675-м мехтранспортированном артполку, прибывшем в Смоленск на переформирование. Двигаясь от самой западной границы, он понес в боях с противником большие потери. В этом полку, где все создавалось заново, и началась моя боевая служба.

Помню, как вместе с двумя сержантами встречал пополнение на станции Колодня под Смоленском. Когда пришел поезд, устроили перекличку вновь прибывшим, и колонна двинулась к месту дислокации полка. Их было более пятисот ребят, призванных встать в ряды защитников Родины вместо павших героев. Нелегко им было привыкать к многотрудной солдатской жизни. Мучила жара, и люди готовы были пить воду из любого ручья.

С большим трудом довели колонну до места. Необстрелянных новобранцев распределили по подразделениям, в том числе пятьдесят человек — в мою батарею. Надо было срочно строить землянки и окопы, начинать занятия по боевой и политической подготовке. Приступили к делу незамедлительно. К концу июля получили 152-миллиметровые пушки — гаубицы, тягачи СТЗ-НАГИ, оптику, боеприпасы. Полковая к боевому применению часть получила название: 57-й артиллерийский полк резерва Главного командования.

В конце сентября артполк занял боевые позиции на реке Вопь, в районе города Ярцево Смоленской области. Готовились к контрнаступлению, намеченному на 5 октября. Но рано утром 3 октября немцы превосходящими силами

ударили по нашим позициям. Начались упорные, жестокие бои, не прекращавшиеся ни днем, ни ночью. Батарея, которой я командовал, поражала огнем фашистские тылы и резервы, а переходя на прямую наводку, сжигала вражеские танки.

7 октября нам было приказано отходить в сторону Вязьмы. Мы перешли к маневренной обороне. Вновь и вновь батарея меняла огневые позиции, уничтожала живую силу противника и его боевую технику. Положение на нашем участке фронта создавалось критическое. Враг делал все, чтобы взять в кольцо наши войска под Вязьмой, и этим самым открыть дорогу на Москву. Несмотря на превосходство в танках и авиации, фашистам это не удалось. Большая часть войск Красной Армии успела вырваться из окружения. Но наш 57-й артполк, как и некоторые другие соединения и части, выйти не успел. Кольцо замкнулось.

Мы выпустили последние снаряды по врагу, сняли с орудий прицельные приспособления и оптику, закопали в лесу, чтобы не достались фашистам. И стали мы теперь не артиллеристами, не пехотой

ПАРТИЗАНСКИМИ ТРОПАМИ

Никто не давал нам, кадровым командирам, специальных инструкций на случай, если придется вести борьбу в тылу врага. Но мы помнили прозвучавший в речи И. В. Сталина от 3 июля призыв к советским людям, оказавшимся на временно оккупированной территории, действовать так, чтобы земля горела под ногами фашистов.

Решение создать партизанский отряд зрело не у меня одного. Эту мысль поддержали оставшиеся в живых мои батарейцы В. И. Ноздрачев, Н. К. Назаров, Т. П. Цигольников, П. Третьяков. Пока нас была лишь горсточка, но мои товарищи обладали необходимыми в ту трудную пору качествами — мужеством, энергией, крепкой волей. Потом к нам присоединились еще несколько человек, и к началу декабря в группе было 13 партизан.

Мы начали действовать. Первую диверсию я поручил Т. Цигольникову: нарушить телефонную связь на линии Оленино — Ржев. Ребята спесли два телеграфных столба и порвали провода.

... 12 декабря группа устроила засаду у деревни Карекое. Ехали две подводы с шестью гитлеровцами. В. И. Ноздра-

чев уничтожил пятерых фашистов (шестой спасся бегством) и возвратился в отряд с трофеями: принес два немецких автомата и полушубок. В партизанском хозяйстве все пригодится.

Мы искали связи с Большой землей, с частями Красной Армии, которые, разгромив немцев под Москвой, приближались к городу Белому. Наконец удалось установить связь со 119-й стрелковой дивизией, вскоре переименованной в 17-ю гвардейскую. Ее командир генерал-майор Березин указал моему партизанскому отряду район действий: деревни Плоское, Романово, Нефедово, Лукино, Медведево, Черный Ручей и далее по большаку Пречистое — город Белый. Это задание вдохновило моих боевых друзей. Теперь мы были не одни. Теперь на Большой земле знали, что бойцы и командиры, попавшие в окружение под Вязьмой, живы, не сложили оружия, не сдались в плен, а продолжают сражаться в тылу врага.

Особенно порадовал нас щедрый подарок командования 22-й армии. Мы получили самое необходимое: сахар, крупу, консервы, махорку, медикаменты, немного взрывчатки и противотанковые мины.

В эти дни в Смоленской области бурно развивалось партизанское движение: повсеместно появлялись отряды и группы народных мстителей, которые от мелких операций переходили к решению более сложных задач, выполняя наказ ЦК ВКП(б). Земля горела под ногами фашистских захватчиков.

В первых числах января 1942 года наш отряд насчитывал уже 60 человек, он стал сильной боеспособной группой, имел на вооружении один станковый пулемет и четыре ручных, снятых В. И. Поздрачевым с танков, десять автоматов, винтовки. Командовал отрядом я, моим помощником стал П. Третьяков, комиссаром — Клюшенков, командирами взводов — В. И. Поздрачев и Н. К. Назаров.

Нашим опорным пунктом стала деревня Лукино. Расположение ее на возвышенности в полутора километрах от большака давало нам возможность простреливать дорогу и держать ее под своим контролем.

Активными боевыми действиями мы не давали покоя врагу. Группами по 10—15 человек устраивали засады на дороге, уничтожали обозы и небольшие группы противника. Отвагой и бесстрашием выделялись Павел Третьяков, Александр Редькин, Василий Поздрачев. Они вели обстрел

большака из пушки, минометов, пулеметов. Постоянно досаждал врагу взвод Н. К. Назарова.

Особенно памятной явилась операция, проведенная нашим отрядом совместно с разведротой 119-й стрелковой дивизии во главе со старшим лейтенантом Тамбовцевым. 12 февраля 1942 года северо-восточную окраину деревни Цигуны заняли 35 партизан, а юго-западную — 25 красноармейцев. Партизаны были вооружены винтовками, имели пулемет «максим» и три миномета, у разведчиков были автоматы и ручной пулемет Дегтярева. Узнали, что со стороны города Белый приближается конный обоз, охраняемый 12 автоматчиками и 60 солдатами-пехотинцами, и устроили засаду.

В 10 часов утра обоз приблизился к деревне. Как и задумали, автоматчиков пропустили вперед и встретили огнем двух пулеметов. Сразу же сразили наповал девять гитлеровцев, трое кинулись бежать, но метко брошенные Редькиным гранаты настигли их. Затем он повел огонь по пехоте, захватил пулемет противника и начал стрелять по фашистам. Назаров перебежал на другую сторону дороги — в пустой сарай и оттуда метким огнем из автомата уничтожал вражеских солдат. Бой длился уже три часа, когда к западной окраине деревни подошли около ста немецких лыжников. Боеприпасы на исходе, надо отходить. Взвод Тамбовцева прикрывал наш отход. После боя дорога была устлана трупами фашистов. Немцы потеряли убитыми до 140 человек. Разведчики из 119-й дивизии увели за линию фронта пленных — им нужны были «языки».

Гитлеровцы решили, что в Лукино имеется крупный воинский гарнизон Красной Армии, и предприняли попытку ликвидировать его. Но тщетно, застать партизан врасплох они не могли. Наше боевое охранение бдительно наблюдало за большаком.

Ночью 19 марта 1942 года каратели сосредоточили вблизи Лукино усиленный батальон пехоты — до тысячи человек. Перед восходом солнца на деревню обрушился огонь двух пушек и шести минометов. Затем противник перенес огонь на населенные пункты Медведево, Волыново, Лунево. В Медведево находились штаб отряда, взвод Ноздрачева и обозы, а в Волынове и Луневе располагались партизанские группы Срывкова и Чернышева.

После артподготовки гитлеровцы пошли в атаку на Лукино с трех сторон. Фашисты шли во весь рост. Подпустив их на 230—250 метров, командир взвода П. К. Назаров

приказал открыть огонь. Часть солдат противника была уничтожена, остальные залегли. Они снова поднялись в атаку, и вновь на них обрушился шквал огня. Целою больших потерь им все же удалось захватить юго-западную окраину деревни. Завязался уличный бой.

Мужественно, не щадя своей жизни, дрались партизаны, упорно отстаивая каждый метр родной земли, умирая, но не сдавались врагу. Комсомолец Тимофей Цыгольников расстреливал фашистов в упор, уничтожил до ста вражеских солдат пулеметным огнем. Когда кончились патроны, он пустил в ход гранаты, потом отстреливался из пистолета. Последнюю пулю бесстрашный комсомолец сохранил для себя...

О подвиге Тимофея Цыгольникова узнали на Большой земле. В апреле 1942 года я подобрал листовку, сброшенную с советского самолёта, и берегу ее до сих пор. В ней описан подвиг нашего Тимофея.

В этом же бою из станкового пулемета расстреляв 82 гитлеровцев комсомолец Тимофей Новиков. Только будучи ранен он вышел из боя. Выше похвал держался в бою командир взвода П. К. Назаров. Когда был уже приказ отходить, он покинул поле боя последним, причем сумел вывезти на санях тяжелораненых и пулемет Новикова.

В бою за Лукино погибли 12 партизан, 9 было ранено.

В деревне Медведево партизаны оставались до 10 апреля 1942 года, а затем передали этот населенный пункт частям рёгулярной Красной Армии. Но приобретенный отрядом опыт партизанской войны ценился высоко, поэтому штаб партизанского движения, с которым мы установили связь, предложил нам снова углубиться во вражеский тыл. К нам прибыл новый комиссар отряда Михаил Семенович Полуэктов. Вместе с ним мы передислоцировали отряд в Батуринский район Смоленской области.

Сначала расположились в деревне Дентялово. Следом за нами шли фашистские каратели. Они врывались в населенные пункты с танками, бронетранспортерами, грабили население, отбирали скот, птицу. Чтобы враги не остались безнаказанными, мы заминировали мост перед Дентялово. Здесь подорвались немецкий танк и бронетранспортер. Из засады обстреляли гитлеровцев. Немцы в деревню не вошли.

К началу мая 1942 года отряд перебазировался в деревню Раздобарино Батуринского района. Здесь было получено через связных распоряжение Военного совета 41-й армии

двинуться под Ярцево. Там наш отряд пополнился новой группой партизан.

В июне 1942 года начался новый этап партизанского движения в Смоленской области. Многочисленные партизанские отряды объединялись в бригады. Изменилась и тактика борьбы с врагом: теперь ставка делалась на диверсии на вражеских коммуникациях, налеты на крупные фашистские гарнизоны. Объединились в партизанскую бригаду семь отрядов, действовавших на Смоленщине, в том числе и наш. Бригаде присвоили имя В. И. Чапаева.

БРИГАДА ИМЕНИ ЧАПАЕВА

...Один из ее отрядов назывался «Смерть фашизму». Организатором и первым командиром отряда был старший лейтенант И. К. Просандеев. К середине декабря 1941 года в нем было 35 бойцов и командиров различных частей Красной Армии, попавших в окружение. За первые два месяца партизаны истребили 70 гитлеровских солдат и офицеров, взорвали три склада с военным имуществом. К февралю 1942 года численность отряда достигла 62 человек, на вооружении имелись станковый и ручной пулеметы, два автомата, пятьдесят винтовок. В отряд пришли несколько человек из местных жителей. В феврале 1942 года пришел солдат Фриц Шмейкель, бежавший из гитлеровского вермахта. Отличный пулеметчик, он обучил партизан стрельбе из немецкого автомата и пулемета. Иван Иванович — так называли его в отряде — показывал примеры мужества и героизма. На его личном счету было 30 убитых фашистов.

9 апреля 1942 года И. К. Просандеев трагически погиб. Один за другим пали в боях сменившие его Д. Насонов и П. Заречнов. Во второй половине апреля командиром избрали В. И. Васильева. Бывший командир батареи 45-миллиметровых пушек, вступив в отряд «Смерть фашизму» вместе с двумя солдатами-артиллеристами. Они привезли с собой пушку в упряжке из трех лошадей. В. И. Васильев проявил себя стойким, мужественным командиром, хладнокровным и уверенным в бою. Под его руководством отряд полностью оправдывал свое грозное название: стремительные нападения партизан несли фашистам смерть, наводили ужас на врага.

...Рота лейтенанта Алексея Васильевича Савинова несколько дней сдерживала ожесточенные атаки гитлеровцев

под Вязьмой. Один за другим выбывали из строя бойцы. Горстку оставшихся храбрецов лейтенант вывел из-под губительного огня лесами и болотами. Когда стало ясно, что выйти к частям Красной Армии они не смогут, приняли решение стать партизанами.

Выбрали в лесу место для стоянки недалеко от деревни Артюшино Батуринского района Смоленской области. Вырыли землянки. Местные жители снабдили их продовольствием. И партизанский отряд Савинова, где сохранились армейские порядки и дисциплина (здесь были командиры отделений, взводов, старшина), имевший на вооружении станковый пулемет, три автомата, не считая личного оружия, начал готовиться к операциям. Первые налеты на фашистов прошли успешно: на большаке вблизи деревни Конотино заложили мины — подорвались две автомашины гитлеровцев; на Дуровской ветке напали на команду сапоров и уничтожили 18 фашистов.

В конце декабря 1941 года отряд пополнился за счет местного населения, и стали ему под силу более крупные операции. Засады на Комаровском большаке, по которому отступали фашисты, освобождение от оккупантов десятков деревень Бельского, Батуринского, Холм-Жирковского районов — таковы вехи героического пути партизанского отряда Савинова.

...Командир отряда, созданного 3 января 1942 года в деревне Отрадное Ярцевского района Смоленской области, Сергей Дагаев давно служил в рядах Красной Армии, носил звание военного техника второго ранга. А сложил отряд из числа бойцов и командиров различных частей и подразделений. Их было 35, и объединяло их одно стремление — мстить фашистской нечисти.

Действовали дагаевцы смело, решительно. Вот один документальное свидетельство — сообщение Совинформбюро от 15 апреля 1942 года: «Ни днем, ни ночью не дает покоя немецким оккупантам партизанский отряд «За Родину», действующий в оккупированных районах Смоленской области. За последнее время отряд провел ряд удачных операций, во время которых уничтожено 205 немецких солдат и 6 офицеров и 20 полицейских. Партизаны неоднократно прерывали связь между штабами немецких частей. В последних боях партизаны захватили у гитлеровцев 3 пулемета, 6 автоматов, 36 винтовок, 5 биноклей, и до 10 000 патронов».

...Старший лейтенант Н. С. Чернышев создал свой отряд

в Бельском районе. Комиссаром стал П. Можаев — заместитель председателя районного исполкома. Одну из самых заметных операций отряд провел 5 декабря 1941 года. Это был внезапный налет на гарнизон противника в деревне Плоское, когда партизаны уничтожили 10 фашистов, сожгли 25 автомашин, захватили два танка, пушку, несколько мотоциклов, два склада с боеприпасами и обмундированием.

Этот отряд имел прочные связи с местным населением, подпольными группами и организациями. Впоследствии они сыграли немалую роль в деятельности нашей бригады.

...Партизанский отряд, организованный рядовым красноармейцем Д. И. Мининым в Холм-Жирковском районе, действовал с 15 декабря 1941 года, и к моменту создания бригады насчитывал 60 человек. Командование бригады присвоило отряду имя Чкалова и назначило командиром Константина Петровича Потехина, коммуниста с довоенным стажем, учителя по образованию. (После войны он вернулся к своей профессии и сорок три года трудился на поприще народного образования.)

В этом отряде было много местных жителей. Из деревни Яковцево пришла семья Титковых — братья Тимофей, Семен, Василий, сестра Мария и их мать. Из деревни Смегищи — братья Филипповы Алексей и Александр. Помню, храбро сражались с врагом братья Васильевы Иван и Андрей. Были в нем и кадровые бойцы и командиры.

...Истинный патриотизм привел в ряды народных мстителей многих колхозников, учителей, школьников Пречистенского района, из деревень Остря, Сидибо-Никольское, Пулково и других. Командиром избрали Федора Федотовича Василькова, председателя колхоза «Новая жизнь», комиссаром — Ивана Васильевича Андреева — учителя из Сидибо-Никольского.

Сын командира отряда Василий Федорович Васильков вспоминал впоследствии: «За лето и осень мы научились стрелять не только из винтовок, но и из пушек, минометов. Это дало нам возможность умело действовать, стойко держаться в партизанском отряде».

Партизаны действовали решительно, отбивали многочисленные налеты карателей.

Взять хотя бы такой эпизод. Ранним апрельским утром 1942 года несколько групп партизан ушло на очередное задание. В деревне остались Ф. Ф. Васильков, И. В. Андреев и вооруженная охрана. Вдруг наблюдатель доложил, что

на окраине деревни появились фашисты. Горстка партизан заняла круговую оборону. Фашистов встретили метким пулеметным огнем. Но гитлеровцев было слишком много. Выручила партизанская сноровка. В тыл карателей перебросили ручной пулемет и миномет. Понеся большие потери фашисты отступили. А через три часа в Вологино ворвались немецкие танки и бронемашины. Отряду пришлось отойти, но он сохранился как боевая единица и по-прежнему наносил урон врагу.

...В октябре 1941 года военный ветеринарный фельдшер В. П. Попов объединил одиннадцать военнослужащих, попавших в окружение под Вязьмой, в партизанскую группу. Так в Кардымовском районе Смоленской области родился еще один отряд народных мстителей.

На боевом счету отряда Попова было немало операций, в том числе разгром гитлеровского гарнизона в деревне Дмитриевка в феврале 1942 года.

В Дмитриевке фашисты держали склады с боеприпасами и снаряжением. Переодетый в женское платье, командир отряда побывал в деревне, разведал подходы к складам, и в ту же ночь партизаны разгромили гитлеровцев и завладели столь важными для них складами.

В июле 1942-го отряд понес тяжелые потери, оказался во вражеском плену его командир. Но отряд сохранился. Его возглавил Д. П. Григорьев, ныне Герой Советского Союза. В бригаду отряд влился позже других шести — в августе 1942 года.

Объединение перечисленных отрядов в бригаду произошло таким образом.

Наш отряд дислоцировался в деревне Раздобарино. Ясным летним утром сюда прибыли посланцы 41-й армии Калининского фронта старший лейтенант Юлусов и старший политрук Парамонов и Бурлакин. Они объявили о решении Военного совета фронта: свести разрозненные партизанские отряды в бригаду, командиром соединения назначается Морогов Николай Афанасьевич, комиссаром — Полуэктов Михаил Семенович, начальником штаба — Алексей Васильевич Савинов. Старший лейтенант Юлусов перечислил отряды, которые войдут в бригаду. Так 26 июня 1942 года стало днем рождения бригады имени В. П. Чапаева. Приказ № 1 по соединению, как и многие другие документы, хранится в Смоленском областном архиве.

В короткий срок проведена была большая организаци-

онная работа, направленная на объединение действий разрозненных отрядов.

Назначили Назарова и Белоусова командирами отрядов вместо меня и Савинова. По предложению комиссара бригады каждому отряду были присвоены наименования. Отряду, которым я прежде командовал, присвоили имя Коровского, отряду Мишина — имя Чкалова, отряду Черышева — Лазо, отряду Савинова — Буденного, отряду Васильков — Щорса, отряд Дагаева получил название «За Родину», а отряд Васильева сохранил свое прежнее прозвание — «Смерть фашизму». Главным же предметом обсуждения был вопрос о новом статусе отрядов. Все согласились на том, что отряды не лишаются инициативы в боевых действиях, за штабом бригады остается оперативное руководство отрядами. Я счел необходимым потребовать неукоснительного исполнения во всех отрядах уставов Красной Армии. Наша сила — в единстве, сплоченности, крепкой воинской дисциплине, расхлябанность и «партизанщина» недопустимы.

Было покончено с выборностью командиров — они стали назначаться штабом бригады. Кроме того, решили провести аттестацию командного состава.

Коллектив сплотили людьми — закаленными и верными, надежными товарищами. Тем более велика боль утраты, нанесенная врагом земле.

В бригаде имени В. И. Чапаева собрались очень талантливые люди. И первое слово — о комиссаре, о дорогом боевом друге Михаиле Семеновиче Полуэктове. Самую добрую память храню я о нем — бесстрашном человеке, настоящем коммунисте.

Войну он начал политруком артиллерийской батареи, затем был секретарем парторганизации полка. Пережил то же, что и я: сознание обиды, унижения, что враг оказался сильнее нас. Нам, кадровым командирам, переносить это было тяжелее, чем кому-либо. Народ учил нас, вручил оружие. И ответственность за мир и безопасность Родины. Оправдали ли мы это великое доверие?..

Человек на войне проверяется быстро: бой покажет, кто рядом с тобой. Комиссар в глазах партизан стал образцом мужества, стойкости, беспредельной преданности Родине. Когда создалась бригада, а Михаил Семенович стал ее комиссаром, не было случая, чтобы мы не поняли друг друга с полуслова. Мы были единомышленниками.

Еще не была создана бригада, когда прибыл к нам офицер связи из 22-й армии Калининского фронта Александр Полуэктов и вручил мне удостоверение, которое я и поныне бережно храню: «Выдано командиру партизанского отряда Дорогову Н. А. в том, что он командируется с отрядом в количестве... человек со специальным заданием в Ярцевский, Духовщинский районы...».

На словах Саша (ему было не больше двадцати) передал сущность задания.

Было приятно, что на Большой земле нам доверяли, считали значительной силой. Но как будем действовать?

— Как указано,— ответил Полуэктов.

— Указание указанием, а как быть с людьми? Ведь пополнения нам никто не даст.

— Мы, Николай Афанасьевич, будем пополняться по мере наших действий,— сказал комиссар.— Будут люди. Есть на Смоленщине верные Родине и партии патриоты.

Эти слова пришлись мне по душе. В них звучала глубокая вера в силу и жизненность нашего строя, в правоту нашего дела.

Когда была образована бригада, комиссар составил текст партизанской клятвы. 23 июня 1942 года мы торжественно приняли ее. В ней звучали слова верности Родине, готовности сражаться, а если понадобится — и умереть за нее.

Перечитываю списки партизан. Разные в них фамилии: русские, украинские, белорусские, казахские, татарские... Хамза Иксанов, Александр Кулаев, Иван Вичкутькин, Алексей Игошев, Артем Николаенков... Сражались в их рядах и зарубежные антифашисты. Немец Фриц Шменкель, чех Ян Кубат. С Фрицем Шменкелем мы познакомились летом 1942 года. Он рассказал мне, что родом из Штеттина, рабочий, его отец был членом Компартии Германии, хорошо знал Эрнста Тельмана. Отец завещал сыну никогда не участвовать в войне против русских. Фриц пошел дальше: он решил бороться против фашистов.

Последняя встреча с Шменкелем была у меня в Москве, в Салтыковке, в 1943 году. Здесь я поздравил немецкого антифашиста с наградой Советского правительства — орденом Красного Знамени.

Только много лет спустя мне стало известно о его дальнейшей судьбе. Фриц Шменкель в конце 1943 года был направлен во вражеский тыл. Схваченный гитлеровцами, он вел

себя мужественно, как подобает коммунисту. Известно место и день, когда его расстреляли: в Минске, 22 февраля 1944 года. Звание Героя Советского Союза ему присвоено посмертно.

Замечательным воином был чешский коммунист Ян Кубат. Воевал он в отряде В. Попова, и слава о нем гремела по всей округе. Он погиб летом 1942 года в бою у деревни Малявы, прикрывая отход своих товарищей по оружию.

Интернационализм давно стал отличительной чертой советского человека. Партизаны постоянно помнили о том, как сражались в интербригадах советские люди на стороне Испанской Республики — первой жертвы фашизма. И летом 1942 года бригаде имени В. И. Чапаева было поручено вывести из окружения испанских бойцов-интернационалистов. Это были и давние друзья нашей страны, и защитники республиканской Испании, выступившие на защиту своей второй родины. Задание было выполнено. Спасены многие жизни 200 замечательных бойцов. Руководил этой операцией бывший секретарь партбюро бригады имени В. И. Чапаева П. В. Мурашев.

ПЕРВЫЕ УСПЕХИ

Объединившись в партизанское соединение, мы могли теперь наносить врагу более ощутимые удары.

Фашистской разведке удалось узнать об объединении партизанских сил, и не более как через неделю после создания бригады командование немецкой 9-й армии обрушило на нас сильный удар. Но и наш штаб своевременно узнал о готовящейся карательной экспедиции, и враг не застал партизан врасплох. Наши разведчики тщательно замаскировали пути вероятного движения гитлеровцев, подступы к позициям всех наших отрядов.

Утром 7 июля части 610-й пехотной дивизии противника при поддержке танков и артиллерии начали наступление на деревню Р., где располагался штаб бригады и ближайшие населенные пункты, намереваясь загнать нас в непроходимые болота — Свитский Мох. Особенно тяжело пришлось бойцам, на которых обрушился шквал артиллерийского и минометного огня.

Восемь дней напряженных боев не принесли успеха врагу. Но он вводил и вводил свежие резервы, упорно рвался

вперед. Стайовилось ясно, что рубеж обороны партизанским отрядам придется оставить..

Батуринский подпольный райком партии рекомендовал бригаде перебазироваться в Вадинский лес. Предстоял далекий и нелегкий переход по территории, захваченной оккупантами. Позиции были оставлены организованно. Отступать пришлось с боями. 15 июля фашисты двинули свои танки и пехоту к деревням Пресницово, Подселицы, Воднево, Бочарники, Дентялово. Но отряда имени Буденного здесь уже не было... А на пути гитлеровцев ухали взрывы — сработали партизанские мины, и взлетели на воздух танк, бронемашина, тягач с прицепом, две автомашины с солдатами, два мотоцикла

Выполняя приказ командования бригады, отряды имени Котовского и Буденного отошли к деревне Холопово. А враг преследовал партизан по пятам... Но Вадинский лес уже совсем близко. Под прикрытием ночи вступили с ним. Деревья сомкнулись за последним отрядом. Сюда же пришел отряд коммунистов-подпольщиков Батуринского района.

Требовалось дать людям отдых. А всего-то в нашем распоряжении одна короткая летняя ночь. Конечно, фашисты не откажутся от попытки покончить с партизанами. Быстро замаскировали все подступы к лесу, четкие распоряжения штаба бригады обеспечили взаимодействие между отрядами, взводами, отделениями. Командирам отрядов разрешалось при необходимости маневрировать в нужном направлении, принимать самостоятельные решения. Наши политработники разъясняли бойцам главную задачу: ни одного фашиста не допустить в Вадинский лес. Позаботились и о тылах. Обозы с запасами продовольствия и скот отправили в глубь леса. Там они не пострадают от артиллерийского огня. Возглавили эту работу начальник службы снабжения бригады И. И. Живодеров, его помощники — начальник службы боепитания Петров и один из батуринских подпольщиков.

К утру 17 июля нам стало известно, что фашисты сосредоточились в деревне Татьянка, насильно согнали сюда человек пятьдесят деревенских жителей, которых намерены погнать впереди своей пехоты и под таким «прикрытием» ворваться на опушку леса. Знали гитлеровцы: партизаны не откроют огонь по своим...

В девять часов утра немецкие снаряды и мины стали рваться на опушке леса и в глубине его. Артподготовка

продолжалась с четверть часа, а затем противник пошел в наступление, гоня перед собой толпу беззащитных женщин, стариков, подростков. Но тщательно замаскированные по краям опушки пулеметные точки пропустили своих и открыли огонь по пехоте противника. Фашисты залегли.

Вокруг кипел бой.

Находясь в центре обороны, я наблюдал за его ходом. Вижу: партизанам отряда имени Котовского приходится туго. Только приподнялся, чтобы направиться к ним, как нестерпимая боль обожгла спину... Пришлось временно передать управление боем командиру отряда «Смерть фашизму». Васильев человек спокойный, хладнокровный, умеет принять верное решение в любой обстановке.

Медсестра Французова извлекла пулю, сделала мне перевязку. А рана пустая — перебита левая лопатка. Васильев между тем усилил фланги, перебросив на них части отрядов имени Котовского и «За Родину». Каратели отступили. В бессильной злобе они сожгли деревню Татьянки.

Трудно перечислить всех, кто отличился в этом бою. Храбро и умело действовали комиссар бригады Полуэктов и начальник штаба Савинов, командиры отрядов Васильев и Дагаев, Кутасв и Черныльев; большую помощь оказали нам юные разведчики Вася Малиновский, братья Феля и Сережа Панасовы. Под пулями грудью не щадя себя старший врач бригады Кудинова, медицинские сестры Федорова и Французова.

Вадинский лес превратился в партизанскую крепость. Здесь бригада разбила лагерь. Он стал нашей базой до окончания боевых действий. А партизанские отряды вскоре снова заняли прежние населенные пункты.

На мое имя поступила шифрограмма из Москвы: обеспечить вывод из окружения бойцов и командиров 39-й армии. Ее подписал главнокомандующий партизанским движением К. Е. Ворошилов. Приказ мы выполнили. В бригаде был организован формировочный пункт, распределивший тысячи бойцов и командиров по временным подразделениям. Через Свитский Мох их всех удалось вывести за линию фронта, избежав гитлеровских засад.

Только отряд имени Щорса переправил более двух тысяч солдат и офицеров 252-й стрелковой дивизии, сохранившей свое боевое знамя. Командир этого отряда Ф. Ф. Васильков вспоминает, как провел через линию фронта первую группу из семи человек, а затем большие группы по 200—300 солдат и офицеров в каждой. Штаб 252-й дивизии

[illegible] проводники-комсомольцы, в числе которых был и сын командира отряда Вася Васильев. Эти ребята знали в лесу каждую тропку.

В начале августа 1942 года бригада подверглась еще одному нападению карателей. Враг использовал для этого полк эсэсовцев, 8 пушек, несколько минометов. Они повели наступление на деревни Дегтяри и Матренино. В Дегтярях гитлеровцев встретил не успевший переправиться на линию фронта отряд бойцов 39-й армии, а в Матренино р[illegible] тиск эсэсовцев сдерживали партизаны отрядов имени Ф[illegible] товского и Чкалова. Затем подошли отряды имени Ла[illegible] имени Фурманова. К ночи каратели отступили, потеряв бо[illegible] лее 300 солдат и офицеров. Были потери у и нас: погибло девять человек, семь ранено.

Партизаны превращались в грозную силу. Особенно это проявилось после назначения главнокомандующим партизанского движения маршала Советского Союза К. Е. Ворошилова, добивавшегося роста рядов народных мстителей, их организованности и дисциплины. Были созданы территориальные центры руководства партизанскими соединениями. Бригады, бившие врага на территории Смоленской области, были подчинены Западному штабу партизанского движения. Наша бригада получила новое наименование: 3-я Вадинская партизанская бригада имени В. И. Чапаева.

16 сентября 1942 года мы получили приказ: «Командиру партизанской бригады Морогову выйти на коммуникации противника Ржев — Вязьма на участке Новодугино — Тор[illegible]во; на участке грунтовой дороги Андреевское — Холм-Жирковский оставить для действий отряды общей численностью до 150 человек. К выполнению приказа приступить не позднее двух дней после его получения».

Приказ Москвы был выполнен.

30 сентября гитлеровцы снова решили «прочесать» Вадинский лес. Бой длился три часа. Каратели потеряли в нем более 200 человек и отступили.

Приближалась 25-я годовщина Великого Октября. В честь знаменательной даты между партизанскими бригадами и отрядами развернулось социалистическое соревнование. Его инициатором стал подпольный Батуринский райком ВКП (б). Деятельность народных мстителей еще больше активизировалась. Совершались смелые диверсии на железных дорогах. Только отряд «За Родину» (командир С. Дунаев) уничтожил 10 вражеских эшелонов. Отряд имени Щорса (командир Ф. Ф. Васильков) взорвал семь эше-

лонов на участках Дурово — Канютино и Вышегор — Свищево.

Отличными подрывниками стали комсомольцы Михаил Сосенков, Владимир Фомченко, братья Панасовы. Бесстрашно выполняли боевые задания Иван Голубев, Иван Суханов и другие. Подрывная группа Феди Панасова пустила под откос вражеский воинский эшелон из 13 платформ с танками и пушками и 17 вагонов с солдатами. 38 крушений поездов с живой силой и техникой устроили отряды бригады имени Чапаева в октябре 1942 года. Таков был партизанский подарок сражающейся Родине в честь 25-й годовщины Октября.

В день великого праздника по бригаде был объявлен поздравительный приказ. Многих партизан командование представило к правительственным наградам.

Но и в день великого праздника советских людей партизаны не выпускали из рук оружия.

Еще 5 ноября мы узнали от наших связных и подпольщиков, что гитлеровцы затевают новую карательную акцию на день праздника, надеясь, что «веселящихся» партизан можно будет взять голыми руками. Поэтому была поставлена боевая задача: организовать круговую оборону партизанской зоны.

Вечером 6 ноября все отряды заняли места в своих секторах. Выпал снег, и пришлось надеть маскхалаты. А ждать пришлось недолго.

На рассвете 7 ноября со стороны Батурино появились немцы. Шли спокойно, полагая, что до места, где действуют партизаны, еще далеко. Партизаны открыли огонь, когда фашисты подошли совсем близко. Били не только из винтовок и автоматов, врага накрыли минометным и артиллерийским огнем.

Опомнившись от внезапного удара, фашисты залегли. Но инициатива осталась в руках партизан. Враг бежал, бросая оружие и оставив нам свой обоз...

...А победителем социалистического соревнования партизан было признано наше соединение. Вот выписка из протокола № 18 совместного заседания Батуринского РК ВКП(б) и исполкома райсовета от 8 ноября 1942 года:

«Первое место в предоктябрьском социалистическом соревновании заняла партизанская бригада имени Чапаева, командир бригады т. Морогов, комиссар т. Полуэктов. За один месяц и 8 дней партизанскими отрядами этой бригады уничтожено 497 солдат и офицеров, повержено и пущено под

откос 36 вонских эшелонов, взорвано 13 автомашин... Бюро РК ВКП(б) и исполком райсовета решили:

1) переходящее Красное знамя РК ВКП(б) и исполкома райсовета вручить бригаде им. Чапаева;

2) объявить благодарность всему командно-политическому и личному составу партизанских отрядов, входящих в указанную бригаду.

Секретарь Батуринского РК ВКП(б) *Куксенков*
Председатель РИК *Степаненков*».

Дорогое нам всем знамя было передано на хранение лучшему в соединении отряду «Смерть фашизму».

В ДНИ СТАЛИНГРАДСКОЙ БИТВЫ

Боевые действия бригады имени Чапаева, как и всех партизанских соединений и отрядов, действовавших осенью 1942 года во вражеских тылах, неотделимы от драматических событий, развернувшихся близ волжских берегов. Лишить врага возможности подбросить туда новые резервы, не дать врагу перешагнуть за Волгу и предгорья Кавказа — такова была задача Советских Вооруженных Сил на всех фронтах, в том числе на незримом партизанском фронте. Вот почему мы день ото дня усиливали удары по врагу. Вот почему и враг предпринимал отчаянные попытки покончить с партизанами, постоянно срывавшими его планы.

Отбив атаки карателей в день Октябрьского праздника, командование бригады, зная, что фашисты снова на нас пойдут, решило нанести по ним упреждающий удар, перехватить боевую инициативу.

Утром 11 ноября у деревни Симоново ударили из засады по колонне эсэсовцев, насчитывавшей 250 человек, отряды «Смерть фашизму» и «За Родину» под командованием Васильева. Схема ведения огня была такова, что замешавшиеся фашисты не могли найти выхода из огневого кольца. 140 карателей нашли здесь смерть, четверо сдались в плен.

В эти же минуты возле деревни Холопово дрались с врагом отряды имени Котовского и Буденного. Командовал ими лейтенант П. К. Назаров. На плечах неприятеля партизаны ворвались в занятую оккупантами деревню Терещино и очистили ее. Но иссякли боеприпасы, и Назаров дал приказ отходить. Своевременное решение: к фашистам подходило подкрепление — танкетки, бронемашины. А на

улицах этой деревни, осталось более сотни убитых гитлеровцев.

Отряды имени Александра Невского и Фурманова обороняли в тот день деревню Отсеки. Гитлеровцы шли со всех сторон, окружая отряды. Обстановка складывалась очень сложная. Командиры отрядов Попов и Григорьев приняли единственно возможное решение — организовать круговую оборону и держаться до конца. Дружный огонь смял боевые порядки фашистов, партизаны вырвались из кольца и заняли рубеж обороны деревни Всех Святых.

В этот день геройски пали в бою Николай Карпович Назаров — командир отряда имени Котовского, Федор Григорьевич Гудов — начальник штаба отряда имени Буденного, еще 11 партизан...

В середине ноября Западный штаб партизанского движения известил нас по радио, что к нам направляется группа парашютистов. Вскоре в расположении бригады десантировались саперы лейтенанта Силантьева. Они прибыли, чтобы обучить саперно-подрывному делу не менее двадцати партизан в каждом отряде. Подобрали самых смекалистых и осторожных, памятуя, что «сапер ошибается только раз в жизни». Вскоре многие партизаны стали неплохими специалистами.

Заново переживая события 1942 года, вспоминаю 19 ноября, когда началось контрнаступление наших войск под Сталинградом. Получив эту радостную весть, мы горячо обсуждали ее. В штабной землянке собрались комиссар бригады Полуэктов, начальник штаба Савинов, секретарь партбюро Муравьев. К нам пришел секретарь подпольного Батуринского райкома Куксенков. Было решено усилить удары по врагу.

В тот же день собрали командиров и комиссаров, коммунистов, чтобы вместе обсудить, как нанести фашистам возможно больший урон. Наконец, план принят (он сейчас хранится в Смоленском партизанском архиве). Им предусматривалось увеличить количество диверсий на железных дорогах, чаще устраивать ночные налеты на немецкие гарнизоны, минировать большак, ведущий из Смоленска в Белый; находить и уничтожать склады противника, его штабы, захватывать карты и другие документы. Особое внимание должно быть уделено разведке, захвату «языков», уничтожению вражеских лазутчиков и полицаев.

Важнейший участок — политико-воспитательная работа среди населения. Изо дня в день надо разъяснять людям,

оказавшимся на временно оккупированной территории, политику Коммунистической партии, рассказывать правду о положении на фронтах, особенно о победном ходе битвы под Сталинградом, вселять веру в желанную победу.

Для партизан Вадинского леса наступали новые времена: на Западном фронте планировалась Ржевско-Сычевская наступательная операция, в связи с этим Западный штаб партизанского движения поставил перед партизанскими соединениями Смоленщины конкретные задачи, для выполнения которых была создана Вадинская партизанская группа. В ее состав вошли шесть бригад и отряд особого назначения под командованием капитана Горбика. Этот отряд (в нем было 45 автоматчиков-разведчиков), прикомандированный к бригаде имени Чапаева, выполнял специальные задания Центрального штаба партизанского движения.

1-й Вадинской партизанской бригадой командовал майор Н. Н. Бобров, второй, носившей имя Котовского, командовал Ф. М. Стороженко, а комиссаром был П. Д. Верещагин. Ей поручили охрану партизанского аэродрома, через который осуществлялась связь с Большой землей. Третья — это наша бригада имени Чапаева. Командиром 4-й Вадинской бригады имени Ворошилова был Ф. П. Дудоров (до войны — начальник Батуринского районного отдела НКВД). Комиссар бригады — С. И. Куксенков, секретарь подпольного райкома, начальник штаба — председатель подпольного райисполкома В. Е. Степанков. 5-я Вадинская бригада имени Пархоменко действовала в Сафоновском районе, ею командовал Вербицкий. Шестой бригадой командовал Воротников. В его распоряжение по приказу из центра мы передали отряд имени Кирова. Таким образом была создана мощная ударная группа, насчитывавшая до 10—12 тысяч бойцов.

Командиром Вадинской партизанской группы был назначен генерал-майор Сергей Иванович Новлев. Мы встретили его в ночь с 23 на 24 ноября на партизанском аэродроме у деревни Широкое. Приземлился самолет, и появились три человека: генерал-майор Новлев, офицер Западного штаба партизанского движения Сафронов и порученец генерала старший политрук Рыбаков.

Вадинская партизанская группа начала действовать. Задача, возложенная на нее, была выполнена. В оперативной сводке от 3 января 1943 года Западный штаб партизанского движения сообщал о результатах нашей деятельно-

сти «Всего во исполнение плана операции в районе Белый, Ярцево, Сычевка за декабрь 1942 года было уничтожено 1369 солдат и офицеров, 2700 ранено, взято в плен 23, спущено под откос 34 воинских эшелона с техникой, горючим и живой силой противника... Взорвано на различных участках 2640 метров железнодорожного полотна, разрушено 5150 метров линии связи. Взорвано 8 железнодорожных мостов, 15 мостов и 5 водосточных труб на шоссе и большаках... Разгромлено 4 гарнизона, 2 склада с боеприпасами».

Здесь следует остановиться на действиях нашей бригады в составе Вадинской партизанской группы.

Начали с налета на крупный гарнизон противника в деревне Терешино в ночь с 29 на 30 ноября 1942 года.

По данным разведки фашистов в Терешино было около полутора тысяч. Нас было вдвое меньше, но мы делали ставку на внезапность. Надо во что бы то ни стало отрезать немцам путь к отступлению и с севера — от Кулагино, и с юга — от Прудищ. Как и Терешино, обе деревни стоят на большаке.

29 ноября в 17.00 провели совещание командиров, а когда стемнело, отряды двинулись на назначенные рубежи потайными тропами. Отряд имени Александра Невского перекрыл дорогу с севера, отряд имени Фурманова — с юга, отряды «Смерть фашизму», имени Щорса и имени Котовского вышли к Терешино. Дозоры врага на западной окраине деревни сняли без выстрела Фриц Шменкель и Петр Рыбаков, и тогда нанесли огневой удар по гарнизону противника наши пушки и минометы. На северную окраину Терешина ворвались отряды имени Щорса и «Смерть фашизму», на восточную — «За Родину» и имени Котовского. Ошеломленный внезапным нападением, противник не смог сопротивляться.

Успешно руководил отрядом имени Котовского Николай Иванович Герасимов, удостоенный ордена Красного Знамени. Отличились в бою за Терешино и командир отряда имени Щорса Ф. Ф. Васильков, комиссар П. В. Андреев, начальник штаба Зикеев, командиры взводов Ф. Г. Гаврилов, Г. М. Трусов, А. М. Марков, П. И. Голубев, П. Т. Богданов и другие.

В эту ночь полегло от партизанских пуль и гранат 400 немецких солдат и офицеров. Партизаны сожгли 57 автомашин, 10 тонн горючего, нагрузили продовольствием 60 подвод и захватили конный обоз. Достались нам и ценные

штабные документы, и знамя врага, которое можно увидеть теперь в Музее Советской Армии в Москве. Пропагандист бригады А. Земцов написал на полотнище фашистского штандарта, где и при каких обстоятельствах он попал в руки партизан, какой части принадлежал, немецкий текст переводил для него Фрид Шменкель.

21 декабря разведка донесла, что в деревне Симоново появился обоз. Важный, видимо, груз: в охране — около сотни солдат. Командование бригады приняло решение захватить обоз, уничтожив охрану, а заодно и весь гарнизон противника в Симонове.

22 декабря к полуночи партизаны скрытно подобрались к деревне и изготовились к бою. По нашим сведениям, гарнизон был невелик, не знали мы, что накануне сюда пришел с фронта на отдых личный состав одной из немецких дивизий. А участвовали в операции лишь два отряда: имени Александра Невского и имени Фурманова.

С криком «ура!» партизаны ворвались в деревню, забрасывая гранатами дома, где находились немцы. От пожаров стало светло как днем. Вот дом, к которому тянутся телефонные провода,— штаб. В наших руках оказались штабные документы противника. Бой за деревню Симоново продолжался 30—40 минут. Трупы убитых фашистов усеяли улицы. Но тут появились вражеские танки. Партизаны быстро возвратились на свою базу.

В бою за Симоново погиб пулеметчик отряда имени Александра Невского Георгий Гусев, получил тяжелое ранение командир взвода Иван Крылов, были потери и в отряде имени Фурманова. Зато противник недосчитался 380 солдат и офицеров. Партизаны захватили много лошадей, в которых очень нуждались, разбили 36 грузовых и легковых автомашин, сожгли 25 повозок с грузом.

А первым рассказал нам о действиях отряда имени Фурманова Гариев, вернувшийся на базу на следующие сутки. В бою он был тяжело ранен, а поблизости не было никого: увлеченные боем партизаны устремились в глубь деревни... Гариев подполз к ближайшему дому и притаился под лежавшими во дворе корзинами. Пролежал весь день, видел, как немцы вывозили на машинах раненых и убитых. Когда стемнело, он с помощью местной жительницы выбрался в лес, к своим...

В начале 1943 года фашисты вновь (в который раз!) решили уничтожить партизан Вадинского леса. Готовивший эту операцию штаб 9-й гитлеровской армии группы

«Центр» дал ей пышное кодовое название: «Падающая звезда». Только после войны из захваченных военных архивов вермахта стало известно, какое значение придавали гитлеровцы этой карательной акции. Чекист П. Александровский и журналист А. Егоров в своей книге «Партизан фриц» использовали эти документы и воссоздали замысел «Падающей звезды». Не буду вдаваться в подробности плана гитлеровцев, расскажу, что получилось на деле.

Важно уже то, что партизаны, нападая на вражеские гарнизоны, отвлекали на себя многотысячные войска противника, которые он не мог, как бы ему ни хотелось, использовать непосредственно на фронте.

А использовал враг в операции «Падающая звезда» 3-ю кавалерийскую бригаду СС, 4-й лыжный полк, два полицейских отряда зондеркоманды 7а, батальон охранных войск, две роты эсэсовцев, одиннадцать ягдкоманд и среди них «охотников Востока»— банду, уже не раз участвовавшую в карательных акциях. Были привлечены и изменники Родины — батальон власовцев, три полицейских отряда. Всего более пяти тысяч солдат.

Конечно, мы не знали в деталях план гитлеровцев, но ясно видели, что против нас готовится крупномасштабная операция. Вражеские самолеты часто появлялись над лесом, фотографируя наши землянки, окопы, оборонные сооружения. Помню, 12 декабря на совещании командиров и комиссаров бригад генерал Ласлов говорил нам: «Лес — наша крепость. Стройте завалы, минируйте подходы, рубите просеки, оборудуйте огневые точки. Лес врагу не отдадим. Диверсий не прекратим». Все это выполнялось нами самым тщательным образом.

Особое внимание мы уделили разведке. Ежедневно к 18.00 разведданные из всех отрядов сообщались в штаб бригады. Мы тщательно анализировали их, а также сведения, которые поступали от агентурной разведки, от пленных, из писем в Германию захваченных и убитых солдат противника. А занимались разведкой бесстрашные и умелые люди: комсорг отряда имени Александра Невского Федор Русаков, разведчик отряда «Смерть фашизму» Петр Рыбаков, юные разведчики Вася Малиновский, Федя и Сережа Папасовы.

Постепенно становилось все яснее: мы блокированы.

В этой обстановке приказом по бригаде запрещались стрельба, топка печей в ночное время, было упорядочено движение одиночек, групп и отрядов в лес и из леса, вне-

лены единый пароль и отзыв. А. В. Савинов как начальник гарнизона лично подбирал и инструктировал суточный наряд.

А печи все-таки топились... В 15—20 землянках ложного лагеря, сооруженного в глубине леса. Впоследствии немало бомб и снарядов врага легло в пустое место.

Начав операцию «Падающая звезда», враг постепенно овладевал населенными пунктами вокруг Вадинского леса. А мы испытывали нехватку боеприпасов. Правда, по срочному запросу генерала Иовлева самолеты с боеприпасами приходили к нам каждую ночь с 15 по 18 января, в дальнейшем путь им был закрыт, так как мы лишились аэродрома.

19 января 1943 года противник пытался занять Овсяшки, но, потеряв 40 человек убитыми, отошел. Однако и отряд «Смерть фашизму» вынужден был отступить. К 20 января партизанам пришлось оставить населенные пункты Батуринского, Сафоновского, Пречистенского, Ярцевского районов, а в Бельском и Холм-Жирковском районе это произошло раньше. Все партизаны, а также многие мирные жители оказались в лесу.

22 января враг на широком фронте бросил свои силы в наступление. Путь фашистам преградил заслон из отрядов «За Родину», «Смерть фашизму», имени Лазо, имени Фурманова и отряд капитана Горбика. Но каратели теснили партизан и через два дня вынудили их отойти в лес.

...Передо мной документы тех дней: приказы по бригаде, оперативные донесения и сводки.

Партизаны бригады уничтожили до 500 фашистов, взорвали 23 автомашины, пустили под откос 9 эшелонов. В обстановке непрекращающихся боев мы думали о приближающейся 25-й годовщине Красной Армии и о развертывании социалистического соревнования в честь этого юбилея.

Состоялся смотр отрядных боевых листков, зарекомендовавших себя метким оружием в борьбе. По итогам смотра командование бригады объявило благодарность командирам отрядов Дагаеву, Григорьеву, Васильеву, Попову, комиссарам Бибичкину, Панкину, Николаенкову, Андрееву, Селезневу, редакторам боевых листков Ханнову, Василькову, Лапшеву, Кузнецову...

К 26 января противнику удалось полностью блокировать Вадинские леса.

Главный удар противник наносил по участку, где сра-

жалась бригада имени Чапаева. Фронт обороны составлял 10—12 километров. Генерал Иовлев, предвидев это, приказал передать нам большую часть полученных с Большой земли боеприпасов. Особенно пригодились нам противотанковые и противопехотные мины.

Непрерывные бои, а тут появились в бригаде случаи сыпного тифа. Принялись создавать изоляторы для больных, наладили работу бани, «жарилки», стирку белья. Медперсонал ежедневно проводил осмотр партизан: кого надо, срочно отправляли на санобработку, стригли всех «под Котовского»...

Но беды не убывают. Медикаменты кончаются. Тяжелораненых не отправишь на Большую землю — нет самолетов. Все сильнее морозы. Не хватает продовольствия, одежды, обуви, кончился фураж для скота — коров и лошадей.

30 января. Двенадцатый день беспрерывных боев. Крепко били фашистов все эти дни, остановили их в 2—3 километрах от леса. Только во вчерашнем бою у Колыгино пошли в атаку два эсэсовских эскадрона, едва половина осталась в живых, отступил враг под ударами партизан отрядов имени Щорса, Чкалова, Фурманова.

А гитлеровцы все лезут. Они превосходят нашу бригаду в девять раз, недостатка ни в чем не испытывают. Много у них пушек, крупнокалиберных пулеметов. Подошел и бронепоезд.

Но оборона должна быть активной. Отдан приказ отрядам двигаться к деревням Самодумково, Гаврюшино, Широкое, окружить там немцев и уничтожить в ночном бою...

Бой длился минут тридцать, собрать трофеи — в лесу дорог каждый патрон — и назад, пока противник не получил подкрепления...

31 января немцы, еще не пришедшие в себя после ночного нападения, атак не вели. Зато от Широкого они ринулись на котовцев, измотанных и смертельно уставших от беспрерывных боев. Три эскадрона, танки, огонь крупнокалиберных пулеметов, минометов. И все это против 107 бойцов отряда Герасимова... У партизан почти нет патронов, но они держатся. На помощь им послан последний резерв бригады — отряд капитана Горбика.

Непрерывные атаки отбивали партизаны 1 февраля...

А на следующий день с наблюдательного пункта, устроенного на старой ели, мы с комиссаром Полуэктовым

увидели, как со всех сторон приближаются к лесу густые цепи фашистов, ползут танки, бронемашины. А сверху — привычный гул самолетов-корректировщиков.

Поднявшемуся к нам начальнику штаба Савинову даю приказ срочно собрать для пулеметов все боеприпасы: надо сорвать немцам генеральную атаку.

...Замерли пулеметчики. Ждут сигнала. А в лесу рвутся снаряды и мины — противник начал артподготовку.

— Огонь!

Сто пулеметов разят цепи карателей. Опушки леса усеяны трупами. Но снова немцы идут в атаку.

— Огонь!

Не помню, сколько мы отбили атак. Натиск противника сдержали, но какой ценой! Погибли лучшие пулеметчики, был тяжело ранен командир отряда «Смерть фашизму» В. И. Васильев.

Темнеет. Прожит еще один тяжкий день. Сон валит с ног уставших партизан.

А ночью фашисты — прежде этого не бывало — неожиданно атаковали позиции бригады. Поздно подняли тревогу часовые, поздно вскинулись впавшие в трудный окопный сон партизаны. Противник сбил с позиций отряд «Смерть фашизму» и глубоко вклинился в лес. Его танки медведями ворочались на просеках, сыпали огнем, отрезая котовцев от основных сил нашей бригады. Дугой вогнулась и оборона третьей бригады, но еще держится она, чувствует локоть соседа слева — бригады имени Ворошилова...

К утру я отвел бригаду к своему лагерю, отбиваясь засадами. У нас оставалось семь тысяч патронов на все пулеметы и винтовки. И не было сил выбить немца из леса.

Поражение? О нет! Какую силу на себя отвлекли партизаны, сколько врагов истребили. Но не были допущены эти силы на фронт, против Советской Армии.

ИЗ ОГНЕННОГО КОЛЬЦА

4 февраля около двух часов ночи состоялось последнее совещание в землянке генерала Новлева. Мы прибыли сюда вместе с комиссаром Полуэктовым. Решили: надо как можно скорее уйти в Варваринский лес. Всем командирам бригад со своими отрядами выходить из блокады в наиболее выгодных для них направлениях.

Я подумал, значит, нам и нашим соседям — бригаде имени Ворошилова, Ярцевским отрядам — надо идти на север, в сторону Белого, а потом — на восток. Путь предстоял нелегкий. Добро, если бы только по лесным чащам. Но надо пересекать ожившие большаки и железную дорогу, охраняемые фашистами.

Мои раздумья прервал голос генерала Иовлева:

— Морогов, отряд Горбика передайте в мое распоряжение.

Вернувшись в расположение бригады, передаю капитану Горбику распоряжение генерала Иовлева, приказываю разослать связных во все отряды, чтобы они немедленно прибыли в расположение штаба. Уже светало, когда подтянулись все отряды, кроме двух: отряды «Смерть фашизму» и «За Родину» были отрезаны от основных сил бригады.

В восемь утра построились в колонну по одному, пошли...

Впереди — проводники, за ними следует командование бригады, далее — отряды (не только наши, но и два отряда из 1-й Вадинской бригады, отряд лейтенанта Хрустова из бригады имени Ворошилова, Ярцевский отряд старшего лейтенанта Радченко). Затем следуют мирные жители: около 500 женщин, детей, стариков. А замыкает колонну тыловая походная застава из 10 человек, вооруженных двумя пулеметами и шестью автоматами... А в лесу наши товарищи продолжали бой, прикрывая отход основных сил.

Мы шли по глубокому снегу, проваливаясь по пояс. После полудня достигли просеки, но сразу поняли, что здесь не пройти: справа и слева — противник. Слышен рев танков, бронетранспортеров. Один за другим проносятся самолеты.

Итак, по просеке путь отрезан...

Надо искать другую возможность вырваться из вражеского кольца. Попробуем пойти на Верховье-Малышкино.

И снова ступают гуськом партизаны вслед за проводниками: командиром отряда имени Фурманова Григорьевым, его заместителем комиссаром Николаевым, командиром отряда имени Щорса Васильковым, командиром отряда имени Александра Невского Поповым и командиром отряда имени Котовского Герасимовым. Сменяя друг друга, они шли впереди всех по нехоженым тропам.

В первом часу ночи увидели: чернеет деревня, а перед ней пляшут от мороза у костров гитлеровцы: засада! Позади меня более тысячи человек... Что предпринять? По цепи передаю приказ:

— Всем надеть маскхалаты, покрыть белыми попонами лошадей. Идти, не поднимая шума...

Белые фигуры партизан сливаются со снегом. Кроме того, замела поземка, скрывая наши следы. Благополучно миновали Верховье-Малышкино. До Симоновского леса — 18 километров. К утру дошли, пробагав без перерыва 20 часов. Идти еще добрых сто километров. А с нами — больные и раненые...

Война есть война, нас учили военному делу, учили воевать так, чтобы побеждать и малыми силами. Предстоит найти и принять единственно возможные в данных условиях решения.

Собрали в землянке командиров. Савинов доложил о результатах разведки, о наличии боеприпасов на единицу оружия, о запасах продовольствия. Вернее, о том, что они на исходе. Тут же решили — забить трофейных лошадей на мясо. Пока Живодеров отдавал соответствующее распоряжение, в штабе продолжалось обсуждение дальнейшего маршрута. Согласились на том, что самое разумное — следовать на соединение с войсками 41-й армии Калининского фронта. Этот путь до мельчайших подробностей был знаком в бригаде многим, особенно тем, кому полгода назад довелось выводить из окружения бойцов и командиров 39-й армии. Осталось дождаться темноты.

Люди устали. Двигались медленно. В часы отдыха выставляли надежных часовых, и снова вперед, ничем не обнаруживая себя.

Наконец утром 6 февраля углубились в чащу Свитского Мха на 500—600 метров. Лес встретил нас тишиной. Метель прекратилась. Снова выставили охранение, выслали разведку. Развели небольшие костры, чтобы из снега, конины и последней щепотки соли сварить немудреную похлебку.

Вернулись разведчики и доложили, что на опушке леса вблизи Дентялово стоят артиллерийские батареи противника, нацеленные в сторону войск 41-й армии. Это насторожило нас. Мы почти у цели, и ни в коем случае нельзя дать врагу понять, что партизаны рядом. Значит, ничем себя не выдавать, ибо зимой в тишине леса далеко разносится каждый звук.

В последний раз собираем командиров и комиссаров, партгрупоргов и комсоргов. Задача всем ясна. Со мной остались лишь Полуэктов, Савинов, Муравьев и Земцов. С нетерпением и беспокойством ожидаем наступления сумерек! Долгая февральская ночь — наша союзница... Последний рывок вперед.

7 февраля в расположение 41-й армии вышли семь отрядов бригады имени Чапаева (имени Котовского, имени Фурманова, имени Александра Невского, имени Буденного, имени Лазо, имени Щорса, имени Чкалова), два отряда 1-й Вадинской бригады (Степанова и Иванюка), отряд лейтенанта Хрустова из бригады имени Ворошилова, Ярцевский отряд старшего лейтенанта Радченко и все те мирные жители, которые доверились нам. Заботу о последних приняли на себя местные власти. Их обогрели, накормили, одели. А партизан ждали военные дороги. Для того и вырвались из петли, названной фашистами «Падающей звездой».

Провалилась, упала без следа фашистская звезда. Врагам не удалось справиться и с отрезанными от нашей бригады отрядами «Смерть фашизму» и «За Родину», которые, прикрывая отход бригады, приняли огонь на себя. Они двигались в сторону Ярцева. Васильев, тяжело раненный, продолжал командовать. Бойцы несли его на руках. Босього друга прикрывали Шменкель и Дагаев. В одном из боев был убит Сергей Дагаев, ранен Фриц Шменкель, мина свалила Хамзу Иксанова, Васильев последнюю пулю пустил в себя. Как и врач бригады Кудинова.

А поредевшие отряды обросли новыми бойцами. Вадинский лес остался партизанским.

СНОВА В БОЙ

Вадинская бригада имени Чапаева закончила свое существование. Еще не отдохнув, партизаны рвались в бой — ведь шло победное сражение на Курской дуге, и все понимали необходимость громить тылы отступающих гитлеровских войск. По поручению штаба партизанского движения Западного фронта мы сформировали 55 диверсионных групп по три человека в каждой. Переправленные за линию фронта в Белоруссию, они активно включились в «рельсовую войну».

В эти же дни остальные чапаевцы были переданы в состав Советской Армии и отправлены для продолжения боевой службы на фронт, а командиры отрядов были направлены на краткосрочные курсы офицерского состава Западного фронта. Туда же ушли мои боевые друзья — Полуэктов и Савинов, Васильков и Герасимов, Григорьев и Кирпичев. Я не знал тогда, что навсегда прощаюсь с комиссаром и начальником штаба. М. С. Полуэктов и А. В. Савинов погибли при штурме Кенигсберга.

В конце августа, когда закончилось расформирование бригады и были сданы все ее документы, я поступил в распоряжение Главного управления кадров артиллерии, направившего меня на курсы командиров артиллерийских полков. К началу 1944 года я окончил их на «отлично» и был назначен на должность командира артиллерии 5-й отдельной гвардейской воздушно-десантной бригады 12-й воздушно-десантной дивизии.

20 января 1944 года прибыл к новому месту службы. Представился командиру соединения гвардии подполковнику Сидорчуку, начальнику штаба подполковнику Фофанову, начальнику политотдела майору Соловьеву, начальнику парашютно-десантной службы майору Полежаеву. В тот же день благополучно прошел медицинскую комиссию. А на следующий совершил первый в жизни прыжок с парашютом. С аэростата.

Потом не раз приходилось десантироваться со своими артиллеристами, отрезая пути отступающему врагу. В составе этого гвардейского соединения я и встретил День Победы...

Служба моя в ВДВ продолжалась до 1958 года, когда в связи с болезнью был уволен в запас. Работал в ДОСААФ, некоторое время исполнял должность начальника гражданской обороны Энбекшиказахского района. И, конечно, постоянно участвовал и участвую в военно-патриотическом воспитании молодежи. Такова нашенская обязанность и долг участника Великой Отечественной войны.

Часто вспоминал я своих боевых товарищей по бригаде имени Чапаева. По приглашению земляков В. И. Васильева, студентов и преподавателей Томского политехнического института я в декабре 1978 года прибыл в Томск. Здесь ожидала меня нечаянная радость. Встречали двое пожилых мужчин. Вглядываюсь в их лица, ищу знакомые черты...

— Иксанов! Бахтин!..

Константин Бахтин был разведчиком, Хамза Иксанов — старшиной. Оба они из отряда «За Родину», их командир Сергей Дагаев — тоже томич, работал здесь до войны на электромеханическом заводе.

Говорим, перебивая друг друга, о далеком партизанском прошлом, о том, чего нельзя забыть. О бесстрашии и мужестве товарищей. О Вадинском партизанском крае. О блокаде, когда лес был окружен тройным кольцом врагов. О том, как отряды «Смерть фашизму» и «За Родину», отрезанные от бригады, приняли удар на себя. О последнем бое, где геройски пали Васильев и Дагаев, навеки оставшись на Смоленской земле.

А вечером — еще одна встреча. Пришла повидаться со мной Валентина Ивановна Васильева. Я запомнил ее 16-летней девочкой, отважной связной партизан. В моей бригаде воевал и ее брат. Горячо обнялись мы с еще одним боевым товарищем — Леонидом Лобацким.

В феврале 1982 года я снова был гостем томичей. Вместе со мной сюда прибыли бывшая связная бригады имени Чапаева В. Ф. Иванова, разведчик П. В. Водкин...

Долгие годы даже в мыслях мне тяжело было возвращаться в Вадинский лес. Но разве такое забудешь! Я искал товарищей и находил их. Стал получать весточки от Ноздрачевых, П. В. Муравьева, И. В. Андреева, Ф. В. Соловьева, Ф. Ф. Васильева.

А осенью 1978 года пришло письмо от В. А. Лозцева из Гродно. Он писал, что властно тянет его в леса Смоленщины. Уже побывал в селе Верховье-Малышкино. А в партизанский лагерь не добрался: дороги раскисли. А ведь столько там дорогих нам могил...

Встреча партизан в Верховье-Малышкино состоялась год спустя — 22 июня 1979 года...

Все, кто выжил и кому позволило здоровье, приехали сюда: не виделись с 1943 года!

С трудом можно было поверить, что коренастый подполковник — это Вася Малиновский. Больше 35 лет минуло с той поры, когда я определил юного разведчика в суворовское училище. Едва узнала Васю и его первая учительница М. И. Яровицкая. У нас в бригаде она была переводчицей (до войны преподавала немецкий язык), ходила в разведку.

Приехали из ближних и дальних краев Д. П. Григорьев, Ф. В. Соловьев, И. А. Андреев, Ф. Ф. Васильев, П. В. Муравьев...

23 июня Открытие слета. Звучит Гимн Советского Союза. В торжественной тишине вносятся на трибуну красные знамена. Ветеранов Вадинского партизанского края приветствует секретарь Холм-Жирковского райкома партии А. Г. Антипов. В наш адрес звучат сердечные слова благодарности ныне живущих за то, что мы были в числе тех, кто заслонил своей грудью мир от фашизма.

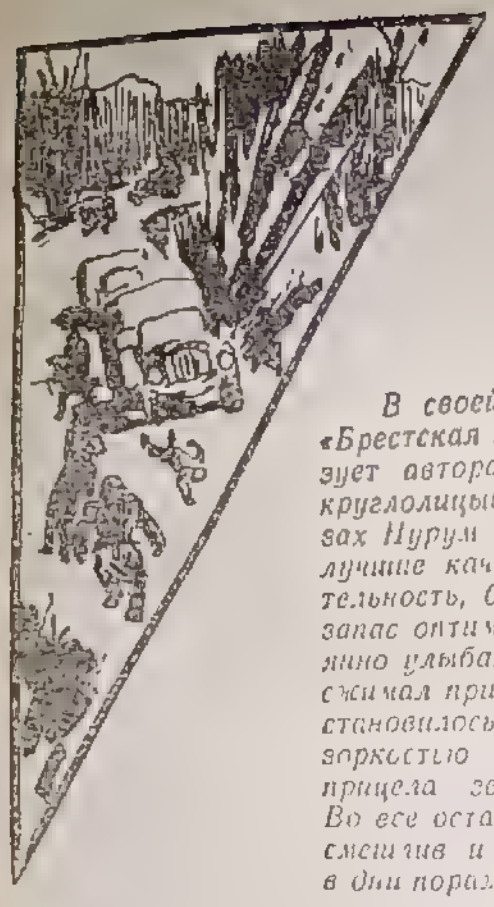
Снова и снова говорят о подвигах вадинцев, произносят имена тех, кого нет с нами сегодня.

...Дорога ведет нас к Татьянке. Эти места нам особенно памятны — здесь шли упорные и кровопролитные бои с гитлеровцами. В скорбной тишине склоняемся к священным могилам наших товарищей.

Потом встретились с молодыми рабочими совхоза «Батуринский», провели уроки мужества в Верховье-Малышкинской школе. Растут в мирном селе дети мирной страны.

Жизнь продолжается. За нее и сражались партизаны лесов Смоленщины...

НУРУМ СЫДЫКОВ



КОГДА ПРИХОДЯТ ПИСЬМА...

В своей известной документальной повести «Брестская крепость» С. Смирнов так характеризует автора данных воспоминаний: «Маленький, круглолицый, необычайно подвижный и ловкий казах Нурум Сыдыков соединял в своем характере лучшие качества солдата — бесстрашие и решительность, большую выносливость и неистощимый запас оптимизма. Его круглая физиономия постоянно улыбалась, и только в бою, когда Нурум сжимал приклад винтовки или пулемета, лицо его становилось злым и жестким, и узкие глаза с зоркостью степного охотника ловили в прорезь прицела зеленые фигуры гитлеровских солдат. Во все остальное время он был неизменно весел, смешлив и умел поднимать настроение партизан в дни поражений и неудач...».

Когда в почтовом ящике вместе со свежими газетами оказывается письмо, сердце мое тревожно замирает. От кого? От сына Володи, офицера, из отдаленной воинской части, где он служит? Но он недавно уже писал. Из Бреста, Москвы, Киева, Ленинграда от друзей боевой молодости? В прежние годы я получал от них много писем, теперь весточки приходят все реже. Неумолимое время изреживает ряды друзей. Но память живет. Могут, хотя и не всегда, зажить телесные раны, но душевные раны, боль от потерь остаются навсегда.

Сорок лет минуло с тех пор, как закончилась война. Я уже не так легок на подъем, как прежде, моя когда-то иссиня-черная шевелюра сплошь изрежена серебристыми нитями. Но помню все так, как будто это было вчера...

Я ровесник Октября. Родился в 1917 году в семье батраков. Всю жизнь отец с матерью гнули спины на богатого бая, но достатка в доме не прибавлялось. Не то что одеть и обуть, накормить детей досыта им не всегда удавалось. Нас было восемь, и это, пожалуй, единственное богатство наших родителей.

Конечно, они хотели видеть нас счастливыми и готовы были ради этого отдать все свои силы. Помню, отец говорил, что я родился ночью, безоблачное небо было сплошь усыпано звездами и будто бы сулило мне долгую и безбедную жизнь. Поэтому и дали мне имя Нурум, что в переводе с казахского означает малая небесная.

Что ж, теперь я могу сказать: да, я прожил счастливую жизнь, хотя и нелегкую, полную испытаний.

Мне не исполнилось и трех месяцев, как умерла мать. Трудно сказать, удалось ли бы отцу одному поднять нас восьмерых на ноги. Но в нашу жизнь уже ворвался ветер больших перемен — Советская власть пришла и в нашу родную деревню Нарынкол. Когда пришло время, пошел в начальную школу, а там и в комсомол стал работать в меру сил.

Мне удалось окончить семь классов, мог бы и дальше учиться, но случилось горе — умер отец. Мы остались одни, но люди пришли на помощь, нашли мне работу — учителем в начальной школе. По тем временам семилетнее образование считалось достаточным для этого.

Как и другие ровесники мои, я рано повзрослел. В 12 лет вступил в комсомол, в 22 года — в партию. Мне нравилось быть учителем. Закончил педучилище, но долго учительствовать не пришлось — меня призвали в Советскую Армию.

В марте 1941 года я оказался недалеко от Бреста, стал рядовым красноармейцем пулеметной роты 125-го стрелкового полка. Начались суровые армейские будни. Каждый день многокилометровые марш-броски, учебные тревоги. Мы учились владеть оружием, стрелять, атаковать и отбивать атаки. Солдатская наука была интересна мне, сельскому парню. А уж к физическим нагрузкам мне ли было привыкать! Потом, когда действовать приходилось уже не в учебном, а в настоящем бою, когда каждый неверный шаг мог стоить жизни, я по-настоящему осознал пользу этих недолгих, но напряженных месяцев боевой учебы.

20 июня 1941 года наша пулеметная рота (ею командовал лейтенант С. Шиканов) заступила в наряд в Брестской крепости. В шесть часов утра нас сменили, и мы вернулись в летний учебный лагерь. Почистили оружие, строем пошли ужинать, потом в солдатский клуб, где показывали фильм «Чапаев». Я не раз смотрел его еще дома, на родине. И всегда переживал так, будто вижу его впервые. Вот и на этот раз я взволнованно смотрел на экран, где совершал подвиги легендарный красный командир.

...Недавно мне довелось снова встретиться с «Чапаевым». Когда погас экран, я задумался: в чем великая сила фильма? В силе искусства? Да. Но, наверное, еще и в силе той высокой идеи, которая запечатлена в фильме. Только тот подвиг бессмертен, который совершен во имя счастья народа.

...А тогда, в последний мирный вечер, никто из нас не думал, что пройдут считанные часы и уже сама жизнь начнет проверять силу наших убеждений, прочность наших характеров.

После кино вернулись в казарму. Все было как обычно: вечерняя поверка, отбой... Я проснулся от неясного шума. За окнами — темно. Прислушался: издалека доносился гул самолетов, разрывы снарядов... Поднялся, посмотрел вокруг. Утомленные товарищи крепко спали, а отдаленный шум не утихал.

Встал. Разбудил командира отделения:

— Товарищ сержант, здесь что-то неладно.

— Ложись,— успокоил он меня,— это тактическое занятие.

Но сон не шел, а разрывы снарядов становились все ближе и громче. Теперь проснулись уже все. Сомнений больше не было: рвались не учебные, а настоящие снаряды. В седьмом часу утра лейтенант Шиканов повел роту в крепость. Она была окружена фашистами, и командир поставил задачу с боем пробиться внутрь. Это удалось. Мы заняли оборону, отбивали одну вражескую атаку за другой. Кончались боеприпасы. Появились убитые, раненые.

Вечером было принято решение пробиться к своим для соединения с основными силами дивизии. Когда покидали крепость, Сергей Сергеевич Шиканов произнес слова, убедившие солдат в том, что наш лейтенант — настоящий боевой командир:

— Наши долго отступать не будут. Догоним своих и вместе начнем гнать врага с нашей земли.

Мы шли на восток, но нас уже обогнали танковые колонны немцев. Первую ночь провели в лесу. Численность роты возросла, так как к нам присоединились солдаты из других частей.

Лейтенант Шиканов хотел вести людей в Беловежскую пущу, но для этого надо было пересечь Московское шоссе, по которому непрерывным потоком шли немецкие войска. Нечего было и думать пробиться здесь. Пришлось снова отойти в глубь леса. Только на следующую ночь, когда в по-

токе вражеских войск появились интервалы, нам удалось форсировать шоссе.

Вышли к какому-то хутору и увидели несколько орудий. Обрадовались — наши! Забыв про осторожность, мы в открытую бросились туда. И сразу же подверглись обстрелу. Это были фашисты, и нам снова пришлось отступить в лес.

Сориентировавшись по карте, что находимся в Старосельском лесу, что в Шабинском районе, Сергей Шиканов повел нас на север, где должны были находиться советские войска, но головные дозоры повсюду наталкивались на крупные немецкие колонны, пробиться сквозь которые было невозможно. Посоветовавшись с командирами подразделений, Шиканов принял решение остаться пока в Старосельском лесу.

Лейтенант Шиканов отправился в разведку с группой бойцов, в числе которых был и я. Нам встретился местный житель. Познакомились. Это был председатель сельского Совета коммунист Михаил Черпак. Эта встреча и положила начало созданию партизанского отряда. Михаил Черпак возглавил у нас взвод партизанской разведки. Год спустя он героически пал в бою. В честь отважного партизана отряд стал называться именем Черпака.

Наш отряд быстро рос. Были в нем кадровые офицеры и солдаты, патриоты из окрестных деревень. Люди разных национальностей, различных характеров составили одну большую партизанскую семью. В ней царили дружба и согласие. Иначе и быть не могло: окруженные со всех сторон врагами, каждодневно рискуя жизнью, мы могли выжить, бороться, только ощущая плечо товарища.

Убежден, что крепость семьи, взаимоотношения внутри нее во многом зависят от главы. Таким был Сергей Сергеевич Шиканов, за которым сразу же закрепилось прозвище Батя. Хорошо помню первую, еще до войны, встречу с Шикановым. Я, солдат-новобранец, увидел своего командира и был поражен. Громадного роста, богатырского сложения, с суровым лицом, он олицетворял собой мужество, надежность, спокойствие.

Он приметил меня, впервые обходя строй роты. Наверное, из-за моего маленького роста. Лицо лейтенанта неожиданно смягчилось. Он спросил:

— Кем работали до армии?

— Учителем, товарищ лейтенант.

— Ну, что ж, значит, понимаете, что значит учиться настоящим образом. Верю, получится из вас хороший солдат...

Как командира партизаны приняли Шикапова сразу и безоговорочно. Конечно, не за его рост. Многие, в том числе и я, убедились в первом же бою в личном мужестве, смелости и профессиональном мастерстве нашего командира. В Брестской крепости я оказался рядом с командиром, видел, как умело руководит он боем. Его уверенность передавалась и нам.

Нам казалось, что Батя — это человек, много переживший и повидавший. А Шикапов был немногим старше своих подчиненных, в отряде были люди и старше его. До войны он успел закончить Минское пехотное училище и направлен служить под Брест. Совсем молодой офицер, но тем не менее авторитет его был непререкаем. В любом деле он знал и умел больше любого из нас, но никогда не подчеркивал этого.

Для меня он, не побоюсь высокого слова, идеал человека и воина. Проникнувшись к нему любовью и уважением с первого дня, я сохранил это чувство навсегда.

Не знаю, за что выделил меня Сергей Сергеевич, но вскоре я был назначен командиром взвода, а затем — командиром роты подрывников.

Врезалась в память первая операция на железной дороге под Жабинкой. Стало известно, что на восток должен пройти железнодорожный состав с живой силой и техникой врага. Подорвать его Батя поручил мне. Конечно, он заметил, что я волнуюсь, но виду не подал. Прощаясь, неожиданно обнял за плечи своими громадными ручищами и сказал:

— Удачи тебе, Нурум.

Прежде чем отправиться на задание, я тщательно изучил все подходы к железнодорожному полотну. На операцию пошли со мной подрывники Владимир Калиненко, Иван Тайда и Николай Перегудов. С вечера залегли у откоса. Едва стало светать, я подполз к рельсам, заложил взрывчатку, к кольцу привязал бечеву. Возвращаясь назад, тщательно засыпал ее щебнем и песком.

Долго и мучительно тянулись минуты. Но вот послышался далекий гул. Задрожала земля. Среди густой стены леса показались огни. Они стремительно приближались.

— Дергай! Чего медлишь?— не выдержал Калиненко.

— Подожди...

Как и предупредил меня Сергей Сергеевич, первым на большой скорости прошел паровоз с двумя платформами, груженными песком. И только спустя несколько минут из-за поворота показался долгожданный эшелон. Когда он поравнялся с нами, я что было сил дернул шнур. Раздался взрыв, скрежет металла, лязг наползающих друг на друга вагонов...

За три года подрывная рота пустила под откос 82 гражеских эшелона, уничтожила десятки автомашин, разгромила 25 полицейских гарнизонов.

В рядах партизанского отряда имени Михаила Чернака сражались несколько моих земляков. Заметной фигурой был командир взвода Хамит Смагулов. Высокого роста, с широким, скуластым лицом, гордой посадкой головы, он появился в отряде в феврале 1942 года, бежав из фашистского плена. Мы часто разговаривали с ним, вспоминали родной Казахстан. Я узнал, что Хамит воспитывался в детском доме в Кокчетавской области.

В минуты отдыха Хамит брал в руки гитару. Он знал много песен, и партизаны часто просили исполнить полюбившиеся мелодии. Хамита отличала отчаянная, порой безрассудная смелость. Я не раз ходил с ним на боевые операции, но никогда не видел, чтобы он кланялся пулям. В атаку всегда ходил в полный рост с неизменным ППШ в сильных руках. И, удивительное дело, пули обходили его стороной.

Однажды командиру отряда доложили, что на опушку Старосельского леса связные привели сорок солдат из созданного фашистами «польского легиона».

Вот уже месяц как наши связные в деревнях Заки и Пугачево вели работу по вовлечению в партизаны мобилизованных немцами поляков. И вот они пришли. Разоружить нельзя: это обидит их. Но и ошибка может дорого нам обойтись... Батя вызвал недавно поступившего в отряд польского коммуниста Якуба Рутковского.

— Якуб, тебе поручается проверить «легионеров» в бою.

Собрав отряд, Шиканов сообщил партизанам, что переходит к нам группа людей в гитлеровской форме. Отряду предстоит окружить полицейский гарнизон в деревне Озяты, а Якуб Рутковский поведет в гарнизон «новичков».

Лица партизан посуровели. Три недели назад над могилой погибшего в жестоком и неравном бою с полицая-

ми командира разведвзвода Михаила Никитовича Черняка они поклялись отомстить предателям Родины.

Из палатки вышел Якуб. Высокий, в немецком мундире, в фуражке с высокой тульей.

— Смотрите, а Яшка-то наш настоящий «дойче»,— воскликнул кто-то из партизан.

— До свидания, товарищи! — Якуб приложил два пальца к козырьку.

— Держись там, братуха! Мы будем рядом.

С группой решивших перейти к партизанам поляков Шиканов и Якуб встретились на опушке леса.

— Под видом немецкого подразделения вы пройдете в полицейский гарнизон,— обратился к ним Шиканов.— Уничтожите его, и мы сможем считать вас партизанами. Вашим командиром будет наш представитель.

Шиканов подозвал к себе Хамита Смагулова и разведчика Клима Селивоника

— Обменяйтесь с ними одеждой. Пойдете тоже. Смотрите в оба.

Смагулов поправил на ремне гранаты.

— Котелок замарал — вычистил. Честь замарал — не отчистишь никогда...

Моей роте была поставлена задача закрыть дорогу, ведущую в районный центр Жабинка. О ходе операции в целом я узнал потом из рассказов Якуба Рутковского.

Его группа вошла в деревню строем, распевая немецкую песню. Впереди лихо шагал одетый в форму майора СД Якуб.

Вот оно, осиное гнездо, обнесенное колючей проволокой! На крыше флаг с фашистской свастикой. Смагулов шел, держа руки в карманах. А в каждой руке — взведенная граната... Двое полицейских открыли ворота. Во дворе из бойниц дзотов зловеще торчали стволы пулеметов. Подбежавший полицай стукнул каблуками и, приложив руку к пилотке, отрапортовал:

— Господин майор, гарнизон собран в помещении. Ожидают вас. Докладывает...

Не дожидаясь окончания рапорта, Якуб сделал жест своим солдатам и широкими шагами направился в помещение. К нему присоединилась часть солдат, остальные стали расходиться по двору. Подошли к часовым, к дзотам.

Раздался выстрел из пистолета: это Якуб, выстрелив в помощника коменданта, дал сигнал к атаке...

Хамит Смагулов вынул из карманов гранаты с сорванными кольцами, одну за другой метнул их в амбразуры дзота. Одновременно вчерашние легионеры дружно ударили по полицаям из автоматов. Без единой потери со стороны партизан гарнизон был уничтожен.

— Спасибо, товарищи! — обратился к строю партизан-новичков, одетых в немецкие мундиры, Шиканов.

А Хамит Смагулов, улыбаясь, знакомился с ними и приглашал их в свою палатку...

Хамит Смагулов геройски погиб в бою 17 мая 1943 года.

Бесстрашным партизаном был и другой мой земляк Павел Спиридонов. Он не обходил опасность, а шел ей навстречу. Однажды вдвоем с товарищем Павел отправился связным в деревню Верхолесье Кобринского района. Пришли на явку. В обратную дорогу хозяева снабдили партизан яйцами, маслом, хлебом. И еще положили в корзинку бутыль самогона. Вечером, выйдя на шоссе, наткнулись на грузовую автомашину, стоявшую у обочины. Капот был поднят, водитель копался в моторе, еще двое немцев стояли рядом.

Павел переглянулся с товарищем. Они поняли друг друга без слов. В крестьянской одежде они вполне могли сойти за местных жителей. Сняли с предохранителей пистолеты и переложили их в карманы, подошли, поздоровались, низко поклонившись.

Судя по всему, немцы действительно приняли их за местных жителей.

— Ком, иди сюда,- подозвал Павла один из немцев и пальцем показал на корзину. Увидев, что в корзине не только закуска, но и самогон, солдаты прекратили работу и уселись рядом с машиной.

— Шофер,— тыча себя пальцем в грудь и крутя воображаемую баранку, сказал Павел и попросил разрешения рассмотреть мотор.

— Гут, гут,— махнул рукой водитель.

Павел склонился над мотором, а его напарник встал рядом. Улучив момент, когда шоссе опустело, партизаны выхватили оружие и в упор расстреляли фашистов. Не теряя ни минуты — по дороге в любой момент могли проскочить гитлеровцы,— они сняли с кузова новенький станковый пулемет с запасом патронов, облили машину бензином и подожгли ее.

Павел сочетал в себе смелость с трезвым умом, умением мгновенно оценить любую ситуацию. Эти качества оказались незаменимыми, когда его назначили командиром партизанского отряда имени Фрунзе. Много славных боевых дел на счету этого отряда. А мой земляк Павел Спиридонов, изгнав врага с белорусской земли, так сроднился с нею, что после войны остался в Бресте. Здесь обзавелся семьей, трудился. Недавно до меня дошла печальная весть — моего боевого друга не стало.

Среди казахстанцев, сражавшихся в нашем отряде, не оказалось малодушных. Далеко от родных мест, годами не имея возможности послать весточку домой, они выполняли свой долг перед Родиной. Как сейчас стоит перед глазами Михаил Стрельников. Ему не повезло в первые дни войны: попал в фашистский плен. Бежал и оказался в нашем отряде. Будучи кадровым офицером Советской Армии, Михаил постоянно думал о том, чтобы вновь вернуться в свою часть. Когда советские войска вступили на белорусскую землю, ему удалось осуществить это желание.

К этому времени на личном счету командира партизанской роты Михаила Стрельникова было несколько пущенных под откос вражеских эшелонов, десятки уничтоженных фашистов.

К сожалению, мне неизвестна дальнейшая судьба Михаила. А вот Иван Ярошенко, с которым мы вместе прибыли из Казахстана в Брестскую крепость, живет сейчас в одном из сёл Брестской области. Он воевал в моей подрывной группе. На самые ответственные и трудные задания я брал с собой Ивана. Его исключительная дисциплинированность и осторожность порой вызывали шутливую реакцию товарищей, но в нашем деле это были незаменимые качества.

Иван ни разу никого не подвел, не бросил на ветер ни одного слова. Я знаю, что и в мирное время он остался верен своим привычкам, и они помогли ему многого добиться в жизни.

Вспоминая Ивана Ярошенко, я задумываюсь вот над чем. Для многих, кто родился после Победы, партизанская война представляется чередой ярких подвигов. Это так. Но прежде, чем провести боевую операцию, взорвать эшелон, напасть на вражеский гарнизон, нужно было провести огромную подготовительную работу.

Чтобы подготовить операцию, нужна взрывчатка,

А где ее взять в лесу? Значит, нужно собирать на месте былых боев неразорвавшиеся мины и бомбы, обезвреживать их, доставлять на партизанскую базу на себе за много километров. Потом часами выплавлять из них тол на костре, заливать его в самодельные корпуса взрывных устройств. Нелегкая, опасная, но необходимая работа.

И найти удобное место для диверсии не просто. Это только в начале войны к железнодорожному полотну можно было спокойно приблизиться. Потом немцы стали тщательно охранять коммуникации. Бывало, десятки километров прошагаешь с грузом, прежде чем отыщешь подходящее место. Но и на этом дело не заканчивается. Приходилось сутками лежать в лесу у полотна, дожидаясь удобного момента.

Наши партизанские победы над врагом — это цена, которой мы платили за свою ненависть к фашизму. За страдания, которые он принес на нашу землю.

Иногда меня спрашивают, бывало ли мне страшно. Отвечу так: не было страха, потому что рядом боевые товарищи, готовые прийти на помощь. С ними и погибнуть не страшно.

Похожее на страх чувство возникало иногда в первую партизанскую зиму. Представьте себе: выпал снег, засыпал наши землянки, пойти в деревню нельзя — на свежем снегу следы легко читаются. А дни идут, кончается продовольствие. Немцы знают об этом и ждут, когда выйдут из леса партизаны, гонимые голодом... Тогда действительно бывало не по себе. Но продолжалось это недолго. Скоро и враги убедились, что партизаны — не изолированное войско, что это — сама сила народная, его гнев и ненависть. Даже в самые трудные моменты мы ощущали поддержку народа, его стремление помочь нам.

Не забуду случая, который произошел со мной в первую военную зиму. Однажды, выполняя задание, я зашел в село, в дом Ивана Валюкевича, которого хорошо знал. У него было трое детей, жена. Решил помочь ему наколоть дров. Вдруг во двор вбежала девочка:

— Немцы!

Уходить поздно. До лесу — с полкилометра открытого поля.

— Быстро в избу, на печь! — скомандовал Валюкевич.— Сховайся.

Я забрался на широкую печь, где сушилась конопля, зажал в руке гранату. Лежу и думаю: меня могут не

заметить, а если ввяжусь в бой, всю семью расстреляют...

В избу шумно вошли немцы и полицай. Хозяин тут же выставил на стол самогон, сало. Незваные гости расселись. Один из немцев подозвал полицая, приказал на всякий случай обыскать хату. Тот обошел дом, подошел к печи, поднял полог. Мы встретились взглядами. Наверное, в моих глазах была такая решимость, что он отвел взгляд и поспешно опустил полог.

— Здесь никого нет, — услышал я его голос.

Вскоре фашисты ушли. Я слез с печи, молча обнял хозяина. Ни тогда, ни позже его не тронули. Полинай промолчал...

В августе 1984 года исполнилось сорок лет нашей совместной жизни с Марией. Обычно мы не отмечали эту дату, а тут вспомнили, расстроились. В свидетельстве о браке у нас стоит другая дата. Тогда, в 1944-м, было не до свадеб, но все-таки для себя мы считаем тот день первым в нашей долгой семейной жизни.

Мария — украинка. В Белоруссию их семья переехала в 1932 году. Перед войной Мария работала в брестской библиотеке. Там и застала ее война. С первых же дней оккупации она с подругами стала тайком слушать сводки Совинформбюро, записывать их. Комсомолки долго искали связь с партизанами. Им удалось встретиться с Сергеем Сергеевичем Шикановым. Нечего было и думать, чтобы взять их в отряд. Тогда, осенью 1941 года, у отряда не было постоянной базы, не хватало вооружения. Поэтому Шиканов сказал девушкам:

— Вы нужнее там, в тылу врага. Собирайте оружие для начала.

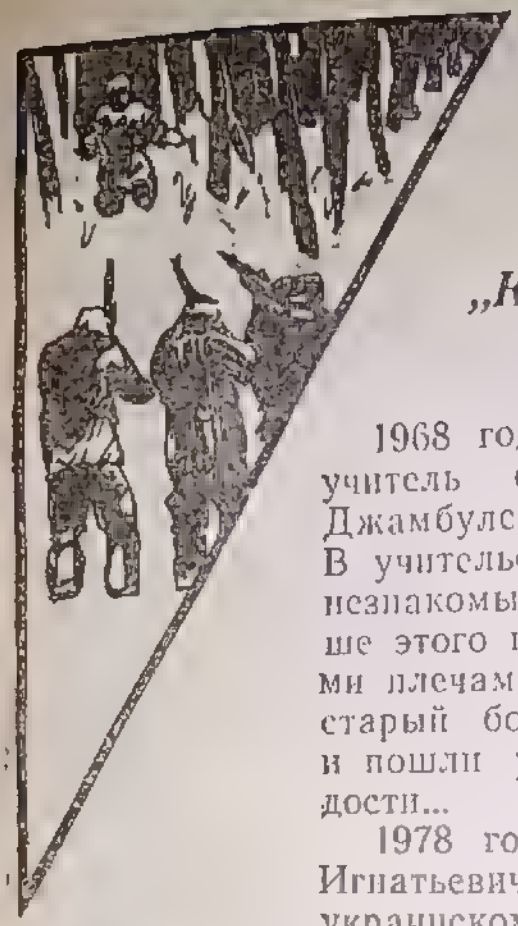
На месте недавних боев осталось очень много оружия и боеприпасов. Под видом сбора дров девушки выносили оружие и патроны и закапывали в землю. Одновременно собирали сведения о передвижении вражеских частей, их численности, дислокации.

Вскоре до Марии дошло трагическое известие из дома: за связь с партизанами фашисты расстреляли ее отца. Еще сильнее окрепла решимость девушки бороться с ненавистным врагом. Почти два года она подвергала себя смертельному риску. Но сведения, которые она собирала, были нужны партизанам. Мария пришла в отряд, когда дальше оставаться в подполье было уже нельзя. Здесь, в отряде, мы и встретились, здесь возникла наша партизанская семья.

Кончилась война. Я так сроднился с землей, омытой кровью моих боевых товарищей, что когда получил предложение остаться работать в Бресте, не задумываясь, согласился. Стал трудиться в органах милиции. Новая хлопотная должность была мне по душе. Было на кого опираться, от кого ждать помощи: годы войны сроднили меня со многими людьми, меня здесь знали, уважали. Рядом были боевые друзья: Сергей Шиканов, Клим Селивоник, Иван Салейко, Степан Ильин, Петр Ковальский, Иван Селивоник... Вернувшись на родину, в Казахстан, мы сохранили связь с боевыми друзьями. Мы с Марией часто выезжаем в Брест, принимаем гостей у себя, в Алма-Ате. В переписке сообщаем друг другу о своих радостях, а порой и печалях.

Мой рассказ подходит к концу. Он, конечно, не претендует на то, чтобы полностью охватить многотрудную жизнь брестских партизан в годы Великой Отечественной войны. Я рассказал только о тех событиях, в которых принимал непосредственное участие, о своих боевых друзьях-партизанах, с кем рука об руку боролся за свободу и независимость нашей любимой Отчизны.

Литературная запись В. Чена



КАЛМУХАН ИСАБАЕВ,
журналист

„КАК ЖИВЕТСЯ ТЕБЕ, БРАТ МОЙ?“

1968 год. Самет Оспанов, школьный учитель совхоза имени Куйбышева Джамбулской области, закончил урок. В учительской ему навстречу поднялся незнакомый человек. Где он видел раньше этого невысокого мужчину с крутыми плечами?.. Так вот каким ты стал, старый боевой друг... Обнялись друзья и пошли рядом, не скрывая слез радости...

1978 год, май. В квартире Алексея Игнатьевича Дьяченко, проживающего в украинском городе Николаеве, раздался звонок. Старик тяжело поднялся, открыл дверь. Вошел невысокого роста человек с крутыми плечами.

— Здравствуй, брат!

— Здравствуй, друг дорогой, как я рад тебя видеть. Я послал тебе поздравление с Днем Победы, ты получил его?

— Получил,— ответил гость.— Но ты сообщил, что сильно хвораешь, вот и поторопился в дорогу...

1979 год. Житель Павлодара Аманжол Сагинаев собирался с работы домой, когда ему сообщили, что у входа его ждут. Вышел из конторы и увидел незнакомого пожилого человека. Невысокого роста, с крутыми плечами. Так вот кто пожаловал! Обнялись фронтовые друзья...

1981 год. После тяжелой болезни скончался гуртоправ совхоза имени Бабаева Карагандинской области Бошай Канафьянов. Проводить его в последний путь собрались не только товарищи по работе, но и приехавшие издалека друзья. На траурном митинге слово было дано старому боевому товарищу покойного. Вперед вышел человек невысокого роста, с крутыми плечами.

— Жаль, Бошай, не довелось нам раньше свидеться...

В 1982 году Джамбулский областной комитет партии решил отметить юбилей заслуженного человека, ветерана войны О. Косжанова. Конечно, пригласили телеграммами его боевых друзей. Откликнулись и приехали все. Но тут пришла еще одна телеграмма, которую юбиляр встретил с особой радостью:

— Товарищи, едет наш командир!

Ветераны поехали на вокзал встречать его. Из вагона вышел уже знакомый нам человек: невысокого роста, с крутыми плечами. Ожидающие бросились ему навстречу.

Кто этот человек, который везде оказывается желанным гостем? Это Бейсен Рансов, родившийся в 1920 году на берегу озера Балхаш, а ныне живущий в городе Мары Туркменской ССР, бывший командир русского батальона Народно-освободительной армии Югославии. А встречали его боевые соратники.

В годы Великой Отечественной войны советские люди с симпатией и радостью встречали вести о славных боевых делах партизан Югославии. Советское правительство оказывало помощь борющимся югославам оружием, боеприпасами, медикаментами. В рядах НОАЮ сражались многие советские граждане. Как оказались они в таком далеком далеке?

Случалось, попадали наши люди в окружение и плен. Но верные воинской присяге солдаты и офицеры стремились вырваться на свободу и продолжать борьбу против фашистов в партизанском строю. Что касается мучеников лагерей, расположенных на территории Югославии, то те точно знали: удалось бы только добраться до гор, а уж там обязательно найдешь народных мстителей...

В 1964 году я познакомился с ныне покойным Бошаем Канафьяновым и услышал от него волнующий рассказ о замечательных боевых делах советских людей, в том числе земляков моих, в рядах партизан Югославии. Особенно заинтересовал меня Бейсен Рансов, партизанский вожак, о котором Бошай говорил с нескрываемым восхищением. Встретился и с другими его соратниками, и все они с теплотой и благодарностью называли все то же имя.

От них я узнал, как попал в НОАЮ Бейсен Рансов. Осенью 1942 года он сражался под Сталинградом. В одном из боев был ранен в голову и потерял сознание. Очнулся в плену. Его перевозили из лагеря в лагерь и повсюду — в Польше, в Германии или итальянских Альпах — его ни на минуту не покидала мысль о побеге. Это удалось ему только

ко осенью 1943 года. Тогда он и вступил в один из партизанских отрядов, действовавших в Словении. К тому времени в нем находилось уже около двадцати советских граждан, составляющих отдельный взвод, которым командовал бывший советский матрос, минер-подводник, совершивший побег из фашистского лагеря месяцем раньше, Алексей Игнатьевич Дьяченко.

Время было трудное. Фашистское командование организовало против югославских партизан крупное наступление. Сильные бои не стихали и в Словенском Приморье. Сюда были брошены три немецкие отборные дивизии. 18-я бригада НОАЮ, в которую входил взвод А. И. Дьяченко, насчитывала 700 бойцов, но партизаны сумели выстоять в борьбе с превосходящими силами врага.

Со временем советский взвод вырос в роту. Став ротным командиром, Алексей Дьяченко отличившегося в боях Рансова назначил командиром отделения, а потом взвода.

Всерьез заинтересовавшись личностью Рансова, я обнаружил, что его имя фигурирует во многих исследованиях историков и мемуарах участников второй мировой войны. В частности, в книге «Движение Сопротивления в Европе», изданной в Москве в 1966 году, историк В. В. Зеленин пишет, что к началу 1944 года в советской роте и других частях НОАЮ, действовавших по соседству, насчитывалось около 250 советских граждан. Из них был сформирован батальон, состоявший из трех рот, минометной команды, хозяйственного взвода и санитарной дружины. Командиром батальона был назначен А. И. Дьяченко, командиром одной из рот — Б. Рансов.

Этот батальон, названный Советским или Русским, принимал активное участие в тяжелых боях против фашистов, стремившихся во что бы то ни стало удержать Словению с ее развитой сетью железных и шоссейных дорог, имевших для них исключительно важное значение на коммуникациях между Германией и Италией. Наиболее ожесточенные бои развернулись на плато Трновск и Гозд. Русский батальон проявил в этих боях большую стойкость и мужество. Особенно отличились в них Б. Рансов, Н. Каюмов, Т. Козловский и другие.

Вот свидетельство о нашем земляке, почерпнутое в сборнике «О чем не говорилось в сводке», изданном в Москве в 1962 году: «На протяжении десятидневных боев Синий Бух несколько раз переходил из рук в руки. В этих боях особенно отличалась рота Б. Рансова».

А вот добрые слова исследователя истории участия советских людей в народно-освободительной борьбе в Югославии Н. В. Казака (книга «Побратимы», изданная в Москве в 1975 году). Автор сообщает, что 1 апреля 1944 года партизанами был предпринят штурм опорного пункта врага у села Сподня Идрия. Бои продолжались четыре дня. Партизаны убили 50 фашистов. Среди особо отличившихся Н. В. Казак называет командиров рот русского Василия Терентьева, казахов Бейсена Рансова и Тлеубая Шукеева, узбека Алексея Халматова.

Г. Жиляев, сам участник партизанских боев в Югославии, однополчанин Б. Рансова, автор книги «Записки партизана» (Баку, 1957) приводит такой эпизод: «...Небольшое затишье установилось в середине дня, затем гитлеровцы начали новую атаку. Ожесточенному нападению одновременно с двух сторон подверглась рота Бейсена Рансова, занимавшая командную высотку, поэтому гитлеровцы любой ценой решили сбросить роту с ее выгодных рубежей. В это время командир батальона Дьяченко направил к Рансову своего связного, казаха Джулкиджинова («Тимошу»)... и предупредил его об опасности. Рота выстояла...».

Об апрельских и последующих боях 1944 года пишет в своей монографии «Советские люди в Европейском Сопротивлении» и М. И. Семиряга (М., «Наука», 1975): 9 апреля 1944 года А. И. Дьяченко в одном из боев был ранен. После выздоровления его назначили заместителем командира 18-й бригады НОАЮ, командиром же Советского батальона стал Бейсен Рансов. 6 сентября 1944 года 18-й бригаде — единственной из шести бригад 9-го корпуса — было присвоено звание ударной, и Советский батальон также стал называться ударным.

Институт истории Сопротивления в городе Любляне — столице Социалистической Республики Словения, входящей в состав СФРЮ, сообщает следующие данные. В апреле 1945 года в 18-й ударной бригаде 9-го корпуса НОАЮ сражались представители 20 национальностей Советского Союза, в том числе 190 русских, 70 (по списку Р. Бейсенова 85.— *К. И.*) казахов, 60 украинцев, 50 азербайджанцев, 25 узбеков, 10 туркмен, 10 таджиков, 5 татар, 5 киргизов. За период с 1 октября 1943 года по 5 мая 1945 года партизаны бригады 86 раз вступали в ожесточенные бои с врагом, 54 раза нападали на пункты связи и укрепления фашистов и три раза помогали частям 9-го

корпуса вырваться из окружения. Особо отличился в боях 2-й батальон Бейсена Рансова, которому было вручено Знамя дружбы. 1-я Советская бригада за 19 месяцев сражений уничтожила 7358 фашистов, ранила около 11 тысяч и взяла в плен более 500 гитлеровцев. Это эквивалентно 1,5 немецким дивизиям. 150 советских граждан сложили головы на полях сражений в Словении...

Имя и подвиги нашего героя упоминаются и в материалах научной конференции, посвященной 20-летней годовщине Победы над фашистской Германией, проведенной Институтом военной истории Министерства обороны СССР, а также в книгах участников борьбы за освобождение Югославии, изданных в Узбекистане, Таджикистане, Туркмении, Азербайджане, Украине и Армении. Авторы этих трудов сражались под командованием Бейсена Рансова и высоко его ценят. Как, впрочем, и бывший командир 18-й бригады Возвышка, книга которого «Бригада» увидела свет в Любляне в 1970 году.

Интересен документ, выданный Бейсену Рансову Институтом истории рабочего движения Югославии. Привожу его в выдержках:

«...2. В совместном бою, плечом к плечу со словенскими партизанами против фашизма он боролся до освобождения Триеста.

3. В строю 2-го батальона 18-й бригады 30-й дивизии он вырос от рядового бойца до командира батальона.

4. От своих старших товарищей он получил следующую характеристику: «Дисциплинированный, храбрый, в военном отношении закаленный, политически грамотный, сознательный...»

8. За отличную борьбу (он был несколько раз ранен) он на основании и по полномочию Главнокомандующего маршала Тито Указом от 19 января 1945 года награжден орденом «За храбрость».

* * *

Еще больше интересного узнал я о подвигах советских людей, сражавшихся в одном строю с югославскими братьями, когда получил возможность познакомиться с Бейсеном Рансовым лично. Привожу один из его рассказов.

Я помню ночь на 21 мая 1944 года. Русский батальон в составе 19-й бригады, которой он был временно при-

ли, покинул партизанскую базу в селе Предмея и вместе с югославскими подразделениями двинулся по шоссе Айдовщина — Горица. План штаба 30-й дивизии заключался в том, чтобы силами трех бригад осуществить внезапное нападение на крупную автоколонну противника.

В кромешной тьме, под проливным дождем спускались мы по скользкой каменистой тропе в долину. К месту засады пришли засветло — в шесть утра. Каждой из трех рот нашего батальона были определены сектор обстрела и порядок проведения атаки. При появлении вражеской автоколонны батальон должен был внезапно открыть огонь, а затем вместе с югославскими подразделениями атаковать противника.

Рота, которой я командовал, залегла у самой дороги. Её задача состояла в том, чтобы подпустить врага как можно ближе, открыть огонь по головным машинам и, не давая опомниться, стремительной атакой захватить их.

Прошло несколько томительных часов. Наконец послышался гул моторов. Через несколько минут на дороге появилась вереница вражеских автомашин. Когда головные машины подошли на 50—100 метров, дружно застрочили пулеметы первого взвода, обрушили на автоколонну шквал ружейного и пулеметного огня остальные подразделения. Вспыхнули машины, подожженные зажигательными пулями. Гитлеровцы спешились и залегли в кюветах. В это время в атаку пошел Русский батальон. Только 20 минут длился бой. Мы захватили шесть автомашин, уничтожили 25 и взяли в плен семь гитлеровцев. Нам достались тяжелый пулемет, винтовки и несколько ящиков с боеприпасами.

14 июня 1944 года батальон под командованием возвратившегося из госпиталя А. И. Дьяченко совершил нападение на два опорных пункта итальянских фашистов в долине Канальской — Авчье и Дескле.

Авчье — небольшое село, расположенное на восточном берегу реки Сочи у железной дороги. Фашисты сильно укрепили подступы к нему. В момент нашего нападения там был гарнизон из 200 солдат и офицеров. У полустанка Дескле располагалась рота фашистов, охранявших железнодорожный мост.

Согласно плану, разработанному штабом батальона, вторая и третья роты (последней командовал я) должны были напасть на Авчье, а первая — ударить по Дескле. Темной ночью роты незаметно подошли к исходным ру-

бежам и изготовились к бою. Бойцы передвигались бесшумно — внезапность является важнейшим условием успеха операции.

Роты пошли вперед. Особенно удачно проходил бой в Дескле. Открыв ураганный огонь и забросав ошеломленного противника гранатами, наши воины уничтожили две огневые точки врага, убили и ранили более десяти фашистов, захватили два пулемета, много другого оружия и боеприпасов. У Авчье ожесточенная схватка длилась около двух часов. Бойцы разрушили казарму, пять дотов и несколько дзотов, убили и ранили более 35 вражеских солдат и офицеров, захватили три пулемета, один легкий миномет, несколько автоматов и винтовок, большое количество боеприпасов.

В середине июля 1941 года оккупанты разработали план карательной экспедиции против освободительных сил в Словенском Приморье. В этот район были стянуты части 188-й немецкой дивизии, 10-й полицейский полк, а также несколько подразделений горных стрелков. Фашисты намеревались окружить и уничтожить партизан высоко в горах — в селах Цркно, Планина и районе Гория-Требуша. Этот план стал известен партизанам. Вместе с югославскими подразделениями наш батальон был оставлен в засаде близ села Ледине. Вечером 18 июля советские бойцы заняли позицию на небольшой высотке.

Рано утром показалась колонна гитлеровцев. Она остановилась в 60—70 метрах от места засады. Бой продолжался не более десяти минут. Застигнутые врасплох фашисты были не в состоянии оказать организованное сопротивление. Нами было убито и ранено свыше 70 карателей. В середине этого же дня наш батальон устроил вторую засаду в четырех километрах от Ледине. Подпустив фашистов на близкое расстояние, бойцы по команде А. И. Дьяченко открыли огонь. Каратели отступили, оставив на поле боя несколько десятков убитых и раненых.

Перегруппировавшись, гитлеровцы попытались окружить батальон. Но А. И. Дьяченко предвидел такой маневр. После непродолжительного боя батальон отошел и занял новые оборонительные рубежи. Здесь бой длился до поздней ночи. Фашисты вновь понесли большие потери. Так, изматывая противника засадами и невыгодными для него боями, батальон успешно действовал в течение всего вражеского наступления в Словенском Приморье.

Суровые февральские дни 1945 года наш батальон прошел в тяжелых, почти беспрерывных боях с карателями.

21 февраля батальоны 18-й ударной бригады были сосредоточены на юге Чепеванской долины у села Подчеван. Перед нашим батальоном была поставлена задача ликвидировать фашистский опорный пункт Табор. Он представлял собой среди вековую крепость, выгодно расположенную на куполообразной высоте, поросшей деревьями и кустарником. Подступы к Табору были сильно укреплены.

Мы тщательно продумали план операции. Упор был сделан на внезапность нападения. В ночь на 26 февраля бойцы второй роты незаметно подошли почти вплотную к вражеским позициям, а первая и третья заняли оборону на случай подхода к Табору вражеского подкрепления.

В ночной темноте бойцы второй роты с дружным «ура!» устремились в атаку. Они обстреляли и забросали гранатами огневые точки и казармы противника. Должен сказать, что наше русское «ура!» действовало на врага ошеломляюще. Гитлеровцы в панике бросались бежать, сопротивление оказывали лишь огневые точки. После получасового боя советские бойцы полностью овладели крепостью.

Враг не терял надежды взять реванш за поражение. Наши позиции подвергались интенсивному артиллерийскому обстрелу со стороны Говзы. Вскоре фашисты обрушили сильный удар на позиции нашей пулеметной роты. Атаку за атакой отбивали мужественные пулеметчики. Первая и третья роты приняли бой с подоспевшими на помощь врагу подразделениями и не дали им продвинуться к Табору.

Успех операции был полным. В ходе боев за Табор были захвачены богатые трофеи. Находившиеся в крепости тяжелые орудия пришлось взорвать, а одну противотанковую пушку вывезли в горы. Только убитыми гитлеровцы потеряли в этих боях более 30 солдат и офицеров.

В течение февраля — марта 1945 года нами были освобождены город Трнава, крепость Табор, села Отекца, Войтеко и Задлы. Каждый населенный пункт брали в тяжелых боях, длившихся порою по три-четыре дня.

Известно, что гитлеровцы в ту пору пытались вывезти значительные силы в Германию, чтобы как-то залатать бреши, пробитые на Восточном фронте стремительно наступавшими советскими войсками. Населенные пункты, о ко-

торых только что шла речь, находились на пути врага.

Советские воины, сражавшиеся в составе НОАЮ, понимали, насколько важно для дела нашей победы не пропустить врага на север, в Германию, где они были бы брошены против Советской Армии.

Советские воины бригады, в том числе батальон Раисова, с честью выполнили свой интернациональный долг. В этих боях особо отличились уроженец Арысского района Чимкентской области Халык Каумбаев, Талибек Бакуров (Джамбулская область), Ескендир Сериков (Семипалатинская область), Шаяхмет Боранбаев (Восточно-Казахстанская область), Камбар Муранов (Актюбинская область), Сейдегали Хамзин (Уральская область) и другие. Все они были награждены югославским орденом «За храбрость».

С особым воодушевлением рассказывает Бейсен Раисов о сражениях завершающего этапа войны.

— 30-я дивизия НОАЮ, на которую возлагалась задача освобождения Адриатического побережья,— рассказывает Бейсен,— подошла к Триесту. 18-я бригада, которая входила в это соединение, направилась в Випавскую долину. Мы решили ночью переправиться через реку Випаву. Разведгруппе Абылхаира Садыкбекова было дано задание разведать подходы к мосту. Враг встретил их сильным огнем. Пришлось направить туда две роты, а потом и атаковать противника всем батальоном...

Путь на Триест открыт. Бой за железнодорожную станцию Опчина занял у взвода Каркена Ахметова два часа. К этому времени взвод Толеубая Шукеева успел захватить электростанцию. Когда пришлось нам, развивая наступление, уйти вперед, то для охраны Випавского моста до подхода основных сил оставили группу партизан во главе с Жанибеком Бахитовым. В составе группы были Орынтай Косжанов, Самет Оспанов, Николай Якушин и Аманжол Сагинаев. И не зря они здесь остались. После ухода батальона у моста разгорелся жаркий бой с фашистской ротой, пытавшейся отступить через Випавский мост. Но партизаны сумели отстоять его и не пропустили фашистов. В этом бою героически погиб старший группы Жанибек Бахитов.

— Я вспомнил героя гражданской войны в нашей стране Олеко Дундича,— говорит Бейсен.— Он погиб в борьбе за победу идей Ленина в нашей стране и за те же

ден отдал жизнь героический сын Советского Казахстана Жанибек Бахитов на родной земле Дундича.

В числе храбрейших из храбрых советских людей, сражавшихся за свободу Югославии, Бейсен Рансов прежде всего называет имя Бошая Канафьянова. Это был огромного роста и большой физической силы человек, которому винтовка казалась слишком легкой. «Я не чувствую ее в руках»,— говорил он. Поэтому не расставался с 15-килограммовым трофейным пулеметом...

Он вспоминает такой эпизод. Весной 1945 года 18-я бригада была окружена врагом. Командир бригады приказал Бейсену выделить группу партизан, которая должна была отвлечь на себя как можно больше вражеских сил, а между тем бригада найдет слабое звено во вражеском кольце и вырвется из него.

Выполнение этой задачи было возложено на отделение Киселева, которому придали два пулемета. Эта горстка бойцов повела огонь так энергично, что у фашистов не оставалось сомнений: именно здесь прорываются окруженные партизаны. Вскоре один из пулеметных расчетов вышел из строя, но огонь не ослабевал. Бошай успевал перебегать от одного пулемета к другому и разить огнем наступавших гитлеровцев, привлеченных с других участков. Бригада ушла через открывшуюся брешь, а отделение Киселева прикрывало ее отход. И снова отличился Бошай.. За этот подвиг он был удостоен высокой награды правительства Югославии.

С сердечной теплотой отзывается Бейсен о своем заместителе Василии Кокове. В одном из боев Бейсен был ранен. Заменивший его Василий умело руководил действиями роты. Вообще этот двадцатилетний парень отличался отчаянной храбростью. Он совершил побег из лагеря военнопленных в октябре 1943 года и присоединился к югославским партизанам. Участвовал во многих боях. 22 июля 1944 года он погиб смертью героя. Уже посмертно Коков был награжден югославским орденом «За храбрость».

Отважно дрался в бою за Авчье и рядовой Г. Аринин — пулеметчик, а затем командир отделения и взвода. Спокойный, находчивый, он всегда служил примером для бойцов. Г. Аринин был четырежды ранен, за мужество и отвагу удостоен двух боевых наград.

В числе шести человек, совершивших вместе с Бошаем побег из вражеского плена, был Смагул Дуйсенбаев. На-

деленный недюжинной силой, он при побеге размозжил камнем голову немецкому часовому. После нескольких боев его назначили командиром отделения. На любое задание он вызывался идти первым

Однажды Дьяченко обратился к партизанам роты Рапсова:

— Тут недалеко имеется мельница. Надо забрать оттуда муку. Если мы не заберем, это сделает враг. Предупреждаю: задание опасное. Кто желает идти?

Вызвался Смагул со своим отделением. Задание выполнили, вернулись все, не потеряв ни одного человека.

Однажды потребовалось послать отделение на охрану дороги. Снова первым вызвался Смагул. Отделение выступило на выполнение боевого задания и... через два часа вернулось с шестью пленными немцами и с нагруженными на них тюками. А случилось вот что. Часовые остановили грузовик, груженный кожей. В кузове находилось шестеро гитлеровцев. Их-то и взяли в плен без выстрела. А груз был кстати. Обувь у всех худая, а теперь ротный сапожник стачал партизанам сапоги.

В другой раз поблизости оказались плохо охраняемые гитлеровцами пекарня. Захватив несколько пустых мешков, Смагул ночью отправился туда со своим отделением. Партизанам никто не мешал, они быстро наполнили мешки хлебом и погрузили их на осла. Но тут обрушился на них огонь двух пулеметов. Ловушка! Смагул увел ребят в укрытие, проследил, откуда стреляют, и бросил гранату. Далековато, но у Смагула хватило силы. Пулемет тут же затих. Но подавить огонь второго долго не удавалось. Тем не менее Смагул сумел вынести отделение из-под огня.

Достигнув безопасного места, решили передохнуть, перевязать раненых. Вдруг донесся шорох. Прислушались и изготовились к бою. Смагул предупредил: без команды не стрелять! А шорох все приближался. Наконец увидели: сквозь кусты продирается ишак с двумя мешками хлеба на спине...

Однажды, когда бои шли в горах, фашисты бросили против партизан два танка.

— Кто возьмется уничтожить танки? — спросил Бейсен.

— Я,— откликнулся Смагул.

В роте не было противотанковых средств. Но был опыт боевых действий в рядах Советской Армии. Сделав две связки гранат, по пять в каждой, Смагул пополз вперед и вывел обе машины из строя.

Заботливым отцом-командиром был в годы войны Бейсен Рансов, таким остается поныне. Он переписывается с боевыми товарищами, принимает их у себя, часто выезжает к ним, всегда готов помочь каждому. В 1974 году проживающий в Челкаре Тультай Шанов собрался на пенсию. Ему понадобился документ о том, что он действительно сражался с врагами на земле братской Югославии. Он обратился с письмом к Рансову и получил желаемую справку: «Товарищ Шанов Тультай (партизанская кличка — Анатолий Немагулович) в Советском штурмовом батальоне 18-й бригады 9-го корпуса НОАЮ прошел славный боевой путь. От рядового партизана вырос до политкомиссара батальона... В суровые дни битвы с фашистскими извергами вселял в душу каждого бойца-партизана мысль о недалекой будущей победе...»

Дальше перечислены подвиги партизанского политкомиссара. Четыре полученных им ранения, награды правительства Югославии: орден «За храбрость» и медаль «За храбрость». И собственноручная подпись: «Бывший командир 2-го ударного батальона 18-й бригады 9-го корпуса НОАЮ Б. Рансов».

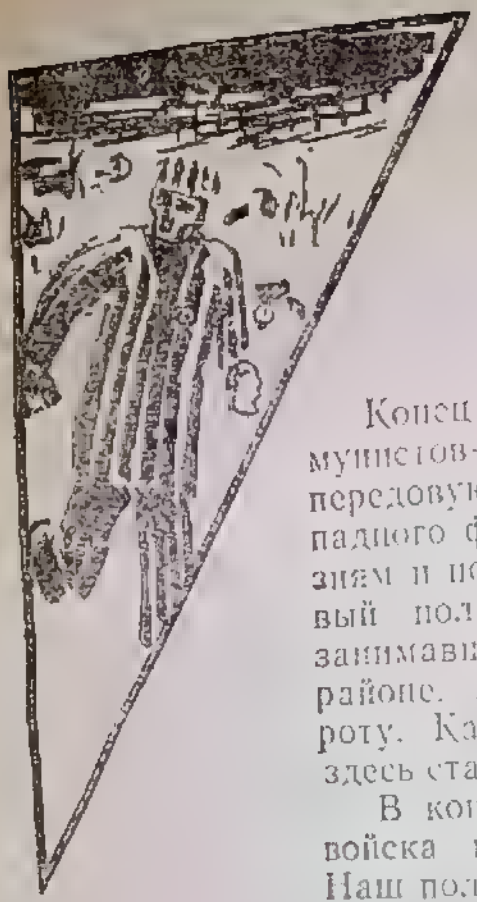
Такое же подтверждение Рансов дал в 1975 году Смагулу Дуйсенбаеву, проживающему ныне в селе Аучи-Клычи Ходжентского района Ленинабадской области Таджикской ССР Машрафу Буриеву, жителю города Запорожья Украинской ССР Борису Петровичу Татарину и многим другим бывшим партизанам 2-го ударного батальона.

Уже знакомого нам человека невысокого роста, с крутыми плечами можно увидеть в разных концах страны: в городах и в отдаленных поселках. Бейсен Рансов объезжает своих друзей, сражавшихся вдали от Родины с фашизмом, живо интересуется их судьбой.

— Как живется тебе, брат мой?

ПАВЕЛ НОВИКОВ,

бывший комиссар партизанского отряда «За Родину»



ЛЕСНЫМИ ТРОПАМИ

Конец июля 1941-го. Нас, триста коммунистов-политбойцов, прибывших на передовую, направили в 22-ю армию Западного фронта, распределили по дивизиям и полкам. Я попал в 628-й стрелковый полк 174-й стрелковой дивизии, занимавший оборону в Великолукском районе. Меня направили в пулеметную роту. Как и на других участках, фронт здесь стабилизировался.

В конце августа немецко-фашистские войска вновь перешли в наступление. Наш полк с боями стал отходить под натиском превосходящих сил противника. Врагу удалось разорвать нашу оборону в нескольких местах. И вот мы, около 80 однополчан, отрезаны от своих. Попытки пробиться через линию фронта оказались напрасными. Неоткуда было ждать указаний. Верные воинскому долгу, мы перешли к партизанским методам борьбы. Первые устроенные нами засады на шоссе Невель — Великие Луки оказались успешными. Пулеметно-ружейным огнем уничтожили несколько автомашин с живой силой и боеприпасами. Это придало нам уверенности, подняло моральный дух. Но в третий раз мы не рассчитали своих сил и ввязались в неравный бой. Группа была разгромлена. Нас осталось только десять человек.

Бредем по лесам Калининской области. Без боеприпасов. Без еды. Наткнулись однажды на многожильный телефонный кабель, вырезали несколько метров. На большее не было сил. То один, то другой из нас отправляется добывать еду. Но в деревнях — фашисты. Погибают мои товарищи один за другим. И остался я один.

Забираюсь в лесную глушь. Одна в голове мысль — не наткнуться бы на врага. А куда идти? Небо закрыто свин-

новыми тучами. Льет дождь. Вода проникает за воротник пошли, подступает к телу. Бьет лихорадка. Забираюсь под развесистую ель. Все лучше. Вспоминаю рассказ про цыгана. Спасаясь от дождя, он накрылся бороной: «Все же не каждая капля попадет»...

Брезжит рассвет. Дождь затих. Нет сил встать, а надо идти, а то — погибель. Выбрался на проселочную дорогу. Вправо и влево тянутся болота. На пригорке виднеется небольшая деревушка. С трудом добрел до ближайшей избы. Звякнула щеколда калитки. За ворота вышел седой старик, на нем белые холщовые штаны и такая же рубаха.

— Какая это деревня, дед?

— Байлово, сынок. Калдобинского сельсовета Великолукского района. А ты чей будешь?

— Свой, русский... Немцы есть?

— На Москву, бают, пошли. А тебе зачем они?

— Так.

— Вот вы и протакали... Чего стоишь? Иди в избу!

В маленькой, с одним подслеповатым окошечком избушке стоял полумрак. В переднем углу — божница. За столом сидела маленькая щуплешькая старушка. Присел на лавку, крепко прижал к себе винтовку.

— Скидай одежонку! — скомандовал дед.— А ружжо поставь в угол. Не отберу. Как тебя звать?

— Павел.

— Павел. Ишь ты, русский. Сбежал, значится, от своих?

— Разбили нас...

— Разбили... разбили,— ворчал дед, бросая сердитые взгляды.— Теперь сами маетесь и нас маете. Садись! Есть, поди, хочешь? Налей, Февронья, солдату щей.

Горько и обидно слышать все это. Но что же поделаешь! Дед прав. Не выстояли... А щи, хоть и пустые, но на голодный желудок и это лакомство. Бабка принесла штаны и рубаху:

— Иди в баньку, сынок, попарься, а я твое бельишко выжарю...

И снова разговор с дедом.

— Что делать будешь?

— К своим пробираться.

— Это правильно. Да куда ты пойдешь? Зима скоро. Поживи уж у меня. Такие, как ты, почитай, на каждом хуторе. Вон у Сергея Герасимова живет не то солдат, не то командир. Сродственник, говорит. А кто его знает? Такой

же молоденький, как и ты, ну, может быть, годка на два постарше. И ты живи...

Засыпаю, а все повторяю про себя слова деда: «Не то солдат, не то командир».

Лесная тропа привела на хутор. Одинокая изба казалась заброшенной. Тявкнула собака и замолкла. На крыльце появился рослый широкоплечий парень в черной косоворотке. Во взгляде настороженность.

— Вам кого?— спросил он.

— Это хутор Сергея Герасимова?

— Да.

— Вы хозяин?

— Нет. А что вы хотите?

— Хотел бы видеть... Не вы ли родственник Герасимова?

Парень улыбнулся. Улыбка приятная, располагающая.

— Да. Заходите!

Чистая, просторная изба, большая русская печь, шесток прикрыт ситцевой занавеской, выскобленный добела пол, вдоль стен лавки.

— Что скажете?

— Это точно, что вы родственник?

— Я вас не знаю,— настороженно сказал парень.

— Моя фамилия Новиков. Зовут Павлом. Политбоец. Часть попала в окружение. Остался один. Задержался в Байлово,— выпалил я залпом и посмотрел на парня. А он сидел и смотрел на меня своими большими серыми глазами. От этого стало не по себе: не принимает ли меня за провокатора? Он встал, достал что-то из-за божницы.

— Читайте!

«Удостоверение Выдано настоящее в том, что...» Штамп круглая печать с одноглавым орлом и паучьей свастикой. Удостоверение. Выдано освобожденному из Невельской тюрьмы. Хорош родственник! Оказывается, не ему, а мне надо его остерегаться...

— Надеюсь, не выдадите,— сухо произнес я, возвращая удостоверение. И поднялся, чтобы уйти. «Сродственник» положил на мое плечо руку.

— Успокойтесь, товарищ Новиков. Это — липа.

— К-как... липа?

— Обыкновенная липа. Для того чтобы не попасть в лапы врагу. Буду откровенен: я лейтенант Костюков

Андрей, бывший командир пулеметной роты, как и вы, попал в окружение.

Он дружески обнял меня за плечи.

— Что же вы, товарищ политбоец, думаете делать?

— Что прикажете, товарищ лейтенант.

— Что прикажу? Прикажу собирать людей. Окруженцы есть почти в каждой деревне.— И назвал добрый десяток имен.

Возвращался я в приподнятом настроении, а едва дождавшись утра, направился в Железняково. В лицо бил мокрый снег. Идти было тяжело, но дело того стоит.

В деревне домов двадцать — двадцать пять. Куда идти? Прошла с ведрами средних лет женщина.

— Тетка, постой!

«Тетка» остановилась и спросила нараспев:

— Что, милый?

— Где здесь Иван Аленькин живет?

— Тебе он зачем?

— Друг он мой,— не моргнув глазом соврал я.

Женщина подобрала выбившиеся волосы, и на меня посмотрели черные лукавые глаза.

— У меня твой друг живет. Иди, голубь, в избу.

Молодой, лет двадцати двух, парень сидел на чурбаке и подшивал валенки. Отложив валенок в сторону, бросил вопросительный взгляд.

— Иван Аленькин?— Парень не смутился.

— Я сосед, внук деда Кирилла...

Иван засмеялся:

— Ах, неладная. Садись, внук. Ты такой же внук, как я этой тетке племянник.— И к вошедшей хозяйке:— Ты знаешь, Уля, кто к нам пришел? Это тот, что у деда Кирилла живет.

Условились встретиться завтра к вечеру в риге, что на краю деревни Забороздье. А я отправился по другим избам...

...Солнце склонилось к западу. Накинув делом полушубок, подался к условленному месту. Вот и рига, одиноко стоявшая на отшибе. Двери сорваны с петель и хлопают на ветру. У входа остановился. Прислушался. Ступил на полозницу, а она предательски скрипнула. Сразу кто-то осторожно кашлянул, и тихий голос произнес: «Сюда!» В углу на корточках сидел Андрей Костюков.

Один за другим пришли Аленькин, Богданов, Рудиев, Цапаев. Затем еще и еще.

— Итак, к делу, товарищи!— сказал Костюков.— Садитесь поближе. На днях мы с Павлом Новиковым договорились пригласить вас и решить, что делать дальше? Сидеть и ждать у моря погоды или пробиваться к своим? Если сидеть, то плена не миновать. Может быть и хуже...

— А что может быть хуже плена?— подал голос Аленькин.— Надо пробиваться.

— С голыми руками?— чуть слышно спросил Мартынов.

— Зачем с голыми? Достанем. Вот в Успенском полицаи есть. У них и отнимем.

Разговор затянулся до полуночи.

Выход откладывался со дня на день. Холода тем временем сменились морозами и снегопадами. Пошел к Андрею, но дома его не застал: еще засветло ушел в Успенское. Вернулся Андрей возбужденный. Увидев меня, обрадовался.

— Сегодня же соберемся у той же риги,— сказал он.— У старшины Успенской волости (немцы переименовали сельсоветы в волости) соберутся полицаи. Будет добрая пьянка. Как солнце сядет, бери винтовку и... Ни деду, никому другому ни слова.

Остаток дня не знал, куда себя деть. И воды наносил бабке, и дров нарубил. Дед молчал, но понимал, что «внучата» что-то затеяли. Открылась дверь, в избу ворвалось белое облако пара. На пороге стоял Ваня Аленькин. Веселый, довольный. Поздоровался и сказал:

— Пошли, Павел! Не поминай лихом, дед.

Быстро пошли к риге. У меня винтовка, у Ивана граната и кинжал. Все были уже на месте. Подсчитали оружие. Четыре винтовки, пистолет, три гранаты. На десять человек негусто. Но главное — настроение боевое.

Шли лесом. Похрустывал под ногами снег. Вот и дорога, на пригорке — Успенское. Из-за поворота, со стороны села, показался обоз. Живо юркнули в кусты. Наблюдаем. Затаили дыхание. Лошади шли шагом, а на розвальнях лежали укрытые шубами раненые и поморожденные немцы. Впереди и позади обоза шли солдаты.

— Вот бы ударить!— шепчет Аленькин.

— Я тебе ударю,— чуть слышно отвечает Андрей.— Перестреляют, как куропаток.

Когда обоз скрылся из виду, зашли в село. На улице ни души. Подошли к дому напротив школы. Андрей постучал в окно. Вышла молоденькая учительница.

— Не разбежались? — спросил Андрей.

— Нет, там еще.

— Окружайте вот те хоромы,— распорядился Андрей, показывая на стоявший рядом дом.— Трое останьтесь здесь.

Разбирало нетерпение. Заглянул в окно, занавешенное одеялом, сквозь щелку увидел мирно беседовавших полицаев. На столе стояла бутыль самогона. Один из полицаев лежал на полу, напившись, видимо, в стельку. Двое сидят в обнимку. В переднем углу — старшина Кузнечиков.

Поднялись на крыльцо, поднатужились, дверь, не давая полицаям опомниться, взорвались в избу. Обалдевший от самогона и неожиданности, старшина смотрел пьяными, бессмысленными глазами. Ребята тем временем искали оружие. Под подушкой нашли пистолет, в кармане одного полицая — гранату, а в кладовке — десяток винтовок и целый склад крестьянских полушубков, валенок, рукавиц.

— Вам что, братцы, надоть?— спросил протрезвевший старшина.

— Вот это,— показал Андрей винтовку.— Говори, где еще оружие?

— Нету, ей-ей нету.

— Расстрелять тебя надо, немецкого холуя! - сказал Андрей, ткнув ему пистолетом в грудь.

— Братцы!— взмолился побелевший от страха старшина.— Не враг я, вот те хрест! Заставили. Я все отдам. Берите! Чтоб им, дьяволам, подохнуть, этим фашистам. Все сделаю, что надо...

Андрей брезгливо оттолкнул протянутую руку:

— Если только пикнешь, знай, не жилец ты на этом свете.

— Чтоб язык у меня отвалился, ежели я... Ни в жисть...

Легко доставшаяся первая победа воодушевила и вселила веру в свои силы. Конфискованное имущество — полушубки, валенки и прочее — распределили среди ребят и семей красноармейцев. А к сельсовету потянулись мужики и бабы, прослышавшие о свершившихся событиях. Пришел скрывавшийся до этого бывший председатель местного колхоза коммунист Иван Матвеевич Попов. Он поздоровался с Андреем, поздравил его с возвращением

(прошел слух, что сюда вошла воинская часть) и обратился к толпе:

— Товарищи! Успенское опять наше — советское. И никто не заставит нас отступиться от своей власти. Правильно я говорю?

— Правильно! Правильно!

— А ежели правильно, то все, кто может держать в руках винтовку, должны присоединиться к нам,— заявил лейтенант Костюков.

К вечеру отряд вырос вдвое. Андрея избрали командиром, меня комиссаром, Попова — председателем сельского Совета. Успенское стало базой партизанского отряда.

На столе мигал огонек коптилки, сооруженной из патрона крупнокалиберного пулемета. В печке потрескивали дрова, и в комнате председателя сельского Совета было тепло и даже уютно.

Андрей инструктировал партизан, выделенных в секрет.

— Следите в оба! Как только заметите появление врага, немедленно дайте сигнал. Боя не принимать!

— Боевые ребята,— сказал Попов, когда бойцы вышли и захлопнули за собой дверь.— С такими можно до самых Великих Лук дойти... А что? На самом деле можно. Только в Великих Луках немецкий гарнизон, а примерно в Калдобино или Урицком один полицай. А эта сволочь храбра только с бабами. Давайте-ка ударим на Калдобино. А? Глядишь, и оружие добудем...

За селом прогремело два выстрела. Тревога! Андрей на ходу набросил полушубок на плечи и выскочил на улицу. Прибежал один из дозорных:

— Человек двадцать, как будто полицаи,— произнес он, переводя дух.

Партизаны по команде Костюкова ударили дружным залпом, и полицаи побежали. Ребята их преследовали. Вдруг послышался гул самолета. Он шел с востока, низко, чуть ли не над самым лесом. Замелькали, как ночные мотыльки, листовки. Я схватил одну из них на лету. Чья это листовка, фашистская или советская? Развернул, и сердце забилось радостно: наша, советская! И в темноте можно было разобрать напечатанное крупным шрифтом родное и близкое слово: «Товарищи!»

Между тем около сельсовета собралась большая толпа, только здесь люди надеялись найти защиту в случае, если не удастся отстоять село. Попов волновался не мень-

ние других, но все же успокаивал односельчан, как мог. И вот вернулись партизаны. Толпа повеселела, зашумела. Поднявшись на крыльцо, я вытащил из кармана листовку.

— Слушайте!— взмахнул я листовкой. Толпа притихла.— Радостное сообщение. Только сейчас с самолета... Немцы разгромлены под Москвой. Захвачено много трофеев и пленных. Враг бежит...

Говорил, а у самого катились по щекам слезы радости. Как зачарованные стояли люди. Каждый, видимо, чувствовал, что у него в этот момент будто крылья выросли.

— Ура!— понеслось по селу.— Ура!

...Усталые, но довольные устроились в одной из крестьянских изб на отдых. Хозяйка чистила картошку и время от времени тревожно посматривала в окно.

— Ох, родненькие, боюсь я. Вам-то что — поднялись и ушли, а нам...

— Ты же слышала, что немцев разгромили под Москвой,— сказал Попов.— Скоро наши и сюда придут.

— Москва далеко,— [illegible] женщина, а полицаи рядом, в Коротышеве. Соберутся, нападут и сожгут село. Звери они, а не люди.

В какой-то мере она была права. Насмотрелись люди за это время всего, помнили расправу над председателем сельского Совета старым большевиком Гордеем Михайловичем Кощеевым, расстрелянным вместе с четырнадцатилетним сыном. А у нас родилась мысль не ждать немцев, а напасть на Коротышево и тем разгромить их.

На другой день Колобов выслал разведку. Сведения получили невеселые. Из Великих Лук для руководства операцией по ликвидации партизанского отряда прибыл специальный полицейский агент, получивший большие права. Он должен был собрать из ближайших сел всех полицаев, создать кулак для удара по партизанам. Значит, надо их опередить.

— Ликвидацию старшины и агента, его тоже, возьмешь, Павел, на себя,— сказал Колобов.— Я беру полицаев. В два часа ночи ударим одновременно. Кого берешь с собой?

— Двух человек, не больше. Аленькина и Богданова.

От Успенского до Коротышево, где размещалась Колдобинская волостная управа, километров десять. Дорога идет лесом и небольшими перелесками. Дот старшины

был окружен глухим забором. Подошли, когда наступила глухая ночь. Попробовали открыть калитку — не подается. Через забор? Мешает колючая проволока.

Аленькин снял полушубок и забросил его на забор. Залаял пес. Из дома выскочил мужик, постоял на крыльце, прислушался и тут же скрылся.

Аленькин сидел на заборе и помог забраться туда же мне.

А пес словно взбесился. Он уже не лаял, а хрипел, заслышав чужих, и рвался с цепи. Дверь дома неожиданно вновь распахнулась, с крыльца сбежали двое и опрометью кинулись за черневшую вдали баню. Не раздумывая, выстрелил раз, второй. Промазал. Ушли!

Дома застали перепуганную жену старшины. Она забилась в чулан и дрожала.

— Вылезай, не тронем.

Хозяйка пришла в себя и выбралась из чулана.

— Где гость? Да что ты трясешься?! С женщинами не воюем.

Аленькин с Богдановым тем временем обыскивали каждый закуток. Слазили в подпол, перерыли кровать, заглянули на полати, под печку. И все безрезультатно.

— Говори, где оружие?

— У мужика спроси.

— Я вот тебя спрошу. Не скажешь — спалим дом и тебя, старая ведьма, вместе с ним.

«Ведьме» было лет сорок. Это была здоровая нагловатая баба с толстыми отвисшими губами. Бросив косой взгляд на Аленькина, поняла, что парень не шутит, сорвалась с места и побежала в горницу. Тут же вернулась и бросила на стол полевую сумку, ремень и наган.

— Вот, искали, а не нашли. Тоже мне сыщики. Это мужиково оружие, а начальник, что из города, наверно, с собой захватил, как бежал от вас...

Костюков с отрядом в это же время занял намеченный рубеж. Около дома, где находились полицаи, стоял часовой. Засунув руки в рукава полушубка, он время от времени делал несколько шагов и посматривал при этом на окна. Ходить, видно, ему надоело, и он скрылся, пошел в дом греться. Партизаны ворвались в помещение. Лежавшие на нарах полицаи бросились к пирамиде с оружием. Но было поздно. Осталось им поднять руки.

Подсчитали трофеи. Двадцать семь винтовок, пять ящиков винтовочных патронов, наган, три десятка гра-

нат, на чердаке нашли три велосипеда, с десяток невыделанных овчин, три рулона холста, награбленных у населения. Второго января 1942 года Калдобинская волостная управа перестала существовать.

Проводив отряд на операцию, Попов занялся делами. Надо организовать сбор продуктов для партизан, мобилизовать лошадей. Да мало ли дел у председателя сельсовета! Попов мужик крепкий, выдюжит.

А усталость берет свое. Попов прислонился к стене и задремал. Разбудил его шум голосов. Перед ним чуть ли не саженного роста парень с винтовкой, а по бокам — два партизана.

— Вот, товарищ председатель, поймали. Говорит, что осиноороговский, ищет партизан. Как звать, не отвечает.

Парень посматривал на партизан сверху вниз и улыбался.

— Ты не скаль зубы, — не стерпел партизан.— Отчитывайся. Тебе здесь не кто-нибудь, а Советская власть.

— Вы председатель? - спросил парень.

— Да. Я председатель.

— Я окруженец, лейтенант Красной Армии Федор Бойдин. Скрывался в Осиновом Роге у матери. Через товарищей узнал, что здесь появился партизанский отряд. Хочу присоединиться.

— Через каких это товарищей? — подозрительно спросил Попов.

— Через Чистобаева, председателя Калдобинского сельсовета. Мы вместе скрывались, но я потерял его...

Попов смотрел теперь на Бойдина другими глазами. Чистобаев. Да кто его не знает! Коммунист. Преданнейший человек, не свяжется с кем попало.

— Значит, говоришь, с Чистобаевым скрывался? А не врешь? В Коротышеве сейчас отряд. Иди туда, а винтовку оставь.

Бойдин стиснул зубы и процедил:

— Убейте, а винтовку не отдам. С ней воевал, с ней и умру.

Попов почесал подбородок. Да, штука! Этого голыми руками не возьмешь.

— Ладно, иди. Но берегись, ежели соврал. Под землей отыщем.

В то же время и в Коротышеве появился молодой парень. Задержанный часовыми, он был доставлен в штаб.

— Кто из вас командир?— спросил он и шмыгнул покрасневшим носом.

— Что ты хочешь?— спросил в свою очередь Костюков.

Парень покосился на окружающих.

— Я из отряда майора Марсова.

Все насторожились. Новость! О существовании такого отряда никто из нас не слышал.

— Майор приказал явиться к нему для переговоров,— закончил парень.

— Приказал! Ишь ты, звучит сильно

— Может быть, расскажешь, что это за майор, который приказывает,— произнес Костюков.— И где он — на той стороне линии фронта или здесь, в тылу у немцев?

— В Мартьяново.

— Передай майору, что приказ передал

Парень потоптался, потоптался и вышел из избы. В окно было видно, как он подался куда-то по дороге. Пришлось крепко задуматься. Майор Марсов с отрядом. Хорошо, конечно. А вдруг — провокация?

Костюков молчал, что-то обдумывая. Конечно, можно ждать всего. Но ведь не весь отряд пойдет, а один-два человека — командир и комиссар. Поимкой двух человек народного движения не остановить. Нет, это не провокация.

— Сегодня же пойдем. А отряд возвратится в Усейское.

Шли в стороне от дороги, увязая по пояс в снегу. Можно бы взять лыжи, но ради предосторожности нарядились дровосеками: полушубки, подпоясанные веревками, веревочные чуни с онучами, за поясами топоры. Миновали болота с незамерзающими родниками, густые заросли кустарника.

На востоке заалела заря. Прибавили шагу. Скоро вышли на широкую поляну, как бы утыканную мелкими сосенками. Идти стало легче. И вдруг:

— Стой!

Метнулись за кусты, вытащили припасенные гранаты. Пригляделись. На заре было хорошо видно. Различали каждую кочку, каждый бугорок, занесенные снегом, но людей не видели.

— А ну выходите!— послышался тот же голос.

Что за чертовщина! Голос слышим, а человека разглядеть не можем.

— Выходи, говорят. Стрелять будем!

Если «будем»— значит, не один. Здорово, черти, замаскировались! Что ж, придется выйти. Поднялись и неизвестные. Оба с винтовками.

— Ловко вы, ребята, замаскировались! Что вам нужно?

— Куда идете?

— В Мартьяново.

— Кто такие?

— Люди.

— Вы что, мартьяновские?

— Нет, успенские. По дрова идем.

Теперь мы рассмотрели задержавших нас ребят. Простые, деревенские, лет по восемнадцать каждому.

Переговоры закончились «капитуляцией» с условием, что обыск и дальнейшие переговоры будут продолжены в селе.

Остановились около избы с обледенелыми окнами.

— Стойте здесь!— скомандовал парень повыше.— Доложу майору. Тут же он вернулся.

— Заходите!

Согнувшись, чтобы не задеть головой за косяк, Костюков вошел в избу. Я за ним. На лавке сидел мужчина среднего роста в форме майора. При нашем появлении поднялся и поздоровался.

— Садитесь! Не от товарища Костюкова?

Костюков улыбнулся.

— Я Костюков и есть, товарищ майор. А это наш комиссар.

— Очень рад, что пришли. А то посыльный сказал: «Гордый, дескать... Пойди, мол, доложи майору, что приказ передал».— Достал из кармана пачку «Беломорканала».— Закуривайте. И рассказывайте об отряде

— Что рассказывать? Недавно организовались, оружия мало. Вот, может быть, вы, майор, поможете оружием?

— Помочь — не то слово, товарищ Костюков. Я пригласил вас не для этого, а чтобы предложить вам влиться в наш отряд. Людей у нас побольше эдак разиков в десять и оружия немало — есть пулеметы, автоматы, пушка...

Мы слушали, а в голове вертелась мысль: конечно,

предложение стоящее, но кто будет защищать Успенское, где мы восстановили Советскую власть?

— Не могу, товарищ майор,— сказал Костюков.

— Почему?

— Люди объединились добровольно, надо спросить их согласия. Да и Успенское нельзя оставить без защиты.

Майор не отступал. В его голосе уже слышались нотки командира, не уговаривающего, а приказывающего:

— Создайте в Успенском новый отряд, а мы окажем ему помощь. Пусть там останется товарищ Новиков и учтите: я передаю вам не собственное мнение, а указание армейского командования, а мы являемся авангардом в тылу противника.

Наше сообщение об отряде Марсова как о боевой, хорошо вооруженной единице, действующей в тесной связи и под руководством командования 31-й отдельной курсантской стрелковой бригады Третьей ударной армии Калининского фронта, партизаны приняли с радостью. Но предложение об объединении отрядов вызвало некоторую растерянность.

— Конечно, это, так сказать, в интересах дела,— подал голос Попов.— А все же жалковато. Только начали...

Костюков вздохнул. Я видел, какие чувства борются в нем. Сейчас он больше, чем когда-нибудь, нуждался в поддержке.

— Начали и продолжим, товарищ Попов,— сказал я.— Придут новые люди, а приказ мы обязаны выполнить.

Костюков с благодарностью посмотрел на меня. Ему стало как бы легче.

— Только, Андрей,— не сдержался я,— Аленькина, Богданова и Рудиева оставлю с собой.

— Не возражаю.

Отряд быстро пополнялся новыми людьми. Помещение сельсовета нам стало тесным, мы перебрались в пустовавшее здание семилетней школы. Через неделю Костюков с партизанами ушел в Марьяново. Обнялись, шлепнули друг друга по спинам: «Ну, бывай!». И расстались. А мы, оставшиеся, решили перебраться в Коротышево.

Собираясь в дорогу, мы приводили в порядок оружие и амуницию, подшивали прохудившиеся валенки, латали шубенки и болтали о всякой всячине. Вдруг — выстрел. Аленькин вскрикнул и схватился за ногу. По пальцам текла кровь.

— Кто стрелял?

— Я... Я нечаянно... Вот...— лепетал перепуганный Рудиев. В руках он держал парабеллум, который собрался чистить, обойму вынул, а в патронник не заглянул и нажал на спусковой крючок.

Богданов порвал нательную рубаху и перевязал раненого.

— Кость цела?— спрашивал он.— Пошевели пальцами!

— Будто цела,— улыбнулся Аленькин.

— Срастет... Ну, Рудиев, плохой из тебя стрелок, но своим бьешь.

Что делать? Оставить парня здесь, а самим направиться в Коротышево? Не дело! Да и Аленькин не согласится. Оставалось единственное - отправить его в Железняково, к Ульяне. Она спрячет его и выходит.

Это обстоятельство задержало наш переезд на несколько дней. Наконец решили ехать, запрягли лошадей, положили в сани полмешка муки, посадили Аленькина и отправились в Железняково, оттуда засели в Байлово, где я повидал своих стариков. В Коротышево прибыли 1 февраля 1942 года.

...Бойдин не заметил, как пробежал несколько километров и очутился на окраине Коротышева. Остановился, перевел дух. Прислушался. Заглянул в одну избу, другую — ни души. Где же народ? Задворками стал пробираться к центру. Но что это! Много народа. Чуть ли не вся деревня собралась у сельсовета. Немцы согнали? Нет. Очень уж свободно чувствуют себя люди... А вот и Чистобаев! Стоит на крыльце и улыбается, что-то говорит человеку, перепоясанному ремнем.

— Спиридон Евстафьевич! — крикнул Бойдин и стал протискиваться, высоко подняв над головой винтовку.

— Федор!

А Федор от радости потерял дар речи.

— Куда же ты запропастился?— и пояснил:— Это, товарищ Новиков, лейтенант Федор Бойдин, наш, деревенский. Вместе скрывались.

— Пехотинец?

— Артиллерист я.

Бойдин от души пожал мою руку, да так крепко, что я чуть не вскрикнул. А он улыбнулся. Улыбка была добродушная, располагающая.

Вскоре Калдобинский отряд насчитывал тридцать пять

человек. По рекомендации Чистобаева командиром был назначен Федор Бойдин.

Выглядел Федор молодцевато. Побрился, приоделся, настроение отличное. Это радовало. И все же после отъезда Костюкова я словно что-то потерял. Федор это видел, понимал и, как мне казалось, старался хоть в какой-то мере заменить старого друга. Постепенно мы крепко подружились. Душевный был товарищ, меньше всего думающий о себе. Полюбили его партизаны, одного слова его было достаточно, чтобы люди, не задумываясь, пошли на самые опасные задания. Это был думающий и инициативный командир, презирающий перестраховщиков и трусость. Беспредельной была его ненависть к предателям и изменникам.

— Всех, всех в расход! — горячился он. — Чтобы и духу их не осталось.

— Ну, уж и всех, — смеялся Чистобаев. — Это был, наоборот, спокойный и с виду тихий человек. — Сил у нас с тобой, Федя, на всех не хватит. А вот самых подлых, вроде Семенова и Прудникова...

— Королева, Королева еще. В первую очередь...

Королев, в прошлом незначительного звания интендант, уроженец деревни Броды Кулебинского сельсовета, дезертировал из Красной Армии и перешел на службу к фашистам. Назначенный старшим полицаем, он проявлял особенное рвение. Он упорно охотился за советскими активистами и окруженцами. Клялся сделать все, что только в его силах, чтобы то ни стало изловить Чистобаева и Бойдина. Он устраивал облавы на окруженцев, отправлял их в лагеря для военнопленных, а задержанных с оружием расстреливал на месте.

— Ну, вот, — говорил Бойдин. — Можно ли оставлять в живых такую гадину? Ни в коем случае. Расстрелять, как бешеную собаку!

Дом Королева стоял в самом центре деревни Броды и казался среди серых избушек настоящими хоромами. Мы подкатили к этому дому на двух санях часов около десяти вечера. С передних саней соскочил Бойдин и, передав вожжи Петрову, постучал в окно, занавешенное тюлевыми занавесками.

— Пошли, комиссар! — шепнул он мне и, словно напружинясь, вскочил на крыльцо. Открыл дверь хозяин дома, широкоплечий, с наглыми навыкате глазами.

— Мы к тебе, Королев, — сказал Бойдин и, не спра-

шивая разрешения, прошел в сени. Следом за ним вошел и я.

Пол в избе был крашеный, накрыт новенькими половиками. Хозяйка, полная, по-городскому одетая женщина, бросила на нас неприязненный взгляд. Хозяин стоял бледный и растерянный. Он узнал Бойдина, но пытался скрыть это.

— Садитесь. Жена, готовь угощение!

— Садиться некогда. Пришли узнать, куда ты дел пулемет, который забрал при отступлении.

Королев сделал удивленные глаза.

— Пулемет? Впервые слышу. Откуда вы взяли, что у меня пулемет? Я же интендант. Вещи кое-какие — это было. Не оставлять же их врагу.

— Врагу... Ишь ты, какой друг нашелся,— зло проговорил Федор и сплюнул.— Так, значит, пулемет не отдашь?

— Нет у меня пулемета!— выкрикнул Королев.

— Тогда одевайся, поговорим в сельсовете.

— До утра не поеду.

— Нет, поедешь!— в голосе Федора слышались нотки, не сулившие добра.— Силой увезем. Одевайся!

Усадив предателя на сани, тронулись в путь.

Выехали за деревню. На чистом, безоблачном небе блестела яркая луна.

— Скажи, Королев, что тебя заставило пойти на предательство,— спросил я.— Тебя Советская власть выучила, а ты ее так отблагодарил.

Всем нам было трудно понять, откуда берутся такие королёвы. Но тот молчал.

Дорога пошла вдоль озера. Чернели кусты тальника, а за ними — бор.

— Остановись, Ваня! А ты вылазь!— скомандовал я Королеву.

Королев нехотя выбрался из саней и тут же бросился к тальнику. Партизан, сидевший на других санях вместе с Бойдиным, выстрелил. Предатель сунулся в снег. Но тут же пополз в кусты. Я нагнал его и выстрелил еще два раза. Труп бросили в яму и засыпали снегом.

...А Чистобаев все это время не находил себе места. У него даже появилась мысль, что Королев устроил засаду, перестрелял всех партизан, в том числе Федора и меня. Всякое ведь могло случиться!

О какой радостью бросился он к нам, когда мы вернулись!

— Как?

— Одной тварью меньше,— сказал Федор, сбрасывая полушубок и направляясь к умывальнику.

Сели ужинать. А все не шла из головы мысль о расстреле. В бою об этом и не думаешь, а тут... Не человека — зверя расстреляли. А ведь его, когда расстреливал и предавал, не волновали ни стоны, ни слезы.

— Расстрелять — дело не мудрое,— как бы вторя моим мыслям, сказал Бойдин.— Нажал на спусковой крючок — и все. А все же на душе остается какой-то осадок... Да что там! Надо подавить в себе всякую жалость к таким извергам, как Королев...

— А я об этом Королеве и говорить не стал бы,— заметил Чистобаев.— Доброе дело сделано. Я думаю о Семенове и Прудникове. До тех пор, пока они топчут нашу землю, нельзя оставаться спокойным. Вот об этом и поговорим.

...Старшина Урицкой волости Семенов жил на хуторе. Урицкое навещал, когда получал от немцев очередное задание добыть продовольствие для гарнизона Великих Лук. В тот день, когда мы собрались к нему, он поджидал приезда своего соседа, старшины Борисоглебской волости Невельского района Прудникова, для обсуждения совместных действий против партизан. Встреча, о которой знала лишь его старшая дочь, должна была состояться в соседней деревне.

Но Прудников не приехал. Узнал, что в деревне Жидки, у солдатки Пелагеи, муж которой служил в Красной Армии, остановился неизвестный. Пелагея называла его Сашей и выдавала за племянника мужа. Ясно, что советский. Прудников забыл и про свидание. Забрав несколько полицаев, кинулся в Жидки.

Саша — парашютист, потерявший своих товарищей, только что наколол дров, занес их в избу и стал чистить картошку. Подкрепится и отправится на поиски товарищей, которых до сих пор найти ему не удалось. Парашютисты сочли, видимо, что их товарищ погиб, и ушли по заданному маршруту... И тут в избу ворвался Прудников:

— Вот он, берите его!

Погиб от рук предателя Саша, фамилии которого мы никогда не узнаем. Погибла и Пелагея. Узнали мы об

этом много позже. Теперь же выполняли другую задачу...

Мы вошли в ограду Семенова тихо и незаметно. В сенях столкнулись с парнишкой, младшим сыном старшины.

— Где тятька?— спросил Бойдин.

— Не знаю.

— Он в Великие Луки уехал,— выручила появившаяся сестра.

Осмотрели подпол, сарай, хлев, чердак — нет хозяина. Тем временем Петров нашел под печкой винтовку и пистолет.

Вышли на крыльцо.

— Он не иначе как в деревне,— сказал Бойдин — Не мог он без оружия уехать. Давайте искать!

А из избы напротив выходит старушка и внимательно всматривается в незнакомых людей.

— Семенова, бабка, не видела? спрашивает Бойдин.

— Как не видеть. Видела, сынок. В той вон избе сидит. Ждет вас. Видите дымок?

Осторожно вошли. Оружие наготове. Вот и они, голубчики. Восемь человек сидят за столом и покуривают, один лежит на лавке, положив под голову шапку.

— Руки вверх!— командует Бойдин.

А полицаи сочли нас, видимо, за своих, смеются.

— Кто Семенов?

— Я,— отвечает здоровенный, лет пятидесяти мужик с аккуратно подстриженной рыжей бородкой.— Что тебе надоть?

Поняли свою оплошность полицаи, притихли под дулами винтовок и пистолетов.

— Пошли, Семенов, с нами. Живо! – скомандовал Бойдин. Семенов вяло, словно сонный, пошел к двери.

Вместе с Семеновым взяли старшего полицая. Семенов не подал голоса, зная, что пощады ему не будет. Полицай пошел, падал на колени...

— По изменникам – огонь!— крикнул Бойдин. Залп свалил обоих предателей.

И снова я почувствовал себя скверно, как после расстрела Королева. Кружилась голова, тошнило. Взял в рот горсть снега. Стало как будто немного легче. Уснуть бы.

Остановились в ближайшем хуторке. Выставили дежурных. Ночь прошла спокойно. Рано утром поднялся и вышел на улицу. Вижу — идет человек. Небольшого роста, коренастый, полушубок подпоясан ремнем, в руках

пистолет; позади розвальни, и в них сидит человек с винтовкой в руках.

— Кто такой,— спрашивает незнакомец.

«Надо выиграть время,— думаю,— может, выйдут наши из дома». И спрашиваю как можно громче:

— А вы кто такие?

— Русские.

И без того ясно, что не немцы. И отвечаю как можно громче:

— Партизан из Калдобинского отряда.

— Васька, наши!— крикнул незнакомец и бросился ко мне.— Да мы вас, товарищи, который день ищем! Я председатель Урицкого сельсовета Шлемин...

Васька, лет семнадцати парнишка, подъехал, но винтовки из рук не выпускал. На обмороженном лице поблескивали возбужденные глаза. Удостоверившись в правдивости слов Шлемина, по-ребячьи засмеялся:

— А я-то думал, пропали наши головушки.

— А это Васька Кизяков. Наш, деревенский...

Зашли в избу.

— Почему не эвакуировался вместе со всеми?— спросил Бойдин.— Или не успел?

— Какой там не успел! Оставили партизанить.

— И как?

— Вначале было нас порядком, а время проверило людей и кое-кого повышибало. Скрывались до зимы в лесу, а потом я простыл, схватил ревматизм. Пришел домой. Кто-то донес. Успел скрыться, а жену мою так избили полицаи, что до сих пор отлежаться не может.

— В Коротышеве был?

— Ну, что ты! Там полицаев, как собак нерезаных.

Бойдин засмеялся.

— От тех полицаев только пух остался. Чистобаева знаешь?

— Как не знать?

— Так вот он опять в Калдобинском сельсовете председательствует...

Чистобаева застали в сельсовете, где он, окруженный партизанами, сочинял воззвание к жителям окрестных сел и деревень. Вид у него был усталый. После нашего отъезда на операцию он не сомкнул глаз и на час. Отложив в сторону начатую работу, уставился на Шлемина.

— Это откуда же ты? С той стороны, от советских, или с того света?

— Нет, мы с этого света,— смущенно улыбнулся Шлемин.— Вот с Васькой Кизяковым партизанили. Встретили товарищей. Чуть не пострелялись.

— Это как же партизанили? Вдвоем? Вроде кустарей... Ну, это мне знакомо. Сам в таком положении был. А теперь что думаешь делать?

— Что? Партизанить. Чай, примешь?

— Он Урицкое будет освобождать,— вставил Бойдин.

— Это мы могем... С вашей помощью.

6 февраля 1942 года Урицкое заняли без боя. Часть полицаев разбежалась, остальные сложили оружие. Жители ближайших деревень собрались на митинг. Я рассказал колхозникам все, что мне было известно о положении на фронтах, перечислил селения, где нами восстановлена Советская власть, призвал местных жителей вступать в партизанский отряд, а тех, кто не может сражаться с оружием в руках, просил оказывать нам всяческую помощь —продовольствием, одеждой.

Шлемин приступил к исполнению своих обязанностей председателя сельсовета. Ему и поручили производить запись в партизанский отряд. Сразу же после митинга в отряд вступили Иван Мозгунов, Дмитрий Хруцкий, Василий Задерин, Григорий и Иван Карасевы, Иван Белоногов, Василий Проскуров, Степан Котов, Артем и Павел Беловы, Иван Голубинский, Карп и Василий Бодровы, Иван Карпов, Михаил Юрченко, Иван Брюхович, Сергей Ковалев, Василий Кузьмин, Василий Леонов, Григорий Селиверстов, Петр Котов. Записались в партизаны и девушки: Вера Горелова, Луся Максимова, сестры Ирина и Зоя Ратьковские. В общей сложности в отряд вступило около тридцати человек из числа окруженцев и местных жителей. Командиром назначили Шлемина.

Надя Козинцева из деревни Усово, худенькая девушка лет шестнадцати, бежала по дороге, не обращая внимания ни на ветер, обжигавший ей щеки, ни на пугающую тишину ночи. Вечером она узнала, что Урицкое заняли партизаны и решила во что бы то ни стало добиться, чтобы ее приняли в отряд. Примут! Скажет, что умеет стрелять, кашеварить, раны перевязывать — и примут.

Надю задержали и препроводили в сельсовет, в штаб отряда. За столом сидело несколько незнакомых. А рядом с ними...

— Тимофей Трофимович!— бросилась к столу Надя, и из глаз ручьем хлынули слезы.

— Вот те раз! Задержали, значится,— сказал Шлемин, с укоризной посматривая на партизан.— Да это же дочка Константина Козинцева, Надюха! А как тятька?

— Тятьку немцы...— всхлипнула Надя.

— Убили?— вскрикнул Шлемин и вскочил с места.— Сволочи! Какой мужик был...

— Возьмите меня, дяденька, к себе. Я буду все, все делать. И стирать, и варить, и... в разведку ходить.

— А если тебя фашисты поймают?

— Меня не поймают. Я убегу.

— Ну если так, тогда дело другое,— серьезным тоном произнес он.— Придется принять. Такие, что бегать умеют, нам нужны. Как, по-твоему, Павел Александрович?

— И я так думаю,— сказал я в тон Бойдину.

Радостно выбежала Надя из жарко натопленной избы. Какие же замечательные люди! Хотелось сейчас же поделиться своей радостью. Но куда пойдешь? Ах, да! В Урицком живет учительница Вера Степановна Горелова. Она немного старше Нади. К ней и только к ней. Вот и ее дом.

— Вера Степановна!

Горелова обернулась на окрик, бросила ведро, с которым, видимо, собиралась по воду, и побежала навстречу девушке.

— Заходи, Надюша! Я тебя, моя дорогая, и не узнала. Как же ты изменилась.

— Да и вы, Вера Степановна, изменились...

Село спало. Часовые охраняли сон уставших и измученных тревогами жителей. Но спали только Бойдин, Шлемин и я, да подшивал прохудившийся валенок Ваня Петров. Всех нас беспокоило соседнее село Борисоглеб и свирепствовавший в нем Прудников, фашистский прихвостень. Соседство неприятное. От Прудникова, как в свое время от Семенова, можно было ждать всякой пакости. Мы знали, что этот старшина тесно связан с гестапо, и со дня на день можно ждать карательной экспедиции. Не появлялась же эта экспедиция, как нам казалось, только потому, что Прудников надеялся на собственные силы.

— Надо действовать,— сказал Бойдин,— пока Прудников не получил подкрепление.

— А не пора ли обратиться за помощью к Марсову? Правда, в Калдобинском и Урицком отрядах насчитывалось уже свыше пятидесяти партизан и оружием обеспечены лучше, чем в те дни, когда занимали Коротышево, но все же Борисоглеб — не Коротышево, а Прудников — не калдобинский старшина.

— Я не против,— сказал Бойдин.— Да, время не ждет. Надо, как действовали в коротышевской операции, ударить и разгромить. А когда займем Борисоглеб, у нас создастся как бы круговая оборона, возможность маневра расширится. Ну как, комиссар?

— Согласен.

Расправившись с парашютистом и приютившей его Пелагеей, Прудников выскочил из избы и молча уселся в кошевку. Бросил: «К Семенову!», и возница стегнул по лошади.

Часа через полтора Прудников был на месте. Застал заплаканную дочь.

— Тятьку увезли партизаны и расстреляли.

— Почему же ты, дуреха, думаешь, что его расстреляли?

— Полицаи сказали, что на расстрел повезли... Партизаны только тятьку забрали и старшего. Я сама слышала, как стреляли.

— Где, в какой стороне?

Прудников дрожал, как в лихорадке. Ему уже мерещилось, что под окнами дома Семенова скрываются партизаны, чтобы схватить его и тут же расстрелять. Не говоря ни слова, выскочил из избы. Скорее в Невель! Только там он найдет спасение... Он и не подозревал, что на пути в Невель группа окруженцев охотится за ним уже несколько дней.

Основным ядром этой маленькой группы были бойцы 98-й стрелковой дивизии. В ней были младшие лейтенанты Лутифул Давлетчин и Иван Тимофеев, старший сержант Бастрыгин, старшина Константин Латышев, красноармейцы Саша Стороженко, Ваня Петров, Касым Исаков, Ефрем Сакун. Попав в окружение, группа бойцов и командиров пыталась пробиться к своим, но не смогла. Пока было тепло, скрывались в лесах, а с наступлением холодов стали обосновываться в деревнях. Им всячески помогал крестьянин деревни Собакино Федосей Костров,

Но его выдали. Прудников арестовал Федосея, избил и, может быть, расстрелял бы, но старика выручили люди из группы Давлетчина — Тимофеева.

Прудников знал, что партизаны заняли Калдобинский и Урицкий сельсоветы. Он метался из деревни в деревню, захватил в Лоскотухино Бастрыгина, убил его, потом расправился с парашютистом Сашей в Жидках. «Поодиночке всех переловлю». Узнал, что расстрелян его лучший друг Семенов и решил бежать. Но Лоскотухино не минуешь. А именно там дожидались его окруженцы из группы Давлетчина — Тимофеева.

Условились, как только подводы появятся, выскочить и окружить их. Вот они. Но что это? Только на одной подводе сидит мужик, закутанный в тулуп, остальные пусты, и лошади бегут без подводчиков.

— Да я ж, братцы, еду по дрова,— сказал перепуганный мужик.— А кони набилизованные.

— А ты не видел, дядька, полицаев?— спросил разочарованный неудачей Сакун

— Конечно, видел. Они свернули на проселок. За мной ехали.

Отпустив мужика, часть окруженцев кинулась в погоню за Прудниковым, а другая поталась к дому старосты.

День был субботний. На улице ни души, лишь в редких избах горели тусклые огоньки.

— Бачьте, хлопцы,— сказал Сакун, придерживая коня,— у старосты Шевяка печка топится.— И принюхался.— Убей меня гром, сало жарят.

Подъехали к дому. Первым вошел Сакун. Один из прибывших остался в проулке с лошадьми.

— Здоровеньки булы! — весело приветствовал Сакун хозяйку.

Хозяин лежал на печи, распаренный после бани, сказал:

— Садитесь, чай пить будем.

— Можем и попить. А ну-ка, Константин,— обратился Сакун к Латышеву,— побачь, що там на печи припрятано.

Латышев приподнялся на приступки. Староста схватился за карман.

— А ты спокойнее, не егозн,— сказал Латышев.— После бани вертеться вредно. Ну-ка, что там у тебя?

Вытащил из кармана старосты наган и отдал Сакуну.

Староста слез с печи.

— Собирайся с нами,— сказал Давлетчин.— Поговорим на свежем воздухе, как ты выдавал наших товарищей...

А на дороге встретились им двое парней и пригласили в Борисоглеб. Поехали...

Налет на Борисоглеб был совершен нами точно по плану. Захватили помещение сельсовета, прочесали все село, полицаев не нашли — предатели разбежались. Поймали лишь двоих, скрывавшихся в бане.

В село потянулись мужики из лесов и окрестных деревень. Появился здесь и Федор Зылев — энергичный, средних лет человек с шапкой рыжих, давно не стриженных волос. Отыскав Бойдина, представился:

— Бывший лейтенант Красной Армии Федор Зылев.

Я посмотрел на бывшего. Мужик мужиком. На ногах старенькие валенки, штаны ватные, заплатанные, на щеках давно не бритая щетина. Глаза умные и хитроватые, так и буравят собеседника.

— Где же вы, товарищ Зылев, все это время скрывались?— спросил Бойдин.

— Где придется. Пытался перебраться к своим, да чуть было к черту в лапы не попал. Кое-как утек. О Прудникове, поди, слыхали? Вот он, гад, хотел заарканить меня. Да вовремя предупредили мужики. Он в деревню — я из нее. Позор! На своей земле... Да лучше уж в землю... Как, товарищ командир, примешь меня в свой отряд?

— Нет, Зылев, принять не можем,— ответил я за Бойдина.

— Это почему же?

— А потому, что здесь, в Борисоглебе, тоже нужно создать отряд. Люди есть и еще подойдут. Оружие тоже найдется. Вам поручение: создайте отряд. Ясно?

— Есть сформировать отряд!

Группа Давлетчина — Тимофеева приближалась к Борисоглебу. Сакун беседовал с парнями и очень им понравился своей откровенностью и простотой.

— Я с Рудного Алтая,— говорил он.— Из своего села до призыва в армию никуда не выбирался. Горное село! А земля там во! Не то что тут — одна глина. У нас леса, горы. Колысь, у гражданскую войну, сам-то я не знаю, только народился, батька рассказывал, что партизаны били Колчака у хвост и гриву, и каких только карателей не по-

сылали, ничего у биляков не выходило... А вот и Борисоглебка. Чего-то я не бачу ваших партизан?

— Увидишь,— многозначительно произнес парень, советовавший ехать в Борисоглеб. И верно, не проехали и полкилометра, как из-за кустов вывалилась целая группа. В руках винтовки. Узнав своих парней, один из них крикнул:

— Степан! Садись на первую подводу и препровождай задержанных к штабу.

Степан Рудиев сел рядом с Давлетчиным.

Пополнение принял к себе Федор Зылев.

Вскоре в Борисоглебский отряд были приняты два Василия — Зайцев и Пронин, три Петра — Васильев, Корнеев и Леухин, трое Черновых — Яков, Егор и Евгений, три Михаила — Клименков, Смородин и Саретов, Федор Бодров, Павел Корнышев, Николай Ситников, Андрей Борзов, Григорий Прокопенко и другие. Из девушек партизанами этого отряда стали Анастасия Шумилина, Надя Баранова, Ольга Левченко, Мария Лозовская, Анна Коган. Через несколько дней к нам в Коротышево нарочный доставил пакет. Донесение было лаконичным: «Отряд сформирован. Насчитывает 30 бойцов. Люди прибывают. Изыскиваю оружие. Лейтенант Зылев».

Урицкий и Борисоглебский отряды первое время оставались самостоятельными, но признавали старшинство нашего отряда. Видимо, потому, что в их создании мы принимали непосредственное участие, да и по численности Калдобинский отряд был больше и вооружен лучше. Кроме того, через нас осуществлялось взаимодействие с отрядом майора Марсова, который имел надежную связь с командованием 31-й отдельной курсантской стрелковой бригады.

Однажды из этой бригады через Марсова нам передали приказ: совместными силами Калдобинского, Урицкого и Борисоглебского отрядов нанести удар по одной из железнодорожных станций на участке Великие Луки — Невель.

В ночь на 12 февраля наш и Урицкий отряды прибыли в Борисоглеб, чтобы объединенными силами приступить к выполнению задания. Среди ночи меня поднял мой ординарец Петров:

— Комиссар, вставайте. Какой-то новый отряд в селе появился.

Бойдина уже не было. Он, видимо, поднялся раньше меня. Сунув ноги в валенки и набросив полушубок, выскочил из избы. В лицо полыхнуло холодом. Осмотрелся. Из

переулка вышел Зылев, вместе отправились к избе, предназначенной для штаба, где нашли Бойдина. Вид у него был озабоченный.

— Что за отряд?

— Черт его знает... Проверить надо.

Мороз пощипывал щеки, забирался под одежду. Партизаны, стягивавшиеся к штабу, прыгали — согревались, как могли. Со стороны Урицкого показался человек. Шел он, опираясь на толстую суковатую палку. За спиной висела холщовая торба.

— Аленькин!— крикнул Руднев и побежал навстречу. Аленькин остановился и шлепнул в сугроб палку:

— Степан! Дорогой мой!

— Нога как у тебя? Нога?— спрашивал Руднев, ощупывая парня и заглядывая ему в глаза

— Что нога? Хорошо. А вы как живете? Где Михаил Богданов?

Михаил стоял здесь же, и его печеное безусое лицо сияло радостью

— Тут я, Ваня.

— Миша, здравствуй! Значит, жив, здоров?

— А что мне?! Живем.

Тем временем вышел к нам навстречу незнакомый отряд. Это были люди, одетые в новенькие шинели, среди них выделялись двое в комсоставских полушубках и ушанках. Держались они свободно. Один из командиров остановил местных женщин, расспрашивал, как найти командира партизанского отряда. Подошел Зылев, спросил, кто такие.

— Я командир красноармейского отряда капитан Карпенко...

Не сводя глаз, я следил за каждым движением Карпенко. Что-то подозрительное виделось мне в нем. И полушубок новенький, точно только что получен со склада, и портупея, не потерявшая своего блеска...

— Пройдемте в избу, - предложил Зылев и подмигнул мне, дескать, будь начеку.— Неудобно объясняться на морозе.

...Какую-то долю минуты капитан колебался, затем круто повернулся:

— Товарищ Пермяков, прошу!— От группы отошел среднего роста, лет тридцати, интеллигентного вида человек.— Наш политрук,— отрекомендовал его Карпенко.

— Как вы очутились здесь, в Борисоглебе?— спросил Зылев, усаживаясь в передний угол.

— Видимо, так же, как и вы,— ответил Карпенко.— Бежали из Инзенского лагеря военнопленных, по пути напали на склад, сняли охрану, вооружились..

— Куда держите путь?— продолжал допрос Зылев.

— К вам. Слышали о вас еще в [illegible] соединяется

— Это хорошо, [illegible] поговорим о соединении.

— Сдать оружие? — переспросил Карпенко и посмотрел на политрука.— Почему? С [illegible]

— Сдайте оружие!— твердым голосом повторил Зылев.

— А если не сдадим?

— Применим силу.

Карпенко и Пермяков сдали пистолеты.

— Есть еще оружие?

— Нет.

Ощупал карманы капитана и нашел немецкую гранату и браунинг.

— А это что?

— Забыл.

Вышли с Зылевым и Бойдиным на улицу. «Гостей» под охраной оставили в помещении. Увидев нас без своих командиров, прибывшие заволновались, но вокруг тесным кольцом стояли партизаны.

— Бросай оружие!— отдал приказ Зылев.— Бросай и отходи в сторону!

Они переглянулись, о чем-то зашептались. Я «подбодрил» их, дав над головами две короткие очереди из станкового пулемета. Пришедшие сложили оружие и сгрудились в кучу. Были среди них две девушки. Они плакали. Партизаны собрали оружие: 15 трехлинеек, десять автоматов, станковый пулемет, десятка три гранат. Словно из-под земли появился кособокий мужичонка, отвел меня и Зылева в сторону и таинственно зашептал:

- Слухайте-ка! Этого командира,— кивнул головой на избу,— я видывал у немцев. Холуй ихний. На складе работал, заведующим. Принимал от мужиков картошку и всякие продукты для немцев. Так что не верьте ему...

— А не ошибся?— усомнился Зылев

— Вот те хрест!— перекрестился мужик.— Зачем я буду хулу возводить! Вот у меня и квитанции есть, которые он выдавал,— и, засунув руку за пазуху, развернул затас-

[illegible] листок, в котором были различные бумажки, не-
[illegible] контрибуционные марки. Глядя! Его подпись. Му-
[illegible] — читал он по складам.

— А его фамилия Карпенко, дядя.

— Тады не знаю,— растерянно произнес мужик и засунул квитанции обратно.

— Нет, ты дай их мне.— сказал Зилев.

Перепуганные девушки откровенно рассказали, что их отряд сформирован в Невеле эвакуациями из предателей, а направили его против партизан. Под усиленным конвоем нас переправили арестованных через линию фронта— здесь там наши с ними разберутся. А вечером отряды направились в деревню Овчино Невельского района для выполнения полученного задания.

Высланная вперед разведка донесла, что фашистов в деревне нет. Вошли. Спросили встретившуюся старушку, бывают ли здесь немцы.

— Как же им не бывать,— ответила она,— за яйками, почитай, каждый день наведываются. Вольно им тут с нами, стариками, воевать. А какие у нас яйки? Курей они когда еще всех отняли.

— Откуда они приезжают?— спросила Надя Козинцева.

— И ты, значит, милая, с ними? Ох, горюшко наше!.. А немцы, милая, рядышком, в Опухликах. Дюже их там много. Мой старик намедни там был, сам видел...

Но сам старик был иного мнения. Он горячо доказывал, что фашистов в Опухликах не так уж много и разбить их можно...

Зилеву понравился храбрый старик. «Эх, ударить бы по этим Опухликам!»— шепнул он мне. Я промолчал. Ударить, конечно, можно, да можно получить такую сдачу, что и ног не унесешь...

Бойдин трезво оценил обстановку и решил послать в Опухлики разведку: Надю Козинцеву, Нину Баранову. Девушки с радостью приняли задание. Прихватив с собой юного партизана Гешку и положив в торбочки по курице и десятку яиц, отправились в путь.

На железнодорожном переезде их встретила охрана. Объяснили, что едут выменивать кур и яйца на соль, табак и керосин. Их пропустили. На базаре смешались с толпой. Продавцов было куда больше, чем покупателей. Продавали поношенные вещи, табак, сахарин. Пока девчата сбывали свой товар, Гешка крутился по поселку. В одном мес-

те он заметил пушки, в другом — пулеметные точки. А Надя Баранова встретила на базаре школьную подругу. Она жила с матерью, работала в путейской бригаде. Через нее разведчицы узнали примерную численность фашистского гарнизона. Она втрое превышала наши силы.

— А почью вам приходится работать?— спросила Надя у подружки.

— Бывает, но редко. Почью только их охрана ходит по путям: партизан боятся.

Встретил их Бойдин. Глаза его горели радостью. Неуклюже сгреб Генку и спросил:

— Не обижали тебя девчата?

— Меня? Да я их первый обидю. Они, как куры, кудахчат, кудахчат, а я шасть — и на станцию...

— И что же ты там увидел?

— Всего повидал. И пушки, и пулеметы, и фрицев видимо-невидимо.

— Значит, на станцию пробраться можно?— обратился Бойдин к разведчицам.— Не рисковали особенно? А я, по правде говоря, беспокоился, не попались бы фашистам наши девчата...

На другой день Надя Козинцева и Генка пошли на станцию Фенино, но пробраться туда им не удалось. Всюду были расставлены часовые, придирчиво проверявшие документы. Пришлось им ни с чем вернуться в отряд. Тем временем в деревне Фенино появились вражеские лазутчики. Они прикатили на двух подводах и галопом пронеслись по деревне. Следовало, может быть, пропустить их и не выдать себя, но спрятавшийся за одним из домов часовой, бывший учитель Калдобинской школы Григорий Сельверстов, дал два выстрела — сигнал тревоги. Выбежали партизаны. Фашисты, отстреливаясь из автоматов, пытались скрыться, но это им не удалось. Одного из них достала моя пуля. Его автомат достался мне. У нас существовало неписаное правило — оружие убитого врага достается тому, кто его уничтожил.

Именно в этот час прибежали наши юные разведчики. Как обрадовался им Бойдин! Но дело есть дело. Лицо стало строгим:

— Докладывайте!

Радостного в докладе было мало. Судя по тому, как тщательно охраняется станция, гарнизон здесь не меньше, чем в Опухликах... С чем пойдем мы к Марсову? Нет, начинать надо с другого: взорвать железнодорожный мост

между станциями Фенино и Опухлики. А предварительно послать на разведку ту же тройку. Бойдин помрачнел.

— Пусть девчата отдохнут,— проговорил он чуть слышно.— Ребят надо послать. Остановились на кандидатуре Федора Бодрова из отряда Зылева.

Минут через пять появился Бодров. Среднего роста, худощавый, он метнул на нас острый взгляд и доложил:

— Бодров, товарищ комиссар, явился по вашему приказанию.

— Вам [illegible]. Разведайте подходы к мосту между Фенино и Опухликами.

— Когда выходить?

— Ночью. Часа через два.

— Одному?

— Нет, не одному, вмешался Зылев. Бойдин молчал.— Иди, потом скажу, кто с тобой пойдет.

В разведку Бодров пошел с Надей Козинцевой. Справились они со своей задачей отлично. Охрана, как удалось им установить, на мосту была незначительной, разгромить ее особого труда не представляло. Разведчики заметили, что от вагона, в котором помещалась охрана, тянется телефонный провод к станции Фенино.

16 февраля, дождавшись ночи, отряды выступили к линии железной дороги. Справа и слева от моста выставили заслоны. Бодрову с четырьмя партизанами приказали перерезать телефонную связь.

Стояла ясная, морозная ночь. Выгрузились на лесной опушке. Прошли километра два. На каждой стороне моста — часовые. Двадцать шагов от моста, затем столько же назад. Мороз не дает фашистам стоять на месте.

С полчаса наблюдали за ними. Просмотрели подступы, обсудили, как ближе подобраться к вагону, где размещалась охрана. Рядом с вагоном возвышался снежный бугор. Это дзот. На наше счастье луна спряталась за тучи. Взмахиваю рукой: вперед! Все устремились вниз, на лед. И тут опять предательски выглянула полная луна. Часовые нас заметили. Выстрел, второй, третий. Это тревога. Мы тоже открыли огонь. Немцы выскакивали из вагона и тут же попадали под пули партизан. И все же кому-то из гитлеровцев удалось проскочить в дзот. Заговорил пулемет, но брошенная кем-то из партизан противотанковая граната заставила его умолкнуть. Мы выскочили на железнодорожное полотно. На насыпи валялись трупы немцев. Подсчитали трофеи: пулемет, десять винтовок, несколько пар лыж и

[illegible] гранат [illegible]

Минеры [illegible]

[illegible]

— [illegible] поговорим.

На столе большой [illegible] кружке горячего [illegible]

— Так вот, товарищи, [illegible] Калининского фронта [illegible] оружия. Вы [illegible] артиллеристов?

— Да, есть пушкари, [illegible]

— Вот и замечательно. [illegible] держать непосредственно с 31-й [illegible] бригадой.

— У нас не один, а три отряда, [illegible]

— Это ничего. Их [illegible] командованием.

Разговор продолжался долго. Об[illegible] детали объединения и дальнейших действий. [illegible] партизанской деятельности. [illegible] объединенного отряда [illegible] Федор Тимофеевич Бо[illegible] — комиссаром. В составе отряда [illegible] в каждой и три отдельных в[illegible] ный и хозяйственный. Командирами рот и первых взводов в их составе [illegible] политруками — А. Т. [illegible] и С. Д. Литвинова. Командирами вторых взводов стали В. Д. Зайцев и Г. И. Тимофеев, командиром пулеметного взвода [illegible] лейтенант Д. Г. Каткин, разведывательный возглавил И. Н. [illegible] (позже его сменил младший лейтенант Д. А. [illegible]), во главе хозяйственного поставили старшего лейтенанта

П. П. Васильева. Была создана и артиллерийская батарея. На ее вооружении были пушка и несколько минометов. Командовал батареей Петр Цапаев. Будущее покажет, что тяжелое оружие, оставленное майором Марсовым, попало в надежные руки.

Для охраны села Урицкого Шлемину оставили несколько партизан. Вскоре здесь был создан отряд самообороны, в котором насчитывалось до пятидесяти человек. Командиром его и председателем сельского Совета по-прежнему остался Тимофей Трофимович.

Для выполнения приказа, полученного через майора Марсова, осталось установить непосредственный контакт с 31-й отдельной курсантской стрелковой бригадой. Поехали с Зылевым, сопровождал нас Ваня Петров. Ехали самыми глухими дорогами на крестьянской бойкой и сильной лошаденке.

Бои шли в районе Великих Лук. Штаб бригады, как мы знали, стоял в деревне Гречухино недалеко от Великих Лук, километрах в пятнадцати от бана нашего отряда. Линия фронта не была тогда сплошной, а проходила в лесах, были известны от Марсова. Ехали тем не менее осторожно. Недалеко от Гречухино лошадь оставили в густом старнике, а сами — где по-пластунски, где перебежками миновали нейтральную полосу.

Принял нас командир бригады Горбунов, комиссар Вершуто, начальник политотдела Муравьев. Командир бригады склонился к карте и при слабом свете керосиновой лампы показал, где проходит линия фронта и какие части противника противостоят бригаде.

— Ваша задача,— сказал Горбунов,— вести разведку участка железной дороги Опухлики — Чернозем. Взорванный вами мост фашисты пока не сумели восстановить. Вам следует поэтому усилить наблюдение за передвижением противника по шоссе. Дальше засады, минирование дорог. Сейчас упорные бои развернулись в районе Мартышкино, и враг прилагает силы, чтобы удержать этот населенный пункт, направляет сюда подкрепление.

Зылев внимательно слушал и время от времени делал небольшие пометки на своей карте. Присматриваясь к нему, я убеждался в его способностях командира, выбор сделал удачно. Зылев продолжал вести переговоры с Горбуновым и Марсовым. А меня пригласил к себе Вершуто. На беседе присутствовал Муравьев. Разговор шел главным образом по вопросу политической работы не только среди

партизан, но и среди населения. От Вершуто мне стало известно, что по соседству с нами появляются все новые партизанские группы и отряды, которым мы, как головной отряд, должны оказывать всемерную помощь и содействие. Узнал я также имена руководителей групп коммунистов-подпольщиков, партизанских отрядов и групп, места их дислокации в районе Великих Лук, Невеля, Новосокольников, Локни.

Рассовав по карманам полученные в штабе и политотделе бригады газеты и брошюры, мы благополучно добрались до ничейной территории и напали ожидавшего нас Петрова. Но только выехали на дорогу, как послышался окрик: «Халт!»

— Немцы!— крикнул Петров и огрел коня кнутом. Взвилась осветительная ракета, поднялась стрельба. Конь взвился, привскочил и повалился на бок. К ружейно-пулеметной стрельбе прибавилась артиллерийская. Открыла огонь и наша артиллерия. Видимо, по артиллерии противника. А мы, бросив коня, кинулись в лес.

Бежать по глубокому снегу было тяжело, чувствовал, что задыхаюсь, а все бежал: не умирать же здесь! Плохо, видно, приходилось Петрову. Хуторской, слабосильный, он с трудом еле поспевал за нами, но упрямо повторял: «Бегите, я доберусь».

Зуев подхватил его под руку, но он вырвался:

Я солдат, сам дойду.

Когда выбрались из полосы огня, пошли шагом. Вошли в одну деревушку, другую, а в третьей остановились на отдых. Утром были в своем отряде.

Говорят: то хорошо, что хорошо кончается. Однако переход этот показал нам наши ошибки. Первая и главная — поспешность. Не следовало выбираться на дорогу в «ничейной» полосе: сегодня она ничейная, а завтра, глядишь, появится хозяин.

Газеты и брошюры, принесенные в отряд, зачитывались до дыр. В каждой статье, в каждой строчке люди как бы отыскивали ответ на один волнующий вопрос: когда наступит время полного разгрома врага?

Надо отчитаться перед партизанами о поездке

И вот митинг. Вся площадь заполнена народом — партизанами, колхозниками и колхозницами. Волнуясь, выхожу на крыльцо, не сразу нахожу нужные слова.

— Мы только что вернулись с той стороны, товарищи,—

начал я и сразу же почувствовал себя увереннее.— Та сторона. Это наша Родина, наши люди. Мы встречались с армейским командованием и нам сказали: вы наш передовой отряд! Это ли, товарищи, не честь! Это ли не доверие к нам, партизанам! И мы должны оправдать это доверие своими делами. Сегодня в наших [illegible] будет втрое больше. Но [illegible] дней на борьбу с заклятым врагом — немецко-фашистскими оккупантами. Мы имеем сведения, что по нашему [illegible] сформировали партизанские отряды в [illegible] ликолукского и Невельского районов. Враг будет разбит. Смерть фашистским захватчикам!

— Смерть! Смерть!— понеслось по площади.

— Предлагаем назвать наш отряд славным именем «За Родину».

— Правильно,— разнеслось вокруг.— За нашу Советскую Родину — ура!

26 февраля 1942 года из штаба бригады было получено предписание: «Политический отдел 3-й ударной армии созывает совещание комиссаров партизанских отрядов 27 2 42 при политотделе 257-й стр. дивизии, дер. Марково, на которое Вам следует явиться к 16 00 27 2 42. При следовании на совещание заехать в Гречухино, имея на руках сведения о боевом и численном составе отряда».

Поехали вместе с Зыловым. В штабе 31-й бригады в Гречухино оставили сведения о численности отряда и вооружении. В это время в отряде насчитывалось 110 человек, на вооружении было семь станковых и 12 ручных пулеметов, достаточное количество винтовок и другого оружия. В Марково впервые встретились со многими руководителями партизанских отрядов, с которыми передовые части 3-й ударной армии имели связь: командирами отрядов Шеповаловым, Мартыновым, Корнышевым, Васьковым, Мининым; комиссарами Ловинским, Андреевым и другими.

Вскоре после нашего возвращения в районе села создана территориальная партийная организация, насчитывавшая на первых порах всего семь человек. В это число входили председатели сельских Советов: Урицкого — Т. Т. Шлемин, Калдобинского — С. Е. Чистобаев и секретарь того же сельсовета Р. Т. Лоренцко. В отряде «За Родину» было два члена партии: А. Т. Никитин и С. Д. Литвинец и два кандидата — я и Е. П. Сакун. Партбюро избрали Чистобаева. 6 марта на партийном собрании меня приняли в члены партии. Рекомендации дали

Шлемин, Чистобаев и Дорошенко, знавшие меня со време-
ни организации первых партизанских отрядов. Для утвер-
ждения решения собрания нужно было съездить в политотдел
бригады, но ряд событий помешал поездке. Затем мы про-
водили крупную боевую операцию, в которой я был ранен.
Нередко, разбирая свой архив, смотря на пожелтевшие от
времени рекомендации, заявления, анкеты и вспоминая
далекие дни и своих славных боевых друзей.

А наша небольшая первичная организация вскоре была
получившей права партийной. Мы начали
тическую работу среди партизан и населения. В
взводах и в отрядах были руки и агитаторы стали систе-
матически проводить беседы, читать газеты. Особенно хорошо
работали агитаторы И. М. Карасев, П. К. Комиссаров,
И. М. Аникаев. Они умело увязывали события
с задачами, стоявшими перед отделением, взводом. Боевые
листки, которые редактировали Г. Селиверстов, К. Чеснов-
ков, В. Пронин и Малышев, всегда вызывали у партизан
большой интерес. В небольших заметках они умели расска-
зать о боевых делах своих товарищей, но доставалось и
тем, кто зазнался, пренебрегал дисциплиной.

...В отряд вливались все новые силы. Приходили груп-
пами и в одиночку. С группой в четырнадцать человек при-
был Иван Ермолаев, которого назначили помощником
командира взвода к В. Г. Зайцеву. В конце февраля при-
шли еще 34 человека во главе с П. Ф. Речкиным, уроже-
нцем Семипалатинска. В [illegible] марта 1942 года пришлось
нам создать еще одну роту (мы называли эти роты отря-
дами), командиром назначили А. П. Логунова. К середине
марта отряд «За Родину» насчитывал в своих рядах более
400 бойцов.

Отряд перебазировался ближе к шоссейной дороге Не-
вель — Усвяты. Штаб с двумя ротами разместился в дере-
не Жидки Комшанского сельсовета Невельского района, а
рота Логунова — в Борисоглебе.

При распределении обязанностей между руководителя-
ми отряда на мою долю выпало обеспечение продоволь-
вием и обмундированием. Прокормить большое количество
людей становилось все труднее. Запасов у нас не было, а
фашисты до нитки обобрали колхозы и колхозников.

Вспоминается такой случай. Продукты у нас кончились,
и кормить партизан было нечем, а тут нам стало известно,
что неподалеку в одной из деревень кто-то из гитлеровских
прислужников заготовил для фашистов хлеб, тушу мяса

и другие продукты. Вызвал командира хозвзвода Петра Васильева и направил его в эту деревню для реквизиции продовольственных запасов. Вскоре он вернулся и доложил, что они уже конфискованы какой-то группой людей. Что за группа, откуда она появилась?

Зылев пришел в ярость.

— Бери, комиссар, отделение и выясни, что за люди.

В деревне, где расположился неизвестный отряд, было всего-то с десяток домов. Расставив партизан так, чтобы можно было держать под огнем всю деревню, я отправился искать неизвестный отряд. Из одной избы слышалось пение, играл патефон. Вошел туда. За столом с закусками и бутылями самогона сидело три человека, изрядно подвыпивших. Один из них был в форме старшего лейтенанта. Я отрекомендовался.

— А, соседи! Добро пожаловать!— поднялся из-за стола старший лейтенант.— Какими путями?

Какой может быть разговор с пьяным человеком? Посмотрел на двух других. Оба молодые, один в форме политрука, другой в красноармейской форме.

— Путь один, товарищ старший лейтенант, но дела, как видно, у нас с вами разные. Живете, как я вижу, неплохо. Никто вас не трогает, и вы никого не трогаете. Пьянствуете...

— Но-но, — заартачился старший лейтенант.— Мы не пьянствуем, а празднуем день Красной Армии.

— Рано празднуете, сегодня только еще 21 февраля.

— Мы авансом... Садись, отпразднуем вместе...

Неожиданно в избу вошел Зылев. Шапка на затылке, прядь рыжих волос упала на кипевшие гневом глаза.

— Где продукты?— бросился он к старшему лейтенанту.

Тот, не меняя позы, посмотрел на Зылева.

— Так вот вы зачем приехали? Так бы и сказали. В амбаре хлеб. Он наш. Захотим — булки будем печь, захотим — на самогон сгравим. Вам ясно? Если не ясно, мой адъютант разъяснит. Ванька! — повернулся он в сторону молодого парня.— Разъясни им.

Зылев схватился за пистолет. Я придержал его руку.

— О продуктах поговорим потом. Я хочу знать, кто вы, кому служите — Родине или ее врагам?

Незнакомый старший лейтенант заметно отрезвел.

— Мы из окружения. Из Белоруссии идем. Так что на этот счет вы не того...

— Мы предлагаем вам разоружиться,— продолжал я. Зылев помалкивал.— Не сдадите оружие добровольно, си... заставим. Соберите сейчас же своих людей!

— Собрать отряд я не буду,— протрезвев окончательно, ответил старший лейтенант,— а хлеб и мясо забыл...

— Собрать людей! — приказал я его адъютанту.

Поняв, что тут не шутят, тот пошел. Зылев молча [illegible] явно не нравилось мое решение.

Минут через тридцать отряд был в сборе. В нем было человек тридцать. Судя по одежде и вооружению, это [illegible] скитались по окружным. Обтрепанные, изможденные, они стояли кучкой и с любопытством смотрели на партизан, приехавших вместе с Зылевым. Среди них я заметил Сакупа. Он бойко разговаривал с одним из окруженцев и часто кивал в нашу сторону головой. О чем он говорил, сказать трудно. Но было видно, что окруженец — здоровый, широкоплечий детина с простым крестьянским лицом — вначале хмурился, затем стал улыбаться. Нет, это не предатели. Что толку их разоружать? Лучше предложить им влиться в наш отряд. Мое предложение было встречено с радостью. Смотрю, тот здоровый, широкоплечий обнял [illegible] ку..., и хохочут оба.

А старшему лейтенанту такой оборот дела явно не нравился. Подумав, все же процедил сквозь зубы:

— Хорошо. Я согласен. Только при условии — не разъединять нас. Почти полгода были вместе...

— Не разъединим,— сказал Зылев.

Я понял, что приезжим разумнее бы разбить по ротам и взводам нашего отряда, а старшего лейтенанта записать рядовым, пока тот проявит себя в деле. Но Зылев не согласился. И резко повернувшись к партизанам:

— Грузите продукты, ребята...

Это была наша первая ссора. Самолюбив командир. Надо его образумить. Но как? Всю обратную дорогу не шел из головы этот вопрос. Видимо, надо собрать командиров рот и взводов и решить этот вопрос сообща. Не может быть, чтобы не поддержали. Так и сделали. Сообща объяснили Зылеву, что он был неправ.

Прежде чем оседлать шоссе Невель — Усвяты, надо было во что бы то ни стало установить численность вражеских гарнизонов в Невеле, на железнодорожных станциях Фенино и Опухлики. Наши разведчики установили, что в Невеле находится штаб 403-й пехотной дивизии, части

которой размещались в районе станции Невель-II, а по
[illegible]
— [illegible]
[illegible]
— Еще раз [illegible]
прикрыть [illegible]
ли, [illegible]
Надя [illegible] Сережка, [illegible]
— А вчера. Пусть [illegible]

Сережка пошел к начальнику штаба Бойцову и рассказал о случившемся. Между Зыловым и Бойцовым состоялся серьезный разговор, причем Зылов наговорил много лишнего. Бойцов промолчал, направился к опытному разведчику Федору Ботову

— У меня к тебе, Федор, просьба Забирай Козинцеву с Сережкой и отправляйся на разведку в Фешню. Проходы и проезды знаешь. В случае чего отправь ребятишек обратно и действуй один

...Ботов поехал вдвоем с Надей, но не проехал и трех километров, как остановил лошадь и скомандовал:

— Слазь!

— Почему?

— Скажи начальнику штаба, что, мол, Ботов один управится

Надя подчинилась

Ботов вернулся только на другой день Сережка доставил неутешительные: мост восстановлен, к фронту вошли поезда с техникой и живой силой Гарнизон пополнен. Вооружение — пушки, минометы, [illegible] и ручные пулеметы Обсудили и решили действовать [illegible]

В первую пошел сам Зылов со взводом партизан на шоссе Невель — Великие Луки Ружейно-пулеметным огнем уничтожили грузовую машину, убили пять [illegible] ровцев. Двенадцатого марта взвод под командованием Зы-

рина устроил засаду около деревни Зеленой Великолукского района, но был обнаружен и возвратился ни с чем. Зато 16 марта отличился в районе деревни Черный Двор взвод под командованием Бойцова. Перед рассветом [illegible] деревни [illegible] партизаны [illegible] плывшие фарами. Спокойно и [illegible] точно бросили [illegible] на головы [illegible] паника. Михаил Богданов, Василий Прокофьев, Петр Скворцов, Григорий Карасев, Михаил Юдин [illegible] дальним ружейно-пулеметным огнем уничтожили [illegible] ярославцев, двух офицеров взяли.

Больше первых дней [illegible] С трудом [illegible] поняли это. Он из Лехово. Там имелся [illegible] большой, охранявший склады с боеприпасами, горючим и продовольствием.

Однако показаться этого гитлеровца вблизи было нелегко. Решили вновь устроить засаду и взять [illegible] «языка». 16 марта отправились в засаду взвод Зайцева. Их обнаружили. Завязался бой. Потеряв 14 человек убитыми, фашисты вынуждены были отойти, но и мы не досчитались одного человека. 17 марта группа партизан столкнулась с немцами, ехавшими на двух автомашинах в деревню Черный Двор. В перестрелке фашисты потеряли трех убитыми и один был ранен. На другой день взвод из роты Логунова вел бой с отрядом противника в районе деревни Собакино. 20 марта на шоссе Усвяты — Невель около деревни Овинищи взвод партизан под моим командованием устроил засаду. Фашисты, ехавшие с обозом, нас обнаружили и отошли, избегая боя. Мы обстреляли их.

Наиболее успешными оказались действия взвода во главе с Бойцовым близ деревни Пески 21 марта. Партизаны убили 13 фашистов, подбили три автомашины, в том числе одну легковую, в которой сидели офицеры. В наши руки попали ценные документы, а также железные кресты, которые фашисты везли из Германии для награждения своих вояк.

Активизировались и фашисты. 24 марта взвод Тимофеева возвращался с боевого задания и напоролся у деревни Бардино на фашистскую засаду. Трудно пришлось бы партизанам, если бы не подоспела подмога, приведенная Зыковым. Артиллерийским и ружейно-пулеметным огнем фашисты были рассеяны.

А на следующий день карательный отряд фашистов рано утром повел наступление на наш отряд. Северное Бар-

дино разгорелся бой, который длился пять часов. Потеряв семь человек убитыми и несколько ранеными, каратели отступили. Наши пушкари прямым попаданием [illegible] одну пушку, груженную боеприпасами. С нашей стороны было трое раненых.

Но ни эти операции, ни допрос пленных не дали [illegible] ясной картины о численности и вооружении лехов[illegible] гарнизона. К тому же у нас случилось большое горе — мы потеряли двух наших разведчиц Зину Волкову и Лену Арсенкову. По пути в Лехово, в деревне Большая Будинка, их опознали полицаи. Обе девушки были местные. Перед войной Зина работала в колхозе деревни Спайки и была здесь секретарем комсомольской организации, а Лена, тоже комсомолка, учительствовала в соседней деревне Жабино. Их доставили в Лехово 13 марта после пыток и издевательств их расстреляли. Узнали мы, что Зина и Лена на допросах держались мужественно, словом не обмолвились, куда и с какими [illegible] направлены.

Вызвали [illegible] разведали Хрущкого, спросили, кто он [illegible] есть. Ричка-весник, а данные-то нужны. Хрущкий назвал несколько [illegible] фер. Обсудив каждую из них, остановились на Нине Клинцевой. Когда, перед войной в Лехово [illegible] сестрица, есть предлог: приехала к родне, а также [illegible] сел, деревень.

Нам на [illegible] Лехотухино, Микулино, Р[illegible] Лехово. Подошли к дому тетки, огляделись. У [illegible] обзавелась. Теперь надо обойти село.

У колхозных [illegible] [illegible] немцы. В открытые двери видны деревянные и металлические ящики. Ясно — боеприпасы. Из русского сарая выносят и грузят на подводы кули, значит, здесь у фашистов продовольственный склад. Поодаль сложены стоги сена, из которых торчат стволы пулеметов, а немного в стороне аккуратно [illegible] железные бочки с горючим. А вот лощина, окруженная колючей проволокой. На возвышенностях — дзоты. Присмотрелась, с людьми поговорила. Численность гарнизона — человек триста. На вооружении — минометы, пулеметы, автоматы и винтовки. В течение дня прошло несколько автомашин с солдатами. Не останавливаясь, маршевые роты шли на передовую.

К вечеру разведчица выехала из села. И тут увидела, что за ней бежит человек, кричит и размахивает руками. Вот еще двое с винтовками. Раздались выстрелы. Пожа-

лась автомашина с солдатами. Только бы до поворота! Машина по санной дороге не пройдет, а пешие не догонят... Вот и лес. Спасена!

Вернулась Надя промерзшая и усталая. Явилась в штаб вместе с Хруцким, подробно доложила о результатах разведки.

Позднее мы установили, что лошадь, на которой скакал Калинин, принадлежала собственному старосте, который и выдал всех за пай участи своего барина.

21 марта я вернулся в штаб 31-й бригады, чтобы сообщить, как идет подготовка к операции, да и пополнить боеприпасы: у нас оставалось совсем мало гранат. Вместе беседовал со мной Яков Макарович Вершуто.

Перед отъездом зашел к бригадным разведчикам и тут неожиданно встретился со старым другом Андреем Кантемиром. Он рассказал, что после того, как отряд Маресьева был отозван в бригаду, его направили в отдельную разведроту, которую сейчас возглавляет.

Приближалась весенняя распутица, и подготовка к ней оказалась для нас важной заботой. А тут из штаба бригады сообщили, что к нам на днях прибудет группа специального назначения во главе с капитаном Ваупшасовым (ныне он Герой Советского Союза, автор книги «Партизанская хроника»), которую нам следует препроводить дальше, в глубокий тыл врага. Утром 25 марта группа в количестве 25 человек была уже в Жилках. До нас ее довели разведчики 227-го отдельного лыжного батальона капитана Калинина, а нам предстояло переправить группу Ваупшасова в село Городище Невельского района, откуда она продолжит следует дальше, в Белоруссию. Проводником назначили Ефрема Сакуна, который отлично знал эти места.

Выехали под вечер. На первой подводе рядом с капитаном Ваупшасовым ехал гордый поручением Ефрем Сакун. Он явно завидовал ребятам, которые сами на выполнение какого-то особо важного задания. У каждого новенький автомат, шесть, гранаты. На лыжах установлены два «максима». С таким вооружением можно отбиваться от целого батальона. А тут приходится мотаться по деревням в деревню, и лишь от случая к случаю удается стукнуть одного-двух фрицев. Полицаи в счет не идут: это не вояки, а подлые трусы, шкурники.

Ехали, конечно, не молчком. Сакун понравился капитану, и тот предложил остаться у него. Предложение лест-

гое. Но комиссар, отправляя его в этот ответственный рейс, [illegible] не задерживаться. [illegible]

[illegible]

У Сакуна точно гора с [illegible]. [illegible] он выполнил, а уж сам-то в отряд доберется. [illegible], а под утро вернулся в отряд

Без малого на два километра растянулся партизанский обоз. Впереди идет взвод разведки во главе с Хруцким. Беззвучно идет, по-партизански.

Для того, чтобы попасть в [illegible], [illegible] пересечь шоссе Невель — Усвяты, по которому почти беспрерывно двигались колонны автомашин. На [illegible] стороне шоссе раскинулась деревня Малая Будница, а [illegible] — Большая Будница. Здесь намечалось перерезать шоссе и отвлечь внимание гитлеровцев от Лехова.

Группа отвлечения сосредоточилась в густом кустарнике на небольшой возвышенности, откуда дорога отлично просматривалась, а основные силы ждали сигнала, чтобы, как только начнется заваруха, перебраться через шоссе.

Показалась автоколонна. Впереди [illegible] машин с солдатами, за ними грузовики с боеприпасами. Несколько противотанковых гранат и [illegible] сделали свое дело. У фашистов [illegible], крики. А отряд тем временем быстро [illegible] Большую Будницу.

Появился Хруцкий и доложил, что в деревне Остров фашистов нет, можно сделать привал. Однако мы решили дойти до деревни Боброво. Во-первых, она дальше от шос-

[illegible] здесь обзор лучше, легче наблюдать за про- [illegible]

[illegible]

[illegible] В кино это [illegible] не до смеха. Мы готовились к бою.

Взвилась ракета [illegible] атаки. [illegible] пушки и минометы, да так метко, что сразу же [illegible], оглушительно [illegible] в них боеприпасы. Партизаны бросились вперед. За мной бежал [illegible] и на ходу выкрикивал:

— В горницы бросайте гранаты! Кухни не трогайте, хозяева там.

Гранаты делали свое дело. Из изб [illegible] кто в чем — фашисты и тут же [illegible] от партизанских пуль. Но гарнизон был велик. Фашисты [illegible] в себя и [illegible] все организованнее, отступая в сторону шоссе. Я с группой партизан бросился им наперерез. Вот [illegible] катается по земле в схватке со [illegible]. Фашист был в одном белье, поэтому [illegible] Задушил бы партизана, да [illegible] на [illegible]

Особенно [illegible] из окон дома, что стоял [illegible] и туда [illegible] к [illegible] а вы- [illegible], но бро- [illegible]

В горячке [illegible] заметил, что кончились патроны: автоматный диск пуст, как и обе обоймы пистолета. Поднял валявшиеся на дороге немецкую винтовку и подсумок. Из дома

напротив выбежали два офицера и залегли. Одного я пристрелил, другой выпалил из пистолета в меня, но не попал. А позади кто-то охнул. Оглянулся — убит Ваня Петров, дорогой мой товарищ...

На другом конце села постепенно затихала стрельба. Значит, и у второй группы дела идут неплохо. Стал заряжать винтовку и вдруг почувствовал сильный удар по обеим кистям рук. Винтовка глухо ударилась о землю. Меня кто-то схватили чьи-то руки. Это был Волошин.

— Павел, что с тобой? — спросил он. — А ну, товарищи, быстро несите его вон в ту избу.

Здесь уже действовал наш перевязочный пункт. Фельдшер Тимофей Тихонович Парфенов, медсестры Дуся Максимова, Аня Лукьянова, Ольга Левченко, Надя Куркевич оказывали первую помощь раненым партизанам.

А все же успешно завершилась леховская операция. Все партизаны действовали смело и решительно. Особенно отличились Михаил Окулов, Семен Козлов, Павел Белов, Дмитрий Хрущкий. За этот бой Окулов был награжден орденом Красной Звезды, остальные — медалями «За отвагу», мы с Зылевым — орденами Красного Знамени.

Вот что сообщал об этой операции политотдел 3-й ударной армии Политуправлению Калининского фронта 6 апреля 1942 года:

«Оказывая помощь частям Красной Армии, стойко и мужественно сражался с врагом партизанский отряд «За Родину». 27 марта отряд произвел стремительный налет на село Лехово и удерживал его в течение нескольких часов до подхода превосходящих сил противника. В бою фашисты потеряли только убитыми 122 солдата и офицера. При этом захвачены трофеи: 4 станковых и 5 ручных пулеметов, 1 миномет, 41 винтовка, 43 лошади и 4 полушубка с противогазом и фуражкой. Уничтожено 26 автомашин, взорвано 2 склада с боеприпасами, горючим и продовольствием, 3 моста...».

Но и нам эта победа досталась нелегко. Десять человек погибли, в том числе командиры взводов Василий Зайцев и Дмитрий Касаткин, рядовые Семен Маслоков, Павел Речкин, Василий Одинцов, Карп Болдов, Ваня Петров, Новеденок. Имена погибших мне удалось выявить только в 1983 году после долгих поисков, но их фамилии до сих пор не установил. Двадцать три человека получили ранения. В том числе и я.

И вот я на Большой земле. Лечился в одном из ташкент-

ских госпиталей. 2[illegible] мая [illegible]зал ко радию сводку Совинформбюро:

«Партизанский отряд «За Родину»,— читал Левитан,— действующий в одном из районов Калининской области, внезапно атаковал немецкий гарнизон в населенном пункте и уничтожил до 200 немецких оккупантов. Партизаны взорвали два железнодорожных моста и захватили трофеи».

Ведь это о нашем отряде! Сердце забилось сильнее: значит, отряд успешно продолжает бить фашистов!

Уже после войны я узнал, что отряд «За Родину» в июне 1942 года по решению Калининского обкома партии и Военного совета Калининского фронта был преобразован в 1-ю Калининскую партизанскую бригаду, объединившую четыре отряда общей численностью 172 человека. До сентября 1942 года бригадой командовал Залов, затем до апреля 1943 года — Бойдин, а когда его назначили командиром 4-й бригады, его сменил В. М. Лисовский. 1-я бригада была самой многочисленной. Она постоянно росла, и в ней оказалось 2045 бойцов. Ее разукрупнили и создали 6-ю и 7-ю Калининские партизанские бригады.

В 1-й Калининской бригаде, сформированной на базе отряда «За Родину», выросли многие выдающиеся руководители партизанского движения. Так, В. Ф. Задорин стал командиром 7-й Калининской бригады, стали командирами отрядов Г. Селиверстов, К. Чесноков, 15-ю бригаду возглавил Д. А. Халгурин, а командирами и комиссарами отрядов — Ф. И. Ботов, И. Д. Муравьев, Алексеев и другие.

...Работая над очерком, я использовал свои дневниковые записи, воспоминания боевых товарищей моих и, что особенно важно, документы, хранящиеся в архиве Министерства обороны СССР и в архиве ЦК ВЛКСМ. Некоторые данные о начальной деятельности отряда хранятся и в Калининском областном партархиве. Сделанные там Ф. Г. Бондиным выписки также были использованы. Большую помощь мне оказали воспоминания специалистов историков, в частности, в книге «Народная война в тылу врага», изданной в Москве в 1961 году, приводятся данные, полностью совпадающие с моими записями.

С момента создания Успенского, Калюбинского, Урицкого, Борисоглебского отрядов, слившихся в объединенный отряд «За Родину», преобразованный в бригаду, партизаны разгромили 11 гарнизонов противника, 11 волостных управ, пустили под откос 130 вражеских эшелонов, 2 бронепоезда,

провели 178 открытых боев и крупных засад, взорвали 30 железнодорожных и 135 шоссейных мостов, уничтожили 12 танков, 449 автомашин, один самолет, более 3000 гитлеровских солдат и офицеров. Таков итог боевого пути партизанского соединения, закончившего свой [illegible] путь в июле 1944 года в Белоруссии. Я стал [illegible] и мне довелось сражаться в его рядах.

А после войны я узнал, что с января по май 1943 года комиссаром этой бригады был наш земляк по Восточному Казахстану участник гражданской войны в Рудном Алтае Аркадий Николаевич Данилов. Вместе с ним сражался в бригаде его семнадцатилетний сын Ким, который начал рядовым, а закончил исполнителем командира отряда по разведке. Оба Даниловы погибли в боях за Родину...

В 1962 году Калининский областной партийный архив сообщил мне адреса ряда моих боевых товарищей. Написал им. Первым откликнулся Бойдин.

Федор Тимофеевич сообщил, что после войны он был на комсомольской работе, затем продолжительное время работал первым секретарем Ленинского и Западнодвинского райкомов партии, был делегатом XXIII съезда КПСС. «Мы с Надей (оказывается, Надя Колыщева стала его женой, она учительница) приглашаем тебя к нам в гости. До места, откуда мы начали действовать, совсем близко... Приезжай, вспомним наши боевые дела».

Из этого письма я узнал о судьбе многих наших партизан. Уже после моего ранения и эвакуации в тыл пали смертью храбрых И. Попов, К. Чесноков, Г. Селиверстов, Д. Хруцкий, К. Марсов и другие. В послевоенные годы умерли бывший командир взвода И. Ермолаев, комиссар 31-й отдельной курсантской стрелковой бригады полковник Я. М. Вершуто, наш фельдшер Т. Парфенов, председатель Калдобинского сельсовета С. Чистобаев.

В июне 1964 года по приглашению Псковского обкома партии (Великолукский и Невельский районы относятся сейчас к Псковской области) я участвовал в торжествах, посвященных двадцатилетию освобождения Пскова, где встретился со многими партизанами. Такие же встречи состоялись в 1970 году и в 1975-м. Побывал в первый раз в Урицком, во второй — в Лехово, куда съехались многие бывшие партизаны. Мы посетили братскую могилу товарищей, погибших в бою 27 марта 1942 года при разгроме вражеского гарнизона. Но на памятнике не были указаны фамилии захороненных здесь партизан. Мне удалось

установить их, и в 1983 году они были высечены на па-

В этой же бригаде [illegible] Маринина Волфилактики и [illegible] Пеховской [illegible]

[illegible]

Обе бригады входили в состав 3-й ударной армии Калининского фронта, которая с [illegible] 1943 года вела бои за освобождение Невеля. Здесь сражалась и Маншук Мамето-ва – пулеметчица 100-й стрелковой бригады. В Невеле можно увидеть надгробие, на [illegible] которого высечены слова: «Герой Советского Союза [illegible] сержант Маншук Мамето-това, 1922 года рождения, [illegible] храбрых 15 октября 1943 года в боях за освобождение [illegible]». В городе воздвигнут памятник отважной дочери [illegible] народа. Ее именем названа одна из улиц Невеля.

Каждый раз, приезжая в партизанские места, я встречался с Февроньей Степановной Бодуновой и дедом Кириллом, приносил цветы к горьким датам сорок первого. В последний мой приезд [illegible]

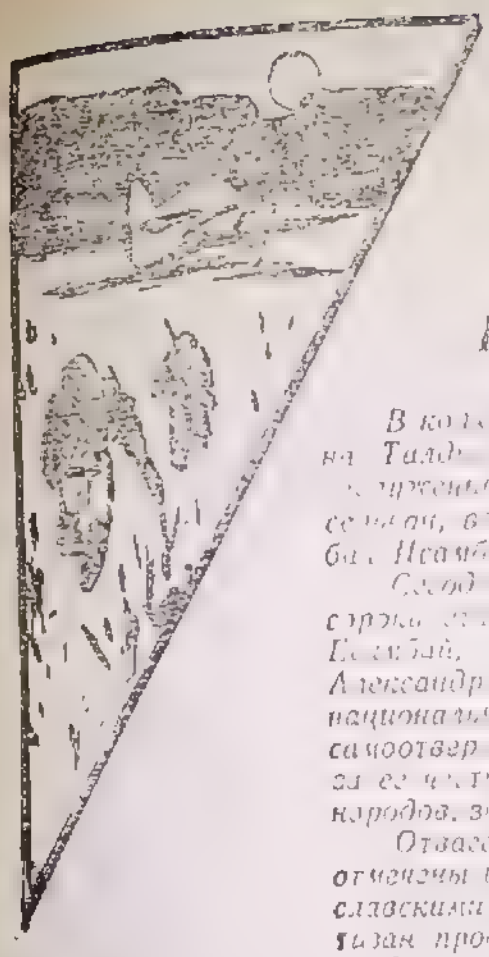
Встречаюсь и переписываюсь со многими моими побратимами по партизанской борьбе, которые ныне проживают в разных городах и селах страны. Федор Тимофеевич и Надежда Константиновна Бондины живут и работают в Калинине. Один из первых партизан Успенского отряда, с которым мы начинали первые партизанские шаги, Иван Гаврилович Аленькин воевал до последних дней и вырос до [illegible] Ярославского отряда. Прошел [illegible] партизанскими тропами, [illegible] Наш разведчик казахстанец Ефрем Павлович Сакун [illegible] многие годы после войны работал на [illegible] стройке, [illegible] персональным пенсионером, живет в Кировске Новосибирской области. Бывший командир хозяйственного взвода Петр Павлович

Васильев тоже был ранен в леховской операции. Мы вместе с ним лечились в Ташкенте. Он живет теперь в Башкирии, на пенсии, но продолжает трудиться. Василий Алексеевич Проскуров был рядовым партизаном, а вырос до заместителя командира бригады по разведке, после войны продолжал служить в армии. Ныне он полковник в отставке, живет в Киеве. Бывшая разведчица Вера Семеновна Горелова до последнего времени была сотрудницей одного из предприятий оборонно-технического управления в Москве. Недавно ушла на пенсию. Ее соратницы по разведке и медсестры Анастасия Павловна Шевцова (ныне Новикова), Ольга Михайловна Лебедь (ныне Дунина), Зоя Феофановна Ратьковская (ныне Новикова — тезка сестры, живут в Великих Луках, а сестра Зоя Петровна Федорченко (ныне Морозова) — в Риге, Роза Константиновна Фильковская — в Кишиневе, Надежда Ивановна Беляева — в Вильнюсе.

Долгие годы не увенчались успехом мои попытки узнать судьбу моего боевого друга Андрея Костюкова из отряда Марсова. В 31-й стрелковой бригаде Андрей был командиром отдельной разведроты, но по данным архива Министерства обороны СССР на этой должности значится лейтенант А. П. Зубков. Полагаю, что фамилия Костюков — это кличка, которую мой друг присвоил себе в тылу врага. Не теряю надежды найти Андрея, как и других моих боевых товарищей.

Ведь фронтовая дружба вечна, память о ней незабвенна!

БОЛАТ ДАКЕРОВ,
журналист



ПАРТИЗАНСКАЯ БЫЛЬ

В колхозе имени Куйбышева Кировского района Талды-Курганской области живет и трудится, окруженный всеобщим уважением односельчан, ветеран войны и труда коммунист Есимбай Исамбекович Исамбеков.

Сегодня он расскажет о событиях более чем сорокалетней давности, когда совсем еще юный Есимбай, тогда рядовой товарищам по оружию Александрову, выполняя свой воинский и интернациональный долг, ездил от Родины, храбро и самоотверженно сражался с фашистскими оккупантами за ее честь, свободу и независимость, за свободу народов, за мирное время.

Отвага и мужество нашего славного земляка отмечены боевыми наградами — советскими и югославскими. Ведь именно в рядах югославских партизан прошла большая часть своего многотрудного пути советского солдата.

В КОЛЬЦЕ

Декабрь 1941 года. Давно ли рвались к столице нашей Родины гитлеровские вооруженные до зубов войска, оставляя на своем пути разрушенные города, сожженные деревни, сея вокруг смерть, кровь и слезы. И вот они остановлены Советской Армией, далеко отброшены от стен Москвы.

В эти дни первых военных радостей и надежд принесли Есимбаю долгожданную повестку Каратальского райвоенкомата. Так стал он солдатом. Попал на Юго-Западный фронт. А три месяца спустя, в марте 1942 года, получил здесь боевое крещение.

Но главные испытания были впереди. Летом 1942 года гитлеровцы, сосредоточив на юго-западе огромные силы, прорвали фронт мощными танковыми клиньями и двинулись вперед. Полк, в котором сражался Есимбай, отрезанный от других частей дивизии, оказался в окружении и с боями прорывался к своим. Без отдыха. Без передышки. Днем и ночью.

Забылся солдат на ночном привале в покоренном о... ...ему ...ёсу, и привиделись ему картины недавних ...ных ...Шаган... Кокбастау... Родные места, родные люди

— Александр, вставай! Пошли!

Вокруг рвались снаряды, свистели пули. Враги были ...близко. Быстро обшарив землю вокруг себя, Есимбай ...нул, собрал автомат и поспешил вслед за своими товарищами.

Шли впроголодь, шатаясь от усталости. Но как бро... раненого Сергея, с которым подружился в первые дни ... солдатской службы! Этот русский, чье имя он сохранил ...дат был тяжело ранен. Он все время просил, чтобы не хоронили обузой, требовал: «Пристрелите меня». Но Есимбай, ...ляя на себя тело друга, упрямо продолжал путь.

Тихо вокруг. Кажется, оторвались от врага. Сколько ...лись? Человек двадцать. Во главе с раненым лейтенантом. Вдруг тревожный возглас:

— Немцы!

Залегли. Лейтенант организовал круговую оборону.

— Сдавайтесь,— требовал чей-то голос,— а то уничтожим!

Молчат бойцы. Отстреливаются. Об одном думают: каждую пулю — в цель, каждую гранату — в гущу атакующих.

Сколько прошло времени, Есимбай не помнил. Очнулся, почувствовав, что кто-то волочит его обмякшее тело по траве...

«Я попал в плен!»— сверкнула догадка, и мир померк в его глазах.—«Да лучше умереть!» Но не было у него ни автомата, ни ножа...

Есимбай попал в лагерь для военнопленных. Около тридцати тысяч человек содержались в нем. Два раза в день давали суп — миску мутной воды, в которой плавали одинокие фасолинки. С рассветом выгоняли на работу — восстанавливать разрушенные мосты, дороги. Тех, кто не мог работать, фашисты пристреливали... В марте 1943 года пленных перевезли в Югославию.

ДОРОГОЙ ИСПЫТАНИЙ

...Это было время тяжелых раздумий, поисков путей из горестного положения. Лежал ли он на лагерных нарах, ходил ли, спотыкаясь на принудительные работы, всюду Есимбай думал об одном и том же: надо собрать надежных людей и устроить побег... Добраться бы только до этих недалеких, залитых солнцем гор... Но как убежишь!

Познакомился с пленным сербом по имени Коста. Это был удивительно стойкий человек, добронадеянный и добрый. Он часто смеялся, шутил и заражал своей бодростью других. Рядом с Костой даже самые угрюмые и мрачные начинали улыбаться. Не раз ловил на себе Есимбай пристальный взгляд этого парня. Понимал, что от спокойного приглядывался ли, пользуется ли доверием?

— Александр, если бы тебе дали оружие, ты стал бы сражаться против фашистов?

— А сам ты как бы поступил?

— Я бы пошел биться с врагом. Мстить ему за многие тысячи наших, за сожженные города и села, за двух братьев и сестер, которых фашисты расстреляли за связь с партизанами.

Встречались еще раз, беседовали подолгу, пока Коста не сказал, что пора подбирать надежных людей и готовиться к побегу. И твердо добавил: «Связь с партизанами есть».

Каждый день с утра по утрам фашисты выгоняли пленных на строительство сельского моста — валить деревья, таскать камни. Есимбай смертельно уставал, но он и подобрал себе товарищ жил и ближней мечтой о побеге, о предстоящей борьбе с врагами. Придет время, и Коста даст сигнал.

И это время пришло.

— Ну что, Александр, срок настал,— сказал Коста,— всех своих хорошенько предупреди. Как стемнеет, не теряйте меня из виду. Видишь, за ущельем большой камень? Там вас будут поджидать наши люди. А я пока останусь здесь, еще немало дел надо тут сделать...

И хотя Есимбай давно ждал этих слов, они его не только обрадовали, но и испугали: а вдруг — провокация?.. Но тут же отмел эту мысль. Не может Коста оказаться предателем.

Подошло назначенное время. Темнеет. Скоро конец каторжного рабочего дня. В карауле два автоматчика. Вдруг они исчезли, вместо них появилась длинная фигура Косты. Тот помахал рукой и исчез... Есимбай подал знак товарищам. Двадцать два человека двинулись к месту встречи с партизанами, миновали ущелье. Послышались треск автоматов и лай собак. Но опоздали фашисты — беглецов им не догнать...

В партизанском лагере их пригласили в землянку и накормили досыта, а утром зачислили в отряд, большею частью состоявший из советских воинов. Его здесь называли русским батальоном.

И здесь за Есимбаем оставалось все то же русское имя — Александр. С этим именем он и ходил много раз в бой. Сашу-Есимбая партизаны любили и уважали. За сметку и разумную отвагу. Без него не производили операции по захвату вражеских обозов, уничтожению гитлеровских комендатур, взятию «языков». Рядовой боец вырос в командира 3-й роты 3-го батальона 13-й отдельной дивизии югославской народно-освободительной армии.

Однажды, это было весной 1944 года, его роте было дано задание разгромить фашистский гарнизон на станции Огнен и вывести из строя участок железной дороги, по которой гитлеровское командование перебрасывало на восточный фронт боевую технику и свежие части. Есимбай понимал, какое важное задание получил. С группой разведчиков проник на станцию, с помощью местных жителей партизаны разведали силы противника, размещение его огневых средств. А ночью провели задуманную операцию.

Группу, которая должна была уничтожить фашистскую комендатуру, разместившуюся в здании школы, возглавил сам Есимбай. Он пошел, несмотря на то, что еще не зажила рана, полученная в недавнем бою.

В полночь партизаны подошли незамеченными к приметному зданию. «Начали!» — коротко приказал Есимбай и первым швырнул гранату в окно комендатуры. Через несколько минут крыша дома запылала. Это было сигналом для остальных групп. Пожары вспыхнули в нескольких местах. Горело здание вокзала, казармы. Пока партизаны расправлялись с гитлеровцами, Есимбай отправился к дому предателя из местных, некоего Бугрича. Этот негодяй не раз проникал в ряды партизан, скрывался из лагеря, а потом приводил туда немецкие карательные войска. Когда эти злодейства раскрылись, Бугрича укрыли его хозяева — фашисты. Теперь наступил час расплаты.

Партизаны вызвали хозяина соседнего дома и попросили его постучать в дверь дома изменника, а сами прижались к забору. Через некоторое время послышалось шарканье ног, кто-то спросил: «Кого это по ночам носит?» и выругался. Узнав по голосу соседа, предатель открыл дверь и, подавшись вперед, сказал: «Чего надо?». Тут же Есимбай вызволок его за воротник наружу. Но Бугрич успел выстрелить... Партизаны скрутили ему руки. А Есимбай прислонился к забору и медленно стал падать. Только тогда поняли партизаны, что он ранен...

Месяц отлеживался Есимбай в партизанском лазарете. Потом его вызвал к себе командир батальона:

— Спасибо, брат, ты храбро сражался за свободу Югославии. Знаю, что ты советский, а кто ты по национальности?

— Я казах.

И комбат, могучий бородач Басо, рассказал ему о подвиге [illegible], которого звали Алексей. Он служил в [illegible] полку [illegible] интернационального отряда Ерушко-Белича. Несколько дней назад, 14 мая, на партизанский лагерь напало свыше трехсот карателей. Отряд в это время ушел на выполнение [illegible], а в лагере остались [illegible] и несколько братьев, пока не кончились патроны. Алексей, истекающего кровью, окружили фашисты, надеялись взять его живым. Он подпустил их поближе и бросил последнюю гранату... Алексей посмертно награжден югославским орденом «За героизм». Он с воинскими почестями похоронен в селе Брезаци.

Настоящее имя отважного джигита Есимбай узнал позже. Оказывается, Алексеем партизаны прозвали комсомольца Рамазана Ермекова. И он мстил за безвременно ушедшего героя, храбро сражаясь на югославской земле. Он выполнял свой интернациональный долг советского патриота. Ибо знал: советский патриотизм и интернационализм — неразделимы.

Партизан Югославии, советский воин Есимбай Исамбердинов с гордостью вспоминает о своем участии в борьбе с фашизмом. В марте 1945 года он был награжден югославским орденом «За героизм». Так боевые друзья выразили свою глубочайшую признательность ему как бойцу интернационального [illegible].

А когда [illegible] войска освободили Югославию от врага, он [illegible] стал солдатом Советской Армии.

ДОРОГА К ПОБЕДЕ

Март 1945 года. Советская Армия громила врага на его же территории. Чувствуя приближение конца, фашисты яростно обороняются. В бою за Вену Есимбай Исамбердинов был тяжело ранен. А через два месяца спустя пришла Победа, которую он приближал и в горькие дни лета 1942 года, и в рядах югославских партизан, и в сражении за взятие столицы Австрии.

Трижды был тяжело ранен Есимбай. Особенно долго зажила последняя рана. Только в августе 1945 года вернулся он в свой аул. И сразу же включился в работу. Не привыкать ему было [illegible] силой, трудом [illegible]

[illegible]

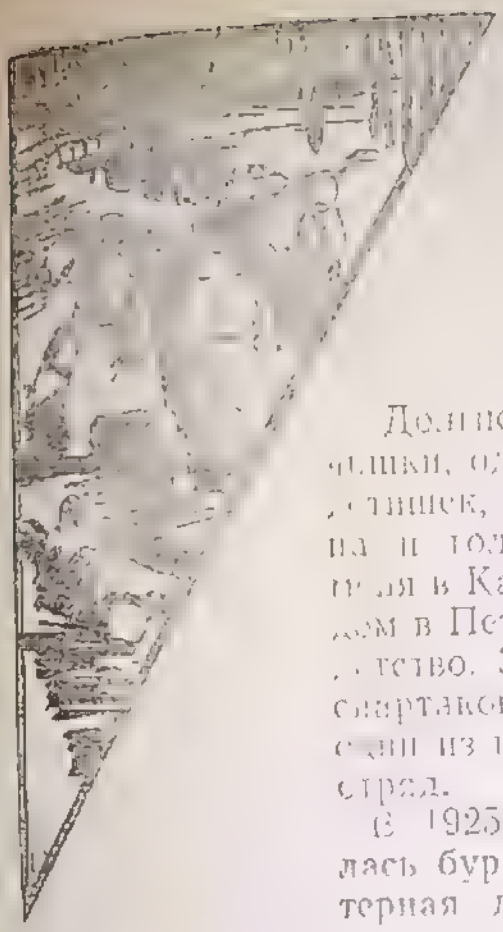
[illegible] говорят о себе больше [illegible] Но [illegible] радуется каждому [illegible] Ведь [illegible] годы войны [illegible] стежки — дорожки. И добрые [illegible]

И семья — радость. В семье детей — пятеро из них окончили вузы — вырастил, сделал честными, трудолюбивыми людьми.

И еще одна большая радость: не забывают Есимбая боевые друзья. Вот уже совсем недавно правительство братской Югославии снова отметило заслуги воина-интернационалиста памятной медалью.

Перевод с казахского
С.-Г. Байменова

ВЛАДИМИР КУЗНЕЦОВ,
ветеран комсомола Казахстана



В ПАРТИЗАНСКОЙ ЭСКАДРИЛЬЕ

Долгие скитания беспризорного мальчишки, одного из многих и многих тысяч сироток, которых осиротили долгая война и голод последующих лет, привели меня в Казахстан. Приютил меня детский дом в Петропавловске. Здесь прошло мое детство. Здесь я стал в 1922 году юным спартаковцем — так называлась тогда одна из первых в республике пионерских отрядов.

В 1925 м стал комсомольцем, и началась бурная и деятельная жизнь, характерная для моих сверстников — комсомольцев двадцатых. Участвовал в «комсомоле пятисот». Так называлась деятельность пятисот комсомольских активистов, направленных в деревни и аулы для налаживания работы среди сельской молодежи. А в 1929 году — снова в деревню. Задача — организация хлебозаготовок и коллективизации села. Трудное задание. И опасное. Кулачество и байство не стеснялись в средствах, бойкотируя мероприятия Советской власти. Гибли нередко комсомольцы, но дело партии Ленина проводили в жизнь.

Поэтому и считаю Казахстан, край моей комсомольской юности, родным. Оказавшись на фронте Великой Отечественной войны, я никогда не забывал, что представляю здесь своих товарищей, среди которых вырос, стал коммунистом, что представляю Советский Казахстан.

22 июня в 8 часов 05 минут с Центрального аэродрома Москвы должен был отправиться самолет в обычный рейс Москва — Стокгольм. Как исполняющий обязанности начальника аэропорта я должен был присутствовать при его выпуске. Но вылет задержался по неизвестным причинам. И только в 12 часов дня узнали: гитлеровская Германия

вероломно, без объявления войны напала на Советский Союз...

С этого часа Управление международных линий Гражданского воздушного флота со всем штатом, во главе с начальником Героем Советского Союза Валентиной Степановной Гризодубовой вошло в Московскую авиагруппу особого назначения ГВФ.

По-прежнему мы базировались в аэропорту Внуково. Используя фронтовые аэродромы, наши летчики ежедневно отправлялись на самые опасные участки фронта, на своих транспортных самолетах забрасывали оружие, боеприпасы, горючее, продукты питания частям, попавшим в окружение, но продолжавшим неравный бой с врагами. Летали в осажденный Ленинград, в сражающийся Севастополь, на Северный Кавказ, к участникам обороны Сталинграда.

Но самыми ответственными были полеты в глубокий тыл врага: ночами доставляли партизанам оружие, боеприпасы, взрывчатку для ведения «рельсовой войны». Не только нашим, но и партизанам Югославии, Греции, Албании.

Деятельность нашей авиагруппы получила высокую оценку Верховного главнокомандования, она была преобразована в 10-ю гвардейскую авиатранспортную дивизию.

Наиболее трудным, нужным и интересным периодом моего участия в войне считаю работу начальником штаба одной из эскадрилий 165-го гвардейского авиаполка ГВФ, которому позднее было присвоено наименование «Нарвский», за участие в разгроме фашистской армии под Кенигсбергом и взятие военно-морской крепости Пиллау на Балтийском море полк был награжден орденом Александра Невского. А эскадрилью нашу в полку называли не иначе как партизанской.

Летчики нашей эскадрильи с осени 1942 года установили регулярную связь с партизанами Калининской области, затем стали обслуживать и зафронтовых воинов Смоленщины, Белоруссии. Видимо, здорово досаждали врагу наши летчики: за каждый сбитый транспортный советский самолет, летавший в их тылы, немецким летчикам была установлена особая награда: орден «Железный крест» и две тысячи марок. Геринг направил одну из лучших эскадрилий ночных истребителей для уничтожения самолетов советской партизанской эскадрильи. Но все было напрасно — наши У-2 и Р-5 продолжали свою работу. Летали на них

бесстрашные и умелые летчики, еще недавно работавшие на линиях Гражданского воздушного флота. Были среди них и мои земляки — летчики Казахстанского управления ГВФ.

Нужно ли объяснять, что работа в партизанской эскадрилье требовала от летчиков мастерства особого рода. Летать приходилось исключительно ночью, когда ориентироваться особенно трудно. А аэродромами служили и кромешные лесные поляны, кое-как расчищенные партизанами, ориентиром для посадки — костер, пользоваться которым можно было слишком долго, чтобы не привлечь внимание врага. Наши легкие самолеты совершенно не были вооружены и все же противостояли вражеским истребителям с их пушками и броней.

Итак, главным оружием наших пилотов оставались мастерство, смелость, верность делу нашей партии и социалистической Родины. Вот что им позволило совершить сотни боевых вылетов в далекий тыл. Командир нашей эскадрильи А. В. Федотов 167 раз вылетал к партизанам, И. Л. Тарасов — 213 раз, В. С. Ползунов — 199, чуть меньше — З. П. Похов, П. И. Жуков, А. В. Жога, Н. Н. Воронов и многие другие.

Эскадрилья базировалась на аэродромах, не доступных врагу. Она являлась отдельной частью наших военно-воздушных сил, тем не менее повседневная дружная работа с народными мстителями отложила свой отпечаток на психологии каждого летчика, техника, моториста. Мы жили делами и думами партизан, радовались их успехам, вместе с ними горевали о потерях.

Наши пилоты доставляли партизанам все необходимое для боя и для них. И офицеров связи возили через линию фронта, сбитых офицеров-разведчиков и радистов. А вывозили раненых, больных. И детей.

Одна операция особенно врезалась в память всем нам: эскадрилье было поручено вывезти на Большую землю 146 ребятишек, спасенных партизанами от гитлеровских извергов.

Дело в том, что на временно оккупированной врагом территории фашисты создавали «детские дома». Ребят отнимали у родителей и использовали как доноров — у них брали кровь для переливания своим раненым. Когда дети умирали от истощения, на их место сгоняли сотни других...

Один такой «детский дом» размещался в городе Полоцке. Как ни трудна операция в городе, где имеется крупный

[illegible]ский гарнизон, но партизаны твердо решили спасти [illegible] детишек. Отдельные воины бригады имени Ча[illegible] снарядили [illegible] и зимней ночью 1943 года [illegible] в [illegible] [illegible]

[illegible] партизанского движения [illegible] детишек [illegible] на Большую землю. Командир звена капитан [illegible] лейтенант А. П. Мамковец [illegible] выполнили это задание — спасли [illegible] ребят [illegible]

[illegible] рассказ о беспримерном подвиге Александра Петровича [illegible] в последнем для него полете [illegible] ванский край.

Это было в [illegible] 11 апреля 1944 года. Нужно было вывезти [illegible] двух раненых партизан, нуждавшихся в срочной [illegible] помощи, десять изнуренных детишек и [illegible] воспитательницу детдома. Едва ли дождались бы они прибытия другого экипажа. И Саша на двухместном Р-пятом сумел расположить их всех. В подвесных кассетах под плоскостями, в задней кабине, в фюзеляже.

Подходили уже к линии фронта, когда самолет был атакован истребителем противника и загорелся. Кабина пилота была охвачена пламенем. Конечно, Саша мог воспользоваться парашютом. А пассажиры? И коммунист продолжал полет. Едва перетянув линию фронта, он посадил пылающую машину на ледяные забереги озера Болнырь. Желая освободить пассажиров из горящего самолета, он выпрыгнул из кабины в конце пробега, но потерял сознание.

Находившийся в задней кабине юный партизан Володя Шашков помог пассажирам выбраться из самолета и вывел их из опасной зоны. Но [illegible] спасти не успели: самолет взорвался, Сашу [illegible] волной отбросило на несколько метров. Через [illegible] он скончался в полевом госпитале. [illegible] Саши [illegible] десятки лет [illegible] В [illegible] детей, [illegible] спас [illegible] из них живут в Казахстане: учительница В[illegible] Степановна Летко и ее сын Анатолий, [illegible] железнодорожник.

Летчик нашей эскадрильи Василий Федорович Заха-

ров — уроженец Петропавловска. В доме № 52 по улице Карла Либкнехта и сейчас живут его братья. Пришел к нам Вася сразу из училища девятнадцатилетним юношей, на самолете У-2 летал в Полоцко-Лепельскую зону к партизанам, отражавшим натиск крупной карательной экспедиции из отборных немецких войск.

В этих боях был тяжело ранен командир партизанского соединения товарищ Петрович. 5 мая 1944 года Василий Захаров вылетел за раненым вместе со старшим техником звена Поповым с прифронтового аэродрома Концы на базовый аэродром Чухлино (вы их не найдете на картах — теперь оба они заросли молодым лесом). Через несколько минут полета У-2 подвергся атаке двух немецких истребителей. Самолет загорелся, оба члена экипажа получили ранения. Чтобы враг не обнаружил базовый аэродром, произвели посадку на ложном аэродроме и только после этого оставили самолет.

С ранениями и тяжелыми ожогами ребят доставили в госпиталь. Они стали инвалидами, но, подобно Маресьеву, вернулись на фронт. В послевоенные годы Василий Федорович проживал и трудился электриком шахтоуправления в Караганде. Но не давала ему покоя боевые раны. Врачи сделали все, что могли. Перенес коммунист более пятидесяти операций. Но поражение ноги отказывались служить — сначала ампутировали ногу, через несколько лет другую... А вскоре мы с невосполнимой горечью узнали о безвременной кончине нашего мужественного боевого товарища.

...С очередным пополнением прибыли к нам три летчика. Все — комсомольцы. Все — из Чимкента. Александр Львович Блох готовил себя к мирной профессии — окончил сельскохозяйственный техникум. В начале войны переучился на летчика и был оставлен в школе инструктором. С большим трудом добился он отправки во фронтовую авиацию. Оказавшись в нашей эскадрилье, он быстро вошел в строй. Через год на его счету была добрая сотня вылетов за ранеными, 60 ночных вылетов к партизанам и еще 35 — на разведку тылов противника в дни грандиозной операции «Багратион» по освобождению Белоруссии. Комсомолец тридцатых годов на фронте стал коммунистом. Войну Александр Львович закончил в Берлине. Вернулся в Казахстан. Работал в Чимкенте командиром на самолетах Ли-2, обслуживал затерянные в степи геологические партии, возил врачей в труднодоступные места к больным.

У него завидное летное долголетие — до 58 лет не оставлял штурвала! Общий его налет — 18 тысяч часов. Это все равно, что, взлетев однажды, провести в воздухе два с половиной года.

Мало чем уступал ему во фронтовой службе работавший руководителем полетов Чимкентского аэропорта Иван Пяткин, выполнивший более 50 полетов к партизанам. После окончания войны он много лет летал на сложнейших трассах Якутии.

Третьим их земляком был Александр Еремин. Деловой, спокойный и уравновешенный, он назначался на выполнение особо трудных заданий и всегда успешно проводил их. Особенно отличился он как разведчик. После окончания войны остался кадровым армейским летчиком. Теперь он уже ушел в отставку, живет в Полтаве.

А среди тех, кто готовил машины к ответственным полетам, был еще один наш [illegible] авиатехник Виктор Прокофьевич Долматов. После войны он работал в Кзыл-Ординском аэропорту. Оттуда и ушел на заслуженный отдых, живет в Кзыл-Орде.

В Талды-Кургане в начале войны размещалась учебная эскадрилья ГВФ, которой командовал капитан Клуссон Евгений Томасович. Этот удивительный человек и коммунист приобрел профессию летчика еще в конце двадцатых годов, был одним из первых стахановцев в гражданской авиации. В числе немногих специальным приказом начальника ГВФ ему разрешались свободные полеты по всей территории страны.

Конечно же, с первых дней войны он рвался на фронт. Летом 1942 года начальник ГВФ будущий маршал авиации Ф. А. Асхатов назначил его командиром вновь сформированного 2-го отдельного авиаполка ГВФ. В полку его называли Батей, выражая этим свое уважение к опыту и мастерству командира, сыновнюю любовь к нему. За два с половиной года его летчики совершили более 62 тысяч самолето-вылетов, в том числе 6553 ночных полета в тыл врага, 2597 — к партизанам, остальные — на разведку.

Е. Т. Клуссон окончил войну гвардии полковником. Скончался он в 1974 году, но память о нем жива. Многие авиаторы с гордостью называют себя воспитанниками Евгения Клуссона. В их числе Герой Социалистического Труда заслуженный пилот СССР В. С. Ползунов, ведущий летчик-испытатель, первым поднявший в воздух все самолеты О. Т. Антонова — от Ан-2 до «Антея» — заслуженный

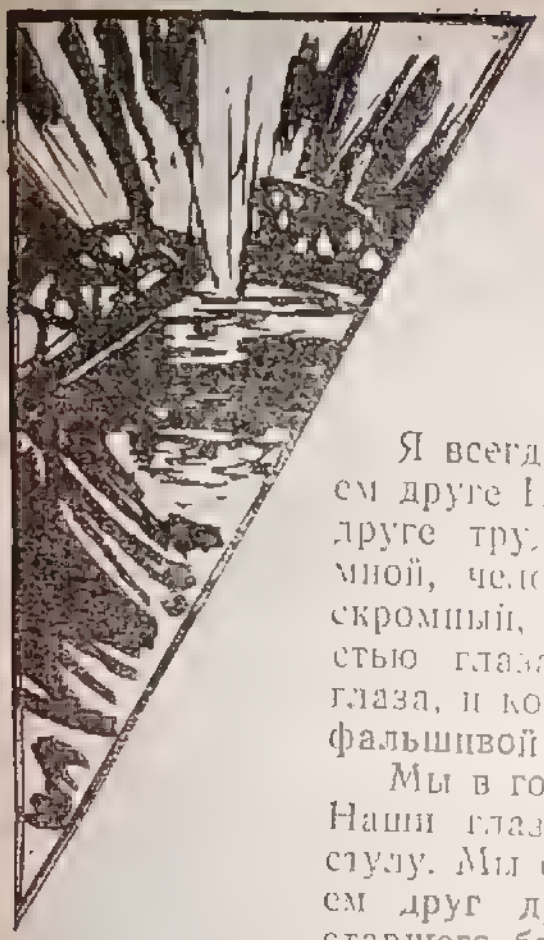
летчик-испытатель СССР Г. П. Лысенко, заслуженные пилоты СССР А. В. Федотов, В. П. Денисов, Г. С. Лазарчук, А. Т. Юлов, Б. А. Кубышкин, А. М. Драчев, А. А. Печаев...

* * *

Во многих книгах и кинофильмах увековечена светлая память о партизанских летчиках. Многое сделали для этого и художники. В Минске установлен памятник Е. Т. Клуссону работы скульптора А. А. Мельника. Белорусский селекционер доктор сельскохозяйственных наук А. Г. Волузнев вывел новые сорта черной смородины, «Пилот Мамкин», «Клуссоновский» и крыжовника — «Штурман Скориков».

В московской школе № 227 имеются пионерская дружина имени Александра Петровича Мамкина и музей боевой славы нашего 105-го гвардейского авиаполка ГВФ. За неутомимый поиск свидетельств о подвигах наших летчиков в многочисленных походах по партизанским тропам Белоруссии эта школа награждена Почетной грамотой Министерства гражданской авиации СССР и Грамотой Советского комитета ветеранов войны.

Трудно передать, как дороги ветеранам все эти свидетельства признательности народной. Об этом мы взволнованно вспоминаем, когда приглашают нас в гости комсомольцы нынешнего поколения. И когда встречаемся мы — давно поседевшие комсомольцы двадцатых и тридцатых годов. Как было, например, на юбилейном пленуме Северо-Казахстанского обкома комсомола, посвященном 50-летию ВЛКСМ. Многих давних друзей встретил я на этом пленуме. В том числе Макая Джунусова — бывшего секретаря Петропавловского уездного комитета комсомола, которого мы все любили. Очень радостно было именно здесь, в родном Петропавловске, встретиться с некоторыми из однополчан, родными людьми по фронту, по комсомольской юности.



АСКАР ЛЕКЕРОВ

РАССКАЗ О ДРУГЕ*

Я всегда волнуюсь, когда пишу о своем друге Наумете Кошекбаеве. Писать о друге трудно. Вот он сидит рядом со мной, человек крылатой души, простой, скромный, с темными, подернутыми грустью глазами. О многом говорят эти глаза, и конечно же, они не простят мне фальшивой ноты.

Мы в гостях у моей сестры Рахили. Наши глаза прикованы к пустующему стулу. Мы с Наумето без слов понимаем друг друга — это место Исмагула, старшего брата Наумета. Как будто это было вчера: сидит с нами за этим столом наш Исмагул, смуглый, широкоплечий, с черно-огненными глазами. Я слышу его спокойный, ровный голос:

— Вы еще соколята,— говорил он, обращаясь к нам,— а я вот уже двадцать лет работаю учителем. Работу свою люблю, дети меня любят. Вот приду вечером домой, возьму домбру... — тонкие, удивительно тонкие пальцы Исмагула ласкают отполированное дерево, и мелодия кюя, широкая, как степь, вольная, как ветер, рвется из-под струн, захлестывает сердце и льется, льется.

Когда это было? Вчера? Сегодня? Двадцать лет назад... Война. Наумет с тоской и ненавистью смотрит на пустующий стул. Молчание было прервано появлением рослого, широкоплечего юноши с загорелым лицом и жгучими глазами. Наумет взволнованно обнял гостя и поцеловал его. Затем смущенно обратился ко мне:

— Это — Бахит, сын Исмагула. Когда Исмагул уезжал на фронт, он был совсем младенцем. А сейчас вон какой богатырь! Студент второго курса института физкультуры.

---

* Опубликовано в сб. «Партизаны-казахстанцы». Алма-Ата, 1965.

Бахит сел на пустующий стул. Сердце мое неровно забилось. Вылитый отец. Мы сидели молча, погруженные в свои думы, но все они, словно вороны, слетались к одному...

Война...

Первым неторопливо заговорил Наумет:

— Я вот все думаю, сколько лет уже пролетело, а прошлое всегда с нами... словно все это случилось вчера. Столько событий осталось навсегда в памяти. Вот ты часто просишь меня рассказать о моей партизанской жизни. Попробую. Ты ничего пока не записывай, а если когда-нибудь задумаешь, то опишешь все, как было.

— Да ты не волнуйся,— успокоил его,— я все и сам прошел по дорогам войны. Нам всем дорога правда.

Видишь ли, тут есть одна трудность.— Наумет тяжело вздохнул.— Как-то неприятно рассказывать о себе. Я хоть лично и не знаком с Бауржаном Момыш-улы, но знаю его поговорку: «Не говори, что это сделал герой, а скажи, что это сделал парень». Эти слова очень метко характеризуют героику партизан. Партизан... как только услышу это знакомое слово, так словно что-то шевельнется в сердце. Снова вижу боевой строй, светлые лица товарищей. Мужчины, старики, женщины, подростки люди всех возрастов и национальностей, мы собрались в один кулак. Всех нас объединяла вера в победу и ненависть к врагу.

* * *

Помню ночь 21 июня 1941 года. Я стоял на артполигоне у орудия. Ко мне подошел старший лейтенант Анисимов, с которым мы были в приятельских отношениях, и вместо приветствия протянул видавший виды пластмассовый портсигар. Воспользовавшись минутами отдыха, мы закурили. Я не отрываясь смотрел на далекий лымчатый горизонт. Там, за горами, лесами, озерами, за тысячи километров отсюда, — мой Казахстан. Интересно, как там?

Мои раздумья прервал удивленный возглас Анисимова.

— Ночь-то какая! Смотри, звезда падает. А ребята спят. В такие ночи только и мечтать. Грустишь, наверное, о своих степях. А я вот село свое вспомнил. Бывало, ночью сидишь у реки. Кругом тишина. Иногда только лягушка заквакает или летучая мышь пролетит. А луна из-за камыша, как лебедь, выплывает белая и катится серебряным блюдцем. Красота!..

Где-то вдалеке ударили зенитки. Ничего не подозревая, мы решили, что это проводится обычная учебная артподготовка. Но что это? Завыла сирена. Тревога. Мы бросились к площади. Через двадцать минут уже были в пути. Алая полоса рассвета. Гул зениток не ослабевал. С восходом солнца прибыли в часть.

Самолеты со свастикой резали бледное небо, сбрасывали бомбы и снова взмывали вверх. Дрогнул воздух, застонала земля.

— К орудиям!

Так неожиданно на рассвете июньского дня началась война. К вечеру мы дошли до Витебска и с ходу вступили в бой. На следующий день одиннадцать раз меняли огневые позиции. С нами бок о бок сражались жители города. Каждый из нас молча делал свое дело.

С боями медленно, пядь за пядью, мы отступали в глубь страны. Силы были неравны. К станции Лиозно подошли вконец измотанные, усталые и оказались в железном кольце врага. Наступило время испытаний. Молчаливые, суровые лица людей говорили об одном — что бы ни случилось, не сдадимся. В сердце каждого солдата крепло чувство ненависти к врагу, чувство мести.

Мы с Аношиным возглавили небольшой отряд и несколько раз бросались на прорыв кольца, но безуспешно. Снаряды были на исходе. Враг все ближе и ближе. Что делать?

Было ясно, что с оставшейся горсточкой людей пробиться сквозь плотное кольцо фашистов невозможно. А в тылу у нас дремучий белорусский лес. Великаны-деревья шумят на ветру и как бы шепчут: «Идите к нам, мы вас укроем». Выбирать не приходится. Один за другим бежим в чащобу. Рядом со мной, чуть прихрамывая, осторожно ступает Мантибай Кыпшакбаев, совсем еще «зеленый» парень из Кзыл-Орды. Идти все труднее — болото. Лишь сейчас мы почувствовали, что такое нечеловеческая усталость. Глаза смыкались на ходу. Помню огромный, ветвистый дуб. Мы прислонились к нему и не заметили, как свинцовая тяжесть сна придавила нас к земле.

* * *

...Глубокой ночью мы подошли к избе старого лесника Николы. Здесь я встретился с Василием Шупахиным. В этом бородаче трудно было узнать вчерашнего стройного, всегда подтянутого инженера. Изменился и Федя Гри-

берг. Обычно шустрый, расторопный весельчак, он выплыл передо мной медлительно и важно.

— Э... э... земляк... ты с какого света вернулся?— радостно обнял он меня.— Ну, теперь тикайте фашисты, казахстанцы на коне...— Федя был из Чимкента

Подошли ребята. Посовещались

И тут же зародился маленький партизанский отряд. Командиром отряда стал Шупахин, я его заместителем. Разослали во все стороны разведчиков, выработали план действий. У нас были подвода и конь. Погрузили на подводу оружие и боеприпасы и направились в чащу леса. Разбили лагерь и в тот же вечер совершили первую вылазку.

...Добрались до землянки, разожгли чугунок, стали сушить одежду. Всю ночь стонал, метался раненый Максим. Но мы ничем не могли ему помочь. К утру нашего товарища не стало. Мы похоронили его у двух берез. Над свежей могилой дали клятву отомстить. Салюта не было, берегли патроны. Днем в землянке подвели итоги своего боевого крещения в тылу врага. Воочию мы убедились, что и малыми силами можно нанести врагу урон. Теперь неплохо бы установить связь с местными жителями, пополнить отряд надежными людьми и добыть оружие.

Темная ночь. Тихо в лесу. Крепко спят уставшие партизаны. И только в нашей землянке свет фонаря. Мы с Васей Шупахиным ждем вестей от разведчиков и изучаем карту этой местности. На нарах, в углу, беспокойно заворочался Миша и приподнял русую голову.

— Ты почему не спишь?

— Сон страшный приснился.

— Снятся черноглазые дивчины, ночи ясные, звездные, да?

— Да нет, товарищ командир. Максим приснился. Если бы среди нас был врач или даже медсестра, он бы не погиб. Крови он много потерял, от того и умер.

— Да, это верно,— с минуту мы помолчали.— Что ты предлагаешь?

— Отправьте меня в город Понизово. Ведь не все врачи отступили в тыл, найду кого-нибудь и приведу с собой.

Шупахин задумался.

— А ты как думаешь?— обратился он ко мне.

— Ты и медикаменты достанешь? - спросил я Михаила.

— Найти бы врача, а медикаменты он сам достанет. Ну как, отпустим?— Шупахин подошел к Михаилу и положил руку на его плечо.

— Ты знаешь, каждый боец у нас на счету. Будь осторожен. Если, кроме доктора, встретишь надежных людей, веди к нам.

— Есть!— проснял Миша и стал собираться Проверил диски, автомат, переоделся в штатское и низко, по-крестьянски надвинул кепку.

— Разрешите идти?

— Когда думаешь вернуться?

— Завтра ночью.

— Ну ни пуха тебе ни пера ..

Миша бросил на меня дружеский взгляд и исчез в ночи. Но я не мог так просто проститься с ним. Нагнал его у опушки леса. Миша стоял передо мной такой юный, немного растерянный. Видимо, думал, что его решили вернуть назад.

Я подошел к нему и крепко по-мужски поцеловал в еще ни разу не бритые щеки. На глазах у Миши блеснули слезы.

— Ну вот,— прошептал он,— хотел с вами попрощаться, да вот...— он беспомощно развел руками. Потом вынул из нагрудного кармана аккуратно завернутые документы.— Здесь адрес моей мамы, если что, напишите ей...

— Напишу... Обязательно напишу, как только вернешься с задания. Пусть мама знает, какой у нее сын орел...

Вернувшись в землянку, я встретил там сходившего в разведку старого Николу. Рядом с ним сидели два местных парня. Вид у всех троих был очень усталый.

— Ладно, ребята. Вы пока ложитесь на наши места, отдохните. Потом еще поговорим,— промолвил Шупахин. Утомленные парни не заставили себя упрашивать и, раздеваясь, повалились на нары. Шупахин жестом пригласил меня к столу.

— В Понызове вражеская пехота. Сегодня ночью фашисты выступят в направлении Моленко. Видишь, вот шоссе из Понызова,— провел он пальцем по карте.— Мы разделимся на две группы. Ты дойдешь вот до этой речки и расставишь людей по левой обочине дороги. Установите два пулемета. Ну, а мы заляжем у развилки. Когда они начнут отступать под нашим огнем, мы ударим в тыл. Только пусть ребята почаще меняют места. Подробности на месте. Задача ясна?

Мы проверили оружие и тронулись в путь. В лагере остался только старый Никола. Он должен был дождаться разведчика и привести его в условленное место.

Ночь была ясная, безветренная. Путь освещали звезды. Вот места засады. Я быстро расставил людей и приказал приготовиться.

Наше внимание приковано к узкой развилке на шоссе. С этой стороны должны появиться гитлеровцы.

Ждем. Ребята обстрелянные, внешне спокойные.

Тихо... Слышно, как под чьей-то ногой хрустнула ветка. Враг не заставил себя ждать, вскоре на шоссе показались мотоциклисты. Подъехав к развилке, они на минуту остановили машины, прислушались и покатили дальше. Вот они проехали группу Шупахина.

— Пропустить!— шепотом передал я по цепи.

Мотоциклисты пронеслись мимо. Через некоторое время послышался тяжелый топот идущих по шоссе гитлеровских солдат.

Затаив дыхание, ждем. В то время белорусские леса были сравнительно спокойны для фашистов. О партизанах здесь знали только понаслышке. Уверенные в безопасности гитлеровцы идут беззаботно, насвистывая веселые песенки. Враг все ближе, ближе... вот уже голова колонны в прицеле наших пулеметов.

— Огонь!

Ударили пулеметы. Автоматы, вплетаясь местью, косуют ряды солдат. Фашисты в панике. Мечутся по шоссе, падают один за другим. Все шоссе завалено трупами. Оставшиеся в живых бросаются назад и нарываются на жестокий огонь шупахинцев. Ни один из фашистов не ушел живым.

После боя мы подсчитали трофеи: оружие, подводы с продуктами и боеприпасами. Потерь с нашей стороны нет, лишь Феля Гриберг ранен в левую руку. У всех приподнятое настроение. И только Шупахин чем-то озабочен. Собрал нас и обратился с речью:

— Товарищи! Спасибо вам! Мы одержали большую победу, уничтожили почти батальон фашистов. Враг нам этого не простит. Необходимо покинуть лагерь и уйти в глубь леса.

Сборы были короткими. Следуя за проводником Николаем, отлично разбиравшимся в местности, мы углубились в вековые лесные дебри. Шли долго. Подошли к большой бревенчатой избе.

— Здесь и остановимся,— сказал Шупахин.— Располагайтесь

— Товарищ командир, да тут и парь есть, будто для нас строили,— сверкнул белозубой улыбкой техник Володя.

Высокие стены. Просторно. В сенях чьей-то заботливой рукой сложены нарубленные дрова. Как-то не верится, что все это наяву. Вот уже сколько дней мы не ели горячей пищи, а тут настоящая русская печь. Стоит ли говорить о радости партизан? Уставшие ребята располагаются на нарах. Оружие ставят рядом — у изголовий.

Обсуждаем план действий на завтра.

— Вы очень устали, вам надо отдохнуть. А я соберу хворосту, приготовлю чего горячего,— хозяйским тоном говорит дед Никола.

Мы с Шупахиным переглядываемся.

— Как ты изменился! — удивляется Шупахин, будто впервые рассматривая меня.— Тебе надо выспаться.

— Ты бы лучше на себя посмотрел,— улыбнулся я.— Жаль, что зеркала нет, увидел бы, на кого ты похож. Бородач-ягнятник.

Да, Шупахин сильно осунулся за эти дни, оброс бородой, от бессонницы ввалились глаза.

— Вася, тебе нужно отдохнуть.

— Эх, Наумет, сейчас не до отдыха. Мы еще не усвоили, как надо, тактику партизанской войны. Как нужны нам сейчас люди...

Раздались глухие далекие взрывы... Мы выскочили из избы и вскинули бинокли. Фашистские бомбардировщики кружили над лесом и бомбили оставленный нами лагерь. Великаны-деревья вспыхивали, как солома. Искры снопами. Вовремя мы ушли.

— Не жалеют бомб,— усмехнулся Шупахин.— Теперь-то ты понял, что нельзя отдыхать? Где мы сейчас были бы со своим отдыхом,— страшно подумать.

— Это ты верно.

Короткий условный свист деда Николы. Мы поспешили в избу. Около нее стояло несколько человек.

— Миша?!

— Вернулся!

— Так точно, товарищ командир. Еле нашел вас, спасибо деду Николе. А вот наши новые товарищи. Знакомьтесь: врач Мария Григорьевна, два Ивана. Ваня-большой и Ваня-маленький, отбились птенчики от своей части.

Партизаны смеются: ничего себе птенчики, Миша им еле-еле по грудь.

— Хорошо, хорошо! Не смущайтесь, располагайтесь, как у себя дома, товарищи,— радовался гостям Шупахин.

— Идите ужинать,— пригласил к столу дед Никола.

— Партизанский суп из фашистских круп,— подмигнул ему Ваня-большой.

За столом Миша рассказывает о встрече со знаменитой партизанкой — Лизой Чайкиной. Мы уже слышали об этой девушке и были приятно ошеломлены, когда Миша сообщил, что Лиза завтра будет у нас.

— Придет договариваться насчет совместной операции,— сказал он.

Ваня-большой и Ваня-маленький пока сидели скромно, но по их смеющимся глазам можно было догадаться, что это веселые ребята, шутники и заводилы.

— Что это вы сотворили с нашим Мишей,— спросил я,— он совсем изменился.

— Ничего, просто побрили,— ответил Ваня-маленький.

Мы посмотрели на Мишу. И как это сразу не заметили? Где же его золотистый пушок!

— Да! Интересная новость,— оглядел Миша нас торжествующе.— Вчера ночью на шоссе пятьсот неизвестных патриотов уничтожили полк вооруженных до зубов гитлеровцев.

— Может, неизвестных патриотов было не пятьсот, а тридцать семь, а гитлеровцев — не полк, а батальон,— улыбнулся Шупахин.

— Так это вы устроили засаду?— спросил Миша.

— А ты как думаешь?

Миша оглядел знакомые, будничные лица товарищей. В руках у них ложки, все молча уткнулись в свои миски и как будто ничего не слышат. Неужели они? Нет, не может быть... Миша опасаясь подвоха, слабо выдавил:

— Что-то не верится...

— Плохой из тебя провидец, засаду устроили все-таки мы,— сказал Шупахин.

— Вот здорово!— изумился Миша.

— Это только цветочки, ягодки будут впереди,— пообещал Шупахин.

Так прошел еще один день нашей партизанской жизни. Он был прожит не зря.

На другой день погода выдалась ненастная. Небо в свинцовых тучах. Опавшие листья взлетают желтыми стая-

ми и кружат, кружат на ветру. Лес безмолвствует.

До рези в глазах всматриваемся в туманную даль.

— Идут,— указал рукой Миша на приближающиеся в тумане силуэты людей.

«Чайкинцы или враги?»— думаем мы.

Вот уже можно различить отдельные лица.

— Стоп!— сказал я и вскинул автомат. Они остановились. От группы отделился худощавый, стройный подросток в маскхалате.

— Где ты стоишь? Выходи!— прозвенел мелодичный голос.

— Кто вы?

— Лиза Чайкина, ищу отряд Шупахина.

Так состоялась наша встреча с Лизой. Она познакомилась со всеми партизанами, для каждого находила добрые простые слова. Дошла очередь и до меня.

— Ты казах?— спросила она.

— Да,— ответил я.

— Откуда родом?

— Из Гурьевской области.

— А, потомок Исатая и Махамбета.

Я удивился: откуда она их знает?

Лиза продолжала.

— Мне нравится ваша поэзия, особенно Абай. Я получила большое удовольствие, когда прочла его книжку стихов.

Мы разместились в просторной избе.

— Положение следующее,— начала Лиза.— В селе Макаренко фашисты сгоняют людей для увоза в Германию. Необходимо сегодня же ночью их освободить, иначе будет поздно. Я уже послала в село разведчика. Поскольку нас мало, мы обращаемся к вам за помощью. Что скажете?— Лиза вопросительно посмотрела на меня и Шупахина.

— Моя группа выступит хоть сейчас,— промолвил я. Шупахин одобрительно кивнул головой.

— Действуй.

Я отобрал семнадцать человек и ночью вместе с партизанами Лизы Чайкиной вышел на задание.

По дороге меня догнал запыхавшийся Миша.

— Земляк,— еле переводя дух, обратился он ко мне.— Отдай свои и мои документы.

Только сейчас я вспомнил, что до сих пор не вернул ему документы.

Теперь пришла очередь Мини провожать меня на задание. Попрощавшись с ним, я нагнал свою группу.

Ночь такая темная, что и в двух шагах ни зги не видно. Отряд идет по извилистой узкой тропинке. Мороз такой, что перехватывает дыхание. Возле большого трухлявого пня Лиза остановилась и заухала филином. Из темноты выпрыгнули четыре человека. Разведчики. Получив сведения, Лиза разбила нас на четыре группы и объяснила задачу.

Первая группа во главе с Лизой уничтожит крупный вражеский пост, охраняющий арестованных. Моей группе поручалось поднять в воздух фашистский штаб, третьей — поджечь немецкий склад с боеприпасами и медикаментами, четвертой — залечь у обочины дороги со станковыми пулеметами и встретить гитлеровцев огнем, если побегут назад. Каждую группу вел один из четырех разведчиков.

Немецкий штаб находился в самом центре села, в здании бывшей школы. Его охраняют часовые.

— Двое,— прошептал Ваня-большой — Разрешите.

Я молча пожал ему руку. Ваня кивнул своему напарнику, и оба исчезли в темноте. Сработали чисто. Часовые не успели промолвить ни звука. В одно мгновение мы очутились у парадного.

— Иванов, Грачкин, ждите у дверей. Остальные за мной.

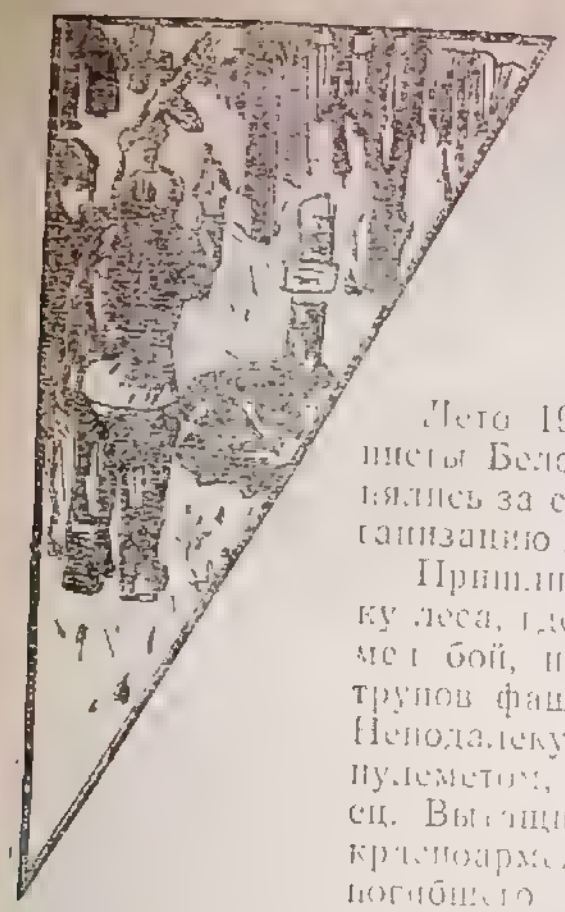
В окна полетели гранаты...

Собрав группу и захватив пленного полковника, мы пошли на соединение с чайкинцами. Там все обстояло как надо. Группа Лизы освободила заключенных и выдавала им продукты из немецкого продовольственного склада. Освобожденные жители деревни обнимались и плакали. Мы попрощались с ними и стали уходить в лес. Позади пылали вражеские казармы, машины, склады. На рассвете мы выстроились на поляне. А перед строем стояла Лиза Чайкина.

— Большое спасибо казахстанцам за оказанную боевую помощь.

Никогда не забыть мне этих ее слов. Стояла она подтянутая, простоволосая, хорошая русская девушка. Такой я ее запомнил на всю жизнь.

Наумет замолчал. В комнате стало тихо. В раскрытое окно доносились шум машин да звонкие голоса мальчишек.



АНДРЕЙ ПОТАПОВ

РОДОМ ИЗ ПРИИРТЫШЬЯ

Лето 1941 года. Минск пал. Коммунисты Белоруссии, уйдя в подполье, приступили за сбор оружия и боеприпасов, организацию подпольных групп и отрядов.

Пришли однажды партизаны на опушку леса, где только два дня назад отгремел бой, и увидели несколько десятков трупов фашистских солдат и офицеров. Неподалеку, рядом с разбитым ручным пулеметом, лежал молодой красноармеец. Вынув из кармана гимнастерки красноармейскую книжку, узнали, что погибшего звали Григорий Гнидин, родом он был из села Самарка Восточно-Казахстанской области. Погоревали партизаны о советском солдате, так дорого отдавшем жизнь, защищая белорусскую землю, и решили предать его прах земле... И вдруг услышали стон. В воине еще теплилась жизнь. Соорудили из жердей носилки и отнесли солдата в домик лесника, где в импровизированном лазарете уже находилось десятка два раненых.

Врач, осмотрев Гнидина, тяжело вздохнул. И было отчего. Правая рука сломана, прострелена левая стопа, все тело в кровоподтеках. Долгое время Григорий не приходил в себя, в беспамятстве кричал: «Вася, давай патроны! Мы им еще покажем...»

Лишь на четвертые сутки он открыл глаза. Врач, молодая женщина, положив руку на его горячий лоб, ласково сказала: «Ты у своих».

Через несколько дней подпольщики подобрали возле группу раненых. Один из них, увидев Гнидина, кинулся к нему: «Ты жив, командир!»

Позднее выяснилось вот что. В ожесточенных боях за столицу Советской Белоруссии принимала участие 170-я ар-

тиллерийский полк 37-й стрелковой дивизии. Врагу удалось отрезать артиллеристов от остальных частей соединения. Оставалось пробиваться к своим через болото — единственный путь, который был еще свободен.

Прикрывать отход одного из дивизионов поручили сержанту Гиндину. Дали ручной пулемет, четыре запасных диска, несколько пачковых коробок с патронами. На опушке леса сержант Гиндин и рядовой Василий Счастнов отрыли окоп полного профиля, изготовили к бою пулемет, в нишу положили несколько гранат, «цинки» с патронами. До рассвета оставалось несколько часов, и солдаты поперемено отдыхали.

Рашим утром увидели фашистов. Не менее роты. Шли они бегло, в полный рост. И тут заговорил наш пулемет. Гитлеровцы бросились врассыпную. Опомнившись, они снова пошли в атаку, но меткие пулеметные очереди заставили их повернуть вспять. Началея артиллерийский обстрел. Он длился минут пять. Пулемет молчит. Гитлеровцы, уверенные, что путь открыт, снова ринулись на опушку, но их опять встретил шквальный огонь. Потеряв с десяток убитыми, они откатились. Гиндин и Счастнов сменили позицию. И сделали это вовремя: на прежнее место упало несколько мин. Фашисты, предприняв очередную атаку, действовали теперь более осторожно, но снова были встречены метким пулеметным огнем и отхлынули на исходные позиции. Пулеметчики вздохнули облегченно. Но ненадолго: патроны на исходе. Сержант послал Василия искать патроны. Тем временем немцы вновь поднялись в атаку. Григорий расстрелял последний диск... Когда враги были уже в пятнадцати-двадцати метрах, он метнул три гранаты одну за другой. Потом еще

Кончились и гранаты. Оставшиеся в живых гитлеровцы с остервенением бросились вперед. И встал перед ними во весь рост русский солдат, держа пулемет за ствол. Удалось ли ему убить хоть одного, он не помнит. Его сбили с ног, топтали и лупили коваными сапогами... Решив, что с советским воином покончено, фашисты пошли вперед и встретили Счастнова. Он нес две «цинки». Заметил немцев первым и открыл огонь из автомата. Раненный в правую руку, он бросился бежать и оторвался от преследователей. Два дня бродил по лесу, на третий день изможденного и обессиленного от потери крови солдата нашли подпольщики и привели его к леснику, где и произошла неожиданная встреча...

Гиндин поправлялся медленно. Плохо срасталась рука.

Но заботливые руки врача и молодой организм победили смерть. Теперь Григорий помогал своим спасителям собирать оружие, боеприпасы. И ждал более серьезных боевых дел.

Вскоре он был принят в партизанскую группу.

Однажды разведчики донесли, что в деревне Присынки немцы устроили оружейный склад, а охрана небольшая. Командир группы решил уничтожить охрану, а оружие забрать.

Ночь выдалась темная, дождливая, словно по партизанскому заказу. В полночь к деревне подъехали три подводы. Григорий Гиндин и его напарник бесшумно сняли часовых, а бойцы штурмовой группы забросали окна дома, где находились гитлеровцы, гранатами. Никто не ушел. Склад открыли и быстро погрузили на подводы одиннадцать винтовок, станковый и ручной пулеметы, три автомата и несколько ящиков патронов. К утру были на своей базе.

Однажды Гиндин возвращался с четырьмя партизанами с боевого задания. По дороге встретили обоз из 30 подвод, сопровождаемый полицейским. Выяснилось, что везут рожь на станцию Негорелое для отправки в Германию. Партизаны уничтожили полицейского, фашистского прислужника, возчиков отпустили по домам.

В селе Новая Сторина Узденского района Гиндин познакомился с раненым лейтенантом-пограничником, которого приютили местные крестьяне. Лейтенант несколько лет служил в этих местах и очень хорошо знал их. Он хотел присоединиться к партизанам, но еще был слаб после тяжелого ранения. Договорились, что останется в деревне до выздоровления. Однако вскоре нагрянули гитлеровцы, и начались повальные аресты. Попал им в лапы и пограничник. Арестованных увезли на станцию Негорелое.

В отряде решили освободить лейтенанта. Дело поручили Сибиряку (такую кличку получил Григорий в отряде) и еще двум партизанам.

Двое суток Гиндин, надевший форму немецкого офицера, выслеживал бургомистра. Лишь на третью ночь тот пришел домой. Не успел он закрыть за собой дверь, как услышал настойчивый стук. Узнав, что его хочет видеть немецкий офицер, бургомистр с поклонами открыл дверь, ввел его в комнату и спросил, чем может быть полезным. Гиндин сказал, кто он такой в самом деле, и предложил, если жизнь дорога и совесть сохранилась, сотрудничать с партизанами. Первое задание — освободить пограничника. Бургомистр

согласился, не раздумывая. На следующий же день освободил пограничника. Он и позднее помогал подпольщикам и партизанам.

Постепенно группа росла, объединяла уже более сорока человек. О ней дознались оккупанты и решили уничтожить. И вот 30 сентября гитлеровцы подъехали на машинах к лесу. Партизаны заранее приготовились к встрече. Выбрали наиболее удобные позиции на холмах, окопались, на флангах поставили станковые, в центре — два ручных пулемета.

Партизаны так искусно замаскировались, что каратели не обнаружили их и в ста метрах. В центре маячила фигура офицера. Григорий выстрелил, и фашист рухнул на землю. Это был сигнал. Партизаны открыли прицельный огонь, гитлеровцы заметались в панике, но всюду их настигали партизанские пули. Оставшиеся в живых бежали. Как потом выяснилось, на поле боя каратели оставили десятки трупов.

Вскоре эта группа влилась в партизанский отряд имени Чапаева, которым командовал Григорий Столяров. Гинди был назначен командиром взвода разведки. Началась новая, более опасная и ответственная работа, и с нею он блестяще справлялся. Ему удалось установить тесный контакт с местным населением. В каждой деревне у него были явки, наблюдатели, через которых он узнавал, что делают оккупанты, какие у них намерения. Партизаны наносили неожиданные удары по гарнизонам, комендатурам и полицейским участкам, уничтожали мосты, водокачки, железнодорожные стрелки, семафоры, громили эшелоны, станции, истребляли охрану.

Однажды разведчики обнаружили немецкую колонну, направлявшуюся в сторону деревни Слободы. Колонна ушла вперед, а один тягач с орудием почему-то остановился. Командир разведки принял решение уничтожить отставших. Пятеро партизан неожиданно напали на гитлеровцев, расстреляли их. Тягач и орудие пришлось уничтожить.

Минский подпольный обком партии поручил чапаевцам разгромить немецко-полицейский гарнизон в Любани. Операцию назначили в ночь с 6 на 7 ноября 1941 года. К выполнению этой задачи привлекались партизанские отряды и группы А. И. Далидовича, Н. Н. Розова, А. Патрина, Г. Столярова и А. Милевича.

Это была первая крупномасштабная операция. Две боевые группы с восемью станковыми пулеметами перерезали

дороги Любань — Уречье — Старобин и Погост — Слуцк, вывели из строя телефонную связь Любани с другими гарнизонами. Пять разведчиков, среди них и Гнидин, пробрались в город и бесшумно сняли часовых. Смело, решительно и бесшумно действовала и группа комиссара Д. Гуляева, снявшая часовых у моста через Оресеу. Боевые группы подошли к зданию райисполкома, где расположилась комендатура. В окна полетели гранаты, затем партизаны ворвались туда и в упор расстреляли обезумевших от неожиданного удара оккупантов. Некоторые выскакивали на улицу, но и там их настигала смерть.

Бой длился около двух часов. Вражеский гарнизон был разгромлен. Уничтожено 42 гитлеровца, захвачено много оружия, боеприпасов, продовольствия и обмундирования. Партизаны потеряли одного убитым, другого тяжелораненым.

В июне 1942 года было принято решение разгромить немецко-полицейский гарнизон в деревне Барбарово. Гнидину приказали выявить численность и вооружение гарнизона, размещение его огневых точек. Наблюдением и опросом местных жителей удалось установить, что в гарнизоне до 45 фашистов. Они вооружены двумя станковыми пулеметами, есть один миномет. Станковый и ручной пулеметы размещены на кладбище, еще один станковый пулемет установлен на чердаке крайнего дома и держит под обстрелом подходы к деревне.

Получив данные разведки, командир отряда решил: одно стрелковое отделение с приданным ему станковым пулеметом, сосредоточившись на опушке леса западнее деревни, будет имитировать наступление и привлечет на себя основные силы противника. Второму отделению было приказано не допустить подхода подкрепления со стороны местечка Глуссск, а в случае отхода противника — обстрелять его. Тем временем основные силы отряда нанесут решающий удар по гарнизону.

К четырем часам утра 12 июня подразделения заняли исходное положение. Вскоре первое отделение скрытно подошло к деревне и открыло огонь. Немцы начали выскакивать на улицу и устремились на восточную окраину, а она уже в руках партизан, попытались укрепиться в центре, но тут же получили сильный удар с фланга. Бросились в сторону Глусска, а там встретил их огонь второго отделения.

Схватка продолжалась чуть более часа. Деревня Барбарово была очищена от противника.

Глубокая осень 1942 года. Все чаще идут на восток гитлеровские эшелоны с живой силой и техникой. Ясно — это идет подмога к фашистским дивизиям, штурмующим Ленинград. Значит, надо нарушать коммуникации врага. Для этого в отряде имени Чапаева были созданы две оперативные группы. Первой, возглавляемой Столяровым, приказали взорвать мост через реку Птичь, а группе Гнидина — Капцеевический мост.

Разведчики установили постоянное наблюдение за этими объектами. Изучили суточный график смены охраны, разведали систему инженерных сооружений и пути подхода к ним. В ночь на 7 ноября обе группы были на месте. Последние приготовления. В полночь оба моста взлетели на воздух. Через реку Птичь движение фашистских войск приостановилось на целую неделю, а по второму мосту — на двое суток. Таков был партизанский подарок сражающейся Родине в честь 25-й годовщины Великого Октября.

Фашисты засылали к партизанам провокаторов и диверсантов. Они стремились обезглавить отряды. Так, за головы командира отряда имени Чапаева Григория Столярова и командира взвода разведки Гнидина они обещали выплатить по сто тысяч марок. Но из их затеи ничего не вышло.

Однажды партизаны перехватили письмо глусского коменданта своему любанскому коллеге. В нем были такие строчки: «Высылай агентуру в партизанскую зону со стороны Любани, потому что из семнадцати наших агентов ни один не вернулся, как в воду канули. Видимо, попали в руки Гришки Сибиряка, старого разведчика особой чекистской выучки...». Не знали фашисты, что имеют дело всего лишь с молодым сержантом Красной Армии, который никакой «чекистской школы» не проходил. Он родился и жил при Советской власти, а свое боевое мастерство разведчика приобрел, защищая ее.

Население Белоруссии оказывало всяческую помощь партизанам, постоянно пополняя их ряды. В частности, отряд имени Чапаева настолько разросся, что было решено реорганизовать его в бригаду, которой присвоили имя В. В. Куйбышева. Комбригом назначили Г. Столярова, командиром партизанского отряда имени Чапаева стал Григорий Гнидин. И с этим ответственным назначением он справлялся успешно. Чапаевцы уничтожали вражеские гарнизоны, выводили из строя целые участки железных дорог, и летели под откос эшелоны с живой силой и боевой техникой, продовольствием и снаряжением.

В декабре 1943 года командование бригады решило остановить движение на железной дороге Барановичи — Минск. Каждому отряду был выделен свой участок. В указанный день Гнидин привел группу подрывников в район станции Негорелое. Далеко за полночь, выставив охранение, подрывники вышли на линию. И закипела работа. Считанные минуты ушли на закладку мин. Засыпали гнезда снегом. Григорий Гнидин проверил: следов не осталось. Ушел последним. Из-за поворота появился паровоз, за ним второй. О-го-го! Двойной тягой идет состав. Тяжелый. С техникой.

Николай Попов дернул шнур, и морозный воздух расколол сильный взрыв. Паровозы вздыбились, свалились под откос. Вагоны с треском лезли один на другой. Танки, орудия, автомашины, разрывая крепления, падали с платформ. Возник пожар. Подрывники, довольные своей работой, возвращались на базу.

Однажды удалось захватить в плен ефрейтора войск СС. Он показал, что готовится угон советской молодежи в Германию. Этого допустить нельзя, и командование бригады приняло необходимые меры. В тех учреждениях, где были наши люди, выкрали списки, а в ряде мест партизаны разгромили комендатуры и уничтожили списки и тех, кто их составлял.

Летом 1944 года началась битва за полное изгнание оккупантов из Белоруссии. Удары с фронта и тыла координировались. Партизанской бригаде имени Куйбышева было дано задание захватить мост через Оресу и не дать отступающим гитлеровцам переправиться на западный берег реки.

Стремительной ночной атакой чапаевцы уничтожили охрану. Затем оборудовали около моста огневые позиции. Чуть забрезжил рассвет, как стали появляться походные колонны отступающего противника. Партизаны, подпустив их на близкую дистанцию, открыли огонь из всех видов оружия. Получив отпор, фашисты пустили в ход артиллерию и минометы, вызвали на подмогу авиацию, но прорваться не сумели. Пытались найти обходный путь, но все проселочные дороги контролировались партизанами. Чапаевцы захватили богатые трофеи. В плен попало несколько штабных офицеров вместе с командиром пехотной дивизии.

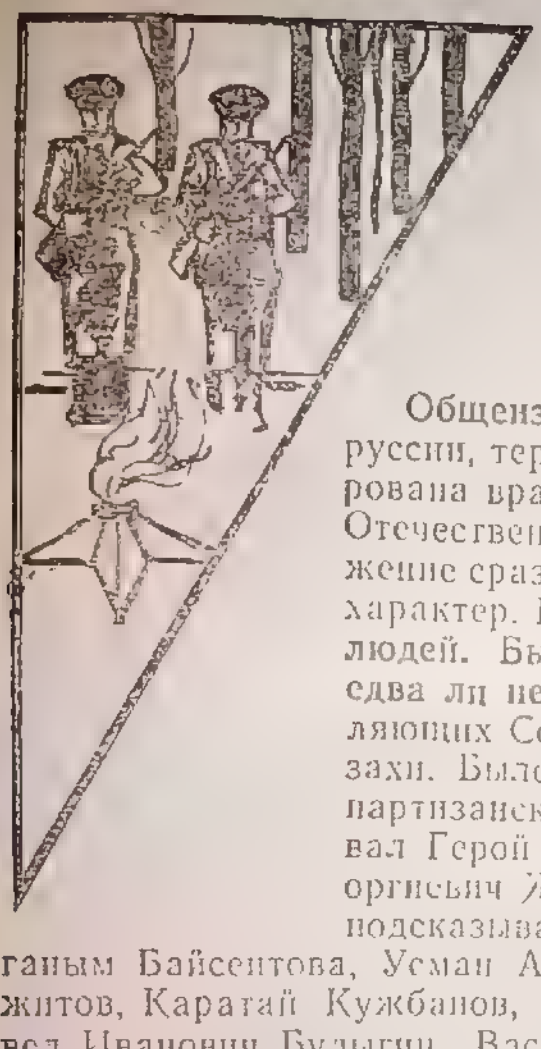
Так воевали на белорусской земле Григорий Алексеевич Гнидин и его друзья. И пришли к земляку нашему высокие правительственные награды: ордена Красного Знамени, Красной Звезды, медаль «Партизану Отечественной

войны» первой степени И 12 благодарностей от командования бригады. Четыре раза был он ранен, но неизменно возвращался в строй.

После соединения с частями Советской Армии партизанская бригада имени Куйбышева пришла в Минск, где участвовала в параде партизан. Затем многие чапаевцы, в том числе Г. Гиндин, были направлены на восстановительные работы в город Борисов А в январе 1945 года Григорий снова был в действующей армии.

В декабре 1945 года его демобилизовали. Вернулся в Самарский район, в село Раздольное. Затем переехал в Зыряновск, где работал в тресте Зырянозекстрой товароведом, затем директором бетонного завода. В 1964 году вновь потянуло в деревню. Вернулся в село Раздольное и до 1971 года служил во вневедомственной охране. Потом ушел на заслуженный отдых.

Но не порывал Григорий Алексеевич связей со своими боевыми товарищами. До конца жизни обменивался письмами с бывшим командиром первой роты Иваном Васильевичем Маниным, с разведчиком Федором Лаврентьевичем Байковым, своим адъютантом Николаем Михайловичем Поповым, партизанами — Романом Никифоровичем Мартыновым, Федором Захаровичем Новиковым и другими.



МИХАИЛ ПОТЕМКИН

КАЗАХСТАНЦЫ— ПАРТИЗАНЫ БЕЛОРУССИИ

Общеизвестно, что в Советской Белоруссии, территория которой была оккупирована врагом в первые месяцы Великой Отечественной войны, партизанское движение сразу же приобрело общенародный характер. В нем участвовали сотни тысяч людей. Были в их числе представители едва ли не всех национальностей, населяющих Советский Союз, в том числе казахи. Было немало казахстанцев и в 8-й партизанской бригаде, которой командовал Герой Советского Союза Сергей Георгиевич Жунин. Назову имена, которые подсказывает память: Аким Айсаев, Нурганым Байсентова, Усман Акылбеков, Мусульманбек Мажитов, Каратай Кужбанов, Николай Павлович Юрин, Павел Иванович Булыгин, Василий Владимирович Коротков, Петр Александрович Белкин, Михаил Петрович Червиченко, Алексей Яковлевич Вощенко, Яков Михайлович Колесников, Алексей Николаевич Лукьяненко, Григорий Андреевич Стыцина, Захар Михайлович Архипов, Иван Яковлевич Столяров, Иван Иванович Доморад, Андрей Степанович Отраднов, Леонид Митрофанович Стаценко, Лидия Федоровна Яковлева.

Бригада С. Г. Жунина действовала в Могилевской и Минской областях, северной части Витебской области, а затем совершила 500-километровый рейд в Брестскую область. Труден был этот путь по глубоким тылам противника, как и трудно доставалась победа над коварным врагом. Достойно и доблестно прошли славный боевой путь этого соединения и казахстанцы. О них и пойдет речь в данном очерке.

...Лесной массив тянулся на много километров. На пути встречались населенные пункты, но заходить в них ни

Аким Айсаев, ни Николай Стриков не решались. А лесным проселкам, казалось, не было конца. Силы покидали ребят. Вот они ступили на просеку. Стройные сосны приглядались друг к другу вершинами, будто перешептываясь между собой. Густые ели сплелись в единый шатер. Местами росли молодые березки, покачивали седыми головами дубы. Прислонился устало Аким к лесному великану, кружилась голова. Николай поддержал друга, но и он едва держался на ногах. Оба присели на толстые корни дуба. Пребывание в гитлеровском лагере для военнопленных в городе Борисове до предела истощило их. Вот уже четвертые сутки, как они сбежали оттуда, и ищут встречи с партизанами. А их нет и нет.

Уже вечерело, когда вдруг послышался голос:

— Вы кто такие?

— Наконец-то мы вас нашли!— первым вскочил Аким.

Друзей под конвоем проводили в землянку, обыскали и усадили по углам.

Утром с новым пополнением беседовал сам командир небольшой группы народных мстителей Сергей Жунин.

Аким Шакирович Айсаев подробно рассказал о себе. Все, без утайки. Ведь отныне ему с новыми товарищами вместе воевать. Родился и вырос в Казахстане, в предгорьях Заилийского Алатау, по национальности уйгур. Бегал в школу, учился в педагогическом техникуме, а затем работал инспектором отдела народного образования в Келесском районе Южно-Казахстанской области, преподавал историю в Капланбекской средней школе.

Подошло время призыва в Красную Армию. Заехал Аким на пару дней в родной аул Чарык Уйгурского района Алма-Атинской области, попрощался со знакомыми и родственниками и отправился к месту службы — пограничную заставу на западной границе Здесь его и застала война. В четыре часа утра грянули первые выстрелы. Дрогнула земля. Но ни один боец из пограничного 88-го отряда не ушел с поста. Продержались до десяти часов утра. Отделение пулеметчиков, которым командовал Айсаев, отражало одну атаку за другой. До последнего патрона. До последнего бойца... Тяжелораненого Айсаева гитлеровцы бросили в Борисовский лагерь смерти. Но он выжил. И вот он здесь. Готов сражаться за Советскую Родину до победы.

— А это зависит от всех нас,— сказал Жунин.— Я, дорогой товарищ, тоже встретил войну в первый же день. Был интендантом 3-го ранга, как и ты, воевал до последнего

патрона. Не удалось нам вот с Тихоном Ковецким вырваться из окружения и решили воевать по-партизански. Как видишь, нас уже около двадцати человек...

В апреле 1942 года из Борисовского лагеря вырвались и набрели на отряд Сергея Георгиевича боевые друзья Акима — Игорь Александров, Петр Редин, Владимир Егоров, Иван Никодимов и земляки-казахстанцы — Николай Юрин и Павел Булыгин. Все новые бойцы примкнули к отряду, который стал известен в округе как «отряд Сергея».

Аким Айсаев и Александр Терновский стали смелыми и неуловимыми разведчиками. Они пробирались в самые опасные места, налаживали связь с другими партизанскими группами и местным населением. Акима стали называть Микой Черным, а Александра — Сашкой Великим (за высокий рост). Это они первыми встретили советский десант, заброшенный сюда для организации диверсий в тылу врага. Это они встретили в лесу семнадцатилетнего Леню Лукашевича, который впоследствии был удостоен звания Героя Советского Союза. Мика и Саша были лучшими помощниками командира отряда Сергея Жупина.

Наступил Первомай 1942 года. Решили отметить этот день диверсией на железной дороге. Выполнение этой задачи командир отряда поручил Акиму.

Операция была намечена на перегоне Славное — Толочин. Аким Айсаев и Игорь Александров благополучно добрались к путям. Мину заложили, когда услышали шум приближающегося эшелона. Раздался мощный взрыв. Партизаны открыли по уцелевшим фашистам огонь из всех видов оружия. Смело вели себя Николай Юрин, Павел Булыгин, Петр Белкин, Петр Лапо, Леня Лукашевич, Николай Стриков. И, как всегда, впереди Аким и Игорь, Семен Доманьков и Александр Терновский. В честь Первомая партизаны уничтожили около двухсот гитлеровских солдат и офицеров, следовавших на восточный фронт, но так и не попавших к месту назначения...

Взрывы на железной дороге участились, а ряды лесных хозяев с каждым днем пополнялись. В отряд шли целыми семьями. Детальная проверка пополнения поручалась Мике Черному. Бывший пограничник умел отличать настоящих патриотов Родины от предателей.

15 июня 1942 года отряд Сергея расположился на опушке леса вблизи железной дороги вместе с партизанской группой Дмитрия Куликова. Аким Айсаев, Игорь Александров, Леня Лукашевич и Александр Терновский замиров

вали полотно в двух местах. Кроме того, партизаны изготовили и недавно приобретенные орудия: две 45-миллиметровые пушки, два ротных миномета, а также пять ручных пулеметов. Вскоре показался вошский эшелон. В нем было десять вагонов с живой силой и несколько платформ, груженных военной техникой.

Взрыв прогремел под паровозом. Из покореженных вагонов стали выскакивать гитлеровцы.

— Огонь!— дает команду Сергей Жунин.

Умело действуют артиллерийские расчеты Ильи Бежова и Порфирия Токарева. И снова отличились Аким Айсаев, его друзья и земляки.

Смело сражались они и в славном семичасовом бою под Каскевичами, где 197 фашистских головорезов нашли себе могилу. Народные мстители потеряли двух своих героев — Алексея Неведомского и Якова Лапо. Впервые партизанам пришлось выдержать такой первый открытый бой.

В июле 1942 года отряд Жунина был преобразован в бригаду. Отряды возглавили Дмитрий Куликов, Георгий Мисник, Александр Барановский и Антон Мацицкий. А Акиму Айсаеву было поручено организовывать новый отряд на базе группы партизан из Толочинского района. Он назывался 30-м. Командиром этой боевой единицы стал впоследствии Антон Мацицкий, а уполномоченным особого отдела — Аким Айсаев.

Вместе с начальником особого отдела бригады Дмитрием Чичиным Мика Черный подготовил такие серьезные операции, как разгром охраны на станции Славное, а также Денисковичского, Шепелевичского, Мартьяновичского Шевернического, Дубовского и других хорошо укрепленных вражеских гарнизонов. В результате трехчасового боя на станции Славное были уничтожены два вошских эшелона, 98 вагонов, четыре паровоза, шесть складов с боеприпасами и оружием, три казармы, водокачка, вокзал, выведены из строя стрелки, семафоры, уничтожено 118 вражеских солдат и офицеров. В этой операции особое мужество проявили казахстанцы Николай Павлович Юрин, Пагел Иванович Булыгин, Василий Владимирович Коротков и Петр Александрович Белкин.

Айсаев в то же время показал себя настоящим чекистом. Он обезвредил десятки агентов, засылавшихся гитлеровским командованием в партизанскую бригаду. Он организовал диверсионную школу в Борисове, где изменники обучались приемам шпионажа и диверсий.

В середине лета фашисты стали укреплять гарнизон в Денисовичах, нацеленный против партизан. Айсаев лично с двумя партизанами изучал подступы к этому гарнизону, его укрепления и огневые точки. Возвращаясь в лагерь, разведчики остановились на отдых в деревне Заболоть. Вдруг сюда прикатила автомашина со взводом полицаев. Партизаны решили принять бой.

Но боя не было. Как только машина остановилась у обочины, здоровенный детина, сидевший в кабине, поднял кулак и басом крикнул в открытую дверцу:

— Поклон всем вашим передайте...

Тут же полицаи укатили. Деревенские мужики и трое партизанских разведчиков в недоумении смотрели вслед уходящей машине. Мика бросил окурок и, обращаясь к Егору Ковригину, сказал:

— Что за оказия? Ведь никто не поверит, что мы встретились с полицаями и разошлись без выстрела..

Выяснилось, что поклон партизанам передал... сам начальник полиции Денисовичского гарнизона Михаил Соколов по кличке Медведь. Не терпелось узнать, что кроется за этим: попытка обмануть партизан или желание сотрудничать с нами. Выяснить это поручили смелой разведчице Шуре Скворцовой.

На рассвете, взяв кошелку с яйцами и глиняный горшок с медом, Шура отправилась в Денисовичи. Вскоре она донесла, что с Соколовым есть смысл побеседовать. Нацепив на рукав полицейскую повязку, отправился к Соколову сам начальник особого отдела.

Его на входе в деревню окликнул полицай:

— Стой! Откуда?

— Из Круглого,— спокойно ответил Мика.— Хочу договориться с начальником вашей полиции о проведении совместной операции против партизан бригады Жукина. Уж больно много их развелось...

— Не говори, браток,— ответил полицейский,— житья от них нет. Немцы боятся сунуть нос в лес, все нас посылают... А ты, браток, не похож на полицейского.

— Я из национальной народной армии,— пояснил Аким.— Нас целый полк в Круглом...

Начальник полиции Соколов уже в который раз переспросил:

— Значит, из Круглого?

— Будем откровенны,— спокойно сказал Айсаев.— Вот граната. Она не сулит ничего хорошего нам обоим.

— Я не из пугливых. А к партизанам давно собираюсь перейти. Ведь я бывший офицер Красной Армии. Попал в окружение под Москвой...

30-й и 8-й партизанские отряды сосредоточились вблизи Денисовичей. На последнюю встречу с Медведем пошли Антон Машицкий, Аким Айсаев Михаил Жебуртович, Василий Лесун и Александра Скворцова. Дорогой Шура еще раз рассказала о своих встречах с начальником полиции.

— Ты, Шура, молодец! После войны женюсь на тебе. Пойдешь за Мику Черного?

— Не шути, Мика, не женишься ты на русской. У вас другие обычаи,— рассмеялась Скворцова и потрепала Акима за чуб.

На краю Заболотского леса партизаны залегли. Показались полицейские. Партизаны обменялись с ними обусловленным заранее паролем и отзывом. Беспокоило лишь то, что Медведь пришел не один.

— Нарушили уговор,— заметил Машицкий.

— Прошу прощения,— ответил Соколов.— От ребят отбоя не было. Всем хотелось своими глазами посмотреть на партизан...

Вместе с Соколовым детально разработали план разгрома Денисовичского гарнизона, состоявшего из 70 гитлеровцев и почти стольких же полицейских.

— Часть самых ярых предателей Родины я уничтожу сам,— сказал Медведь.— На посту в эту ночь будут мои люди.

В ночь на 20 сентября 1942 года Денисовичский гарнизон пал. Мало кому из гитлеровцев и их прихвостней удалось спастись. Михаил Андреевич Соколов оказался смелым и преданным делу партизаном. Впоследствии он стал командиром 8-го партизанского отряда бригады Жунина.

...Не было такой операции, где не принимали бы участия казахстанцы Аким Айсаев, Николай Юрин, Павел Бустия, Василий Коротков и другие. Аким к тому же считался опытным подрывником. Несколько вражеских эшелонов он пустил под откос вместе с Игорем Александровым, Леонидом Лукашевичем, Иваном Карташовым.

Гитлеровское командование решило покончить с бригадой Жунина и двинуло против нее, силы карателей, которые вчетверо превосходили партизанскую бригаду. Каждый день партизаны отражали атаки врага.

Аким Айсаев зашел в штаб бригады. Здесь он увидел

вооруженных автоматами радисток Нургаким Байсеитову и Алису Зубкову. Рация бездействовала — не было питания. А ведь девушки отлично знали свое дело. Они всегда улавливали в разноголосице эфира позывные Большой земли. Каждый вечер партизаны читали сводки Совинформбюро и сердечно благодарили девушек. Но уже не первый раз Байсеитова и Зубкова покидали рацию и брались за автоматы.

— Значит, сегодня не будет сводки? — спросил Айсаев.

Радистки помолчали. А Нургаким набросилась на парня:

— Как земляка спрашиваю, будет питание к рации или нет?

— Где его достанешь сейчас,— пытался успокоить радистку Мика Черный.

— Он хорошо знал, что Нургаким закончила в Москве радиошколу и вместе с Зубковой прыгала в расположение бригады с самолета. Это она радировала в Москву о мужестве Леньки Лукашевича, который имел на своем счету 11 спущенных под откос вражеских эшелонов. Во время одной из операций он, чтобы не сдаться живым, подорвал себя противотанковой гранатой. Звание Героя Советского Союза ему присвоили посмертно.

Знал Айсаев, что несколько дней назад, когда рация еще работала, была получена радиограмма, содержание которой знали только Байсеитова да комбриг Жунин.

Между тем бой продолжался. Начался прорыв блокады. Бой шел не на жизнь, а на смерть.

...Утром 5 декабря 1943 года перед строем бригады было объявлено содержание полученного из Москвы распоряжения ЦК Компартии Белоруссии и Штаба партизанского движения: четырем отрядам во главе с Сергеем Георгиевичем Жуниным приказано преодолеть 500-километровый путь и остановиться в Брестской области, где действовать до полного освобождения Белоруссии от немецко-фашистских захватчиков. А Аким со своим 30-м партизанским отрядом остается на месте, где имя Мики Черного известно всем как символ победы. На запад уходят земляки Акима: Николай Юрин, Павел Булыгин, Петр Белкин, Василий Коротков, Михаил Чернышенко, Алексей Вощенко, Яков Колесников, Каратай Кужбанов, Мусульманбек Мажитов, Уман Акылбеков, Иван Домород, Андрей Отраднов и другие.

...Февраль 1944 года. Брестская земля. Счет боевым операциям открывает Алексей Вощенко. С Роданским и Барановским он устраивает засаду на дороге Пинск — Брест. Разбита легковая автомашина, в которой ехало два немецких старших офицера. Взяты ценные документы.

Затем была выведена из строя узкоколейная железная дорога Поречье — Святая Воля. В этой операции отличились Червиченко, Вощенко, Архипов, Андреев, Стыцина, Колесников, Луценко. Во время разгрома Телехановского гарнизона, в боях возле Краглевич, Логишино и других укрепленных фашистами населенных пунктов мужественно сражались Эсман Акилбеков, Мусульманбек Мажитов, Каратай Кужбанов.

4 мая 1944 года в 10 часов утра 36-й отряд занял оборону на дороге Озаричи — Краглевичи. Ему в помощь были приданы несколько взводов 12-го, 15-го и 40-го отрядов. Вскоре показалась колонна фашистов, человек около двухсот. Меткие выстрелы Маркежа, Колодкина, Пожарицкого, Юрина, Булыгина уложили шедших впереди вражеских разведчиков. Теперь огонь перенесли в центр колонны. Фашисты бросились назад, но партизаны преследовали их. Часть гитлеровцев скрылась в сарае, стоявшем недалеко от дороги, и открыла огонь. Степан Колодкин и Дорофей Бутенко подползли вплотную к убежищу и забросали его гранатами.

Бой затих. Но не надолго. На партизан обрушили пулеметный огонь каратели, засевшие под мостом. Фролов, Кирпичов, Хороходин под командой Семена Демиденко и Павла Пяткова поползли туда. Остается 20—30 метров. Но сражены пулями Чаленко, Садовский, Анохин и Парчиков. К ним подползает фельдшер Касперский, но вот и он падает, неловко охватив свою медицинскую сумку... Фролов, Юрин и Булыгин вскочили на мост и гранатами навек утихомирили оставшихся фашистов.

Бой длился два часа. На поле валялось 62 убитых фашиста, среди которых 10 офицеров, другие оказались в плену. Партизаны захватили много винтовок, автоматов, несколько пулеметов, пишущую машинку, восемь подвод с продовольствием и обмундированием, 15 лошадей, большое количество боеприпасов.

В этом бою смертью героев пали девять партизан. Близ деревни Святая Воля вырыли братскую могилу. В скорбном молчании боевые друзья проводили в последний путь командира взвода Семена Петровича Демиденко,

командиров отделений Павла Зиновьевича Пяткова, Василия Николаевича Карпачева, Петра Викторовича Хороходина, фельдшера Евгения Андреевича Касперского, рядовых Василия Архиповича Парчикова, Дмитрия Петровича Анохина, Егора Макаровича Садовского, Федора Антоновича Чаленко. Раздались прощальные выстрелы...

Снова бои у Косова и Иванцевич, Чемелова и Березы-Картузской, Добромысок и Доманово. С отвагой и мужеством проводят эти операции М. Дронов, Н. Кекешев, М. Санников, М. Мажитов, К. Кужбанов, У. Акылбеков, М. Кузманов, Ходов, Зыков, Ширяев, Якуш и другие. Раздаются взрывы на железной дороге, и летят под откос вражеские эшелоны. А в ночь с 19 на 20 июня 1944 года была объявлена «рельсовая война». В ней также отличились казахстанцы, действовавшие в составе 12-го, 15-го и 40-го отрядов. За одну ночь было уничтожено 758 рельсовых звеньев и около трех километров телеграфной связи.

...Между тем Аким Айсаев продолжал действовать на старом месте — на территории Крупского района Минской области.

Однажды Мика вместе с подрывной группой поставил мину под наклонившийся телефонный столб. Утром немецкие связисты стали налаживать линию связи Соколовичи — Ухвада. Раздался взрыв. Пять гитлеровцев остались лежать мертвыми. Несколько дней фашисты боялись браться за ремонт линии связи. А в это время Айсаев готовил очередную операцию.

Несмотря на частые нападения партизан на узкоколейку Денисовичи — Бобр, гитлеровцы продолжали здесь лесозаготовки. Сгоняли крестьян из ближайших деревень и заставляли пилить стройные сосны и ели и оттаскивать бревна к узкоколейке. Лес отправлялся в Германию. Конечно, лесоразработки усиленно охранялись фашистами. При этом один офицер похаживал с кнутом в руке и грозно покрикивал на дедов и подростков, которые и составляли основную силу лесорубов.

Аким несколько раз пробирался к этому месту и все видел и запоминал: размещение постов, пулеметных точек... Сердце сжималось от ненависти к врагам. Но как сделать, чтобы под пули партизан не попали старики и ребятишки?

Рано утром 27 февраля 1944 года Аким Айсаев с роетой партизан и группой разведчиков прибыл к месту опе-

рации. Оставив одно отделение, он остальных партизан расположил на опушке леса лицом к узкоколейке. Через полчаса появились на телегах мужики из Шинков, Заболотья, Денисович, Соколович, Скаковки и других деревень.

— Поворачивайте обратно!— скомандовал им Мика.

Крестьяне испугались и стали просить партизан уйти, пока не прибыла охрана.

— Погубите и себя и нас,— ворчали деды,— уходите...

Но Аким стоял на своем.

Томительно тянулись минуты ожидания. Наконец послышался протяжный гудок «кукушки». Все отчетливее доносился стук колес маленького паровозика. И вот поезд замедлил ход. Гитлеровцы во весь рост стояли на платформах и громко разговаривали.

— По фашистам — огонь!

Заметались охранники, перескакивали с платформы на платформу. Несколько солдат залегли под паровозом. Айсаев бросился туда. И вдруг почувствовал, что левая рука повисла и не хочет подчиняться. Но ничего — можно строчить и одной правой...

Более пятидесяти трупов валялись у разбитой «кукушки» и платформ. Крестьяне разъехались по домам. У них есть оправдание перед оккупантами: мол, партизан испугались.

Весна 1944 года. Свободна Советская Белоруссия. Снова Аким Шакирович Айсаев стал воином регулярной армии. Он ведет бой за ту заставу, на которой встретил войну. Но здесь настигло его новое ранение. Самое тяжелое — воин лишился обеих ног.

Но снова стал трудиться мужественный человек и коммунист — учителем средней школы. Запомнила «Мику Черного» Белоруссия. Часто приезжал сюда бывший партизан и пограничник, чтобы посетить могилы погибших друзей: Леньки Лукашевича и Игоря Александрова, Дмитрия Чигина и Алексея Симоновича, Георгия Ковриги и Виктора Жебуртовича.

Вернулись к мирному труду и другие партизаны-казахстанцы. Стала учительницей Нургаым Байсеитова-Имангалиева. Много лет работала в паровозном депо ее подруга смелая партизанка Лидия Федоровна Яковлева... Многих друзей уже нет теперь...

СОДЕРЖАНИЕ

ЕДЫГЕНОВ Нури.	Предисловие	
ЕГОРОВ Алексей.	Через все испытания	5
ФЕДОРОВ А. Ф.	Слово о боевом друге	23
НЕЧАЙ Петр.	«Звезда Егорова»	49
ПРУДНИКОВ Михаил.	Из бригады «Неуловимые»	—
ШАРИПОВ Адий.	Их подвиги бессмертны	60
КАЙСЕНОВ Касым.	Ой, Днипро, Днипро!	95
ШАРУДА Василий.	Железняковцы	108
ЖАНГЕЛЬДИН Токтагали.	На Березине	113
МОРОГОВ Николай.	Вадинский партизанский край	153
СЫДЫКОВ Нурум.	Когда приходят письма	171
ИСАБАЕВ Калмухан.	«Как живется тебе, брат мой?»	207
НОВИКОВ Павел.	Лесными тропами	219
ДАКЕРОВ Болат.	Партизанская быль	231
КУЗНЕЦОВ Владимир.	В партизанской эскадрилье	279
ЛЕКЕРОВ Аскар.	Рассказ о друге	285
ПОТАПОВ Андрей.	Родом из Прииртышья	292
ПОТЕМКИН Михаил.	Казахстанцы — партизаны Белоруссии	302
		310

ШЛА ВОЙНА НАРОДНАЯ

Составитель
Швыдко Зоя Александровна

Редакторы *Н. Колточник, Т. В. Терехова*
Художник *Г. Н. Сидоров*
Художественный редактор *Г. М. Горелов*
Технический редактор *Л. И. Шашкова*
Корректор *С. М. Ашикбаева*

ИБ № 3465

Сдано в набор 12.02.85. Подписано в печать 19.04.85. УГ17182. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага тип. № 1. Гарнитура литературная. Высокая печать. Усл. печ. л. 16,8. Усл. кр.-отт. 17,22. Уч.-изд. л. 18,94. Тираж 48 000 экз. Заказ № 2053. Цена 1 р. 10 к.

Ордена Дружбы народов издательство «Казахстан» Государственного комитета Казахской ССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 480124, г. Алма-Ата, проспект Абая, 143.

Фабрика книги производственного объединения полиграфических предприятий «Кітап» Государственного комитета Казахской ССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 480124, г. Алма-Ата, пр. Гагарина, 93.